

Татьяна Устименко
Богами не рождаются

Текст предоставлен правообладателем. <http://www.litres.ru>
«Устименко Т. И. Богами не рождаются»: АЛЬФА-КНИГА; Москва; 2010
ISBN 978-5-9922-0558-9

Аннотация

Может ли человек стать богом? Может! А для этого нужно всего-то открыть другую планету и вернуться на Землю почти через тысячу лет после окончания ядерной войны. И обнаружить, что там – в герцогстве, отброшенном на уровень Средневековья, – тебя давно уже объявили официальной святой. Вот тогда и придется достать с полки пыльный том Писания, в котором ты фигурируешь на каждой странице, чтобы приняться за воплощение в жизнь сумбурных пророчеств и предсказаний. Поверь в свои силы – и ты сумеешь посетить Цитадель вампиров и усыпальницу Рыжих жриц, победить патриарха Ордена навигаторов, пробудить крылатых рыцарей Имлира и обрести дружбу великого кракена. Ибо твоя конечная цель – поиск транспортного корабля «Ковчег» и спасение остатков человечества. Но не вздумай при этом жаловаться на трудности! Потому что богами не рождаются...

Татьяна Устименко

Богами не рождаются

Любимому супругу Александру посвящая

Будах тихо проговорил:

– Тогда, Господи, сотри нас с лица земли и создай заново, более совершенными... или, еще лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой.

– Сердце мое полно жалости, – медленно сказал Румата. – Я не могу этого сделать.

А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом

Пролог

Мой корабль падал. Легкий одноместный челнок «Шмель» вошел в смертельный штопор, стремительно приближаясь к белой линии облаков, плывущих невысоко над землей. Я почти мгновенно опустилась до уровня атмосферы, оставив вверенную мне эскадрилью где-то выше, в холодной черноте открытого космоса. Нет, ну надо же было так опростоволоситься и прозевать залп бокового орудия противника! Датчики на панели управления испуганно мигали, сигнализируя о порыве одной из цепей питания и почти полном отказе правого двигателя. «Значит, все-таки зацепили! – Я упрямо сжала зубы, поигрывая желваками. – А ведь инструктировали же дуру, предупреждали – не увлекаться, близко к врагу не подходить, ведомые челноки не покидать!» Пронзительно запищал сигнал тревоги. «Катапультироваться не удастся, электроника повреждена, систему аварийного сброса заклинило! Что же со мной станет? Я разобьюсь, умру?» Ощувив надвигающуюся гибель, я содрогнулась всем телом.

Можно ли, будучи молодым и здоровым, понять – что такое смерть? Вряд ли... Умереть, а значит – не двигаться, не видеть, не слышать, не обонять, не осязать. Немыслимо, непредставимо! А ведь рано или поздно такое случается с каждым из нас. Включив на полную катушку здравый смысл, сугубо теоретически факт смерти обосновывали еще задолго до меня. Но пережить его на практике, хотя бы мысленно?.. Пережить смерть... Абсурд! Преуспеть в подобном ментальном изыскании нам не помогли даже спиритические сеансы, фанатично практикуемые экзальтированными первокурсниками. Случались, конечно, и более результативные попытки: русская рулетка, несчастная любовь, пьяные драки в баре «Звездный скиталец», передозировка экзотических наркотиков... Обидно одно – удачливые экспериментаторы, сумевшие на собственной шкуре испытать все прелести перехода в посмертное состояние, к сожалению, уже никому не смогли передать своего личного опыта, приобретенного по столь баснословной цене.

Перегрузка вдавливала меня в спинку кресла, ремни врезались в плечи, подшлемник прилип к вспотевшим вискам. Вспомнив излюбленный детский прием избавления от навязчивых кошмаров, я старательно зажмурила глаза, в глубине души надеясь, что сейчас случится чудо, появится добрый Боженька и великодушно спасет глупую выпускницу Высшей навигаторской школы. Но ничего подобного не происходило. Аварийный свет мониторов проникал даже сквозь плотно сжатые веки, невольно привлекая мое внимание. Я осторожно приоткрыла один глаз, заинтересовавшись показаниями электронной карты. Нет, это просто в голове не укладывается! Яркие вспышки ядерных взрывов расцвели на месте Нью-Йорка, Лондона, Парижа, Москвы... Они там что, все с ума посходили? Добрый Боженька, ну где же ты? Ты посмотри, что вокруг творится – это же война, новая мировая война!

Земля приближалась. Такая родная, но уже отнюдь не ласковая и не гостеприимная. Я вновь изо всех сил зажмурилась, молясь и ожидая неминуемого удара...

– Ника, ты что, совсем сдурела? – Курсант Феникс резко сдернул шлем с моей головы. – Шесть часов на виртуальном симуляторе полетов! Так и сдвиг по фазе заработать недолго!

Я медленно разлепила мокрые от слез и пота ресницы, начиная осознавать окружающую реальность и саму себя, занимавшую одну из учебных компьютерных кабинок в классе стратегии воздушного боя.

– Пойдем в столовую, валькирия! – Друг потянул меня за руку, насмешливо улыбаясь. – Что, много вражеских кораблей сегодня сбила? Хотя знаешь, высший пилотаж – еще не повод опаздывать на ужин. Как говорится, война войной, а жратва – по расписанию!

Я позволила Фениксу вывести меня из класса, мучительно вспоминая – что же это такое непривычное я делала за минуту до смерти? Кажется, молилась? Да ну, маловероятно. Я ведь ни в Бога, ни в черта отродясь не верила...

Часть первая Прибытие

Глава 1

Я плаваю... Плавают мое тело в криогенной камере¹, плавают вокруг лица рыжие пряди распущенных волос, плавают показания приборов звездолета «Ника», плавают мысли, плавают чувства. А что, простите, я еще могу сделать за эти сто с лишним лет? Даже «Ника» с ее давно заданным еще на Земле курсом и то не очень-то во мне нуждается. Вот и остается мне только одно – плавать, терпеть, изнывать от скуки и вновь плавать до одурения, испытывая тихую зависть к мирно спящему – нет, скорее, дрыхнущему – экипажу.

Поворачиваю голову влево. Криогель гасит мои привычно порывистые движения, и поворот головы получается очень долгим, плавающим...

«Брр, до чего же я ненавижу это жутко надоевшее слово «плавать»! – свербит в мозгах. – Все долгие двести сорок шесть лет пути ненавижу. Сто двадцать три года вперед и сто двадцать три года обратно».

Слева в соседней ячейке спит Нея.

Счастливая, спит.

В мою душу закрадывается чувство нежной приязни к подруге, а уголки губ сами собой безудержно ползут вверх.

Вот уж про кого точно не скажешь «дрыхнет» – так это про Нею. Спит! Милая такая, как киска. Маленькая, хорошенькая, с аккуратной стрижечкой. Очень даже деликатно спит. Не то что наш первый пилот Змей. Тот вообще, кажется, способен отключаться в любой позе и положении: стоя, сидя, лежа и на ходу. В криокамере же развалился совершенно непринужденно, будто на любимом диване. А у Неи, между прочим, голова чуть-чуть обращена в сторону капсулы Дракона. Впрочем, ничего удивительного в том нет – у него тоже заметное отклонение в ее, симпатично-девичью сторону наблюдается. Я вздыхаю завистливо. Эх, лямур, лямур... Опять вздыхаю. Им-то хорошо, они спят! Вот посмотришь на лица друзей – и сразу становится понятно, что кому из них снится. Дине – наверняка пробирки в ее ненаглядном медотсеке да спрятанный в ящике стола томик прозы великого японца Дзюньитиро Танидзакэ. Змею – штурманское кресло и мониторы в навигационной рубке «Ники», Айму – аналитические таблицы и зубодробительно правильные математические выкладки. Крису (уменьшительное от Кристина) – стерильный вет-биосектор. А-а-а, как они с Диной на Нимфее-6 за мной по всему кораблю гонялись, отлавливая на предмет лечения, когда я в метановом море зуб мудрости застудила! Это, если придраться, можно подвести под статью покушения на неприкосновенную особу командира!

---

¹ Криогенная камера – устройство со сверхнизкой температурой, вызывающей резкое замедление всех жизненных функций организма и тем самым тормозящей процесс старения. – *Здесь и далее примеч. авт.*

Я смеюсь над собственными воспоминаниями, но в криогеле нормального смеха не получается. Только забавное «буль, буль» – и веер красивых пузырей. Да и пусть! Все равно никто меня не видит и не слышит – все спят. Конечно, кроме нас с «Никой». Эх, жизнь моя, жестянка, да ну ее в болото... Криогелевое...

– «Ника»?

И она тут же отвечает приятным женским голосом – моим же голосом:

– Слушаю вас, капитан!

– «Ника», подскажи – сколько нам еще тут плавать осталось?

– Согласно моим данным, до посадки на Землю-1 осталось сорок семь дней.

Я демонстративно зеваю:

– Поспать бы минут шестьсот, а?..

Но слышу в ответ свои же ехидные интонации:

– Никак нельзя, не положено!

Вот черт, так и с ума сойти недолго или шизофрению заработать – двести сорок шесть лет соревноваться в остроумии с самой собой! Причем если учесть, что логика у «Ники» железная во всех отношениях, то сразу ясно становится – кто кому в наших спорах чаще всего проигрывает.

– «Ника», ну давай хоть в шахматы, что ли?

– Есть, командир. Вроде бы счет у нас после прошлой партии – сто девяносто восемь на сто тридцать два не в вашу пользу?

Тьфу ты черт! И тут она меня уела!

– Зато вы – «Ника-1», а я всего лишь «Ника-2»! – на полном серьезе утешает меня мой кибернетический двойник. Тоже мне нашлась утешительница!

– Ничего, – тайком бубню я себе под нос, – через сорок семь дней я-то пойду ножками по травке, а ты, дорогая моя язва, отправишься в утиль...

Его высокопреосвященство Кардинал очень любил эти спокойные послеобеденные часы, потому что именно после окончания дневной трапезы все обязательные церемонии заканчивались и монастырь ненадолго затихал. До самой вечерней службы. Длинные тени от священных платанов причудливо скрещивались на каменных плитах внутренней террасы, в мраморных галереях царили прохлада и нега, а старичок-привратник, заснувший в нарушение всех монастырских уставов, смешно клевал носом в своем плетеном кресле, установленном возле калитки. На заднем дворе юные послушники привычно вытаскивали из колодца ведра с водой для вечернего омовения. Иногда один из них забывался и повышал голос, и тогда все остальные дружно шикали: «Тихо ты, олух. Разве забыл – его высокопреосвященство отдыхает!» Кардинал улыбнулся и задумчиво поболтал в бокале капли драгоценного розового вина. Слава святой Нике, в такие часы отдыхал не только он – отдыхал весь монастырь. Право же, совсем не дураками были эти Древние, придумавшие волшебное слово – «сиеста»!²

«Э-хе-хе, труды наши праведные», – вздохнул Кардинал, неохотно поднялся с нагретого места и подошел к открытому окну.

Монастырь стоял на вершине холма, возвышающегося над городом, поэтому вид из окна открывался самый что ни на есть великолепный. При закрытых окнах, если смотреть через золотистые витражи оконных рам, белые здания гордой столицы – Никополиса – казались именно того, благородного медно-рыжего цвета, которым, согласно старинной легенде, отливали локоны святой Ники. Мечта и мучение всех придворных дам... Кардинал иронично хмыкнул. Накануне девятьсот шестнадцатой годовщины восшествия святой Ники на небо рыжей краски, изготавливаемой из редчайшей, привозимой из далеких южных провинций и поэтому невообразимо дорогой хны, было не достать даже у контрабандистов.

---

² С и е с т а – послеобеденный отдых.

Благородные придворные дамы скупали все и за любую цену. И чем, скажите, должны красить послушники волосы статуи святой Ники в главном храме? А то ведь так может случиться, что на праздничной службе в монастыре сама святая Рыжая Ника останется наименее рыжей, чем все присутствующие знатные дамы.

Эта мысль показалась Кардиналу до того забавной, что он не удержался и ухмыльнулся с самым крамольным видом. Затем немного смутился, повернулся к маленькой бронзовой статуэтке Рыжей Ники, стоящей на столе в его кабинете, и выжидательно замер... А ну как святая обидится? Но на лице статуэтke играла не менее ехидная ухмылка.

М-да... Прелат покаянно крякнул и допил вино. Спаси и сохрани нас вся святая команда, но, согласно летописям Навигаторской школы, до отлета звездолета «Ника» сама Рыжая Ника считалась вовсе не такой уж и святой! Хотя, конечно, Кардинал не в полной мере понимал смысл слова «авантюристка», являющегося ключевым в школьных характеристиках хулиганистой астронавтки.

«Ничего, выпутаемся как-нибудь, не впервой!» – мысленно успокоил себя Кардинал. Надо бы попросить немного краски у Герцогини, которая непременно приедет на вечернюю службу и, по обыкновению, примется поливать благочестивыми слезами ноги статуи святой Ники, моля вразумить наследника Алехандро, день-деньской веселящегося с друзьями в самых задрипанных кабаках нижнего Никополиса. Хотя, – тут пастырь рассеянно запустил унизанную перстнями пятерню в свою холеную бородку, – на вчерашнем богослужении, когда Герцогиня благолепно склонила свою не покрытую мантилей голову, его острый глаз ясно рассмотрел непрокрашенные, плебейски-черные корни волос, проглядывающие среди сочной меди ее пышных кудрей. Значит, и в герцогском дворце накануне праздника краски в избытке не наблюдалось.

– Беда-а-а, – растерянно и достаточно громко, вслух протянул Кардинал, – а до праздника-то всего ничего осталось – каких-то сорок семь дней!

А во всем виноваты дерзкие простолюдины, нагло нарушающие суровые герцогские эдикты! Еще лет этак сто назад эдикты соблюдались неукоснительно, и только дамы дворянского происхождения имели законное право красить волосы в священный рыжий цвет. А теперь-то ведь невиданное и богохульное дело – в прошлом месяце на шествии и молебне во славу святой Ники с просьбой ниспослать дождь Кардинал своими глазами видел множество дочек разбогатевших торговцев, волосы которых отливали на солнце благородным медным оттенком. Хотя и тут людей понять, конечно, можно – рыжую дочку гораздо проще выдать замуж. Да, но краски-то от этого в лавках больше не становится...

Нет, так не годится! Его преосвященство решительно нахмурил брови. Нужно обязательно попросить Герцога издать указ, согласно которому краску продавали бы только по предъявлению дворянского жетона. Но это, безусловно, вопрос будущего, а сейчас, перед праздником, где бы краски-то добыть? Кардинал жалобно посмотрел на статуэтку Ники, и ему показалось, что бывшая выпускница Навигаторской школы улыбается совсем уж божественно высокомерно, не испытывая ни малейшего снисхождения к земным проблемам, обуревающим его замученное высокопреосвященство.

– Беда-а-а! – вновь, и еще более оторопело, протянул духовный пастырь.

И в сей же момент, словно в ответ на скорбные мысли Кардинала, дверь его личного кабинета распахнулась с ужасающим грохотом. Впервые за пятнадцать лет, с тех пор как его высокопреосвященство облачился в мантию священного золотистого цвета и стал во главе монастыря Рыжей Ники, обязательный послеобеденный отдых оказался нарушен столь вульгарно. Много чего случилось за эти пятнадцать лет – ведь, увы, жизнь столицы вовсе не протекала мирно и безоблачно. Внезапная кончина старшего сына Герцога виконта Николаса, регулярные природные катаклизмы, участвовавшие в последнее время бури на потухающем солнце, являющиеся причиной ужасающих болезней и постоянной убыли населения, нашествие дикарей с Востока и еще много чего... Но еще ни разу Кардинала не вырывали из неторопливых раздумий о судьбах церкви и государства подобным, настолько бесцеремонным образом!

Пастырь опешил, наступил на длинный подол мантии и чуть не разбил любимый стеклянный бокал. Да и нашлось, пожалуй, отчего растеряться даже его высокопреосвященству Кардиналу, славящемуся на оба герцогства своей невозмутимостью и выдержкой, ибо человеком, ворвавшимся в его кабинет с силой и неукротимостью урагана, оказался не кто иной, как девяностотрехлетний брат Франсиско, монастырский астролог. На памяти его высокопреосвященства так резво брат Франсиско последний раз бегал, наверно, лет пятьдесят назад, когда тогдашний Кардинал застал его в садовой беседке с одной молоденькой прихожанкой, причем в некоей пикантной позе, отнюдь не предполагавшей исповеди. А сейчас, глядя на запыхавшегося астролога, сжимавшего дрожащими руками какие-то свитки, Кардинал понял – сегодня случилось нечто совершенно неординарное. Нечто способное вывести из обычной ленивой расслабленности даже этого дряхлого, постоянно сонного, как сурок, старика. Но так как его преосвященство считал, что в любой ситуации самое страшное – вовсе не факты, а их неверная интерпретация или толкование, то он быстро вернул себе привычную собранность, в своей излюбленно-ироничной манере пытаясь шуткой разрядить создавшуюся, откровенно говоря, весьма необычную обстановку. Именно за непоколебимое самообладание и тонкое чувство юмора его так любили в стенах монастыря да безмерно уважали при лживом и двуличном герцогском дворе.

– Брат Франсиско, неужели святая Ника вняла нашим усердным молитвам и наконец-то совершила чудо, вернув вам резвость и молодость? – добродушно пошутил Кардинал.

Но, однако, услышав от пастыря подобную фривольную фразу, старик-астролог даже не улыбнулся, а, наоборот, возмущенно затряс лысой словно колено головой:

– Ваше высокопреосвященство, лишь вы с вашей непоколебимой силой духа способны так беззаботно острить в подобную драматическую минуту. А мне, поверьте, нынче совсем не до смеха.– И астролог вытащил из складок своего сильно заношенного балахона маленькую телескопическую трубу, являющуюся одной из главных тайн и святынь монастыря – вещь, оставшейся еще со времен Древних.– Извольте посмотреть сюда, ваше высокопреосвященство,– учтиво пригласил астролог, аккуратно устанавливая трубу на подоконнике.– Правда, сейчас не ночь, но в данном случае это уже не имеет никакого значения...

Кардинал заинтересованно принял к окуляру, но в следующую же секунду резко отшатнулся. Губы его перекошились, а взгляд, который он впери в старика-астролога, наверно, стал еще безумнее, чем у самого брата Франсиско в тот злополучный момент, когда он неосмотрительно ворвался в кабинет своего монастырского начальника.

– Ваше высокопреосвященство, конечно, помнит,– торжественно начал старый ученый, разворачивая принесенный с собой свиток,– что наблюдаемая нами звезда является не чем иным, как Обителью, куда, согласно преданию, святая Ника вознеслась девятьсот шестнадцать лет назад с семьей своими ангелами, преследуя благую цель – спасти людей от надвигающейся беды. Все это записано в дошедших до нас Хрониках Высшей навигаторской школы. После отбытия святой Ники начались Мертвые времена, продолжавшиеся четыреста пятьдесят лет. Об этом периоде нам почти ничего не известно, кроме того, что в те столетия на фоне ужасных природных катастроф жалкая горстка людей ставила перед собой единственную задачу – выжить и не измениться, а церковь – не допустить смуты в ослабевших умах и человеко-противных отклонений в телах. Все миновавшие годы Святая церковь и Орден навигаторов не переставали верить в возвращение Ники и ожидать сего чудесного события. Последние десять лет, наблюдая за Обителью, или как еще ее именуют Навигаторы... – помяная недобрым словом свой хронический склероз, брат Франсиско торопливо сверился со свитком,– планетой Нимфеей-6, я заметил, что со стороны звезды к нам движется большое светящееся тело...

– Она возвращается? – еле слышно прошептал Кардинал.

Астролог с выражением выполненного долга на лице сложил свиток:

– Да, ваше добродетельство, теперь это не подлежит ни малейшему сомнению!

Потрясенный Кардинал грузно рухнул в кресло:

– Брат Франсиско, вы сообщили Верховному Навигатору о свершении древнего пророчества?

– Нет, ваше преосвященство. Но я уверен – Орден знает об этом не меньше нашего. А при том принципиальном отчуждении, что существует между Орденем и церковью, не думаю, что они заинтересованы в обмене информацией...

– Что же теперь будет? – взволнованно шептал Кардинал, почти не слушая старика-астролога.

– Не ведаю, – растерянно развел руками брат Франсиско. – Очевидно – смута... А возможно, и иные, более страшные беды, если Ника попадет в руки Ордена...

– Несмотря на все церковные и орденские документы, я всегда предполагал, что легенда о Нике – всего лишь красивая сказка, призванная служить для утешения и надежды истстрадавшегося народа, всего лишь несбыточная вера в возможное спасение! – Кардинал даже не замечал, что он говорит вслух. – А в настоящий момент... Это подобно прозрению, озарению, чуду... – Кардинал рысцой подбежал к столу и жадно схватил в руки статуэтку Ники: – Так ты и правда существуешь?

Во взгляде и вопросе Кардинала читалось столько недоверия, что старик-астролог заинтересованно приставил ладонь к глуховатому уху, будто ожидая того, как статуя святой оживет и ответит своему верному слуге. Но губы бронзовой статуэтки по-прежнему оставались безмолвными. Лишь улыбка, запечатленная на них, выглядела еще более язвительной...

А я по-прежнему плаваю. Сжав зубы, набравшись терпения, подавив закипающий в душе ропот, ежечасно проверяя и контролируя показания приборов «Ники». Плаваю... А они – спят. Пускай спят, пока у них еще есть такая возможность. Я – их капитан, а следовательно, я за них отвечаю – перед людьми, судьбой, и в первую очередь – перед собственной совестью... Они – мои друзья, я с ними столько всего повидала. И ведь они всегда меня прикрывали, загораживали своими надежными спинами, оттесняли назад при малейшем намеке на опасность. Не выпускали меня первой ни на Нимфею-6, ни на Землю-2. Капитана своего не выпускали – это же просто верх нахальства! Всегда говорили, что их много, а я – одна. Что они всего лишь соблюдают положенную субординацию и слепо следуют предписанным инструкциям, ибо все члены экипажа – заменяемы, и только я способна неадекватно реагировать на любую внештатную ситуацию. Делать из логичного нелогичное и наоборот. Они утверждают, что без каждого из них экспедиция состоится и задание будет выполнено. А без меня – нет.

И ведь случались прецеденты... Я задумалась и принялась мысленно откровенничать с бортовым компьютером:

«Помню, как на Нимфее-6 мы сразу же после высадки попали в храм, на свадебную церемонию к местным спрутообразным, но притом чрезвычайно разумным негуманоидам, оскорбив тем самым их мерзкое божество и членов королевской династии. Да нас всех чуть не убили на месте! А я так и не успела понять, чего они там все стояли с мрачно надутыми лицами – нет, не лицами: рылами или, скорее, мордами, – ну и выдала пару анекдотов в качестве приветствия. Ведь юмор, как известно, – лучшее средство укрепления дружбы между народами! Однако мой биочип, как это выяснилось позднее, человеческую речь на их язык замечательно переводит. Со всеми нюансами и интонациями. И чувство юмора у нимфейцев ничем от нашего не отличается. Как они хлюпали там в храме... Мои ребята испугались поначалу, решили – все, нам хана, не получилось контакта. А это, оказалось, спрутообразные так смеются. И с богом их тоже забавная история получилась. Я-то ведь думала: они знают, что ласка – она и таракану приятна. А тут еще это божество жуткое, натурально гибрид кошки и таракана, лежит себе одиноко в сторонке – никому вроде бы не нужное и грустное... Честно говоря, гадость изрядная. Крися, хоть и спец по инопланетным формам жизни, потом призналась, что никогда раньше ничего подобного не видывала. Но не скажешь ведь хозяевам такое, если мы для них оказались гостями незванными и

непрощеными. Ну, я и вижу – лежит себе на подушечке домашнее животное. Я же не знала, что это бог. Я сказала: «Ой, какая кошечка хорошенькая!» Ну и погладила. Ласково так, ручкой... Исключительно для того, чтобы хозяевам приятно сделать, раз уж они такого уroda любят. Меня ведь не информировали, что он у них вот уже две тысячи лет как не размножается, да и вообще последний на планете остался. А они, бестолковые, не знали, что ему для размножения тепло нужно на определенные точки и массаж этих же точек. Кто же мог предположить, что я поглажу прямо по этим заржавевшим за две тысячи лет половым органам? У бога этого тараканистого, на мой взгляд, совершенно не разберешь, где рот, а где потерянные злополучные половые органы. Как, впрочем, и у самих хозяев – это я тебе по секрету говорю. И не хихикай, «Ника», нет у тебя никаких половых органов. Короче, размножаться это самое божество начало прямо тут же, в храме, во время свадьбы... Негуманоиды как это увидели... В общем, я там сейчас тоже божество – ладно, хоть меня размножаться не просят! Не хихикай, «Ника»! У тебя же, по идее, чувство юмора в программу не заложено. Что, говоришь, у меня тоже? Возможно, возможно! И вот еще парадокс: кто только потом этого кототаракана ни гладил – и Нея, и Дина, и Крися, – а у них-то руки куда нежнее, да и помягче моих будут, – ну не хочет божество размножаться. Вот хоть тресни! Девчонки даже обиделись на меня слегка, хотя впоследствии Айм пространно философствовал на тему, что это, мол, эффект от моих уникальных особенностей организма в сочетании со знаменитой командирской везучестью.

А на Земле-2 – вот ведь благодать-то где: не планета, а Эдем – рай, край обетованный. Нам оттуда даже улетать не хотелось. И там тоже свои неурядицы обнаружились. Знал бы покойный Шекспир, что действительно «нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте». А я же немного экстрасенс. Природный, натуральный. Одна такая в экипаже. Ладно, хоть все ребята носят глушилки от меня. А то думаешь, им приятно знать, что я слышу, как Дракон для Неи стихи любовные сочиняет, а Феникс по пути в галюн мысленно ругает себя за то, как фасолью с копченой колбасой злоупотребил за обедом? Причем быстро так ругает – гепард, наверно, так быстро не бегают. Тьфу, не ругается, вернее. М-да-а-а, кажется, плохо нам патентованные глушилки помогают.

Так вот, как только на Земле-2 (а приняли нас тамошние аборигены сначала весьма прохладно) выяснилось, что есть у них два враждующих племени Капулешойду и Монтекинноурэ, а в них мальчик-наследник Ромериу и девочка Джульдия, так я сразу к ним прислушиваться да присматриваться начала. И ведь правда – вот Шекспир, шельмец талантливый, как в воду глядел: все так и оказалось на самом деле, как у него описано. Ладно, мы вовремя подключились: Тибальтуса у нас в медотсеке выходили, яд в бутылочке на водку заменили, родителей предупредили. Ах, и как же мы знатно на свадьбе погуляли при замирении племен! Я потом еще в пьяном виде к вождям приставала с вопросами типа: «А нет ли у вас случайно никого по фамилии Макбет?» А вождь (не менее пьяный) возмущенно плевался и говорил, чтобы я даже не упоминала имени этого проклятого варвара Макбетиуша и его ведьмы-жены. А то они, не к столу будь сказано, вроде бы всю свою родню волосатыми поганками перетравили. Я вот теперь жалею – может, надо было заодно и про Гамлета спросить? Причем подробно, с цитатами: «То be or not to be»? А то, глядишь, чем судьба не шутит...»

И вот все эти приключения на фоне того, пока ребята работу серьезную делают. Так что то единственное, чем я могу им отплатить за понимание и заботу, – это плавать тут, когда они спят, контролировать программу прибытия и посадки да удачно делать вид, будто у меня врожденная бессонница. А я и не против, откровенно говоря... Вот и плаваю я поэтому в своем болоте криогелевом, пикируюсь с «Никой», играю с нею в трехмерные шахматы и опять плаваю. И плавать мне так еще долгих двадцать дней.

– Эй, «Ника», а ты что обо всем этом думаешь – мы ведь скоро дома будем!

– «И снится нам не рокот космодрома, не эта ледяная синева. А снится нам трава, трава у дома... – в тон моим мыслям мелодично затягивает «Ника», – зеленая, зеленая трава...»

И я в очередной раз сомневаюсь – а точно ли у нее чувство юмора программой не

предусмотрено?

Верховный Навигатор безмерно обожал то же самое выдержанное розовое вино, что и его преосвященство Кардинал. И точно так же предпочитал наслаждаться им в тихий послеобеденный час. Ну что тут поделаешь, если облеченным властью мужчинам весьма к лицу подобные изысканные вкусовые пристрастия. Причем к сему благородному вину приучил Кардинала именно сам Верховный Навигатор, да он же и посылал ему иногда бутылочку-другую. Буквально от сердца отрывал, доставая из своих личных закромов. Пусть этот дурень Кардинал ценит кормящую его руку, ибо главного святошу, как и всю его оголтелую церковную свору, стоило держать на коротком поводке. Во избежание непредвиденных конфузов, так сказать.

«А ведь такого вина теперь уже не делают – не из чего его изготавливать стало. Не растет больше виноград на Земле после того, что стряслось с климатом в Мертвые годы...» – Навигатор саркастично хмыкнул. Это простонародье, быдло необразованное, именует случившееся трусливо и иносказательно – проклятием, мором, карой божьей, а сам Навигатор открыто называл их невежественные предрассудки единственно правильным словом: «радиация». Незримая смертоносная зараза, уже более девятисот лет расползающаяся по планете и убивающая все живое: людей, растения, животных. Поэтому настоящее виноградное вино сохранилось нынче только в хранилищах Ордена. Там, кстати, много чего полезного приберегалось из того, что не снилось ни напыщенному герцогскому двору, ни фанатичной церкви, ни загадочной секте Рыжих жриц. Того, о чем большая часть из живущих теперь на Земле людей уже не имела ни малейшего представления, а если бы даже и увидела, то или не поверила бы собственным глазам, или сочла бы величайшим чудом.

«А вино просто отменное, великолепное!» – Навигатор задержал во рту глоток, смакуя тонкий вкус пряных ягод. Перед его мысленным взором немедленно предстала картина огромного ромашкового поля около Навигаторской школы, сада и виноградника, в котором и рос этот деликатесный розовый виноград. И год-то разлива у вина подходящий! Год того самого выпуска, когда Рыжая со товарищи Школу закончили. Значки штурманские получили. И вот это самое вино – тогда еще свежее и молодое – они пили на выпускном вечере. Все вместе пили... Так что замечательное это вино – нет, архизамечательное! Да и сама жизнь тогда была совсем другой – счастливой и беззаботной... Правда, ничего из атрибутов этой самой беззаботной прошлой жизни сейчас в мире уже не существовало и не сохранилось – пожалуй, кроме нескольких последних бутылок вина. Ни ромашкового поля, ни виноградника, ни самой Школы... Зато появилось то, что для каждого здравомыслящего человека намного слаще любого раритетного напитка. Теперь у Навигатора имелась власть! Несомненно, самая большая власть, возможная в нынешнее нелегкое время.

– Надо будет на днях послать еще винца Герцогу – свои последние запасы разорить, буквально от сердца оторвать, – неуверенно пробормотал Верховный Навигатор. – Жалко, конечно, а придется по такому-то знаменательному случаю...

Герцогский двор, к несчастью, тоже стал одной из тех нужных и небезопасных вещей, которые лучше крепко держать в собственных руках. Верховного Навигатора там слушались беспрекословно. Все! Сам надутый пройдоха Герцог, его фанатичка-жена, их слащавая кукла-дочка, тупые придворные... Не слушался только своенравный наследник – виконт Алехандро. Вот тот парень оказался далеко не так прост, каким казался на первый взгляд, и уподобился, простите, настоящей занозе в поджарой заднице Верховного Навигатора. После разговоров с виконтом у Навигатора всегда подсознательно возникали весьма неслабые ассоциации с известными историческими личностями – кардиналом Ришелье, Чингисханом, Макиавелли.

«Ох, и умен же виконт! Умен, хитер да скрытен... Хочет своими скандальными пьянками-гулянками Навигатору глаза отвести, мозги запудрить, и ведь что совсем плохо – все его соглядатаи, в дружки виконту подсунутые, каждый раз пьянее самого Алехандро с

тех прогулок возвращаются. Таким же упрямым вольнодумцем когда-то рос и его ныне покойный старший брат... Жаль мальчика – много он надежд подавал, да пришлось убрать. Приди он к власти – много горя хлебнул бы с ним всемогущий Верховный Навигатор. Убить бы и Алехандро... да как же без Герцога-то, без светской власти? И заменить его некем – ой, некем. Как назло, единственный сын Навигатора не пошел в отца ни умом, ни принципами. А жаль, ох как жаль! – Навигатор удрученно покачал головой. – Особенно жаль в свете того, что на Землю надвигается...» – Навигатор мечтательно посмотрел на календарь: двадцать дней всего осталось! А потом такой ведьмин котел на планете заварится, что ему самому даже трудно наперед предугадать, какой сложится расклад сил...

Кроме хорошего вина Верховный Навигатор уважал и ценил женщин. Правда, не всех.

«Есть в них что-то особенное, привлекательное и чарующее – наверно, взятое от породистых лошадей и собак с хорошей родословной. Сталь, энергия, огонь во взоре и, что особенно важно, – тут Навигатор даже облизнулся плотоядно, – необъезженность». Мысли Навигатора о женщинах всегда носили весьма циничный характер. Особенно об одной из них... О той, на которую молилась вся страна, перед статуями которой в храмах возжигали курения и ставили свечи.

«Вот умора-то приключится грандиозная, – насмешливо размышлял Навигатор, придя в необычайно хорошее настроение, – когда живую Рыжую встретит, к примеру, фанатично верящая в нее Герцогиня! Как бы бабу кондрашка нехватила! Или напрочь не верящий в нее виконт Алехандро...» – Тут Навигатор, точно так же, как и Кардинал в своей монастырской резиденции, наклонился вперед и взял в руки стоявшую на столе бронзовую статуэтку Рыжей Ники. «А ведь похожа, – самодовольно подумал он, – до мельчайшей черточки похожа». И немудрено: ведь эти статуэтки по его же приказу делали с голограмм, кои сохранились со дня старта космического корабля.

В металле капитана Нику изобразили точно такой, какой видели ее провожающие в последний предстартовый миг у трапа звездолета. Высокая, сильная, в костюме астронавта, рыжие волосы разметались волной по плечам. В одной руке шлем зажат, зато вторая приподнята в прощальном взмахе, зеленые глаза смеются, на губах обычная ее ехидная ухмылочка. Скульптор добился практически невозможного, сумев мастерски передать завораживающую энергетику живой женщины, наделив металл ее характером, харизмой и эксцентричностью.

«М-да, – удовлетворенно признал Навигатор, нескромно поглаживая статуэтку пальцем, – таких женщин, как ты, дорогая моя Рыжая, теперь тоже уже нет. Букет, понимаешь ли, не тот, аромат – не тот. Люди измельчали и выдохлись, а нынешние женщины подобны слабому пиву или самопальной сивухе, которую гонят простолюдины. Настоящие женщины, как и виноград, вымерли от радиации. А вместе с ними погиб и весь прошлый мир – мир благородных дам, галантных кавалеров и отважных рыцарей. Сейчас на земле царят лишь зло и хаос... И ты, милая моя девочка, даже не представляешь, что произошло со всеми нами со времени твоего отлета».

Навигатор поставил статуэтку обратно на стол, отсалютовал ей полным бокалом и пьяно загнусавил:

– А я все летала...

А я все плаваю. И чем ближе к дому, тем меньше терпения у меня остается. А нам еще целых десять дней до прибытия на околоземную орбиту. Значит, решено – семь суток плаваю, потом выхожу из камеры, все проверяю, обед кухонному агрегату заказываю, ребят бужу. Главное – не увлечься и не перестараться: ведь мы давно нормальной пищи не ели. И фасоль с копченой колбасой ни в коем случае не заказывать, чтоб ей неладно было!

Мониторы «Ники» уже четко показывают Землю. Хотя странно как-то показывают. Понять не могу – что там за мутные пятна образовались? То ли это облачность высокая, то ли еще что, но, наверно, из-за нее давно знакомые очертания материков кажутся какими-то непривычными и смазанными. Да еще «Ника» что-то невразумительное мямлит – мол, вот

еще поближе, еще пару дней, – а может, у нее программа сбилась и поэтому она баз на Луне и Марсе не видит... То есть как это не видит? А вот так: вообще не видит – и все, словно и нет их там вовсе. Развалины какие-то есть, ямы какие-то есть, а баз на поверхности нет. И еще – атмосферы искусственной ни на Луне, ни на Марсе она не наблюдает, растительности не обнаруживает и вообще ничегошеньки не видит. Хоть к окулисту иди за очками! А я после такой сводки данных что-то совсем запуталась и ее понимать перестала. Да когда мы улетали – там уже лет двести как фруктовые сады плодоносили. Ирригационные системы тоже работали вовсю. Искусственно созданные и постоянно поддерживаемые. Я даже со злости «Нике» посоветовала: «Шары протри!» А она печально так в ответ: «Да не один раз уже протирала. И все равно – ничего на Марсе и Луне нет, словно испарилось».

Да как же так? Ведь на Луне такой огромный музей камней устроен прямо под открытым небом. Нас туда еще на первом курсе на экскурсию возили. Его маячки с Земли всегда видны даже невооруженным глазом. Я «Нике» так прямо и заявила, что, похоже, мы обе доукувались до шизофрении. А она вздохнула только. Представляете, машина – вздохнула! Ой, нутром чую, чего-то она темнит и от меня нечто недоброе скрывает...

Ничего в голову не идет от волнения. В шахматы мы уже давно не играем. Я до такого позорного разгрома докатилась, с таким жутким счетом, что лучше об этом и не вспоминать вовсе. Наверно, оттого, что до дома уже рукой подать, картины последних дней, предшествовавших отлету, всплыли в памяти с непривычной отчетливостью. Да и ребята, кажется, чувствуют, что мы скоро на околоземную орбиту выйдем. Сон у всех беспокойный стал. Похоже, всем трава у дома снится. Поле наше ромашковое около Школы, где мы дружно загорали до самого отлета, еще абсолютно не отошедшие от мороки выпускных экзаменов и совершенно одуревшие от выпавшей нам чести – лететь к Нимфею-6. Мы, похоже, тогда еще в такой эйфории пребывали, что почти не замечали той глупой, внезапно начинавшейся войны. Да и не война там даже велась еще, а так – мелкие пограничные конфликты и стычки.

Компания наша выделялась в Школе, кажется, курса с третьего. Дружбой, ничем не истребимой привычкой постоянно приходиться на выручку друг к другу и конечно же старинным мушкетерским девизом: «Один за всех – и все за одного». Не исправимой никакими наказаниями шкодливостью. Несхожестью характеров и удивительным единством духа. Принципиальностью. Сознательным неприятием предательства, зла и подлости. Учитель всегда уважительно говорил о нас: бойцы! Шутливо называл нас – Рыжая со товарищи. Грустно-то как, ведь наш любимый Учитель умер уже много столетий назад... Ему перед нашим отлетом, наверно, лет пятьдесят исполнилось. Ему, без сомнения, шикарный памятник Школа отгрохала – он ведь был известным навигатором и просто хорошим человеком. Мы с ребятами обязательно сходим, цветы ему на могилу отнесем и мешочек с землей с Земли-2. Чтобы он точно знал, что сбылась его заветная мечта, – ведь мы все-таки нашли новый дом для всего человечества.

Я бы не осмелилась утверждать стопроцентно, что для меня это стало неожиданной новостью, когда выпускная комиссия вместо объявления экзаменационной оценки заговорила со мной об экспедиции на Нимфею-6. Потому как любому пытливому и наблюдательному уму о слишком многом свидетельствовали наши индивидуальные тренировки и озабоченные лица учителей, и эти страшные шепотки в школьных коридорах – война, война! А может, к этому все закономерно и шло? Мы уже выросли из детских наивных сказок и, несмотря на всю нашу увлеченность навигацией, замечали, что в целом творится вокруг нас. Топлива нет, воздуха почти нет, пища... Когда раз в неделю в столовой давали натуральное, а не синтетическое мясо, для курсантов это становилось настоящим праздником ублажения изголодавшихся желудков. И как мы только не перетравились насмерть, храбро пробуя те суррогатные продукты, которые Криса выращивала в своей учебной лаборатории? Хотя все мало-мальски съедобное или отдаленно смахивающее на пищу съедалось сразу и без раздумий, особенно после шести часов, проведенных на боевом симуляторе полетов. Но лишь нашей группе в период обучения вживили еще

экспериментальные в то время протоимплантаты – биочипы, во много раз повышающие возможности человеческого организма. Помню, как восхищался тогда Феникс, с места запрыгнувший на пятиметровую стену, как удивился Айм, за полчаса решивший уравнение Лонгрейма. Да подобный муторный расчет психотипа до этого, без биочипа, занимал у него от десяти дней до двух недель. Как могли мы бесконтактно, за тысячи километров, подключаться к виртуальным каналам «Ники», строящейся на самой большой лунной космосудоверфи. Я удивленно спрашивала Учителя: «Корабль назвали в мою честь?» Но он лишь пристрастно смотрел на меня и отвечал предательски прерывающимся голосом, что это меня, найденыша, младенцем подкинутого под двери Школы, когда-то, осознав мои экстрасенсорные способности, назвали в честь корабля, внедрив в его нейтронную сеть мой генокод и тем самым сделав из нас сестер-близнецов.

Нет, неожиданным для меня стало отнюдь не это, а назначение командиром корабля – командиром всей экспедиции. Я далеко не сразу смогла принять и осознать всю важность, всю громадную сложность возложенной на меня миссии. Мне пришлось постепенно смириться с чудовищной ответственностью за экипаж, составленный из моих друзей, за этот чудесный звездолет – настоящее детище биоинженерной техники, самый совершенный корабль из всех, которые когда-либо строились на Земле. Мне предстояло добровольно взяться за реализацию поставленной перед нами задачи – проверить, действительно ли, согласно расчетам наших астрономов, рядом с Нимфеей-6 есть планета, пригодная для жизни, которую можно колонизировать, покинув истощенную, агонизирующую Землю.

Мы, вчерашние дети, вчерашние курсанты, свежее испеченные навигаторы, с блеском выполнили назначенное нам труднейшее поручение. Помню наш торопливый сумбурный отлет... Уже у трапа, делая прощальные голографические снимки, всегда невозмутимый и скупой на похвалы Учитель неожиданно поцеловал меня в щеку.

– Лети, девочка! – без пафоса, вроде бы и уместного в такую минуту, сказал он, а его глуховатый голос заметно дрогнул от едва сдерживаемых слез. – Попутного вам солнечного ветра!

И мы дружно, отработанно вскинули руки в прощальном приветствии, стоя в прозрачной гармошке переходного шлюза. А чуть позднее, погружая ребят в криокамеры, я увидела на мониторе встревоженное лицо Учителя.

– Ника, до тех пор пока вы не покинете земную орбиту, я дал команду отключить внешние экраны, ибо незачем вам наблюдать эту небольшую заварушку...

Потом вдруг раздались неясные рокошующие, похожие на взрывы звуки, и изображение пропало. Но еще очень долго в космическом эфире плыла последняя напутственная фраза Учителя:

– Обязательно возвращайся обратно, девочка моя: ведь ты – наша последняя надежда на спасение...

Глава 2

День определенно не задался! К такому выводу Алехандро пришел уже в полдень, резво сбега по ступенькам лестницы для прислуги. Да нет, откровенно говоря, вовсе не сбега, а убега со всех ног. А то вот беда – всем он нужен, всем он необходим стал. И это в такой сумасшедший день! Юноша саркастично хмыкнул и углубился в анализ произошедших за утро событий. Сначала Франческа, совсем сбрендившая от предпраздничной суеты, пристала с требованием посмотреть ее новое платье. Как старший брат думает – к лицу ли ей этот наряд из лиловой парчи с зелеными оборками и желтыми рюшами? Алехандро чуть не ослеп от буйства красок, но сестрица настаивала на ответе. Кстати, если он не знал, лиловый в этом сезоне – последний писк моды. Ну, скажи прямо – хороша ли она будет, когда приедет герцог Джузеппе, сюзерен соседней Багардии? Как же, держи карман шире, вовсе глупую сестрицу не престарелый герцог интересуется, а сыночек его – увалень толстомясый. А чего, спрашивается, Франческе волноваться, если герцогский

наследник уже два года на нее засматривается, причем отвалив до полу челюсть и восхищенно вылупив глаза. И еще бы не смотрел! У них там, в Багардии, дородность – для женщины первый и наиглавнейший признак красоты, вроде как у нас в Федрине – рыжие волосы. А у заневестившейся Франчески, не в обиду ей будь сказано, давно уже на телесах корсеты с трудом сходятся. Одно препятствие – мать уперлась: в семнадцать лет замуж рано – пускай невеста в сок войдет. Да уж куда там: как бы сестричкин сок не забродил или герцогский сынок ждать не устал, – ибо он еще год назад, на этом же празднике, ночью под балконом серенады голосил до хрипоты, кашля и отплеиваний от щедрой порции содержимого чьего-то ночного горшка, гневно выплеснутого ему на голову... Весь город перепугал, потому что даже коты весной так истошно не орут, прости меня святая Ника и все ее ангелы.

Далее батюшка привязался. Он по случаю готовящегося грандиозного мероприятия даже протрезвел вроде. «Нет, – с сомнением покачал головой Алехандро, увидев, как служка с гербом Ордена на камзоле пронес мимо него огромную, плотно укутанную мешковиной корзину. – Верховный Навигатор батюшке Герцогу протрезветь не позволит. Более того, с него станет еще и знатного гостя до кучи напоить, и тогда Герцог точно все необходимые Навигатору бумаги не глядя подпишет. Подобное безобразие на памяти виконта уже не раз и не два случалось. Глава Ордена – хитрый, как лис, так и увивается вокруг отца, а приглядишься повнимательнее – глаза-то у него волчьи. Жаль только, батюшке приглядеться не хочется. Как же, для него Навигатор – и первый друг, и советник, и вернейшая опора трона. И не понимает батюшка, кто на самом деле герцогством управляет... Виконт бессильно сжал кулаки. Ничего, Верховный Навигатор, мы с тобой еще посчитаемся... А батюшке сына побыстрее женить надобно, сугубо ради продолжения рода и будущего династии. Да и Сюзетта Багардская давно вроде бы к этому готова – к продолжению династии то бишь. Закадычная подружка Франчески: вечно они с ней переглядываются и хихикают. Да только в прошлом году Алехандро от Сюзетты исхитрился-таки избавиться – отсиделся в кладовой за кухней. А Сюзетта в двери кладовой пройти не смогла: застряла... Она после того часа два еще под дверью простояла – стонала, сморкалась, святой Нике молилась о заступничестве и причитала слезно. «М-да-а-а, однако если Сюзетта так же усиленно продолжает к свадьбе готовиться, то она в этом году может и в парадные двери не пройти... – И виконт с сомнением оглядел широкие дубовые створки, защищающие вход в папенькин дворец. – Не женюсь, – окончательно решил он. – Да под ней в первую брачную ночь кровать проломится!»

А третьей – его матушка в это утро доставала. У нее одна заветная мысль в голове водится: пойди в часовню, помолись святой Нике. А чего на нее беспрестанно молиться-то? Али дел других интересных нет? Алехандро, случается, и так по несколько минут в прохладной часовне сидит, особенно когда на дворе жарко, и статую этой самой Ники разглядывает. Ну вот хоть замолись до смерти, но не похожа она на святую ни капельки, а девчонка девчонкой – обычная и земная... Ох, нет, вообще-то, если честно, таких девчонок Алехандро вживую никогда и не видывал. Мало того что красавица – не чета Сюзетте, так еще и глаза у нее – ну точь-в-точь как у его друга – дворцового начальника герцогских кирасир Гая де Ретая. Вроде строгие, серьезные, а в глубине смешинки прыгают. И задирать де Ретая по мелочам отчего-то никому не хочется. Но мать все за свое – помолись да помолись, день сегодня страшный: вон какое знамение в небе...

Знамение – это да. Наследник недоуменно задрал голову, придерживая спадающую шляпу. На небе сегодня ни облачка и солнце палит немилосердно, а прямо рядом со светилом висит огромный, сияющий белым пламенем диск, по размеру почти не уступающий самому солнцу. Спаси и охрани нас, святая Ника, да что же это такое? Народ на улицах боязливо поднимает глаза к небесам и проводит по лбу указательным пальцем правой руки – делает охранный знак святой Ники. Много чего, бывало, с неба падало: и град размером с кулак, и дождь, от коего по телу черные язвы идут, а затем человек умирает в страшных мучениях, – но такого чуда еще ни разу не видывали.

И уж окончательно переполнил чашу терпения строптивного наследника герцогский распорядитель бала, который дотошно расспрашивал, на какой танец его светлость соизволит пригласить невесту Сюжетту Багардскую, а на какие – местных незамужних дворяночек. Его рассвирепевшая светлость невоспитанно послала распорядителя в Мертвые пустоши и высказала пожелание уж если и танцевать, то только с самой Рыжей Никой. Балетмейстер даже остоленел от подобного святотатства...

Поэтому, подытожив все свои утренние неудачи печальной мыслью о том, что день сегодня не удался, его светлость преднамеренно самоустранился от решения дел государственной важности, как то: невеста, наряды и танцы, – и надумал удрасть в маленькую таверну «Желтый пес», в которой частенько встречался с закадычным другом Реєм. Встречи эти приходилось организовывать тайно, подальше от мест, где их могли бы увидеть придворные бездельники или члены Ордена, потому что Рей являлся не кем иным, как сыном Верховного Навигатора, а Навигатор весьма и весьма не одобрял дружбы своего отпрыска с виконтом Алехандро. И надо сказать, что не без основания. Вопреки неизвестно как попавшей в Федрину, но частенько употребляемой фразе, что яблоко от яблони недалеко падает (хотя виконт не понимал, почему яблоко может упасть, – ведь такая лакомая редкость обычно съедается еще до того, как успевает полностью созреть), Рей ни на йоту не походил на своего папеньку-интригана. «И слава святой Нике!» – всегда совершенно искренне добавлял в этом случае наследник. А кроме того, молодому орденцу были доступны всевозможные тайные знания, редко выходившие за стены Орденского убежища. Да ладно – знания, если и на само Убежище, тоже очень стоило посмотреть...

Как-то раз, выбрав ночь потемнее, Рей причалил на крохотной лодке к самому непрезентабельному пирсу в порту Никополиса и, рискуя собственным благополучием, сначала передел виконта в синий балахон младшего навигатора, а далее – переправил тайком на остров Сатар, где и располагалось Убежище. При этом Алехандро никогда не считал предпринимаемые ими меры предосторожности излишними, прекрасно понимая, что за разглашение секретов Ордена предателю полагается смерть. И, кстати, отнюдь не в самой своей гуманной и легкой форме.

Об Убежище, впрочем, как и о самом Ордене, в городе ходило множество жутко невероятных историй, и Алехандро имел возможность лично убедиться в том, насколько даже самые неправдоподобные из них оказались в итоге далеки от истины. Он чуть ли не с рождения мечтал побывать на запретном острове, но его особенно интересовали библиотека, архив Школы навигаторов и хранилище артефактов – святая святых Ордена. Однако врожденная проницательность и развитая способность к логическим умозаключениям подсказывали виконту, что вся доступная Рею информация, приведшая Алехандро в замешательство, может оказаться всего лишь видимой верхушкой огромного айсберга, погребенного под толщей лжи и умалчивания. А что же на самом деле скрывается в глубинах острова – остается известным, пожалуй, только Верховному Навигатору да кроме него еще самой святой Нике.

К счастью для Алехандро, Рей доверял родному отцу ничуть не больше, чем осторожный виконт. Или, скорее всего, даже намного меньше, о чем свидетельствовало его мгновенно помрачневшее лицо, едва лишь разговор коснулся загадочной персоны Верховного Навигатора.

– Не знаю. – В тот вечер в «Желтом псе» Рей пил сильнее, чем всегда, и утратил свою обычную осторожность в словах, толику которой неукоснительно соблюдал даже при общении с ближайшим другом. – Ну не знаю я, кто или что он есть на самом деле. Ты же сам видел не раз – отец всегда носит маску, которой не снимает даже в присутствии братьев в стенах Убежища. Разное говорят. Одни утверждают, будто лицо отца обезображено радиационным дождем (благодаря Рею Алехандро давно уже знал о радиации), или что оно искалечено каким-то чудовищем при экспедиции в Мертвые земли, в которой отец участвовал еще до моего рождения. Или... – Тут Рей наклонился к самому уху виконта и

прошептал с пьяным драматизмом: – Якобы отец – не совсем человек! Ведь иногда он изрекает такое, что я готов верить всему, чему угодно,– даже самым бредовым домыслам! Ты помнишь брата Франсиско, старикана-астролога из монастыря Рыжей Ники? Так вот, однажды он признался: когда ему исполнилось десять лет и родители отдали его на воспитание в монастырь, Верховный Навигатор тогда уже выглядел точно таким же пожилым, как сейчас, и точно так же носил свою черную маску. А между тем брат Франсиско – самый старый из известных мне людей...

– И мне... – задумчиво протянул Алехандро, рассеянно водя пальцем по растекающейся на столе пивной луже.

Никто не смог бы обвинить его в том, что он использовал друга для выпытывания ценной информации об Ордене. Но вполне возможно, и так получилось независимо от желания Рея и Алехандро, что подобные разговоры порождали потребность объясниться, а эти беседы, в свою очередь, вели к формированию в сознании Алехандро картины в высшей степени загадочной и интригующей. Но еще большую почву для размышлений доставляло ему сопоставление полученных от Рея сведений и некоторых слов Кардинала, который оставался не только бессменным духовным наставником молодого виконта, но и просто умным человеком, внушающим глубокое уважение обоим друзьям. Уже имея некоторое представление о тайнах, тщательно оберегаемых Орденом, Алехандро совершенно не испытывал того религиозного экстаза, что весьма тщательно и сознательно культивировался в умах простых людей пастырями из монастыря святой Ники.

– Сын мой, запомни,– частенько любил доверительно пооткровенничать со своим воспитанником Кардинал, разомлевший в объятиях удобного кресла в тихий послеобеденный час,– религия подобна отточенному лезвию рапиры в наших умелых руках. Употребь мы ее чуть более неловко – и она превратится в неуклюжую дубину, способную скорее отпугнуть от нас души паствы, чем сдерживать их в благоговейном трепете. Политика и религия – две боевые грани одного обоюдоострого клинка. И если первой стороной ты можешь наносить удары, то второй, почти одновременно с этим, ты способен отражать встречные выпады своего противника.

– Какая же из сторон моего оружия должна стать ведущей? – пылливо поинтересовался Алехандро, не пропустивший ни одного слова из произнесенной Кардиналом речи.

– А это, сын мой, уже и есть высшее искусство боя – уметь своевременно и незаметно поворачивать клинок в руке, преследуя нужные тебе цели,– наставительно пояснил его преосвященство, пристально глядя в карие глаза виконта. – Главное – не запутаться самому и не сбиться с ритма...

– Тогда мой отец чудом держится на троне... – печально признал наследник. – Ибо не преуспел он ни в чем...

– Сын мой! – Его преосвященство явно радовался результатам разговора. – На дворцовой площади каждый день проходят представления театра марионеток. Куклы очень красивы, представление увлекательно, а кукловоды так мастерски исполняют свои роли, что зрители почти готовы верить в непричастность невидимых поводырей к разыгрываемому перед ними спектаклю...

После этого Алехандро еще сильнее заинтересовала таинственная личность Верховного Навигатора.

Ночь, в корне изменившая всю жизнь Алехандро, выдалась на удивление тихой и беззвездной. Большой колокол монастыря Святой Ники пробил час пополуночи, когда измученный бессонницей виконт вышел на эспланаду, широкой лентой опоясывающую дворец на уровне третьего этажа. Весь дворец спал, и только в левом крыле тускло светилося окно матушкиной молельни.

«Опять перед Никой поклоны кладет,– неприязненно подумал его светлость. – Наверняка просит вразумить непутевого сыночка. Чтобы сыночек делами государства вплотную занялся. А это значит,– Алехандро даже пальцы на руке загибать начал,– уроки

танцев бери, учения с кирасирами проводи, письма слащавые толстой Сюжете пиши, к службе два раза в день ходи. Да если бы только матушка знала, какие отнюдь не богословские разговоры ведет его высокопреосвященство Кардинал со своим воспитанником... А вот это, впрочем, уже намного выше примитивного бабского разума. Эх, женщины...»

Виконт повернулся и скептически посмотрел на правый корпус того обширного здания, где размещались покои придворных. Во-о-он то второе окошко от угла, с беленькими занавесочками... Покои матушкиной фрейлины Маулвины де Бри. Именно эту гостеприимную комнату, вооружившись крепкой веревкой с железной кошкой на конце, посетил наследник престола в прошлую ночь. И в позапрошлую... И в поза-поза... «Может, и сегодня?» – При сей нескромной мысли Алехандро скривился, будто глотнул уксуса. Очаровательная белокурая Маулвина оказалась безнадежно глупа. А ведь не зря говорит верный друг Гай де Ретай, что с умной женщиной спать не только приятно, но и интересно. За несколько бурных ночей, проведенных в ее уютной спальне, малютка-фрейлина приелась виконту до оскомины. Да и что-то сам милашкин батюшка маркиз де Бри как-то странно сегодня утром на него поглядывал – многозначительно так. Ладно хоть надежный лейтенант де Ретай его обелил – сразу же начал громко рассказывать своим кирасирам о том, как он в последние две ночи играл с виконтом в карты в личных покоях Алехандро и даже удостоился чести выиграть пять полновесных золотых эртудо. Кирасиры громко позавидовали везению бравого командира, а у маркиза де Бри от этих уверенных слов еще больше вытянулось его и без того лошадиное лицо. Не иначе как в глубине души корыстный папаша лелеял честолюбивые мечты о блистательном будущем своей пустоголовой крошки Маулвины.

Кромешную тьму дворцового двора прорезал яркий свет факелов, слышались грубые мужские голоса и бряцание оружия.

«Смена караула», – резонно подумал Алехандро и, перегнувшись через перила, зычно поприветствовал лейтенанта де Ретая. Гай де Ретай с намеком, двусмысленно поинтересовался – не нужно ли составить партию в карты для его светлости на эту ночь, на что Алехандро не менее остроумно ответил – мол, на сей раз он желает оставить все свои эртудо при себе. Лейтенант расхохотался тонкой, только им одним понятной шутке, пожелал виконту спокойной ночи, и караул продолжил свой путь, вновь оставив Алехандро наедине с темнотой и собственными мыслями.

Подперев подбородок ладонью, юноша принялся разглядывать спящий город. Белые стены и золоченые шпили на холме – это монастырь Святой Ники. Пожалуй, только благодаря стараниям благочестивых братьев там самые высокие деревья и самые щедрые сады. Алехандро вспомнил, как пару месяцев назад помогал брату викарию укрывать промасленной холстиной огуречные грядки от внезапно начавшегося черного дождя. Молодой виконт тогда даже не чихнул, а промокший старик-викарий провел в постели не одну неделю. Рей испуганно осматривал крепкий торс друга, страшаясь найти язвы, обычно оставляемые каплями радиоактивных осадков, и облегченно бормотал себе под нос что-то насчет хорошего иммунитета. А старый монах выжил тогда только благодаря чудесным препаратам, принесенным Реем из хранилища Ордена. Рей называл их антибиотиками. Но когда Алехандро спросил, почему нельзя лечить этими лекарствами всех немощных в больнице при монастыре, Рей огорченно покачал головой и ответил, что Орден уже не имеет возможности производить все необходимое в нужных городе количествах, а старые запасы истощаются слишком быстро.

Герцогский замок окружают изящные дома Верхнего города. Здесь всегда жили исключительно одни лишь знатные и состоятельные: благородные дворяне и выскочки из разбогатевшего торгового сословия. Чем ближе ко дворцу – тем знатнее и древнее род, тем витиеватее герб на воротах, тем больше дутой спеси и глупости. Среди друзей Алехандро не многие могли похвастаться надеждой на получение титула или большого наследства,

поскольку являлись всего лишь младшими, а зачастую даже незаконнорожденными сыновьями древних семейств. Зато многие из них обладали твердой рукой, проницательным умом и храбрым сердцем. В отличие от батюшки Герцога молодой виконт давно уже понял – усыпанные алмазами ножны рапиры еще не являются надежной гарантией того, что и душа их владельца по крепости и чистоте не уступает хваленым качествам драгоценного камня. Но в пику чопорным семейным правилам наследник водил дружбу и с простыми кирасирами, и с молодыми братьями из монастыря, и с прославленными командирами торговых кораблей, заполнявших огромный порт Никополиса, чем вызывал не только безудержную, искреннюю любовь простого люда, но и бешеную ненависть самого Верховного Навигатора.

Нет, настоящую, бьющую ключом жизнь можно было увидеть и узнать только на узких улочках Нижнего города, словно магнит притягивавших к себе внимание виконта. Частенько, сменив шелковый камзол на вытертый кожаный колет и прикрыв лицо полумаской наемного бретера, Алехандро тайком покидал дворец и с головой окунался в приключения. Надо сказать, что эти вылазки не всегда оказывались приемлемыми с точки зрения строгого дворцового этикета, но лишь во время них, и только там, его полностью покидало чувство неприятной зажатости и скованности, навеваемое унылой громадой дворца, постными лицами придворных и днями, похожими друг на друга как капли воды в клепсидре. Здесь, прямо на пыльной Базарной площади, толстые сварливые рыбачки в полосатых чулках торговали трепыхающимися зубастыми, только что выловленными из моря катранами. Здесь всего за два медных сентаво всегда можно купить горячий пирожок с требухой, по вкусу не уступающий лучшим творениям искусного придворного повара. И наконец, здесь, на улице Оружейников, нелегально проживает знаменитый одноглазый горбун Жозе, коий, по твердому убеждению Алехандро, мог бы по праву называться первой рапирой герцогства. Недаром именно он научил виконта тем коронным ударам, отражать которые не умел даже сам доблестный лейтенант де Ретай. На этих улочках Алехандро проводил наиболее познавательные и насыщенные событиями дни своей жизни, немного наивно полагаясь на тайну костюмированного инкогнито и совершенно неосознанно воплощая в реальность золотое правило: «Будь проще – и люди к тебе потянутся». И уж тем более совсем незамеченными оставались для него добродушные, уважительные и вместе с тем осторожные взгляды моряков в портовых кабаках или торопливые, скрытные, благословляющие движения рук какой-нибудь древней старухи, предназначенные спине удаляющегося виконта. И всеобщий одобрительный шепоток, казалось витавший над самим Нижним городом: «Святая Ника, спаси и сохрани нашего молодого наследника престола!»

Первое, что пришло в голову после того, как «Ника» выпустила меня из криокамеры и мокрым кульком небрежно вывалила на пол консервационного отсека, – это старый анекдот про ежика, который забыл, как дышать, и задохнулся. В Школе мы очень любили немудреные, но весьма вкусные консервы – шпроты в масле. Как видно, судьба – весьма справедливая штука, если за всех маленьких невинных рыбок, сожранных восьмью молодыми прожорливыми ртами, она в итоге уготовала нам участь этих самых шпрот. Потому что, валяясь в изнеможении на полу предбанника душевой, я и чувствовала себя соответственно – такой вот шпротой.

– Капитан, программа возвращения на Землю-1 завершена, активирую процедуру посадки!

В голосе «Ники» явственно слышались ликующие нотки. Этой фразой она встретила мою вымытую, высушенную, одетую и намарафеченную персону, суеверно – обязательно только правой ногой – перешагнувшую порог капитанской рубки.

– Ямщик, не гони лошадей, – вальяжно посоветовала я, опускаясь в кресло, – успеется! Нам некуда больше спешить. Я так понимаю, что мы и так уже всех переполошить умудрились своим, так сказать, блистательным появлением на горизонте. Поэтому дадим Базе время глубоко вздохнуть, успокоиться и заодно приветственные хлеб-соль на вышитом

полотенчике приготовить.

– Ой, вы думаете, они нас не ждали? – как-то слишком бурно, а поэтому подозрительно наигранно возмутилась «Ника».

– *«Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь...»* – с удовольствием пропела я. – Торопятся только голые в сауну. А нам, дорогая моя торопыга, спешить не к лицу. Поспешим – Базу насмешим. Сама подумай: ну только не хватало нам, после всего проделанного, именно сейчас в чем-то напортачить. Поэтому мы с тобой еще не один круг почета вокруг Земли-1 сделаем. Присмотримся. Обмозгуем.

«Ника» не возражала. Меня же ее молчаливое согласие могло устроить только в одном случае – если бы я чуть хуже знала сварливый характер своей кибернетической напарницы.

– А для начала, милая моя, включи-ка большие внешние экраны и покажи, что мы имеем в наличии, – попросила я.

Нерешительно помедлив секунду, «Ника» предупредительно мигнула мониторами и показала...

Я в панике схватилась руками за голову.

Имели не мы... Имели нас...

Это уже только намного позднее, когда я вышла из состояния ступора, залпом проглотила услужливо подставленный «Никой» стакан неразбавленной водки, закашлялась, послала «Нику» куда следует после ее дружеского предложения похлопать меня по спинке – только после всего этого я смогла немного прийти в себя и снова, более внимательно, взглянуть на мониторы. Мне сразу стали понятны и странная облачность, и непривычный вид знакомых с детства очертаний материков, и пропажа космических баз, и растерянные недомолвки «Ники». Земли-1 не существовало! Вернее, то, что сейчас показывали мониторы моего корабля, я не смогла бы называть Землей даже в состоянии жесточайшего алкогольного опьянения.

– «Ника», ты уверена?..

– Уверена! – Ответ не оставляет ни малейшей надежды.

– А может быть?..

– Не может!

– «Ника»!

– Капитан?..

И безжалостные, прозвучавшие словно приговор слова:

– Капитан, мне очень жаль...

Боже мой, «Ника», как будто извинениями теперь можно что-то изменить! Кого тебе жаль, «Ника»? Нас, себя – или то, что осталось от Земли? Можно подумать, ты знала о случившемся... Ты знала?

– Когда ты узнала, «Ника»?

– Сразу же после отлета с Земли-1. До меня дошел сигнал о гибели главной Базы.

– Почему же ты молчала?

– У меня не осталось выбора. Я не имела права провалить задание. При расчете возможных вариантов развития событий задачу определили четко – найти Землю-2 и любой ценой вернуться обратно.

– Даже если возвращаться станет некуда? – Впервые я ощущала себя всего лишь второстепенным винтиком в сложном, непонятном мне механизме.

– Вспомогательная База уцелела. Она расположена на острове Сардиния – во всяком случае, так он назывался раньше. Более того, получаемые мной сигналы свидетельствуют о том, что она функционирует и сейчас. И еще, капитан, – в голосе «Ники» вновь проскользнули извиняющиеся интонации, – у меня есть данные о том, что часть людей на поверхности планеты живет... – «Ника» замялась, видимо подбирая подходящую формулировку, – ...вне Базы...

– «Ника», это же невозможно! – Я не хотела верить собственным ушам и глазам. – Люди не способны выжить в таких условиях! После ядерной войны? – И я невольно

вспомнила безумную картинку, явившуюся мне на мониторе виртуального симулятора и оказавшуюся пророческой.

Чья безжалостная рука, чья безумная воля смогла так варварски изуродовать хорошо знакомый мне, ранее безупречно прекрасный лик моей родной планеты? Моему шокированному взору предстала несчастная Евразия, засыпанная серым пеплом и заметенная снегом, и лишь в районе глухих лесов Урала мониторы показывали маленькое зеленое пятнышко – возможный район выживания. Дотла выжженная Африка – еще бы, ведь там находятся крупнейшие месторождения урана – выглядела как одна гигантски разросшаяся пустыня Сахара. На ее территории бушевали ужасающие ураганы, превратившие континент в почти неузнаваемое, чудовищно расплывшееся желтое облако. Искореженные, соединившиеся в один полумертвый остров останки обеих Америк, густо испещренные пятнами повышенной радиации и крайне скудно – зелеными островками жизни. Почти полностью уцелевшая Австралия. Гигантская, залитая смертоносной черной жижей воронка на месте Китая, Индии и Тибета, странное студенисто-белесое пятно, бывшее когда-то пустыней Гоби, ровная и гладкая как стекло площадка, заменившая Аравийский полуостров. И только один участок земной поверхности еще радовал глаз своим почти обычным обликом – знаменитый Апеннинский сапог с островом Сардиния, а также Испания и Франция, каким-то загадочным образом причалившая к ним Англия, вместе с легендарными Карпатами. Но все это были лишь останки прежней, некогда великой и могучей планеты, сейчас вызывавшей у меня только жалость и дрожь ужаса...

– «Ника», что ты еще утаила от меня? – Хотя, видит бог, как теперь подозреваю, вряд ли когда-либо снисходивший до трудов на благо этой многострадальной планеты, с меня уже вполне хватило того, что я наблюдала.

– Время! – Интонации в голосе «Ники» отражали все и ничего одновременно. – Время – как песок в колбе бытия. Безвременье, вневременье...

– Ты о нашем бессмертии?

– Нет, – усмехнулась «Ника», – этот факт и без меня сразу же сами поняли. Какой смысл посылать смертных в путь, длящийся двести пятьдесят лет, даже в криокамерах? Я рассуждаю об относительности абстрактного понятия времени, о русле течения времени, о скорости течения времени, разном для Земли и космоса...

Что же ты делаешь со мной сегодня, «Ника», я ведь грешным делом совсем поверила в то, что уже начисто утратила способность удивляться.

– Что же случилось со временем, «Ника»?

– С момента вашего отлета на Земле-1 прошло не двести пятьдесят, а почти девятьсот шестнадцать лет...

– Сколько? – хрипло выдавила я. – Не верю, не может быть! О боги!

Зрение померкло. Темнота. Мысли и ощущения погасли. Я погрузилась в беспмятство.

А между тем Алехандро продолжал увлеченно разглядывать спящую столицу, но сколько бы ни любовался он громадой знаменитого порта Никополиса, сколько бы ни изумлялся величественной статуей Рыжей Ники, охранявшей городские ворота, взгляд его, словно зачарованный неведомыми силами, неизменно возвращался к мрачной туше острова Сатар, раскинувшейся невдалеке от последних городских пирсов. Именно там испокон веков располагались владения Ордена. Там заканчивалась не только власть Герцога и его высокопреосвященства Кардинала, но, как испуганно шептались жители Никополиса, и самой святой Ники. Ни один корабль, даже терпящий бедствие, никогда не осмеливался приблизиться к проклятому острову, ибо в подобной опасной ситуации храбрые моряки скорее предпочитали вручать свои жизни Рыжей святой, чем просить помощи у загадочного Ордена. И неоднократно в кабаках, испуганно понизив голос, крепко подвыпившие мореходы рассказывали завсегдатаям портовых притонов леденящие душу истории о том, как их парусник, неосторожно нарушивший покой острова, неожиданно освещался невозможно ярким и сильным лучом света, вспыхивавшим на самой высокой из башен

Убежища. А потом над морем звучал нечеловеческий, подобный раскатам грома, приказ, который повелевал непрошеным гостям немедленно удалиться подобра-поздорову. Впрочем, ходили и еще более странные истории о судах, выброшенных бурей на берег Сатара и впоследствии бесследно сгинувших. А один диковатого вида лодочник даже клялся, будто видел на рыбном рынке своего недавно исчезнувшего брата, облаченного в одежду орденского прислужника. Но, мол, брат никаким образом не отзывался на собственное имя и скользнул по бывшему родственнику безразличным, неузнавающим взглядом. Многие не верили в подобные байки и откровенно называли их вымыслами, но Алехандро как никто другой был склонен считать, что столь невероятные слухи никогда не возникают на пустом месте.

Чего, например, стоила абсолютно достоверная, но по ряду причин никогда не выносимая за стены герцогского дворца история рождения его младшей сестры. Тогда, после двух дней родовых мучений Герцогини, придворный лейб-лекарь испуганно развел руками, а монастырь Святой Ники устраивал молебен за молебном во спасение жизни матери и нерожденного ребенка. Дикие крики роженицы пронзительно разлетались под сводами дворцовых коридоров до тех пор, пока во дворец не пожаловал сам Верховный Навигатор с группой орденских врачей. Выставив всех, они затворились в покоях матери, и спустя пару часов счастливый Герцог получил новорожденную дочь, а Герцогиня – странный, тонкий, как нитка, шрам на линии лона. Впоследствии Герцогиня, невзирая на все свои усилия, так и не могла вспомнить ничего из того, что произошло с нею в тот день, кроме ласкового успокаивающего голоса Верховного Навигатора и незнакомого сладкого запаха, навевающего сон да несущего облегчение от нестерпимой боли. И уже после знакомства с Реем, состоявшегося пять лет назад, когда Верховный Навигатор привез сына на остров Сатар из дальнего убежища, где он воспитывался ранее, Алехандро приобрел реальную возможность воочию убедиться в преимуществах тайных знаний и навыков, ревниво оберегаемых Орденом от посторонних взглядов.

Благодаря доверию щедрого друга виконт частично приобщился к мудрости Древних, тщательно хранимой Орденом навигаторов на протяжении долгих столетий. Много из того, что рассказал ему Рей, показалось Алехандро абсолютно невероятным и настолько шло вразрез с вдолбленными с детства доктринами, что наследник частенько боялся за состояние своего рассудка. Впрочем, живой и гибкий ум, подобно губке впитывавший все услышанное и увиденное лично, делал его светлостью способным учеником. Семена знаний, заботливо посаженные Реем, упали на благодатную почву. И ни его высокопреосвященство Кардинал, ни тем паче сам Верховный Навигатор совершенно не догадывались о том, насколько молодой виконт, по бытовавшему при дворе мнению разгильдяй и повеса, оказался посвящен в истинный смысл происходящих вокруг него событий. Лукаво улыбающийся Рей в полной мере разъяснил другу смысл непривычного слова – шпионаж, услышав в ответ любезное высказывание на тему своего возможного карьерного роста на, к сожалению, совершенно невостребованном в герцогстве поприще – имиджмейкерстве. И нетрудно себе представить, какое огромное удовольствие получали от своей осведомленности эти титулованные заговорщики, ведя в присутствии ни о чем не подозревающих людей фальшивые притворно-банальные разговоры о качестве различных сортов пива или же сравнительной белизне и стройности ножек разномастного выводка придворных фрейлин.

Именно этой ночи, посвященной любованию спящим городом, и суждено было стать поворотным моментом в жизни Алехандро, четко разделившего ее на два диаметрально противоположных этапа. Из созерцательной задумчивости виконта вывел тихий, безупречно музыкальный свист, раздавшийся во дворе. Только умело выбранный миг, когда бледная луна вышла из-за тучи и скудно осветила окрестности, позволил Алехандро увидеть друга, с ног до головы одетого во все черное и предусмотрительно скрывающегося за выступом стены.

«Спускайся,– жестом показал Рей, а прижатый к губам палец красноречивее слов

приказывал – только как можно тише».

К счастью, прямо на эспланаде, за керамическим вазоном с цветами, хранилась знаменитая веревка с кошкой на конце. Недолго думая Алехандро спустился вниз, немного бравируя перед другом своей физической подготовкой, скользя на руках и не касаясь веревки ногами.

«А ведь не окажись на мне перчаток, такой фокус бы не прошел», – мысленно одернул себя всегда самокритичный виконт.

Гибкий, худощавый, невысокий Рей окинул восхищенным взглядом мощный торс наследника престола и ткнул пальцем в его плечо, внушительно обтянутое белым шелком рубашки.

– Супер! – одобрительно усмехнулся он. – Настоящий былинный герой – секс-идол и кумир толпы. Как я там слышал в старинной песне, толпа «любит военных, высоких, здоровенных...». – Он вновь ткнул пальцем, на этот раз в накачанные грудные мышцы. – Внешне – вылитый Шварценеггер, – то-то девицы при виде тебя экзальтированно глазки закатывают и в штабеля укладываются...

Виконт, усилиями друга давно знакомый с таким потрясающим чудом Древних, как кино, и просмотревший в тайной комнате дома Рея немало фильмов с участием легендарного Железного Арни, благоговейно относился к колоритной фигуре Конана-варвара, почти поверив в его реальное существование. Но в первый раз показанные другом движущиеся картинки произвели на Алехандро шокирующее впечатление. Зато впоследствии виконт даже выпросил у продвинутого орденца цветной постер с изображением знаменитого актера, мужественно, но чуть косовато взирающего исподлобья, и повесил в своих покоях. Придворные восторженно ахали на огромный меч в руках Арнольда и тайком перешептывались по углам, что это, дескать, и есть подлинный портрет того самого легендарного прапрапрадеда нынешней правящей династии – Фалько, графа ду Бина, о котором все так много слышали, но никто ничего толком не знает.

– Вот, – гордо сказал Рей, усаживая виконта в кресло перед непонятным ящиком, – для тебя у отца из Хранилища компьютер спер, будем сейчас к достижениям культуры и техники приобщаться!

И ведь правда – приобщились-таки! Трое суток, ссылаясь на плохое самочувствие, его светлость провел в доме друга и вышел оттуда совершенно другим человеком.

– Так куда это ты ночью, такой красивый, весь в белом собрался? – ехидно осведомился Рей. – Не иначе как перед матушкой призрак безумного герцога Рикардо разыгрывать?

– Нет, – в тон ему отшутился Алехандро, – бабочек ловить. Маулвильненненький любовью в самое сердце.

Рей прыснул, покосился на зазывно светящееся окошко с кокетливыми кружевными занавесочками и с сомнением покачал головой:

– Насколько я знаю анатомию жеребцов, в этом месте у них находится вовсе не сердце...

Виконт улыбнулся, но сделал вид, будто не понял фривольного намека.

– Впрочем, – уже намного серьезнее продолжил Рей, – сегодняшней ночью я намеревался предложить тебе произвести вылазку другого свойства, пожалуй, не менее увлекательного, если ты не стусишь, конечно. – Тут Рей запрокинул голову и испытующе посмотрел в глаза высокорослого виконта: – Отец уехал, а с ним большая часть орденского капитула. Поэтому я хочу подбить тебя пробраться на остров!

Алехандро молчал, напуганный и заинтересованный одновременно. Естественно, Рей давно знал о невысказанной мечте друга – побывать на загадочном острове, но вместе с тем он знал и то, что виконт никогда не решится озвучить столь опасное для них обоих желание, прекрасно отдавая себе отчет в сопряженном с этим мероприятием риске. Безусловно, в первую очередь наследник боялся за орденца, ибо даже виртуозное владение холодным оружием, которым его светлость славился далеко за пределами Федрины, не спасло бы друзей в случае их обнаружения на территории Орденского убежища. Впрочем, многое

подсказывало Алехандро, что против тайных сил Ордена его рапира помогла бы не сильнее зубчистки. И более того – хваленое чутье Алехандро, никогда не подводившее его в вопросах, касающихся любого вида оружия, буквально кричало виконту о том, что любые эпитеты, примененные для описания могущества Ордена, ни в коей мере не приведут к переоценке или недооценке сего страшного противника.

Все это немедленно отразилось на смуглом лице наследника, и Рей, со свойственной ему проницательностью, одобрительно наблюдал за мыслительным процессом друга, находя его правильным и убедительным во всем, до последней мелочи. И все-таки...

– Я прекрасно понимаю, о чем ты сейчас думаешь, и никогда не предложил бы тебе ничего подобного и даже откровенно сказал бы, что это невозможно, если бы не редкостная удача – сегодня на острове практически никого нет. Считаю, что больше подобной возможности нам не представится. Ты решился?

– Да! – не колеблясь более ни минуты, лаконично ответил Алехандро.

– Тогда переодевайся. – Орденец открыл лежащий у ног мешок и вытащил точно такой же черный костюм, как и тот, который был на нем самом. – Ибо бегать по острову в белых бархатных штанах не может позволить себе даже твоя гламурная светлость.

Уже давно привыкший ничему не удивляться во всем том, что хотя бы отдаленно касалось Ордена, виконт ловко натянул одеяние из податливой черной ткани, безупречно облегавшей тело и совершенно не стеснявшей движений. Рей удовлетворенно кивнул головой и подбадривающим взмахом руки предложил другу следовать за собой.

Друзья быстро и без лишних приключений миновали тихие улицы Верхнего города, благополучно избежав многочисленных патрулей, состоящих из герцогских кирасир, бдительно охранявших сонный покой богатых особняков.

– Старайся вести себя предельно внимательно и осторожно, – заботливо предостерег Алехандро. – Мы вступаем в Нижний город, а два человека, спешащие куда-то ночью, да еще облаченные в подобную маскирующую одежду, всегда выглядят подозрительно и привлекают больше внимания. Нам повезет, если нас примут за вышедших на промысел грабителей, – ведь подобным людям в Нижнем городе никогда не задают ненужных вопросов. Патрули там редки, а лейтенант де Ретай всегда ставит в них наиболее ленивых и корыстных стражников, которые предпочитают разрешать все проблемы прямо на месте, с помощью полновесных эртудо. Де Ретай мудр, – уважительно усмехнулся Алехандро, – он прекрасно понимает, что на некоторые вещи, происходящие ночью в Нижнем городе, лучше демонстративно закрывать глаза, не портя отношений с представителями нетрадиционных профессий и получая с этого немалую выгоду. Впрочем, сегодня ночью нам это только на руку.

И Рею не оставалось ничего другого, как только опять кивнуть, в который раз удивляясь завидному благоразумию не по годам мудрого виконта.

– Если бы ты не родился наследником престола, то наверняка стал бы величайшим вором этого города, – язвительно шепнул он, немало насмешив своего осторожного спутника.

К сожалению, их экспедиции все-таки не удалось обойтись без маленького происшествия, буквально влетев на улице Менял в группу пьяных мореходов, шумно вывалившихся из крохотного полуподвального кабачка. По весьма понятным причинам присущая морякам нелюбовь к представителям Ордена всегда чрезвычайно обострялась под влиянием пивных паров и неоднократно приводила к бурным стычкам между двумя этими группировками, однако всегда, и опять же по известным причинам, заканчивавшимся отнюдь не в пользу морских волков. В этот раз, удачно пристроив груз редкостных восточных товаров, среди которых, к вящей радости его преосвященства Кардинала, нашлась и долгожданная хна, экипаж «Черной катраны» щедро вспрыснул совершенную сделку, предприняв основательный обход питейных заведений Нижнего города. Повеселевшие моряки совсем уже созрели для посещения некоего широко и своеобразно известного дома в специфическом переулке Зеленой Розы. Там они собирались потребовать услуг самых

красивых и умелых девушек, поразив меркантильное воображение тетушки Леокадии – владелицы дешевого борделя, богатого содержимым своих тугих кошельков. И все уже шло именно к такому развитию сюжета, как вдруг благосклонная судьба преподнесла им другой, не менее желанный подарок в лице двух припозднившихся орденцев, по всем признакам отправлявшихся в порт, дабы отбыть на свой проклятый остров, давно уподобившийся для всех мореходов острой кости, застрявшей в горле. Честно говоря, один из орденцев отличался высоким ростом и чрезвычайно внушительной мускулатурой, что, конечно, не смутило доблестных моряков, чья храбрость за последние часы возросла многократно – прямо пропорционально бессчетному количеству кружек темного пива, выпитых в многочисленных кабачках.

– А-а-а, господа островитяне! – радостно протянул жилистый черноволосый верзила, безобразно выщерив дыру на месте отсутствующих передних зубов и красноречиво поигрывая огромным тесаком. – Никак и вы не гнушаетесь пивом местных забегаловок, лишая наших измученных жаждой моряков сего вожаемого напитка, заслуженного непосильным трудом. А мы вот слышали, что строгий устав разрешает вам пить только воду и напроочь запрещает водиться с женщинами. Похоже, вы там на своем поганом острове смазливых послушников любите – недаром их у вас шибко много развелось! – И верзила оскорбительно расхохотался, явно намекая на синие глаза, розовые губы и гибкую фигуру Рея.

Лицо юноши негодуя вспыхнуло:

– Уж не эти ли смазливые послушники исцеляли вам зубы в последний раз? – нахально предположил он. – Могу предложить свои услуги и прямо на этом месте продолжить незаконченное лечение.

Верзила взбешенно зарычал и, размахивая тесаком, кинулся на Рея.

– Остановись, ла Файет! – властно потребовал Алехандро, выступая вперед и успокаивающим жестом опуская ладонь на плечо разъяренного морехода. – Это же я, а со мной – мой друг, нечего первым его задирать. – И видя, что его не узнают, он снял черную полумаску, закрывающую верхнюю половину лица.

– Ну, вот это уже совсем другое дело! – дружелюбно проворчал ла Файет, вкладывая тесак в ножны и протягивая Рею свою не очень-то чистую ладонь, которую тот без колебания пожал. – Друг его светлости – наш друг! Простите, ваше орденство, – и он широко осклабился, вновь демонстрируя Рею злополучную дыру, зияющую на месте зубов, как видно, выбитых в какой-то пьяной драке.

– Разреши представить тебе доблестного Жино ла Файета, капитана «Черной катраны», самого быстроходного торгового корабля нашего флота, – церемонно произнес Алехандро.

Капитан поклонился довольно ловко и с самым польщенным видом.

– Думаю, вы простите и поймете меня, если я не стану раскрывать имени нашего друга из Ордена, – извинился перед моряками виконт.

Рей, тоже отвесивший учтивый поклон, молчал, чувствуя себя в полной безопасности под прикрытием черной маски, которую он и не собирался снимать.

– Ваша светлость, мы восхищены вашим доверием, – не остался в долгу ла Файет. – Но, право же, мы не понимаем, зачем вам понадобилось водить дружбу с Орденом?

– Затем, что не все в Ордене, любезный мой капитан, одобряют политику Верховного Навигатора, – так тихо, что услышать его слова смог лишь любознательный собеседник, ответил Алехандро.

– О-о-о, – только и додумался с умным видом протянуть ла Файет, выражая полный восторг перед политической дальновидностью наследника престола.

Вся компания благородных джентльменов уже расшаркивалась на прощанье и собралась расходиться по своим делам, как вдруг Алехандро, видимо надуомленный благоволившим к нему провидением, интимно наклонился к уху капитана ла Файета:

– Любезный мессир Жино, а не могли бы вы курсировать на своем судне в предрассветный час около острова Сатар настолько близко, насколько это возможно, дабы не

вызвать подозрения Ордена?

Немного удивленный этой просьбой, капитан тем не менее пообещал в точности исполнить странные указания его светлости.

Не встретив больше никаких препятствий на своем пути, друзья вскоре добрались до пирса, где Рей оставил маленькую лодку, принадлежавшую Ордену, которой он довольно часто пользовался, посещая город. Злоупотребляя своим высоким положением в иерархии Ордена, Рей – единственный из всего братства – имел личные апартаменты в самой шикарной части столицы и беспрепятственно курсировал между островом и портом Никополиса. Ни отсутствие чего-либо похожего на весла, ни немалая скорость движения лодки давно уже не были способны хоть сколько-нибудь удивить виконта Алехандро. Только один раз, уже перед самым островом, виконт испытал странное чувство тревоги, когда со звуком лопнувшего мыльного пузыря острый нос лодки распорол чуть видимую прозрачную сферу, подобно огромной чаше прикрывавшую всю поверхность Сатара. Будничным голосом Рей пояснил другу: это охранная система приняла его личный код и пропустила их сквозь защитное поле. На вопрос виконта о том, что случилось бы в случае приближения к острову объекта, не имеющего нужного кода, орденец откровенно признался: защитное поле мгновенно испепеляет объект-нарушитель мощной энергетической вспышкой. Алехандро тут же припомнил истории, повествующие о кораблях, время от времени без вести пропадающих около побережья Сатара, и мгновенно получил все такой же исчерпывающий ответ, что когда у Ордена возникает острая необходимость в свежем биологическом материале, то тогда отец одному ему известным способом создает в защитном поле проход, пропускающий корабль к острову.

«Видимо, сегодня ночь откровений», – подумал наследник и приготовился к самому невероятному.

Галечный берег острова Сатар встретил их могильной тишиной.

– «Здесь птицы не поют, деревья не растут...» – язвительно процитировал Рей. – Ты хоть понимаешь, что за последние столетия стал единственным человеком, не принадлежащим к Ордену и по своей воле ступившим на этот берег?

– Скажи, – спросил Алехандро, – а что произойдет, если на остров высадится экипаж, по твоему убеждению и в самом деле существующего звездолета?

– И экипаж, и сам звездолет действительно существуют! – В голосе Рея звучала непоколебимая уверенность. – Именно это я и собираюсь тебе доказать. Убежище Ордена, находящееся на острове, по сути является второй, вспомогательной Базой, принявшей на себя функцию поддержания связи со звездолетом после гибели главной станции. Имеется еще несколько маленьких резервных баз, к несчастью находящихся от нас на слишком отдаленном расстоянии, чтобы мы могли в условиях нынешнего дефицита энергии и транспортных средств сохранять с ними постоянное сообщение. Сама База составляет единый комплекс со звездолетом «Ника», который в свою очередь создан как кибернетическое продолжение конкретного человека. И живой человек, и система «космолет–база» связаны между собой общим генетическим кодом и логической схемой взаимодействия. Многие из ключей к управлению Базой в настоящее время утеряны, и Орден не имеет доступа ко всем ресурсам острова – во всяком случае, до появления человека, служащего живой отмычкой ко всем возможностям Убежища. И когда она вернется, – печально закончил Рей, – не думаю, что отец захочет выпустить из своих рук ту женщину, которая может дать ему поистине неограниченную власть. Но употребит ли он эту власть во благо?

Алехандро порывисто сжал плечо друга:

– Мы можем помешать ему в этом!

– Во всяком случае, мы можем попробовать это сделать, – сосредоточенно отозвался орденец.

Высокие башни знаменитого Убежища, выполненные из незнакомого виконту серебристого материала, не имели ничего общего с каменными зданиями Никополиса. От Убежища веяло глубокой древностью, но в то же время прошедшие столетия оказались бессильны перед мудростью навигаторов, когда-то построивших Базу. Алехандро невольно вздрогнул, представив себе, как в Мертвые годы тысячи людей медленно угасали от голода и болезней, отчаявшись дожидаться какой-либо помощи, а Орден в безопасности отсиживался за надежными стенами, невозмутимо взирая на гибнущий мир. И жгучая ненависть к Ордену заполнила душу справедливого юноши, превыше всего ценящего честь, отвагу и благородство.

Многие столетия Орден оставался последним оплотом культуры и цивилизации, единолично владея наследием Древних, но в полной мере используя все доступные ему блага лишь в корыстных целях собственного выживания. Изредка, в форме подачек или высшей милости, оказывая содействие только нужным острову людям, Орден неусыпно следил за тем, как выжившая часть человечества в своем развитии вновь начала долгий и мучительный путь вверх, даже не догадываясь о существующем на острове высокотехнологическом заповеднике. Только теперь Алехандро понял скрытый смысл рассуждений Рея о праве на выживание и о моральной стороне выживания за счет других, выживания любой ценой. Два уровня цивилизации, два уровня ментального развития мирно сосуществовали на территории одного государства, разделенные невидимой стеной силового поля, почти тысячу лет окружавшего остров Сатар. И все же виконт не мог невольно не восхититься тем непревзойденным цинизмом, которым должен был обладать Орден, в качестве стороннего эксперта равнодушно наблюдающий ежедневную картину гибнущего мира. Стало это своего рода экспериментом или, возможно, Орден даже получал от сего ужасного зрелища особое, извращенное удовольствие?

Но тут блуждающий взгляд наследника остановился на бледном лице Рея, смущенное выражение которого выдавало мысли, полностью созвучные мыслям виконта, и Алехандро устыдился. Он понял – Рей тоже испытывает невыносимое чувство вины за все деяния и за всю бездеятельность Ордена.

Глава 3

Мы собрались за «круглым столом» переговоров в отсеке, традиционно носившем старинное название кают-компаний. Наш стол для заседаний действительно имел круглую форму, хотя мы предпочитали вкладывать в это слово не физический, а некий более обширный, психологический смысл. Щадя чувства друзей, я в некоторой степени подготовила их к тому, что им предстояло увидеть на мониторах, но все равно эффект, произведенный зрелищем искаленной, зараженной Земли, заставил меня вновь скорбеть вместе с ними. Ребятам пришлось гораздо тяжелее, чем мне – круглой сироте, восседающей сейчас во главе круглого стола: ведь, улетая и оставляя на Земле свои семьи, они пребывали в уверенности, что их близкие проживут долгую, счастливую жизнь. И тем невыносимее оказалось осознание страшного факта – буквально на следующий день после отлета все оставшиеся на Земле люди погибли ужасной мучительной смертью. Участь же выживших могла по справедливости считаться еще более незавидной.

– По моим подсчетам, период наиболее интенсивного распада радиоактивных веществ и последующего затухания остаточных явлений должен продолжаться от трехсот до четырехсот лет, – взволнованно докладывал расхаживающий перед мониторами Айм.

Еще ни разу его точные, превосходно аргументированные научные выкладки, так не вязавшиеся с невысокой пухловатой фигурой этого самоуверенного юноши, не давали основания усомниться в безупречной компетентности нашего аналитика.

– Причем за первые пятьдесят лет численность населения земного шара должна была сократиться вдвое, а за последующие сто лет еще процентов на двадцать. Причина – постепенное распространение радиации в глубь Земли благодаря ходу сточных вод и

медленное отмирание плодородного слоя почвы. Как мы можем убедиться сами, произошло некоторое изменение наклона земной оси, очевидно, вследствие направленных массивных взрывов, что вкупе с нарушением озонового слоя могло привести к глобальному ухудшению климата, выразившемуся во внезапном похолодании на северных участках и возникновении невероятно высоких температур в южных зонах. Таким образом, относительно пригодным для жизни мог остаться только узкий территориальный пояс в Средней полосе, что и наблюдается в данном случае. После четырехсот лет должна наступить некоторая стабилизация, но не проведенная вовремя хотя бы минимальная дезактивация радиоактивных участков в любом случае ведет к постепенному, медленному регрессу и вымиранию...

– А люди? – жалобно спросила добросердечная Нея.

– Только Бог может знать, какие передающиеся из поколения в поколение и закрепленные возникающими заболеваниями мутации возникли среди выживших. Тем более что мы точно не уверены в том, какое именно оружие применялось в ходе военных действий. – Криса выступила от лица медицинского персонала нашего экипажа. – Но можно предположить, что гораздо больший урон здоровью людей нанесли не сами взрывы, а последовавшие за этим неуправляемые эпидемии, отсутствие медицинской помощи, общее состояние экологии и вероятные близкородственные браки внутри маленького, территориально замкнутого социума. Я могу прогнозировать наличие как привычного для нас человеческого биотипа, так и весьма непредсказуемых мутационных отклонений...

– Прекратите! – возмутился молчавший до этой минуты Змей. – А вам не кажется, что ваши псевдонаучные домыслы больше похожи на неудачную попытку сочинить сценарий для фильма ужасов? Какой-то «День мертвых» в натуре! На Земле сохранились базы, еще раз повторяю: БАЗЫ. – Интонацией он выделил каждую букву этого центрального слова. – Да неужели вы думаете, что при наличии баз, с их высочайшим техническим потенциалом и степенями защиты, люди могли опуститься до уровня каменного века?

– Так-так, – насмешливо прищурился рационально мыслящий Айм, – кажется, мне не верят? И кто из нас здесь хронобиолог?

– Хронобиолог, – тут же вставил наш штатный шутник Феникс.

Но на этот раз никто не засмеялся.

– Базы-то они, конечно, базами, – задумчиво протянула кроткая Дина, – но ресурсы убежищ отнюдь не безграничны и тоже нуждаются в периодическом пополнении. Черт их знает, как там у них обстоит дело с энергией... И потом, ребята, вы забываете о главном – о кадрах. Вспомните знаменитую фразу «кадры решают все» и задумайтесь, насколько она жизненна. А что, если базы уже элементарно некому обслуживать и они продолжают работать в сугубо автоматическом режиме?

– Да не могли они там все вымереть! Что за дебильное предположение! – раздраженно выкрикнул неугомонный Змей, и беседа неуправляемо начала переходить в фазу спора.

Все это время я молча сидела в кресле и внимательно слушала ребят, мысленно проставляя плюсы и минусы особо удачным аргументам или явным логическим нестыковкам. Слишком многое в сложившейся ситуации меня беспокоило и оставалось непонятным для того, чтобы я могла позволить себе пренебречь версиями друзей. Но сейчас наступил момент вмешаться.

– Ребята, – тихо позвала я, и спор сразу прекратился, а семь пар глаз выжидательно уставились на меня. Ладно, хоть дисциплина у нас до сих пор оставалась на высоте. – Не будем строить поспешных теорий, не проанализировав всей доступной нам информации. Пока сложившаяся ситуация ясна лишь в самых общих чертах. Кроме этого, почему-то никого из вас не удивил вскрывшийся факт того, как, отправляя нас к Нимфее-6, руководство проекта утаило от нас настоящую длительность экспедиции по земному летоисчислению. Оказалось, что только одной «Нике» известно о предполагаемом возвращении на Землю-1 не через двести пятьдесят, а через девятьсот шестнадцать лет...

– А что изменилось бы, если бы мы об этом знали? – скептически прозвучал голос

молчавшего до этого Дракона, нашего первого штурмана.

– Хороший вопрос.– Феникс расселся в непринужденной позе, положив ноги на стол, наигранно стараясь показать, как мало его сейчас что-то беспокоит. Но его нахальный жест выглядел излишне театрально.– Я бы, например, десять раз подумал, прежде чем отправиться в такую долгую прогулочку. Тысяча лет – слишком офигенный срок для того, чтобы, отчалив в лишь теоретически известном нам направлении, оставить свой дом без присмотра. И вот вам результат... – Он не глядя махнул рукой в сторону мониторов.– «Враги сожгли родную хату...» – Губы пилота искривились, и он отвернулся.

Я подошла к Фениксу и нежно погладила непокорный ежик коротких черных волос, дерзко топорщившийся на его голове. Мальчишки всегда остаются мальчишками, и им чрезвычайно трудно свыкнуться с мыслью, что их детская тяга к подвигам и приключениям имеет весьма мало общего с жестокой действительностью жизни. Разочарования неизбежны.

– А ты подумай о том,– мягко предложила я, наклоняясь к лицу друга и заглядывая в глаза, которые намеренно часто принимали ехидный прищур лишь для того, чтобы скрыть свою истинную податливость и беззащитность,– насколько мизерным мог бы оказаться наш шанс на выживание, останься мы на Земле. Ведь даже вживленные нам биочипы, способные на неограниченно долгий срок продлить срок функционирования наших физических оболочек, были бы не в силах защитить нас от огня и жесткого излучения.

Из всей нашей разномастной команды чаще и сильнее всего я, наверное, переживала именно за него – язвительного и ершистого Феникса, за мускулистой фигурой и постоянными прибаутками коего скрывалась ранимая душа ничем не исправимого романтика. Ни маленькая женственная Нея, ни скептик Дракон, ни уравновешенный Змей, ни тонко чувствующая Крися никогда не вызвали во мне столь бурного желания защищать и опекать, подобного тому, какое старшая, умудренная житейским опытом сестра испытывает по отношению к младшему, неразумному братику. Хотя, если разобраться, в глубине души, тщательно оберегаемой от кого-либо, кроме узкого круга проверенных друзей, все мы являемся совсем не теми, кем хотим казаться внешне. Жизненные обстоятельства частенько приучают нас носить разного рода ментальные маски, служащие средством приспособления или защиты от любого неприятного фактора, по тем или иным причинам принимаемого близко к сердцу. Впоследствии удачно задуманная маска может настолько прочно прирасти к твоему лицу, что подчас тебе самому становится весьма трудно отличать настоящего себя от той искусственно созданной личности, которую ты привыкаешь показывать окружающим. И счастье, если рядом с тобой находятся люди, умеющие отделять твое сценическое «я», от «я» реального. Привыкшие ценить тебя за что-то большее, чем бравадные подвиги, способные любить не за что-то, а, скорее, вопреки всему.

Феникс беззлобно мотнул головой, сбрасывая мою успокаивающую руку, но я видела, как разгладились две капризные морщинки, озабоченно перерезавшие загорелую мальчишескую переносицу.

– Поэтому,– как ни в чем не бывало продолжила я прерванную фразу,– я склонна считать, что руководство не только знало о назревающих событиях, но и, более того, даже при прогнозируемо катастрофических последствиях грядущей войны надеялось на удачный исход нашей миссии и ждало нашего возвращения. А если принять во внимание тот факт, как целенаправленно все эти годы уцелевшая база поддерживала связь со звездолетом, то становится очевидным – оставшиеся ресурсы целиком брошены именно на организацию и сохранение этой связи, а также на жизненно необходимое обеспечение процедуры нашего возвращения. Никто не мог гарантировать Земле, что, узнай экипаж звездолета об истинной длительности полета и о случившейся катастрофе, мы обязательно приняли бы решение вернуться...

– Да как ты можешь говорить подобное? – импульсивно возмутилась Дина.– Ведь ты – капитан, а мы – навигаторы! И для нас вовсе не пустой звук такие гуманистические понятия, как честь и долг!

– Не нужно считать меня бессердечной мерзавкой.– Я никогда не обижалась на

откровенные слова друзей.— Но, положив руку на сердце, признайтесь, кто первый из вас предложил бы вернуться домой, понимая, что впереди нас ждут четыреста пятьдесят лет пути и радиоактивные руины вместо ранее густонаселенных городов?

— А ты сама,— дрожащим от слез голосом спросила Нея,— ты бы вернулась, зная об этом?

— Я — реалистка,— холодно отчеканила я.— Но если бы я обладала точной информацией о том, что связь с базой поддерживается автоматически, а на Земле, вероятно, уже некого спасать, кроме горстки одичавших мутантов, я бы очень сильно подумала, прежде чем начать рисковать вашими жизнями.— И, помолчав, добавила: — Даже в том случае, если бы вы назвали меня предательницей!

— Не оправдывайся,— тяжело вздохнул Змей.— Мы все давно и преждевременно вышли из детского возраста и прекрасно понимаем — нас цинично использовали в качестве козырного туза, до нужного момента спрятанного в рукаве...

— Вопрос в том, кто нас использует... — Но мой возглас остался безответным. Пока безответным...

Точку в неприятном разговоре поставил, как всегда, Айм:

— Не уважаю нечестную игру.

Изящные башни острова Сатар ни в коей мере не оправдали потаенных надежд Алехандро. Ни узкие пустые коридоры, ни обширные комнаты, заставленные стандартной мебелью, совершенно не соответствовали безудержным мечтаниям виконта. Проскользнув через трапезную, где несколько братьев приветствовали Рея смиренными наклонами головы, даже не поинтересовавшись личностью его прикрытого капюшоном спутника, друзья побывали в полупустом зале, который Рей называл комнатой для размышлений, в лазарете и даже в личных покоях Верховного Навигатора.

— Я вижу, что ты ошеломлен и разочарован,— лукаво подмигнул Рей, усаживая наследника на узкую кровать в своей маленькой, скудно обставленной келье.

— Еще бы,— признался Алехандро, с облегчением откидывая осточертевший капюшон.— У меня сложилось впечатление, что ваш быт мало чем отличается от благонравного жития монастыря Святой Ники. Не удивлюсь, если окажется — ордены подобно монахам отправляют службы и читают молитвы.

Рей безудержно расхохотался:

— Видишь ли, друг мой, некоторая часть младших орденских послушников ранее являлась всего лишь рядовыми жителями Никополиса, другая же их часть родилась и выросла в Убежище, но тоже очень мало посвящена в тайные дела Ордена. Именно эти братья и проживают в верхнем ярусе, даже не догадываясь об истинном Убежище, спрятанном в недрах острова Сатар. Ты видел красивую декорацию. Теперь я приглашаю тебя посетить наше подземное закулисье...

Глаза Алехандро радостно вспыхнули.

— Но помни... — Еще никогда до сего момента виконту не доводилось видеть Рея настолько серьезным и сосредоточенным.— ...Спускаясь на нижние этажи, мы рискуем собственными жизнями и прикасаемся к запретному. А посему — ни при каких обстоятельствах ни словом, ни даже малейшим намеком ты не должен позволять кому-либо догадаться о том, где побывал сегодня ночью. Впрочем,— неприятная улыбка скользнула по тонким губам Рея,— тебе вряд ли кто-нибудь поверит...

— Подожди,— поспешно прервал друга виконт,— ты упомянул о братьях, ранее являвшихся всего лишь обычными горожанами. Это случайная обмолвка или такое и вправду возможно?— Из головы Алехандро не шли странные разговоры о людях, скрывающихся под орденскими одеждами и не узнающими друзей и родственников.

— Я ничего не путаю! — хладнокровно подтвердил Рей.— Иди за мной — и ты увидишь невероятное!

— Мракобесие,— сварливо ворчал виконт, следом за другом спускаясь по узкой винтовой

лесенке,— так назвал бы твои слова его преосвященство Кардинал!

— Отнюдь! — наставительно поднял палец орденец.— Не полубезумные байки святош, а наука в чистом виде. Я безусловно уважаю и ценю нашего благородного духовного лидера. На фоне всех прочих разномастных церковных и придворных мерзавцев он выглядит необычайно хорошим человеком и, бесспорно, стал незаурядной личностью, обладающей многими замечательными качествами...

— А своего отца ты тоже причисляешь к мерзавцам? — ехидно осведомился Алехандро.

— Ты в этом сомневаешься? — иронично хмыкнул Рей.

— Скорее нет, чем да,— эхом отозвался виконт.— Стоп, куда это мы идем? Ты сам говорил, что в подвалах острова располагаются кладовые и хранилища запасов...

— Но я специально не упоминал о том, что находится под подвалом... — Рей выразительно поднял бровь.

Орденец остановился перед ничем не примечательной дощатой дверью и жестом фокусника указал на изъеденные червями доски:

— Видишь тайник?

— Издеваешься? Конечно, не вижу, чтобы мне переспать с Рыжей Никой! — богохульно ругнулся виконт.— Ты шутишь? Здесь же ничего нет, кроме убогой двери и крохотной комнатухи с бочками солонины!

— Ой ли? — насмешливо поддел его друг.

После этого Рей осторожно ощупал грубую стеновую кладку возле двери, нажал на один камень и повернул другой. Алехандро изумленно ахнул. Часть стены бесшумно сдвинулась в сторону, открывая широкий проход, ярко освещенный светильниками необычной формы.

— Электричество! — восхищенно опознал наследник.

— Ты хорошо усвоил наши уроки,— похвалил орденец.— Вперед!

— Волшебная пещера Али-Бабы из старинных сказок? — мальчишески хихикнул Алехандро, настороженно переступая порог.

— Лучше, мой друг, намного лучше! — Рей закрыл проход поворотом еще одного камня.— Такие чудеса не снились ни одному сказочному герою...

Его слова прервал низкий утробный рев, шквальной волной пронесшийся по коридору.

— Святая Ника! — схватился за кинжал виконт.— Что это?

— Не бойся — пойдем скорее, у нас не так много времени.— Рей настойчиво тянул друга за рукав мешковатого орденского балахона.— Эти звуки доносятся из лаборатории, где мы проводим эксперименты с модифицированными людьми. Но они заперты и неопасны.

— Свежий биологический материал? — угрюмо нахмурился Алехандро.— Так вот куда исчезают наши моряки. Но зачем?

— Сам увидишь и поймешь! — коротко пообещал Рей.— Идем же.

Быстрыми шагами они пересекали подземный коридор, стены которого оказались выложены серебристыми металлическими плитами. Небольшие светильники, защищенные стальной сеткой, равномерно освещали удобный проход. Коридор закончился гладкой двустворчатой дверью. Рей нажал маленькую круглую кнопку, расположенную на отдельной пластине. Раздалось негромкое гудение.

— Это лифт,— охотно пояснил орденец, заметив недоуменный взгляд друга.— Самодвижущийся механизм. С его помощью мы попадем на нижние ярусы.

— Ты не ответил на мой вопрос,— напомнил виконт,— касающийся пропавших мореходов...

— Ах да! Отец изучает воздействие различных доз радиации на человеческий организм, хочет совершить долгую экспедицию куда-то в горы Тибета. Не знаю, с какой целью. Поэтому он много работает с живым материалом, но иногда последствия его экспериментов выглядят весьма и весьма устрашающе.

Гудение затихло. Створки плавно раздвинулись, и юноши вошли в маленькую кабинку.

— Пожалуйста, введите ваш личный код! — Приятный женский голос, заставивший

Александро вновь схватиться за кинжал, шел с маленькой светящейся панели, укрепленной на стене лифта.

– Тринадцать двадцать, уровень допуска – ноль-два! – Рей прижал подушечку большого пальца к овальной пластинке.

– Идентификация личности успешно завершена, – любезно отреагировал женский голос. – Ваши полномочия подтверждены.

Кабина лифта качнулась, заставив виконта судорожно уцепиться за плечо друга, и резко ухнула вниз.

– Ого! – восхищенно прокомментировал Александро. – А знаешь, это гораздо удобнее лошадей и кареты!

– Ха, ты еще на самолете не летал! – поддразнивающе рассмеялся Рей.

– Что-то я не очень уверен, что мне этого хочется! – неохотно признался наследник. – Боязно!

Лифт остановился, двери раскрылись.

– А вот теперь тебя ждет настоящее испытание! – Орденец беспокойно вглядывался в лицо друга. – Готов?

Александро дрожащим пальцем пригладил свои щегольские усики, обнаружив предательские капельки пота, неожиданно выступившие на верхней губе.

– Готов! – твердо произнес он.

– Тогда идем! – Рей пропустил виконта вперед. – Смотри!

А здесь и вправду нашлось на что посмотреть, причем нашлось с лихвой. Один раз Александро даже незаметно ущипнул себя за мочку уха, проверяя, не спит ли он. Ни один даже самый кошмарный сон, никакие гравюры с церковных манускриптов, повествующих об ужасных Мертвых годах, и в сравнение не шли с теми тайнами, которые скрывались в подвалах орденского Убежища. Словно зачарованный брел наследник вдоль тесных камер, располагавшихся по обе стороны узкого коридора. И смотрел, смотрел... Маленькие комнатки за толстым стеклом. А внутри...

– Не вздрагивай, они нас не видят, – успокоил друга Рей. – Перегородки прозрачны только снаружи. Милые твари, не так ли?

Милые? Виконт едва сдерживал рвотные позывы. Обитатели одноместных комнаток не вызывали в нем и простой человеческой жалости, а только стойкое чувство глубокого омерзения. Сплошь покрытые кровоточащими язвами, келоидными рубцами, буграми отгнивших или деформированных конечностей, эти существа даже отдаленно не напоминали людей.

– И этот пантеон уродов создал твой отец? – с содроганием спросил виконт. – Всегда подозревал Верховного Навигатора в пристрастии к мизантропии!

– Хвала Нике, нет! – с облегчением отозвался Рей. – Все они – потомки тех, кто не сумел укрыться от радиации или подхватил инфекцию. Мы специально привозим их из зараженных зон – изучаем, экспериментируем и пытаемся лечить, мечтая создать вакцину, которая поможет людям противостоять лучевой болезни.

– И как, удалось?

– Пока нет, – печально вздохнул орденец. – Но мы конечно же не теряем надежды. К несчастью, самые лучшие лаборатории острова заблокированы личным кодом Ники, и никто, кроме нее, не сможет их открыть. У нас катастрофически не хватает нужной аппаратуры и препаратов.

– Именно поэтому Верховный Навигатор так хочет заполучить Нику в свои руки?

– И поэтому тоже, – откровенно признался сын Навигатора.

– А почему еще?

– Узнаешь, – интригуяюще пообещал Рей. – Иди за мной.

Друзья решительно зашагали дальше, как вдруг в противоположной стороне коридора зародился дикий, безумный по силе и ярости вопль, лавиной прокатившийся по узкому проходу. Кричала, без сомнения, женщина. Какофония звуков настигла юношей, накрыв и

чуть не сбив с ног. Рей зашатался, болезненно скривился, попытался заткнуть пальцами уши и привалился к физически более выносливому виконту. Скрипя зубами, Алехандро вцепился в выпуклые заклепки, скрепляющие стальное покрытие стен, дрожа всем телом, будто осиновый лист на осеннем ветру. Его мучило, голова кружилась, а во рту появился горький привкус желчи... «Замолчи,— беззвучно умолял он,— не доводи нас до безумия». Но выматывающие душу звуки не затихали, а, наоборот, лишь усиливались, острыми шипами все глубже впиваясь в барабанные перепонки. наследнику никогда еще не доводилось переживать чего-либо подобного. Нестерпимое страдание, безумная ненависть к мучителям, страстная тоска по свободе и бешеная жажда крови — вот что слышалось в этом нечеловеческом голосе. Алехандро чувствовал: еще миг — и он тоже сойдет с ума. Он прижимался к стене с единственной мыслью — скорее бы все закончилось, скорее бы она замолчала. Своим мощным торсом виконт старался хоть немного прикрыть субтильного Рея, беспомощным клубком скорчившегося у него в ногах. И в то самое мгновение, когда силы Алехандро оказались на исходе, когда он сам почти готовился присоединиться к этому безумному гимну боли и смерти, крик неожиданно стих — так же внезапно, как и возник. Измученный физически и морально, виконт медленно сполз вниз по скользкой, восхитительно холодной стене.

С тихим стоном облегчения Рей кое-как разлепил мокрые ресницы, одновременно с этим вытирая засохшие дорожки, оставленные кровью, струившейся из носа.

— Спаси нас святая Ника, в голове не укладывается — кто это может так дико кричать? — невнятно выдавил Алехандро.

— Ламия!³

— Ламия? Она — человек?

— Понимаешь,— Рей краем балахона отер потное лицо друга,— ее нельзя причислить к расе людей, но и животным она не является. К тому же она разумна.

— Да еще и орет так, словно с нее живьем кожу снимают,— сочувственно произнес виконт.

— Внешне ламия очень похожа на обычную женщину, но покрыта чешуей и обладает невероятной силой. Отец привез ее из какой-то экспедиции. Говорят,— тут орденец испуганно понизил голос,— что она питается человеческой кровью. Раз в месяц с нею происходят какие-то странные трансформации, причиняющие этому существу нестерпимую боль.

— Ну и ну,— недоверчиво покачал головой виконт.— Близко знакомиться с подобной тварью я отказываюсь категорически!

— И не надо: мы пойдем в инкубатор, а не в виварий.

— Куда?

— В место рождения членов Ордена!

— Святая Ника! — потрясенно охнул наследник.— Я уже сомневаюсь: можно ли выйти из этого подвала здоровым, не повредившись в уме?

— Если ты хочешь бороться с отцом и помочь Рыжей, то должен узнать все секреты Ордена!

— Ты прав,— неохотно признал Алехандро.— Идем дальше.

Хватаясь за стены и участливо поддерживая друг друга, юноши кое-как поднялись с пола.

— Ты говоришь странные вещи,— недоумевал виконт.— Рождение человека — естественный процесс. Всем известно, что для этого события нужен зрелый мужчина и женщина с плодородным чревом. Слияние двух тел, а потом девять месяцев беременности — и все, можно готовить пеленки...

— Согласен, в технике слияния с бабами ты у нас спец! — Рей иронично прервал познавательные откровения друга.— Но ты хотя бы раз видел, чтобы членами Ордена

---

³ Л а м и я — мифологическое существо, подвид вампиров, гибрид человека и змеи.

становились женщины?

– Членами – точно нет, – фливозно хмыкнул его светлость. – Но вот, возможно, лоном? Впрочем, нет, ни разу не видел и не слышал о женщинах-навигаторах. Честно говоря, в сплетни о вашем мужеложстве я тоже не верю, но, с другой стороны, Орден никогда не жаловался на недостаток молодых, крепких послушников. Так в чем же тогда дело?

– Отец неизменно скепичен по отношению к женщинам, – удрученно вздохнул Рей. – А жаль, ибо сами орденцы, особенно моего возраста, совсем не чураются девиц с улицы Зеленой Розы. Но, похоже, все мы стерильны, потому как еще не было ни единого случая, чтобы у нас рождались дети обычным, общепринятым способом...

– Я читал старые религиозные книги, упоминающие о непорочном зачатии... – Алехандро саркастично усмехнулся. – Но и этот способ для вас явно неприемлем.

– Наука может все! – Рей приглашающе толкнул очередную дверь: – Смотри!

Виконт очутился в большом светлом помещении, живо напомнившем ему просторные палаты лазарета, действующего при монастыре Святой Ники. Пол выложен бежевыми каменными плитками, белые стены, яркие светильники. А в центре комнаты располагается целый ряд вместительных цилиндрических сосудов, густо опутанных проводами и датчиками непонятных приборов. Алехандро подошел ближе, протер запотевшее стекло крайнего цилиндра и... отшатнулся. Через прозрачную стенку на него бездумно глянули затуманенные полудремой зрачки крохотного ребенка, плавающего в мутном питательном растворе. Малыш дышал, шевелился и, что потрясло виконта до глубины души, упоенно сосал большой палец правой ручки. Наследник поспешил присмотреться ко второму сосуду, а потом к третьему, четвертому... И в каждом из этих удивительных заменителей материнского чрева находился вполне сформировавшийся человеческий зародыш мужского пола.

– Но как такое стало возможно? – ошеломленно пробормотал Алехандро.

Рей, невозмутимо стоявший в стороне со скрещенными на груди руками, с величайшим удовольствием наблюдал за реакцией друга.

– Много лет назад отец нашел тайное хранилище с тысячами законсервированных человеческих эмбрионов. Все они оказались мальчиками. Одно из государств, очевидно, решило подстраховаться на случай войны, создав банк своих будущих солдат. В этом же хранилище имелось и все необходимое оборудование для выращивания клонов – автоклавы и прочее. С тех пор Орден не испытывал затруднений с пополнением своих рядов. Причем все орденцы обладают отличным здоровьем: ведь их иммунитет не подвергся воздействию радиации и многочисленной заразы, щедро рассеянной по Земле.

– А свежий биологический материал? – тут же напомнил виконт, никогда не жаловавшийся на слабую память.

Рей сердито поморщился:

– При пополнении рядов Ордена у нас возникла одна-единственная проблема. Эмбрион развивается в жидкости, содержащей в своем составе вытяжку из гипофиза взрослого мужчины. Для этих целей отцу приходится использовать жителей Никополиса. Беда в том, что после откачки части мозговой жидкости человек чаще всего становится душевно неполноценным и впадает в слабоумие разной степени тяжести.

– Но это же ужасно, бесчеловечно! – возмущенно воскликнул Алехандро. – Это хуже каннибализма.

– А что прикажешь нам делать? – покаянно развел руками орденец. – Участъ одних печальна – они превращаются в неизлечимых идиотов. Другие, видимо более крепкие психически, просто теряют память и вполне довольны новой легендой своего существования, внушенной им членами Капитула. Им отводится роль наших слуг.

– Но ты-то сам, – подозрительно покосился на друга виконт, – ты же сам не... – И он брезгливо указал на автоклав с эмбрионом.

Рей забавно сморщил нос и звонко рассмеялся:

– Нет, уж поверь мне: я – не клон. Я помню свое детство. Когда-то отец позволил себе

плотскую слабость и полюбил женщину, разбившую ему сердце. Мать умерла при родах, а меня до зрелого возраста держали в маленьком отдаленном убежище, вкладывая много сил и знаний в мое обучение. Отец желал сделать из меня наследника своих идей и целей. Но, – тут юноша гневно сверкнул глазами, – он просчитался, ибо я не одобряю его методов и неумейной жажды власти. А кроме того, есть еще нечто неясное, смущающее меня больше всего...

– И что же это? – напрягся Алехандро, осознавая чрезвычайную важность их разговора.

Рей подошел к другу вплотную и взял виконта за руку:

– Ты мне доверяешь?

– Абсолютно! – не раздумывая, ответил Алехандро.

– Даже не знаю, с чего и начать, – признался орденец. – Если наши разговоры станут достоянием третьих лиц, то начнется страшная паника.

– Но ты ведь тоже доверяешь мне?

– Конечно, – кивнул Рей. – Но не хочу тебя пугать...

– Я – боец, воин, а не какая-нибудь слезливая баба, – иронично усмехнулся виконт. – К тому же наследник престола, отвечающий за будущее целой страны...

– Убедил, убедил, сдаюсь! – поднял Рей ладони. – Тогда ты должен знать – Земля погибает!

– А я сам это вижу и понимаю... – Алехандро озабоченно потер подбородок. – С каждым годом становится все жарче, урожаи все скуднее, болезней больше, воды – меньше. А многие из наших женщин – бесплодны.

– Все это вызвано ухудшением экологии, – печально пояснил орденец. – Почти тысячу лет назад разразилась атомная война. Одна из держав открыла новый, альтернативный вид топлива и начала диктовать свои условия всем остальным государствам. Конфликт привел к началу боевых действий, почти погубивших жизнь на планете. А первоисточник всех бед, проклятое топливо, оказавшееся к тому же еще и ужасно токсичным, в итоге разлилось по воде и почве, медленно, но верно отравляя все вокруг. Этот процесс продолжается и сейчас, и его последствия уже необратимы. Очень скоро Земля погибнет окончательно, а вместе с нею – и все мы. Но отец нашел путь к спасению...

– Какой? – нетерпеливо воскликнул виконт.

– Где-то в пустыне Гоби спрятана База, на которой перед самым началом войны построили огромный транспортный звездолет, названный «Ковчегом». Он предназначен для колонистов, которые отбудут на нашу новую родину – Землю-2, открытую экипажем «Ники». Но активировать корабль может только она...

– Сама Ника? – откликнулся Алехандро.

– Да, ведь она служит живым ключом к Базе, к лабораториям Убежища острова Сатар, к «Ковчегу»!

– И сказано в Писании, – патетично процитировал виконт: – «...Спустится с небес святая Ника, а с нею семь ее ангелов, и поднимется из песка Огненная колесница, управляемая ее волей, и вознесет на небо праведных, коим выжить предназначено...»

– Теперь ты все понял? – с очевидным намеком спросил Рей.

– Понял! – мрачно подтвердил наследник. – Навигатору наплевать на людей. Он решил улететь с погибающей планеты. Тоже мне праведник нашелся! Его интересует только собственное спасение и судьба его ближайших приспешников.

– Поэтому ему и нужна Ника, – подвел неутешительный итог молодой орденец. – Она и «Ковчег»!

Эта дверь оказалась последней. Вернее, коридор просто заканчивался темной стальной дверью, даже внешне выглядевшей очень прочной и тяжелой.

– Центр управления Базой! – благоговейно произнес Рей, осторожно прикасаясь кончиками пальцев к массивной стальной плите. – Смотри, что сейчас произойдет...

Орденец вновь, как и раньше, приложил подушечку большого пальца своей правой руки к поверхности датчика, укрепленного справа от двери.

– Уровень секретности – ноль-два, в допуске отказано,– равнодушно отчеканил механический голос.

Лицо Алехандро разочарованно вытянулось. Но Рей многозначительно подмигнул и бережно вынул из кармана тоненькую, полупрозрачную пленочку.

– Отпечаток пальцев отца,– пояснил он.– Со стакана снял, на силиконовый лоскуток. Попробуем обмануть электронного стража...

Он прижал фальсифицированный отпечаток к сканеру. По прибору прокатилась световая полоска, идентифицируя расположение кожных бороздок.

– Код доступа ноль-один, полномочия подтверждены! – И стальные створки плавно разъехались в разные стороны. Рей и виконт радостно присвистнули.

Их взорам предстало круглое помещение, залитое ярким светом потолочных светильников, заставленное множеством приборов и дисплеев с мигающими лампочками. Ликующе вскрикнув, Рей бросился к главной консоли и принялся увлеченно щелкать какими-то тумблерами.

– Ну и что все это значит? – спросил Алехандро, немного растерявшийся от обилия совершенно непонятного ему оборудования.

Друг поднял сияющее лицо:

– База безупречно работоспособна и готова к полнообъемному функционированию. Можно запустить лаборатории, можно проводить исследования, можно даже начать поэтапную очистку воды и воздуха или изготовление лекарств. Видишь... – он указал на один из мониторов,– здесь отображена скоординированная сеть датчиков и дистанционно управляемых роботов, разбросанных по поверхности всей Земли. С их помощью мы способны запустить процесс тотальной дезинсекции и получаем реальную возможность избавить нашу планету от губительных последствий радиоактивного заражения!

– А разлитое топливо?

– Собрать! И обратить на пользу людям. Вновь подключить атомные электростанции. И тогда беда станет благом!

– И не нужно будет никуда улетать? – осмелился предположить Алехандро.

– Ну я, конечно, не специалист и не могу дать стопроцентной гарантии,– с сожалением признался орденец,– а вот профессионалы из экипажа «Ники» смогут точно просчитать вероятность благоприятного исхода очистных процедур. Но, полагаю, после запуска Базы и активации всех вспомогательных ресурсов наши шансы на выживание возрастут многократно.

– А как можно запустить Базу?

– С помощью индивидуальной капсулы управления.– Рей подошел к сооружению, расположенному в центре комнаты и напоминающему саркофаг. Он нажал на одну из кнопок на боку сего монументального сооружения, и изначально матовая крышка прибора стала прозрачной, явив углубление, повторяющее очертания человеческого тела.– Отец называет ее «Прокрустовым ложем»!

Алехандро непонимающе пожал плечами.

– В одной старинной греческой легенде упоминалось о ложе, сделанном по размерам конкретного человека, а именно – злодея по имени Прокруст,– начал рассказывать орденец.– Если на ложе укладывался человек слишком большого роста, то выдвигающиеся из его спинки лезвия обрубали свисающие вниз ноги неудачника. Если же смельчак не доставал ступнями до края, то ложе вытягивало испытуемого до нужной длины, дробя ему кости.

– Ужасно! – Виконт испуганно отступил подальше от саркофага.– Ваша капсула тоже способна выкинуть нечто подобное?

– Нет,– улыбнулся Рей.– Она просто не подпустит к себе чужака! – Он вновь приложил пленку с отпечатком пальца Верховного Навигатора к датчику «Прокрустова ложа».

– Уровень ноль-один, в доступе отказано! – с недовольными интонациями буркнул прибор.

– Какой же уровень ему нужен? Ноль-ноль, что ли? – удивился Алехандро.

– Точно! – подтвердил Рей. – А такой уровень имеет только один человек...
– Ника?
– Именно она, и никто другой! – утвердительно кивнул орденец.
– Вот это да! – восхитился наследник.
– Хочешь увидеть саму Нику? – неожиданно предложил Рей.
– Да я ее сто раз ви... – привычно начал виконт и неожиданно поперхнулся: – Ты что, можешь с нею связаться?

– Размечтался! – хохотнул орденец. – Нет, конечно. Но все ее статуи делали с голографических снимков, воспроизводимых с помощью проекторов. Вон один из этих проекторов, на шкафу стоит. Посмотрим?

Алехандро согласно кивнул, будучи не в силах выдать хоть слово. Его сердце неожиданно замерло, а затем усиленно заколотилось, на лбу выступила обильная испарина... Но, к счастью, Рей ничего не заметил, увлеченно ковыряясь в маленькой серебристой коробочке и что-то вполголоса бубня себе под нос. Наследник прислушался.

– Наверное, они делали камеру управления по ее снимкам, подгоняли под параметры тела девушки, а потом запрограммировали на ее отпечаток и ДНК... – бормотал юноша. – Значит, тут должно храниться что-то интересное...

Неожиданно прибор щелкнул, а в центре комнаты медленно сформировался столб туманного света. Чуть не попав в область действия проектора, Алехандро поспешно отпрыгнул в сторону. Очень медленно изображение сфокусировалось. Юноши увидели стол, за которым сидели две девушки, методично перебирающие лабораторные пробирки.

– Знаешь, а она очень слабо реагирует на впрыскивание вирусов, – задумчиво произнесла первая девушка – черноволосая, невысокая и пухленькая. – Ее организм их практически игнорирует: холеру, сибирскую язву, коклюш... – Огромные ярко-синие глазищи, опущенные густыми ресницами, сосредоточенно рассматривали содержимое крохотного стеклянного сосуда. Короткая мальчишечья стрижка забавно не вязалась с круглыми щеками своей обладательницы, придавая девушке пикантно-озорной вид.

– Хорошенькая! – мечтательно протянул Рей, любуясь синеглазкой.

– Крись, ну ты же сама знаешь, какая у нее кровь, – ответила другая девушка, русая блондинка с каре до плеч, – считай, готовая основа для вакцин. – Вторая пара девичьих глаз, светло-серых, так же впиалась взглядом в пробирку. – Группа чрезвычайно редкая, новая, да еще и мутация врожденная!

– Да помню я, помню, – недовольно проворчала пышка со странным именем, – такие способности, кроме как мутацией, ничем другим и не объяснишь...

– О чем это они? – шепотом, словно девушки могли его услышать, поинтересовался Алехандро.

– Наверное, о Нике: она же – экстрасенс, – таким же шепотом пояснил Рей.

– Кто-кто?

– Ну, мысли читать может, энергией управлять с помощью силы воли!

– Ничего себе! – Виконт был шокирован услышанным. – Может, она и вправду святая?

Орденец недоверчиво рассмеялся.

Между тем изображение лаборатории исчезло, сменившись совсем иным видом. Перед юношами предстал зеленый, поросший ромашками лужок, а на нем – высокая рыжеволосая девушка в коротенькой беленькой юбочке.

– Она! – очарованно выдохнул наследник.

В правой руке Ника держала странный предмет, имеющий длинную рукоятку и широкую, затянутую сеткой часть, а в левой – симпатичный желтый мячик. Непринужденным движением девушка подбросила мячик невысоко в воздух и сильно ударила по нему сетчатой поверхностью, посылая этот почти невесомый снаряд куда-то вдаль...

– В теннис играет, – прокомментировал Рей, подчиняясь молчаливому требованию виконта. – И хорошо, кстати, играет.

Раздался негодующий мальчишеский возглас.

– Пять – ноль! – весело выкрикнула Ника и заливисто расхохоталась.

– Ну так нечестно! – Рядом с девушкой появился низенький, полный юноша в красной футболке и смешных, мешковатых штанах до колен. – Рыжая-бесстыжая, опять ты Финика вчистую уделала!

Ника фыркнула, чуть наклонилась и ласково чмокнула толстячка в макушку, едва достигающую ее плеча. (Виконт немедленно приревновал.)

– Да, Аймушка. Зато вчера тебе в нарды продула!

Алехандро напрягся. Голос девушки, пробравший его до самой глубины души, оказался глубоким, бархатистым и волнующе эротичным.

– Прямо не человек, а волшебница-сирена из сказки! – уважительно хмыкнул Рей.

– Сто раз тебя уже просил, умник, не называй меня Фиником! – Мускулистый смуглый парень с жестким ежиком коротко стриженных волос подошел к Айму и наигранно угрожающе стукнул его мячиком в лоб. – А то я тебя Колобком именовать начну! Кстати, сейчас нас Учитель искать начнет...

– Дети! – послышался громкий, хриловатый мужской голос. – Пора ужинать!

– Странно... – задумчиво пробормотал Рей. – Невероятно, но этот голос кажется мне знакомым. Где я мог его слышать?

– Ох ты, черт! – неожиданно выкрикнул Алехандро, дергая друга за рукав и сбивая с мысли. Рей поднял рассеянный взгляд...

Картинка поменялась вновь. На этот раз на изображении присутствовала одна Ника, окутанная густыми клубами пара и струями воды, льющейся откуда-то сверху. Девушка мурлыкала немудреный мотивчик и намыливалась большой розовой губкой. Воздушные хлопья мыльной пены покрывали ее загорелое тело, нескромно выставляя напоказ то стройную, умопомрачительно длинную ногу, то пленительный изгиб сильной спины, а то – холмики пышных грудей.

– Охраните меня от плотского искуса, семь ангелов! – Алехандро шумно втянул воздух сквозь неплотно сжатые зубы. – Никогда не видел такой красивой женщины!

Словно услышав его слова, девушка повернула голову и насмешливо прищурила миндалевидные зеленые глаза. Мокрые пряди рыжих, крупно выющихся волос облепили высокие скулы. Нежные губы идеального очерка сложились в язвительную улыбку.

– Мой лук, наверно, по ее верхней губе делали! – восхитился Алехандро.

А в следующий миг Ника вдруг приоткрыла рот и показала юношам длинный розовый язычок.

– Чего это она? – отшатнулся наследник. – Нас увидела?

– Нет, – успокоил его Рей. – Но думаю, она знала, что за нею наблюдают. Для создания камеры управления нужен трехмерный снимок всего тела. Поэтому объемное изображение обнаженной фигуры неизбежно. Но ты глянь, какая она хулиганка! – Рей весело рассмеялся.

Девушка на голограмме повернулась задом к невидимой камере, выпятила округлые ягодицы и начала намыливать их намеренно издевательски-неторопливыми движениями.

Алехандро, не сдержавшись, протянул руку, словно желая притронуться к упругим прелестям, но его пальцы, не встретив никакой преграды, просто прошли сквозь изображение обнаженной Ники.

– О-о-о! – разочарованно простонал виконт.

– Все с тобой ясно, дружище! – Рей насмешливо хлопнул наследника по плечу. – Бабник венценосный, поменьше бы ты в будуары к фрейлинам по ночам лази...

Орденец неожиданно замолчал, оборвав фразу на полуслове и настороженно всматриваясь в браслет на своем запястье. Лицо юноши побледнело.

– Что случилось? – забеспокоился Алехандро, которому вовсе не понравилась синюшная бледность, разлившаяся по лицу друга.

– Сматываться нужно, вот что! – отмер Рей. – И как можно быстрее! У меня датчик слежения на браслете сработал. Отец вернулся и уже спускается в нижний ярус. Драпаем!

– Куда?

Но Рей решительно схватил виконта за край балахона и потащил за собой, на бегу успевая и проектор выключить, и двери закрыть.

– К лифту нам нельзя, – посетовал Алехандро. – Там мы сразу на Навигатора нарвемся!

– Сам понимаю, – скрипнул зубами Рей. – Давай в другую сторону рванем – к виварию: может, отец туда не пойдет.

– К ламии? – испуганно затормозил виконт.

– К чертям собачьим эту ламию! – панически заорал орденец, теряя свою обычную сдержанность. – Мимо проскочим!

Коридор, в который запаниковавший Рей увлек за собой наследника, разительно отличался от главного. Намного более узкий и хуже освещенный, он неприятно пахнул сладковатым, смрадным запахом гнили прямо в разгоряченные лица беглецов. По всей видимости, именно здесь и содержались самые отвратительные экспонаты обширного питомника, созданного Верховным Навигатором.

Стараясь не думать о тех тварях, которые могут повстречаться им в вонючих закоулках, наследник вслед за орденцем проскользнул через решетчатые двери зверинца – туда, куда не проникал спасительный свет электрических светильников.

– Иди за мной, ступая след в след, – напомнил виконту Рей. – И охраняй тебя святая Ника хоть немного уклониться от выбранного мною маршрута!

– Хорошо, – неохотно процедил Алехандро. – Где мы спрячемся?

– В последнем зале – за бассейном с рыбо-змеями.

Его светлость скептически хмыкнул. Он отлично знал этих огромных водоплавающих гадов, далеко не самых миролюбивых созданий из многочисленного выводка местных, весьма кровожадных морских обитателей. Неожиданно справа от них, где-то совсем рядом, раздалось негромкое шуршание.

– Слышишь? Что это? – боязливо оглянулся Рей.

– Слышу! – эхом откликнулся виконт. – Похоже, за нами кто-то следит.

– Не пугай меня, – дрожащим голосом попросил орденец, – мне и так страшно, аж до икоты.

Алехандро только собирался сказать другу что-нибудь успокаивающее, как внезапно чье-то гибкое холодное тело обрушилось им на спины, подминая беглецов под себя. Рука виконта потянулась к кинжалу, укрепленному на поясе, но нападавший, очевидно отлично видевший в темноте или же просто успешно разгадавший его намерения, угрожающе зарычал, а потом ударил Алехандро точно в висок каким-то тяжелым тупым предметом. Юноша испытал мгновенную острую боль, а затем свет перед его глазами, и до этого момента удручающе скудный, померк полностью: наследник потерял сознание...

Глава 4

Я поставила локти на стол и спрятала лицо в подрагивающих от волнения ладонях. Мне было страшно, невыносимо страшно.

– Рыж, – прозвучал сочувствующий голосок у меня за спиной, – ну не переживай ты так раньше времени-то!

– Садись! Вместе подумаем. – Я приглашающе похлопала рукой по сиденью соседнего, пустого кресла. – Не помнишь случайно, кто автор известной фразы: «одна голова хорошо, а две – лучше».

– Знаю. – Крися последовала моему примеру и уселась на мягкие подушки. – Змей-Горыныч!

Я невольно усмехнулась:

– Хм... хорошо, что тебя Феникс не слышит, а то бы он потом нашему Змею с этой избитой шуточкой всю плешь проел.

– Ничего подобного, Змеич сам кому угодно и что угодно проест, отъест и выплюнет, – задорно хихикнула подруга. – Ты мне лучше поясни, капитан, зачем ты тут одна сидишь в темноте и душевным самокопанием занимаешься?

В темноте? А я-то даже и не обратила внимания на выключенные светильники и полумрак, царивший в кают-компании. Я уже привыкла к одиночеству, но сейчас мои размышления разделял огромный шар Земли, занимающий весь обзорный экран, вот только, к несчастью, теперь он уже не выглядел таким голубым и прекрасным, как в день отлета.

– А мне в темноте лучше думается, – попробовала я отмазаться. Кажется, получилось не очень убедительно.

– Э-э-э-э, «капитан-капитан, улыбнитесь: ведь улыбка – это флаг корабля...». – Крися попыталась отвести ладони, которыми я упорно закрывала зареванное лицо. – Рыж, да ты там не плачешь ли, случаем?

– Ты когда-нибудь видела, чтобы я плакала? – наигранно возмутилась я, стараясь, чтобы меня не выдал охрипший голос. Ведь на этот раз подруга оказалась весьма недалеко от истины.

– Не видела! – честно призналась Кристина. – Даже тогда, когда все мы завалили зачет на центробежном симуляторе равновесия или попали в огненную бурю на Нимфее-6. Там, по-моему, даже наши героические мальчишки хлюпали носами от усталости и страха. Одна ты стебалась напропалую как ни в чем не бывало и всех подбадривала...

– А теперь я не знаю, что нам делать! – не выдержав, выкрикнула я и бурно разрыдалась.

– Ой, кэп, ну ты чего? – Подруга нежно привлекла меня в свои объятия.

Я уютно угнездила буйную голову на ее мягком плечике и разревелась пуще прежнего. Крися баюкала меня, словно мать ребенка, бережно укачивая и утирая потоки слез.

– Это прямо событие века, – мило посмеивалась она, – вот зрелище-то – хоть билеты продавай! Наша железная, невозмутимая, непоколебимая Ника рыдает взахлеб. Помнишь, про тебя еще в школе анекдоты ходили. А когда ты сама по коридорам ходила, так первокурсники вслед тебе минут по пять тарасились, чуть не сворачивая шеи и обалдело раскрыв рты!

– Не помню, – заинтригованно буркнула я, умеривая всхлипывания, чтобы не пропустить ничего интересного из сказанного подругой. – А чего там про меня сочиняли?

– Ну как, – углубилась в воспоминания наша биологиня, – вот хотя бы это. Встречаются два курсанта, и один другому говорит: «Слышал, вчера нашелся дурак, который на штурмовом боте на Рыжую налетел?» Второй испуганно: «Ой, и что случилось?» – «Ну как, бот в металлоломе, пилот – в реанимации». – «Нет, а с Рыжей-то что?» – «А чего ей сделается, она же – памятник!»

Я вытерла слезы и улыбнулась:

– Вот гады-то, а! И совсем я не памятник!

– Да, это уж точно! – Подруга полюбовалась моим распухшим, как картофелина, носом и узкими щелками глаз. – Памятники так не плачут.

Мне стало стыдно за допущенную слабость. Ей-богу, реву как ребенок! А ведь слезами делу не поможешь. Сама учила друзей – не бывает неразрешимых ситуаций, а самое худшее, что можно придумать, – это запаниковать, утратить способность рассуждать логически, анализировать и взвешивать последствия предпринятых действий. Я упрямо сжала кулаки.

– Во-о-от, – одобрительно протянула внимательно наблюдавшая за мной Крися, – узнаю нашу прежнюю железную Нику! Чего-то надумала?

– Надумала, – кивнула я. – Как тебе кажется, ребята примут любое мое решение?

– Конечно! Ты же наш капитан, причем всеми признанный лидер, проверенный в таких нештатных ситуациях, что другим подобное и не приснится. И потом, мы все очень дорожим твоей интуицией и доверяем ей безоговорочно!

– Это хорошо, – немного расслабилась я. – Ты пойди, займись вместе с Диной обычной процедурой проверки здоровья у остальных – ну чтобы там все параметры, какие нужно, в

норму пришли. Проколи ребятам укрепляющие препараты и витамины, а еще прививки различные проведите – мало ли какая зараза на Земле успела развестись...

– Будем высаживаться?

– Будем! – подтвердила я голосом, не допускающим возражения. – Иди, а я посижу тут еще в одиночестве, покумекаю о нашем дальнейшем житье-бытье.

Подруга вышла. Я вновь опустила лицо в ладони. Даже проведя полный комплекс анализов и тестов, наши медики не могли знать одного: за время полета моя ментальная сила возросла многократно. Слишком уж много свободного времени, подходящего для тренировок, мне выпало. Нет, я не стала четче слышать мысли членов экипажа, но научилась гораздо продуктивнее аккумулировать и распределять телекинетическую энергию. Удаленное управление звездолетом как нельзя лучше способствовало таким занятиям. И моя хваленая интуиция, которой так привыкли доверять друзья, сейчас даже не подсказывала вкрадчивым шепотом, а почему-то истошно, громко кричала о том, что после приземления эти новые, усовершенствованные способности нам всем еще ой как пригодятся...

Александр поморщился. Кто-то абсолютно невидимый в темноте и не очень-то приятно пахнувший давно не мытым телом лежал на нем лицом к лицу, да при этом еще и дышал чуть ли не в рот юноше, обдавая волной горячего, влажного воздуха. Не вынеся давления и смрада, виконт громко чихнул. Чужое тело, по-видимому ошарашенное не меньше Александром, ответило недовольным шипением и откатилось влево.

– Спасибо. – Наследник зашарил руками вокруг себя, пытаясь отыскать Рея. – Судя по моим ощущениям, вы – женщина и у вас чрезвычайно красивая, пышная грудь. Но, знаете ли, несмотря на всю приятность ситуации, я очень благодарен вам за то, что вы меня отпустили!

– Почему? – полюбопытствовал голос – странный, хрипловатый, но не лишенный мелодичности.

– Ну помилуйте, сеньора, – развел руками Александр, – мне все-таки как-то привычнее находиться над женщиной, а не под ней!

Невидимая собеседница воркующе рассмеялась:

– Ты явно не из Ордена. Слишком благороден и галантен...

– Александр, – жалобно позвал Рей, – ты жив?

– Жив! – жизнерадостно отозвался виконт. – И благодарен святой Нике, что мы здесь не одни. Какому-то идиоту пришло в голову заточить в этом гадюшнике очаровательную молодую леди...

Невидимая собеседница рассмеялась еще веселее.

– Чего? – протестующе заорал орденец. – Александр, ты с ума сошел! Здесь нет женщин, здесь живет ламия!

– Ну и зачем тебе потребовалось так блажить? – спокойно парировал виконт. – Красоту и обаяние ни одно прозвище не испортит!

– А это вовсе и не прозвище, – насмешливо ответила из темноты девушка, – ламиями называют мой народ.

– Ну и влипли же мы, однако... – Судя по звукам, Рей бродил в поисках чего-то крайне необходимого. – Где-то здесь должен быть факел... Ага!

Что-то негромко чиркнуло, и в руке у юноши вспыхнул небольшой язычок пламени, источником которого служила простая промасленная тряпка, намотанная на обломок деревяшки. Рей медленно поводил факелом из стороны в сторону, освещая окружающее пространство, хрипло взывал от ужаса и шокированно привалился к стене...

Огонь высветил виконта Александра, непринужденно восседающего на охапке прелой соломы, а рядом с ним – странное существо, вряд ли относящееся к какой-либо из известных орденцу рас. Это, безусловно, была женщина. Но какая! Станный серый отлив ее кожи объяснялся мелкой овальной чешуей, покрывавшей все тело незнакомки. Приподнятые к вискам миндалевидные черные глаза в сочетании с пухлыми кроваво-красными губами и

видневшимися из-под них клыками создавали пугающую, но вместе с тем привлекательную комбинацию. Голову девушки венчала копна густых волнистых локонов, при ближайшем рассмотрении оказавшихся вовсе не волосами, а массой темных, тончайших, беспрестанно шевелящихся вибрисс⁴.

– Ламия! – обморочно простонал Рей. – Тварь, кровососка...

– Ну и что? – Алехандро упруго вскочил на ноги и галантно протянул руку, помогая подняться с полу своей удивительной соседке. – Миледи! Я чрезвычайно рад нашему знакомству!

Девушка удивленно воспользовалась предложенной ей помощью и тоже встала с грязной соломы. Ростом она почти не уступала высокому виконту, а ее фигура, даже с учетом чешуйчатого покрова, вполне удовлетворяла вкусу самого требовательного в вопросах красоты мужчины.

– Сеньора, – наследник учтиво поцеловал пальцы ламии, украшенные устрашающими когтями, – должен признаться, воочию вы еще прекраснее, чем я предполагал на ощупь.

Эффектные глаза девушки потрясенно расширились:

– Вы меня не боитесь?

– Миледи, долг благородного рыцаря состоит не в том, чтобы бояться прекрасной дамы, а в том, чтобы служить ей!

– А если эта сеньора выпьет вашу кровь? – насмешливо предположила ламия. – Вы и тогда продолжите ей симпатизировать?

– Вполне нормальное явление, – куртуазно пошутил Алехандро, – я уже к этому привык. Не исключено, что все наши придворные дамы – ламии по призванию!

Тварь запрокинула голову и оглушительно расхохоталась.

– Браво, сударь! Жаль, что вы не принадлежите к нашему роду. А то я бы с удовольствием свела с вами более близкое знакомство, – подмигнула она с самым игривым видом. – Простите, что я заехала кулаком вам по голове.

– Так за чем же дело стало, сеньора? – любезно шепнул виконт, флиртованно обнимая ламию за талию. – Я всецело к вашим услугам...

– Спаси и сохрани нас святая Ника! – с заиканием шептал Рей, наблюдая за этой пикантной сценкой.

Ламия кокетливо улыбнулась и с заметным сожалением вывернулась из рук Алехандро:

– Если бы у меня не остался жених на родине... – Тень печали набежала на ее чело. – Кстати, вы чем-то мне его напоминаете.

– Виконт Алехандро, наследник трона Федрины – к вашим услугам, прекрасная сеньора!

Не желая оставаться в долгу, ламия присела в изящном реверансе, делающем честь ее хорошим манерам:

– Эрба де Глюр, из клана Полуночи, дочь Старейшины племени ламий!

Польщенный виконт низко поклонился и вновь вежливо приложился губами к пальчикам девушки.

Потрясенный Рей тер глаза и сыпал проклятиями:

– Алехандро, опомнись! Она же тварь, кровопийца, пожирательница мертвых!

Ламия рассерженно выставила когти и гневно зарычала.

– Смею вас заверить, многие из наших дам обожают живых устриц и улиток, а эта дрянь намного противнее крови, – умиротворяюще шепнул наследник на ухо ламии, повторно привлекая ее в свои объятия.

Эрба заулыбалась:

– Ради вас, милый Алехандро, я прощаю сего грубого ордена, хоть он и принадлежит

---

⁴ В и б р и с с ы (лат. vibrissae, от vibro – колеблюсь, извиваюсь) – крупные, выступающие над поверхностью шерстного покрова чувствительные (осязательные) волосы у млекопитающих.

к числу моих врагов, но... – Ламия прислушалась. – Сюда идут! Вас могут поймать!

– Что же нам делать? – схватился за голову Рей.

– Бегите, прячьтесь, я вас не выдам. И еще... – Эрба проворно оторвала длинную полосу ткани от безобразного холщового мешка, заменявшего ей платье, и вскользь провела этой импровизированной лентой по своим волосам-вибриссам. – Возьмите, – она протянула лоскут Алехандро, – я выделяю яд, который способен временно парализовать рассудок любого существа, на несколько кратких мгновений полностью подчиняя его вашей воле. Возможно, пригодится.

– Бежим с нами, Эрба, я настаиваю. – Наследник умоляюще посмотрел в черные глаза ламии.

Но вместо ответа девушка лишь отрицательно покачала головой:

– Я стану вам обузой – спасайтесь сами.

Теперь уже и сами юноши отчетливо слышали приближающийся топот, издаваемый множеством ног.

– Уходите. – Ламия требовательно подтолкнула виконта. – Я их задержу.

Алехандро нежно поцеловал Эрбу в губы:

– Ждите меня, благородная леди! Я обещаю, что вернусь, спасу вас и отвезу к жениху.

– Хорошо, – благодарно шепнула ламия, растроганно погладив наследника по щеке. – Я тебе верю, мой рыцарь, я буду ждать!

– Бежим же, – торопил друга Рей, увлекая виконта в узкий проход, ведущий в соседнюю комнату.

Эрба в последний раз благосклонно улыбнулась Алехандро, повернулась в сторону ожидаемых преследователей, угрожающе скрючила когтистые пальцы и оскалила ужасные клыки.

– С ума сойти, – бормотал на бегу Рей, – обворожить тварь-трупоедку! Целовать ее! Получить от нее помощь, с ума сойти... Ну у тебя и хватка – где ты этому научился?

– А помнишь, ты мне выговаривал: не лезь по будуарам фрейлин... – ехидно напомнил виконт.

Шумно отдуваясь, друзья ворвались в обширный зал с низким потолком. Почти всю его площадь занимал огромный бассейн, до краев наполненный темной, вяло колышущейся морской водой, а лазурный отблеск волн красиво играл на плитах каменного свода. Сзади, из каморки ламии, доносились жалобные многоголосые вопли, рычание и грохот. Очевидно, Эрба не скупясь, с размахом демонстрировала свой склочный характер.

Алехандро задумчиво рассматривал не очень чистую воду, в то время как Рей с перекошенным лицом и растрепанными волосами нервно метался вокруг бассейна, бестолково размахивая руками.

– Отсюда есть выход наружу? – Виконт поймал ордена на очередном витке.

– Есть, есть, – торопливо забубнил друг, но затем неожиданно осекся и плаксиво сморщился...

Наследник рассерженно встряхнул юношу за узкие плечи:

– Нет, так не пойдет. Давай-ка успокойся, возьми себя в руки и скажи все толком.

Рей сделал короткий вдох, его лицо разгладилось:

– Бассейн соединен с выходом из Убежища широкой трубой, через которую в резервуар поступает и сливается морская вода. Но эта труба очень длинная и заканчивается глубоко на дне, у самого основания острова.

– Мы сможем выплыть через нее?

– Теоретически – да... – Рей виновато отвел глаза. – Но, понимаешь, я очень плохо плаваю. И к тому же нам точно не хватит скорости и воздуха, чтобы успеть преодолеть подводный туннель и вынырнуть на поверхность.

– А если наша скорость будет большой?

– Ну-у-у, – задумчиво протянул орденец, – опять же чисто теоретически, наверное,

определенный шанс на успех у нас имеется... Но вот не пойму только, за счет чего ты хочешь добиться высокой скорости?

– А вон за счет него... – и Алехандро указал на воду.

На поверхности бассейна возник мощный всплеск, и из воды высунулась здоровенная лупоглазая морда, снабженная широкой пастью, усеянной острыми зубами. Рей икнул и попятился:

– Плохая идея! Рыбо-змей, конечно, плавает очень быстро, но он жутко агрессивен, вечно голоден и совершенно не поддается дрессировке!

– Ну он-то ведь этого не знает, – заговорщицки подмигнул Алехандро и прыгнул в воду. – Шустро открывай сливной шлюз бассейна и присоединяйся ко мне!

– И не подумай, – упрямо заявил Рей, прислоняясь к стене и важно скрещая руки на груди. – Я – не самоубийца.

Но в этот момент из комнаты ламии долетел особенно яростный вопль.

– Слышишь? – Алехандро обеспокоенно прислушивался. – По-моему, Эрбу все-таки повязали. Надеюсь, они не сделают ей ничего плохого?

– Нет. – Рей уже старательно крутил колесо, открывающее люк шлюза. От прикладываемого усилия у него даже пот на лбу выступил, а на висках вздулись толстые вены. – Всего-навсего в карцер посадят. Она – слишком ценный экземпляр.

Сливной механизм наконец-то поддался яростному натиску юноши и медленно раскрылся, а вода с ревом устремила к выходу из бассейна.

– Прыгай сюда, – кричал наследник, колотя руками по воде и стараясь удержаться на плаву среди бурных волн, грозящих утащить его на дно, – и цепляйся за меня. Когда нырнем, то удержи дыхание как можно дольше, и упаси тебя святая Ника выпустить из рук мой пояс.

– Но, – испуганно выдавил Рей, – как же мы нырнем-то?

– А вот так! – Алехандро примерился и попытался ухватиться за плавник рыбо-змея, изо всех сил сопротивлявшегося стремительному потоку воды, утягивавшего его в жерло туннеля, но змей сноровисто увернулся и злобно щелкнул зубами в ответ, стараясь отделаться от докучливого соседа. Очевидно, в данный момент зверюгу интересовала отнюдь не потенциальная добыча, а только собственная жизнь. Виконт сердито ругнулся и безжалостно вмазал кулаком прямо меж глаз упрямой твари. Змей мигнул и обмяк. Не теряя понапрасну времени, наследник пропустил холщовую ленту, подаренную ему ламией, между зубами морского чудовища и крепко затянул узел, устроив некое подобие уздечки. Змей моментально присмирел, попав под действие парализующего яда, пропитавшего ткань.

– Поторопись же, – махнул рукой виконт, – отравы ламии надолго не хватит, она смоемся водой.

Рей со всего маха сиганул в воду с бортика бассейна и намертво вцепился в пояс Алехандро.

– Дыхание, – заботливо напомнил виконт, – приготовься, сейчас начнется!

Рей послушно постарался вдохнуть как можно больше воздуха, зажмуривая глаза и судорожно хватаясь за друга.

– Но-о-о, скотина. – Наследник понуждающе пнул рыбину каблуком в бок. – Поплыли на свободу!

Чудовище возмущенно взревело и нырнуло в туннель.

Сначала сквозь неплотно сжатые веки орденец различал лишь гроздь разноцветных пузырьков, вырывающиеся из пасти змея, да размазанные очертания обросших ракушками стен подводного хода, с немыслимой скоростью пронесившиеся мимо беглецов. Но потом юноша ощутил легкий дискомфорт в груди, вскоре перешедший в мучительную боль, разрывавшую его легкие. Запас воздуха истощался и подходил к концу, а стены туннеля все тянулись и тянулись, оказавшись бесконечными. В голове у Рея зашумело, взор заволокло кровавой пеленой. Он попробовал обреченно закричать, но соленая морская вода ворвалась в рот, заглушая крик, лишая его последней возможности выжить. Юноша разжал руки, до этого словно приклеенные к поясу виконта, и, теряя сознание, провалился в черную бездну

небытия...

Рей пришел в себя от резких шлепков, весьма болезненно раздражавших его нежные щеки. Он выплюнул скопившуюся во рту воду, закашлялся и жадно вдохнул свежий морской воздух. Затем юноша с усилием приоткрыл распухшие, разъеденные морской солью веки.

– Где мы? – чуть слышно прошептал он.

– На свободе, – широко улыбнулся Алехандро, бережно поддерживая голову друга над поверхностью воды. – У нас все получилось: мы выплыли и уже отделились на некоторое расстояние от острова Сатар. Я просто побоялся пересекать линию силового поля, не приведя тебя в сознание. Защитное устройство Ордена нас пропустит?

– Пропустит, – слабо отреагировал Рей и страдальчески застонал. – Как же мне плохо, шея раздулась, голова огнем горит.

– Это от морской воды, которой ты наглотался. Но не бойся – через пару дней оклемаешься и станешь как новенький, – успокоил друга неунывающий виконт. – Ты, главное, за меня держись, а я поплыву. Где-то неподалеку обязательно должен дрейфовать капитан ла Файет на своей «Черной катране»...

Дальнейшее Рею запомнилось смутно. Бесплезным кульком, тяжело повиснув на плечах упрямого виконта, он то приходил в себя, а то вновь впадал в беспамятство. В его памяти запечатлелись только бурные волны, вздымавшиеся вокруг черноволосой головы друга, напористо рассекавшего зеленоватую поверхность моря с настойчивостью и мужеством, присущими лишь богам или истинным героям. Алехандро хрипел и отплевывался от соленых брызг, но с беспримерным упорством продолжал целенаправленно плыть вперед, видимо не собираясь сдаваться ни при каких условиях. Что же касается Рея, то он уже давно был готов тихо разжать руки и без сопротивления погрузиться на дно, если бы не зубы виконта, железной хваткой удерживавшие полумертвого друга за рукав его костюма.

И они доплыли. В очередной раз вынырнув из туманного полузабытья, измученный Рей услышал скрип весел в уключинах шлюпки и восторженные голоса моряков, дружно славивших отважного наследника престола, на что, к глубочайшему потрясению ордена, виконт еще находил в себе силы отвечать бодро и задиристо.

Какое же это ни с чем не сравнимое счастье – расслабленно лежать на прогретых солнцем палубных досках «Черной катраны» и бесцельно таращиться в голубое небо, любясь проплывающими мимо облачками! Из состояния ленивой созерцательности Рея вывел сам капитан Жино, осторожно приподнявший голову юноши и принявшийся по капле вливать в его пересохшие от жажды губы какое-то горячее, восхитительно сладкое питье.

– Вот так, твое орденство, вот так, – заботливо и немного комично ворковал неряшливый верзила, нянчась с истерзанным страданиями пассажиром, как сиделка с больным дитятей.

– Вы – само милосердие, – растроганно признал юноша, доверчиво прижимаясь к сильным рукам моряка.

Жино щербато осклабился:

– Его светлость рассказал нам, что вы вели себя геройски и даже спасли ему жизнь!

Рей удивленно вытаращил глаза:

– Алехандро слишком снисходителен ко мне, ибо я вел себя как трус и чуть не погубил нас обоих!

– Ш-ш-ш-ш, – добродушно успокоил его ла Файет. – Первый морской закон гласит – море не прощает себялюбия и чванливости. Спаси друга – а он спасет тебя. А уж его светлость блюдет эти заповеди настолько строго, как, пожалуй, никто другой, и подает достойный пример всем своим подданным.

– Поэтому вы его и любите?

– Любим? – усмехнулся капитан. – Да мы его боготворим! Каждый моряк, последний завшивленный юнга знают: попроси виконт о помощи – и он не откажет никогда, даже не задумываясь о риске и угрозе для собственного благополучия.

– И отец хочет бросить этих людей на произвол судьбы! – горько прошептал Рей. – Зря! Ведь каждый народ имеет такого правителя, которого заслуживает, и было бы непростительной ошибкой не ценить наших, казалось бы ничем не примечательных...

– Молчи! – мягко приказал Алехандро, опускаясь на колени около друга и закрывая его рот своей твердой ладонью. – Они многого не знают, ничего не подозревают о гнусных замыслах твоего отца, а поэтому не смущай их непорочные умы всякими неведомыми словами и опасными рассуждениями!

Рей схватил друга за загорелое запястье и благодарно, почти благоговейно прижался губами к его пальцам. Алехандро понимающе усмехнулся и нежно погладил обветренное лицо юноши.

– Ты, наверно, сердишься на меня? – жалобно спросил Рей со слезами в голосе. – Я неосмотрительно втянул нас в неприятности, и мы оба чуть не погибли.

– Нет, ты ни в чем не виноват. – Алехандро выпрямился и безразлично дернул плечом, но взор его широко распахнутых глаз неотступно, жадно следил за рельефными очертаниями острова Сатар, медленно тающими в туманной дымке. – И более того, я бесконечно благодарен тебе за эту сумасбродную вылазку. Я многое понял и узнал, а еще – я увидел ее... – Лицо виконта приняло восторженное выражение.

Рей не решился побеспокоить друга и спросить – о ком именно подумал виконт в этот момент, но, кажется, он и так уже обо всем догадывался...

Антонио не бежал, а буквально летел, не чуя под собой ног. Неудобные деревянные сандалии звучно грохотали по булыжникам каменной мостовой. Время от времени изношенная обувь зловредно сползала вбок, так и норовя свалиться окончательно, и тогда послушник ловко подхватывал сабо обеими руками, чтобы не глядя, торопливо сунуть пальцы в веревочные петли, заменяющие нормальные ремешки, но весьма плохо справляющиеся с удержанием грубых, кустарно сработанных сандалий на его грязных, мозолистых ступнях. Антонио торопился – ведь виконт ждать не любит, а его высокопреосвященство – тем более!

Запыхавшись и трижды взопрев под коричневой шерстяной рясой, юноша все же достиг ворот герцогской резиденции – своего конечного пункта назначения. На мраморных ступеньках дворца вынужденно томились два кирасира, совершенно озверевшие от жары и безделья.

– Гляди-ка, Санчо, – обрадовался неожиданному развлечению первый, – придурок из монастыря зачем-то прискакал!

Как известно, умный отличается от дурака тем, что в одной и той же ситуации он умело ставит перед собой правильную задачу, а дурак – наживает проблему. По меткому определению Кардинала, особым умом Антонио, в отличие от похвальной набожности, не блистал никогда. Поэтому и сейчас, вместо того чтобы смиренно промолчать, послушник совершил очередную глупость, необдуманно вступая в заведомо проигрышную перепалку, при этом абсолютно забыв знаменитый девиз подчиненных де Ретайю вояк, гласивший: «Встречают по одежке, но бьют-то всегда по мордешке». Правда, храбрый лейтенант ужасно обижался, когда остроумный виконт переиначивал их девиз по-своему: «Мы сильны, да мозгом сиры. Мы на то и кирасиры». Короче говоря, монахи и военные всегда вполне стояли друг друга во всех сферах самореализации – как умственных, так и физических.

– И вовсе я не придурок, – оскорбленно запротестовал Антонио. – Я – посланник его высокопреосвященства к его светлости виконту Алехандро.

– Ишь ты, – усмехнулся второй кирасир, – размечтался попик: виконта ему подавай! А может, сразу самого Герцога? Много вас тут таких ходит!

– Но как же, – растерялся добросовестный послушник. – У меня же письмо! – И он хвастливо продемонстрировал свернутое трубочкой послание, действительно запечатанное внушительной кардинальской печатью.

Караульные заинтересованно переглянулись:

– И правда вроде бы печать верховного прелата,– нерешительно протянул первый.– Может, пропустим?

– На солнце ты перегрелся, что ли, Педро? – искренне удивился тот, кого звали Санчо.– Забыл приказ командира? Виконт готовится к торжественному богослужению, а посему пускать к нему никого не велено. Но вот если послушаемся, то получим наряд вне очереди и будем, на потеху нашей роте, зависать весь праздник у этих проклятых ворот, вместо того чтобы пиво с друзьями пить и веселиться.

Сразу стало заметно, что Педро также ничуть не вдохновился этакой неутешительной, зримо открывающейся перед ними перспективой:

– Вали-ка ты отсюда, долгополый,– вежливо посоветовал он Антонио.– А письмо для его светлости мы и сами передадим!

Юноша чуть не расплакался от разочарования.

– Не могу,– жалобно блеял он,– приказано вручить лично в руки!

– Ну, тогда жди,– ехидно заржал Санчо,– может, виконт и выйдет в город... к вечеру...

Расстроенный послушник попробовал подольститься:

– Неужели два таких храбрых воина не пропустят во дворец одного слабого мальчишку? Я ведь тоже в детстве мечтал в гвардию поступить, да вот... – тут Антонио завистливо шмыгнул носом,– не взяли!

– А почему не взяли – слабаком оказался? – с чувством огромного превосходства снисходительно осведомился Педро.

– Ясно дело, слабак! – согласно поддержал напарника Санчо.– Да он даже честь отдавать не умеет!

– А как это – честь отдать? – простодушно спросил совершенно не искушенный в подобных вещах Антонио.

– Как, как... – совсем зашелся в хохоте Санчо.– Сходи к веселым девочкам – они тебя научат!

Послушник немедленно покраснел как помидор:

– Греха на вас нет, да простит меня святая Ника! Мы же выдерживаем целибат!

– Цел... чего? – грубо подмигнул Педро.

К счастью, по причине собственной наивности Антонио не смог понять намека. Зато сей двусмысленный разговор не ускользнул от бдительного уха лейтенанта де Ретая, проводившего полуденный обход караулов.

– Это что еще такое? – грозно рявкнул командир герцогских кирасир.– Вас тут для чего поставили? Почему задержали кардинальского посланца?

Кирасиры немедленно вытянулись по стойке «смирно». Глядя на них, Антонио тоже невольно приосанился, стараясь придать своей высокой худощавой фигуре более представительный вид.

– Был дан приказ никого не пропускать к его светлости! – четко отрапортовал Педро.

Де Ретай воззрился на нерасторопного подчиненного:

– Идиот! Просителей не пускать, ибо виконт занят важными государственными делами, а срочные депеши – доставлять немедленно. Пусть проходит!

Антонио нерешительно замялся на пороге, страхась вступить в герцогский дворец, в котором до нынешнего дня ему еще ни разу не довелось бывать.

– Да пошел уже ты внутрь, посол! – напутственно подтолкнула его рука в железной перчатке.– Подвел ты нас, парень, под монастырь!

Антонио птичкой перепорхнул через порог, пропахал носом метров десять по красной ковровой дорожке, поднял всклокоченную голову и замер в немом восхищении. Прямо перед ним переливался всеми цветами радуги огромный витраж, украшающий окно лестничной площадки. Разноцветное стекло изображало саму Рыжую Нику, с задумчивым видом сидевшую на скамеечке в парке. Портрет святой разительно отличался от стандартной, с детства привычной трактовки, практикуемой во всех религиозных картинах. Впервые в

жизни юноша видел Нику не в образе уверенной в себе победительницы, несущей людям избавление от неминуемой гибели, а в виде обычной земной девушки. И хоть и была святая все в том же странном мужском облачении, которое ей одной и прощалось только, но лицо ее, свободное от обычной ироничной улыбки, хранило явственную печать тоски и легкой меланхолии.

– Чудо! – трепетно шепнул Антонио, не в силах отвести глаз от чудесной картины.

Лучи палящего солнца, проникающие сквозь витраж, удивительным образом оживляли нежные черты вдохновенного девичьего лица, придавая им пугающую реальность. Еще ярче сияли ее волнистые рыжие волосы, еще прекраснее казались изумрудно-зеленые глаза под тонкими бровями вразлет... Над изображением святой красовались строки одной из молитв, создание которой приписывалось самой Нике:

И, влившись вновь в круговорот,
Смерть оттолкнув движеньем рук,
Мы будем жить из года в год,
Бессмертия замкнувши круг.⁵

Антонио громко прочел хорошо знакомое четверостишие.

– Молодец, служба, старательно читаешь! – прозвучал насмешливый голос у него за плечом.

Послушник испуганно ощутил, как в его сутулую спину, точно между лопаток, уперлось что-то острое и тонкое.

– Это случайно не рапира? – жалобно хныкнул Антонио.

– Она самая! – любезно констатировал незнакомец. – А ну-ка, благочестивый отрок, сбавай мне всю молитву целиком!

И такая непререкаемая властность присутствовала в этом холодном голосе, что Антонио не посмел ослушаться. Он прикрыл веки, вспоминая давным-давно вызубренный наизусть священный текст, и начал старательно декламировать нараспев, наслаждаясь проникновенными мыслями, содержащимися в молитве:

Я вижу ясно – сквозь века,
А может, и вразрез веков,
Течет бессмертия река
Под крик «Агой!» и стук подков.

Верблюдов длинный караван
И резвых лошадей табун
Идет-бредет через бархан
Или змеится среди дюн.

Я слышу четко, как ветра
Дробят на годы жизни ход,
Играют пологом шатра,
Потоки переходят вброд.

И песней о любви звучит
Напев ветров со всех сторон.
Душа в ответ не промолчит,
Рождая крик, и плач, и стон.

---

⁵ В книге использованы стихи автора.

Я чую сердцем – ритм судьбы
Вибрирует внутри меня,
Звук заглушив пустой мольбы,
Сменяя ночь на отблеск дня.

Я понимаю: мы – песок
Струящийся, года храня,
Но нас скрепляет жизни сок
В едином ритме бытия.

Нас смелют смерти жернова,
И веки смежим мы в раю,
Но прорастет из нас трава
В сухой степи в родном краю.

И, влившись вновь в круговорот,
Смерть оттолкнув движеньем рук,
Мы будем жить из года в год,
Бессмертия замкнувши круг.

– Замечательно! – снисходительно похвалил властный голос. – Хоть чему-то полезному тебя смогли в монастыре научить!

– Молитвы Ники – всегда полезны! – убежденно ответил Антонио. – В них скрыт высший, потаенный смысл, не доступный разуму простых людей.

– Это какой еще смысл? – ехидно полюбопытствовал насмешник.

– Ника вернется, спасет всех нас и подарит бессмертие! – заученно выпалил послушник.

– Чего?

Острые рапиры, больно упирающееся в спину Антонио, исчезло. Незнакомец обошел вокруг послушника и, протянув руку, покровительственно поднял его голову за подбородок, испытующе вглядываясь в серые глаза юноши. Антонио испуганно мигнул, ибо незнакомец оказался не кем иным, как его светлостью виконтом Алехандро.

Конечно, все в городе хорошо знали наследника престола, но счастье видеть его так близко выпадало немногим. В присутствии виконта Антонио, и сам не жалующийся на недостаток роста, сразу ощутил себя маленьким и слабым насекомым, ничего особенного собой не представляющим. Алехандро внушал восхищение, а простолюдинам и экзальтированным дворянским дочкам на выданье – даже благоговение... Очень высокий, широкоплечий, смуглый, длинные черные волосы красивой волной падают на воротник простой льняной рубашки. Внимательные карие глаза необычного шоколадного оттенка, с неподдельным любопытством наблюдающие за кардинальским посланцем, решительный очерк губ под тонкими усиками и неожиданно мягкая, пикантная ямочка на уверенно выступающем вперед подбородке.

– Балбес! – печально констатировал Алехандро, морщась от телячье-осоловелого взгляда монастырского послушника. – Фанатики несчастные! Какое спасет, какое бессмертие? Стихи красивы сами по себе и ценны как литературное наследие, художественное достояние нашего народа. Ясно?

Антонио отрицательно помотал головой, немного кружившейся от страха и верноподданнического упоения.

– Балбес! – со вкусом повторил виконт. – На земле и так осталось слишком мало чего-либо по настоящему прекрасного, а проза и стихи смогли пережить время и катаклизмы, причем ничуть не потускнели, не утратили своей исходной свежести и силы.

Антонио недоуменно пожал плечами, тщетно пытаясь постигнуть смысл услышанного.

Виконт рассмеялся, выпустил подбородок юноши и насмешливо махнул рукой:

– А впрочем, черт с тобой! Хотя нет, надо бы говорить – пошел-ка ты к Верховному Навигатору, – а мы все продолжаем верить в древних чертей. Вот странно – сколько на земле религий сменилось, но в каждой из них черти остаются неизменными: обновляются лишь боги! А не пора ли пересмотреть морально устаревший пантеон? Верховный Навигатор... Да рядом с ним все черти – всего лишь неловкие дилетанты...

Несчастный Антонио то бледнел, то краснел, вынужденно выслушивая столь крамольные речи из уст самого виконта. Его светлость вновь усмехнулся и сменил тему:

– Ладно, забудь. Пошли со мной. С чем, кстати, ты там ко мне прибыл? Постой... – Виконт бесцеремонно ощупал худые плечи послушника. – А знаешь, ты в общем-то ничего... Силач. Грудь впалая – зато спина колесом. Вполне подойдешь!

– Для чего? – растерянно вздрогнул юноша.

Но Алехандро упрямо тащил Антонио следом за собой по запутанным пересечениям дворцовых коридоров. Поначалу юноша еще пытался как-нибудь запомнить дорогу, но вскоре совершенно заплутал в обилии дверей, шикарных портьер и вычурных статуй, большая часть из которых опять же изображала ее – рыжую святую. Послушник испуганно семенил, пытаясь приноровиться к размашистому, упругому шагу виконта. Проклятые сандалии опять слетели с ног и держались только на хилых веревочках, обмотанных вокруг щиколоток. В какой-то момент одна из завязок порвалась... Антонио растерялся... наследник остановился.

– Пришли! – к вящему облегчению послушника, громко объявил виконт.

Антонио поднял взгляд и робко осмотрелся...

Оказалось, он попал в огромное помещение с полукруглыми окнами, щедро пропускающими беспощадный полуденный жар. Стены сплошь завешаны всевозможным оружием. У Антонио даже колени подогнулись от страха: неужели его светлость привел назойливого посыльного в камеру пыток?

– Эй, парень, ты чего? – Алехандро заботливо взгляделся в побледневшее лицо монастырского посланца и даже встряхнул того за сутулые плечи.

Вновь очутившись в мощных руках наследника престола, Антонио жалобно пискнул:

– Мой господин, не погубите жалкого слугу своего! Аз есмь грешен!

Алехандро хмыкнул, явно забавляясь испугом послушника:

– Да ты, по-моему, вообще не мужчина, а одуванчик божий. Где ж ты, сердешный, нагрешить-то успел?

– Яблоки у нашего садовника воровал! – со смятением в голосе обреченно признался не на шутку запаниковавший Антонио.

– Я-а-а-блоки, – нахмурившись, издевательски протянул виконт. – Яблоки – это, братец, серьезно! Яблоки я и сам люблю, ибо вкусные они, зараза, особенно краденые. Такому тяжкому греху только позавидовать можно. Придется искупать!

– Как искупать? – окончательно сник грешник.

– А вот так...

Наследник стащил с манекена, стоявшего в углу комнаты, тяжеленный металлический нагрудник и умело напялил сию воинскую амуницию на покорно подчиняющегося ему послушника. Полубовался его запаренным видом, вновь насмешливо хмыкнул и сунул в вялую ладонь Антонио огромную боевую рапиру.

– Я сразу хотел тебя в спарринг-партнеры завербовать, – признался виконт. – Больше-то ведь некого. Тем более, раз уж ты оказался таким закоренелым грешником, то, как говорится, сама Рыжая велела! – И виконт многозначительно ткнул своей рапирой в самую середину нагрудника до смерти перетрухнувшего юноши.

Антонио не к месту вспомнил разговоры про честь, зачем-то заведенные стражниками, струсил окончательно и шумно бухнулся на колени.

– Не погубите смиренного раба своего, ваша милость! – истошно заголосил грешник. –

Его преосвященство Кардинал на каждой проповеди твердит, что мужчина-партнер – это очень плохо, это страшный грех! За это гореть мне в пламени огненной колесницы святой Ники!

– Тьфу на тебя, извращенец! – в сердцах выругался виконт, бросая рапиру на пол. – Вот дурень-то, простите меня семь ангелов! И надо же такое выдумать. Да чтобы я – с тобой... тьфу, мерзость какая! – И Алехандро с отвращением оглядел тощую шею послушника, покрытую первой юношеской щетиной, еще не познавшей бритвы цирюльника.

Антонио пристыженно молчал.

– Отбил всю охоту приемы отрабатывать! – Виконт плюхнулся в кресло и наполнил два бокала из стоявшего на столике кувшина. – А мне, скорее всего, опять придется на празднике не раз и не два заезжих хвастунов на дуэль вызывать... Однако обломалась тренировка... Ты пей, – придвинул он один бокал к потному Антонию.

– Нам нельзя, – затряс вихрастой головой послушник, – нам вино пить по уставу не положено.

Алехандро улыбнулся в усы. Ему очень понравился этот чистосердечный мальчишка. Впрочем, плохого, надо думать, Кардинал к нему бы и не послал.

– Вода это. – Виконт вновь настойчиво подтолкнул угощение поближе к Антонию. – Чистая, из скважины. Да ты не бойся – другого не держим.

Не дожидаясь повторного приглашения, забежавшийся Антонию с наслаждением, до дна, выдул немаленькую емкость.

– Садись, – указал виконт на пуфик. – Рассказывай – что в монастыре затеяли? С чем тебя Кардинал прислал?

Посланник опасливо угнездился на хрупкой, обтянутой дорогим шелком мебели. Попутно подивился причуде сильных мира сего, придумавших сей бесполезный предмет: ведь не стул, не лавка – а так, недоразумение сплошное. Не откинешься, ног не вытянешь, того и гляди, на полу окажешься. Алехандро насмешливо наблюдал за робкой возней послушника.

– Ну? – требовательно выгнул он черную бровь.

Антонию еще раз предусмотрительно огляделся, не обнаружил ничего подозрительного, придвинулся поближе к его светлости и торопливо зашептал:

– Именно в день грядущего празднования святого восшествия на небо полностью истекает срок, указанный в летописи!

– В этот день она и должна вернуться? – уточнил виконт.

– Да, да! – интенсивно закивал послушник, выкатив от усердия серые глаза. – Точно так, ваша милость!

– И монастырский астролог уверен, что там... – Алехандро не глядя указал пальцем куда-то вверх (угодил точнехонько в аляповатую потолочную фреску с семьей ангелами), – там находится не какая-нибудь дрянь, а действительно прилетевший обратно звездолет?

– Вы правы, ваша милость! Это не знамение, как судачат невежественные люди, а именно звездолет.

– М-да! – задумался виконт. – Согласно всем законам подлости, Ника высадится в самый разгар праздника. И что в итоге получится – богоявление? Паника?

– Чудо! – благоговейно подсказал послушник.

– Да ну тебя на фиг, фанатик хренов! – как от назойливой мухи, небрежно отмахнулся виконт, вскакивая на ноги. – Люди, понимаешь, дурень, люди, а вовсе не боги, выполнили свою тяжелую работу и возвращаются домой. А дома... М-да... – Алехандро выразительно покрутил пальцем у виска. – Дома их встретят разруха и дурдом! Знаешь, мне ее жалко даже, девочку эту – Нику. Она-то думает, что просто рапорт сдаст, перед начальством отчитается и примется отдыхать по полной программе – с конфетами, танцами, нарядами и прочей женской дребеденью. А вместо этого ее тут ждут, будто манну небесную, и готовятся свалить на хрупкие девичьи плечи проблему планетарного уровня. И как она все это разгребать станет, а?

– Но она же – святая! – однообразно напомнил послушник.
Наследник неприлично заржал и хлопнулся обратно в кресло:
– Клянусь, если она сможет сделать хоть что-то существенное для умирающей планеты или нашего многострадального народа, – тогда и я поверю в то, что Ника – святая, и скажу – чудо! – саркастически пообещал он. – А чего хочет от меня Кардинал?
– Не могу знать – не моего ума это дело, – смиренно признался Антонио. – Но его высокопреосвященство доверил мне письмо для вашей светлости, скрепленное личной печатью, и велел передать вам...
– Ну так давай! – протянул руку виконт. – Чего тянешь? Может, хотя бы оно что-то прояснит...

Глава 5

Алехандро сломал сургучную печать и принялся читать письмо, периодически задумчиво хмыкая, то есть мысленно соглашаясь или не соглашаясь с Кардиналом:

«Сын мой! – официально писал пастырь. – Заклинаю тебя, помоги. – Ясное дело: а кого же еще заклинять, если не титулованного воспитанника? – На острове Сатар, этом рассаднике зла и интриг, наблюдается необычное оживление. Полагаю, оно вызвано не чем иным, как очередными происками проклятого Верховного Навигатора. Думаю (тут Алехандро полностью согласился с Кардиналом), Орден не меньше нашего (больше, ваше высокопреосвященство, намного больше) ожидает прибытия Ники. Могу только догадываться (вот именно, ведь вы, учитель, никогда не были на острове лично), что с помощью Ники Навигатор собирается укрепить свою власть...»

Дочитав до этого места, Алехандро хмыкнул еще громче: «Не власть он укрепить хочет. Отнюдь. Смотраться он собирается из этого радиоактивного гадюшника. Вот так-то!»

«...Поэтому заклиная тебя, мой возлюбленный духовный сын и воспитанник, собрать отряд преданных короне кирасир под руководством опытного лейтенанта де Ретая и защитить Нику от возможного посягательства Ордена, поелику сие возможно с учетом наших скромных сил».

В конце письма красовалась витиеватая подпись с шикарным росчерком: «Волей святой Ники – его высокопреосвященство Кардинал, отец и пастырь герцогств Федрина и Багардия».

– Передай Кардиналу – я все сделаю, – приказал виконт, сворачивая прочитанный свиток. – Только вот не знаю: поможет ли это? Одно из двух: либо Орден имеет в запасе достаточно ресурсов, позволяющих захватить звездолет, либо Ника держит в кармане козырь, способный заметно поуменьшить аппетиты Верховного Навигатора. Впрочем, это уже... – Он требовательно посмотрел на Антонио.

– ...Не моего ума дело! – послушно закончил сметливый послушник.

– Верно, – удовлетворенно кивнул наследник. – Беги давай обратно к Кардиналу, а я посижу, подумаю на досуге, покумекаю о нашем дальнейшем житье-бытье. И еще, – крикнул он в спину удаляющемуся Антонио, – зайди к нашему управляющему, передай, что я велел выдать тебе приличную обувь!

– Черт, не нравится мне все это! – мрачно изрекла я, разглядывая картинку на внешнем экране.

– Что – все? – рассеянно спросила Крися, продолжая усиленно напихивать медицинскую сумку громадным количеством каких-то тюбиков и баночек.

– ВСЕ! – многозначительно обобщила я. – Мои предчувствия, наши выводы, оперативная информация, поступающая с мониторов и датчиков, – все не нравится... Крись, у тебя сейчас сумка лопнет.

– Не лопнет. – Подруга отложила распухшую торбочку и выжидательно уставилась на меня донельзя довольствующими синими глазищами. – Нужно быть готовой ко всему.

– Вот именно, – покладисто согласилась я. – Поэтому корабль останется на орбите, а мы выведем из ангара наш единственный уцелевший десантный бот, ибо два других утопли в огненном болоте на Нимфее-6, да совершим на нем тихую посадку без лишней помпы и шумихи.

– И окажется, что «предчувствия ее не обманули», – хорошо поставленным шалашинским басом пропел Феникс, неслышно вошедший в отсек.

– Типун тебе на язык! – тут же пожелала я в ответ, услышав такое дурное пророчество.

– Типун – это чирей? Где чирей? – испуганно вскинулась биологиня.

Феникс согнулся пополам от бурного хохота:

– Крись, ты хоть иногда о работе не думаешь?

Подруга задумчиво подергала ремешок вместительной сумки, перегруженной медикаментами:

– Да, во сне! Потому что во сне она мне снится...

– Так, ребята, хорош прикалываться! – В дверях отсека появились два новых элемента, а именно – голова нашего штурмана Змея, увенчанная пижонистой, залихватски заломленной набекрень бейсболкой с объективной надписью «I am bad», – и его мускулистая рука, размахнувшись, запустившая в нас грязной тряпкой, отвратительно воняющей какой-то машинной смазкой. – Я там, понимаешь, пуп себе срываю, пашу один, как проклятый, бот к посадке готовлю, а они тут байки травят. Закурить у кого-нибудь найдется?

– Курить – вредно для здоровья! – наставительно изрекла Крися, непедagogично складывая для штурмана красивую фигуру из трех пальцев. – Вот тебе, а не сигареты!

– Изверги, садисты, сатрапы! – нервно взвыл Змей. – Я – бессмертный! Зачем мне о здоровье беспокоиться? Мужик упался, понимаешь, антидепрессанта просит...

– Так не того просить тогда надо, – пошловато складывая губы бантиком, глубокомысленно намекнул Феникс, – после двух-то сотен лет воздержания в криокамере!

– Ниче, будут вам антидепрессанты скоро, – ехидно утешила я, специально подстраиваясь под простецкий тон Змея. – Вот высадимся на Землю – а там, понимаешь, фронт работ по восстановлению генофонда, целина непаханая!

– Ты это серьезно, кэп? – шокированно вылупились на меня мальчишки. – А если там одни уродливые мутантки остались?

Крися сдавленно хихикнула.

– Так я вам об этом и говорю, – с серьезным видом продолжила я, незаметно подмигивая Кристине. – Генофонд восстанавливать...

Змей и Феникс обменялись выразительными гримасами. Очевидно, обоих навигаторов одновременно посетила одна и та же страшная мысль, потому что парни дружно скривились и синхронно прикрыли ладошками свое самое ценное достояние – штурманские значки.

– Нет, нам по уставу не положено с бабами шашни заводить! – торопливой скороговоркой выдал Змей, задом пятясь к дверям. – Лучше уж укуриться вусмерть, чем с мутантами того-с... размножаться! – Он судорожно сглотнул.

– Пойдем, – потянула его за рукав по-прежнему хихикающая Крися, – я тебе каких-нибудь витаминов дам. Для стимуляции потенции...

– А-а-а, так теперь ЭТО у вас витаминами называется? – завистливо поддел Феникс. – А как же ожидающие нас на Земле мутантки? Брому ему, брому!

Девушка с порога показала юмористу маленький, но весьма крепкий кулачок.

– «Он сказал – поехали, он взмахнул рукой...» – героически напевал Дракон, плавно переводя рукоять ручного управления в рабочее положение, но все равно трянуло нас ощутимо.

– Водила криворукый, предупреждать надо! – возмутился Айм откуда-то из глубины салона. – Весь коньяк из-за тебя на штаны пролил!

– А ты не пей на работе – и не на работе тоже не пей! – наставительно крикнул Дракон из рубки.

– Услышал-таки! – угрюмо пробурчал себе под нос упитанный аналитик и сварливо огрызнулся уже вслух: – А может, меня укачивает и мне коньяк доктор прописал!

– Знаешь, меня что-то тоже. – Феникс протянул руку к знаменитой серебряной фляжке Айма, но тот шустро спрятал раритетную посудину к себе за пазуху:

– Отвали, Финик. Штурмовикам лучше не пить. А то кто тогда станет защищать от всевозможных земных напастей нас, то есть последние выжившие великие умы человечества?

– Это ты, что ли, выживший великий ум? – недоверчиво прищурился штурмовик. – А может, выживший из ума? Да ты же настолько быстро ассимилируешь в компанию местных мутантов, что никто этого даже и не заметит.

Айм обиженно засопел.

– Отставить разборки и выпивку! – строго приказала я. – Еще не хватало пьяными высадиться – вот это вообще картина маслом будет! А фляжку мне отдайте.

– Так ты ведь весь коньяк сама выпьешь, – подчеркнуто комично заканючил Феникс.

Аналитик виртуозно просвистел первые такты марша «Прощание славянки» и трагическим жестом застегнул куртку, намекая: отныне он серьезен и трезв как стеклышко, – попутно воровато прикрывая локтем извлеченную из кармана фляжку...

– Вам всем давно известно, что коньяк я не пью. – Я бесцеремонно выдернула плоский сосуд из цепких пальцев Айма.

– Ну вот – ни себе ни людям! Нет в жизни счастья, – философски пожалобился он, скорбно вздыхая. – Рыжая, ну чего ты такая злая-то?

– Известно: она же «дедушку лопатой» того-с... – ехидно подначил Феникс.

Я только замахнулась, собираясь шлепнуть по губам нашего неумного шутника, как подошедшая сзади Крися успела вовремя перехватить мою карающую капитанскую длань.

– Ребята, ну зачем вы Нику достаете? – Она укоризненно повела синими глазищами в сторону балагуров. – Не понимаете, что ли, – она волнуется!

– Все волнуются, – чуть слышно прошептала робкая Нея, тихой мышкой прикорнувшая в углу и, согласно инструкции, единственная из всех пристегнутая ремнями безопасности.

– Да, – ничуть не смутилась Крися, – но отчитываться, отвечать за все – Нике!

– Рыжая, мать твою! – вдруг дико заорали на два голоса Дракон и Змей, находившиеся у штурвалов в рубке. – Срочно дуй сюда со всех своих длинных ног!

Но побежали в рубку конечно же все. Да так и замерли перед огромным панорамным штурманским иллюминатором. Опытные пилоты ориентировались на сигналы маячка вспомогательной базы, идущие с острова Сардиния. И теперь нашим глазам предстало захватывающее зрелище: богатый приморский город, широко раскинувшийся вдоль берега Средиземного моря. Десятки гордых парусников около пристани. Высоченная каменная стена, а за ней – стройные башни дворцов и позолоченные шпили других зданий. Яркие флаги, украшающие башни, полощутся на ветру. Сотни крохотных точек-людей, спешащих к воротам. Гордо гарцующие всадники, повозки, запряженные быками. А на самом острове – серебристо-серая, зловещего вида цитадель, напоминающая иглу, устремленную в небо.

– Народу-то сколько! – восхитилась Дина. – И заметьте, все движется по направлению к городу. Может, у них там какой-нибудь праздник сегодня намечается?

– Уж не нас ли они ждут? – задумчиво почесал в затылке Айм.

– Вполне здравая гипотеза. – Я не сомневалась, что так оно и есть. – Мы прибыли в точно назначенный срок, из графика не выбились ни на день. Так что очень может быть, что все это торжественное мероприятие ради нас и затеяно...

– Да вы только приглядитесь повнимательнее, – неожиданно вылезла к самому окну Нея. – Замок, парусники, лошади! У них там что – сказочное королевство? Или это бал-маскарад?

– Да какой маскарад, – презрительно хмыкнул Феникс. – Скажешь тоже. Отсталые они. Средневековые у них. Понимаешь, Сред-не-ве-ковье!

– Ой, мать моя женщина! – панически схватился за голову Змей. – Вот такого я точно не

ожидал! Как же люди могли скатиться до подобного уровня?

– Скажи спасибо, что не каменный век, – справедливо упрекнула Крися.

– Охренели вы все, что ли? – возмущенно завопил потерявший терпение Дракон. – Или ослепли? Вы на ворота-то хоть гляньте!

Мы глянули.

– Чего-чего? – потрясенно пробормотал Айм, вытаскивая из кармана очки и водружая их на нос.

Феникс громко присвистнул, Змей тер глаза, Нея без остановки визжала на одной нудной ноте, а Крися срочно искала валидол в своей необъятной сумке...

У главных городских ворот возвышалась статуя: большущая... нет, просто гигантская. Метров двадцать от земли до макушки – никак не меньше. В виде женской фигуры с обнаженным мечом в одной руке. Второй ладонью воительница покровительственно прикрывала вход в город, как будто защищала деревянные створки от любых непрошенных гостей. Прилегающий брючный костюм, спокойное, странно знакомое лицо. Волнистые волосы ниже плеч, покрашенные в яркий цвет, ослепительно сияющие в лучах солнца. Кудри медно-рыжего оттенка...

– Что же это делается-то, а? – с неровным придыханием, предобморочно простонала я. – Это я, что ли, да-а-а?

– Ты, ты самая, радость наша! – почти злорадно ответил Дракон. – И кажется, в роли как минимум местной народной героини.

– Может, типа Жанны д'Арк? – предположила Дина.

– Ой, не надо Рыжую в Орлеанские девы, – категорично запротестовала Крися. – Жанну ведь сожгли.

– А помните тот прикольный анекдот про Рыжую, что на последнем курсе по школе ходил? – хохотнул Феникс. – Ну, в котором ее еще памятником называют? Кажись, накаркали!

– Не-э-эт, – мысленно анализировал ситуацию Айм, продолжая внимательно разглядывать статую, – они Нику жечь не собираются. Видите, у подножия статуи цветы и что-то вроде таблички с текстом. А ну-ка дайте увеличение на мониторе...

Дракон послушно пощелкал кнопками. Изображение заметно придвинулось, стало более отчетливым и контрастным. Айм прищурился и с чувством прочитал:

Сказал Господь тебе и мне:
«Погибнет человеческий род,
Вы – словно бабочки в огне.
Не перейти геенны вброд.

Но вам не зря душа дана —
Лишь в ней спасенье бранных тел,
Бессмертный дух познать до дна —
Последних выживших удел!»

– М-да, чертовски символично! Если мне не изменяет память, – Крися первой прервала затянувшуюся паузу и отважилась на комментарий, – это, кажется, строчки из тех стихов, которые ты писала на третьем курсе?

Я подавленно кивнула.

– Интересная ситуация у нас складывается, – хмыкнул Айм. – Нике цветы подносят, статуи воздвигают, слова ее цитируют...

– Они что, молятся на нее, что ли? – недоуменно предположил Феникс.

– Именно! Она для них – богиня! – Айм победно улыбнулся. – И ждут они ее возвращения – точнее, пришествия – как манны небесной, как явления Христа народу!

Все потрясенно молчали, ошарашенно таращась на злополучную статую.

– Пропустите! – тихонько попросила Крися. – Не хочется прерывать вашу коллективную медитацию, но мне нужно пройти к Рыжей и дать ей понюхать нашатыря. Похоже, она в обмороке...

Алехандро проснулся от переливчатого звона колоколов. Это послушники монастыря Святой Ники с натугой раскачивали тяжелый язык большого благовестника, чей солидный бас дополнялся более тонкими голосками полиелейных подзвонников, созывая благочестивых прихожан на утреннюю службу. Только на сей раз церковная служба обещала стать особенно долгой и пышной – ведь день сегодня незаурядный, даже знаменательный: очередная годовщина восшествия на небо святой Ники. Народу соберется тьма – и, как обычно, все пойдет своим чередом: сначала торжественная служба в храме для избранных дворян герцогства и приглашенных гостей, а потом – публичная проповедь для простолюдинов на главной дворцовой площади. И уже после этого, ближе к вечеру – всеобщее гуляние с танцами, представлениями и пиршеством до утра.

Вспомнив миновавший вечер, виконт поморщился, словно от острой зубной боли. Вчера во дворец прибыл Гастон Толстый, правитель соседней Багардии, вместе с сыном Альфонсом и дочкой Сюзеттой. Наследник с балкона все это безобразие наблюдал, укрывшись за гардиной. Слышал, как матушка щебетала у кареты высокородных гостей: ах, до чего же, мол, Алехандро вырос и возмужал, давно уже ему жениться пора, а какой муж отличный из него получится – все дамы Сюзетте завидовать станут! В первое мгновение виконт даже не смог понять: кто это матушке отвечает таким утробным басом – уж не сам ли герцог Гастон? А потом увидел своими глазами и понял... Когда три пажа с трудом выгрузили из кареты что-то низенькое, круглое, укутанное в шелка и кружева... Алехандро от растерянности приоткрыл рот и так щелкнул зубами, что прикусил себе язык. За год, прошедший с их прошлой встречи, Сюзетта растолстела вдвое против прежнего. Моргая маленькими поросычьими глазками, девушка плотоядно оглядела фасад замка, не пропустив ни одного балкона, ни одного распахнутого окна. И где это там любезный женишок прячется? Алехандро плотнее завернулся в пыльную бархатную ткань, с содроганием отмечая и красные, безобразные руки своей невесты, покрытые валиками отвисшего жира, и необъятное, вяло колыхающееся декольте. А чего стоили ее пять обрюзгших подбородков, в которых совершенно потерялось бесценное бриллиантовое кольцо!

Ах, такие чудные камни совершенно потрясающе смотрелись бы не на таких телесах, а на округлой, лебединой шее, плавно переходящей в широкие, гордые плечи. Прозрачные, похожие на льдинки алмазы могли бы ослепительно контрастировать с миндалевидными зелеными глазами, яркими алыми губами и нежной кожей, чуть тронутой лучами инопланетного светила. С тех пор как Алехандро увидел голографическое изображение Ники, он так уже и не сумел выбросить из головы мечтаний об этой удивительной девушке. Такой задорной, такой прекрасной, такой юной – возрастом в целую тысячу лет! Виконт тряхнул головой, отгоняя пленительный образ, целиком завладевший всеми его помыслами, а потом дернул витой шнурок в изголовье кровати, призывая слугу.

– Срочно пригласите ко мне лейтенанта де Ретая!

До прихода верного друга у Алехандро нашлась малая толика времени, которую он счел возможной посвятить собственному туалету. Нет, этим утром никаких кружев и вышитых камзолов, на которых так настаивала Герцогиня! И плевать ему на неблагоприятное впечатление, произведенное на Сюзетту Багардскую. Во-первых, он – мужчина, а не разряженная кукла. А во-вторых, он готов навозом измазаться и в соломе извальяться – лишь бы невеста передумала и отступилась. Сегодня слишком важный день, опасно важный, а потому абсолютно не подходящий для разгуливания в белой парче. Сегодня впору не кружева, а латы надевать. Содрогаюсь от пугающей мысли, что Рыжая может угодить в лапы не знающего жалости Верховного Навигатора, Алехандро к тому же еще и вооружился до зубов.

В двери учтиво постучали.

– Заходи! – крикнул виконт, ту же затягивая пояс, скрывающий набор миниатюрных метательных ножей.

– Доброе утро, это я! – Гай плотно прикрыл дубовую створку изнутри и запер ее на замок. – Мои ребята готовы и ждут условного сигнала.

– Хорошо! – Алехандро подошел к зеркалу, пригладил усы, расчесал волосы и остался чрезвычайно доволен своим безупречно корректным внешним видом. Может, и не очень-то нарядно получилось, но зато удобно и практично: черный кожаный колет, черные штаны, высокие ботфорты. Простая полотняная рубашка. Любимая рапира, пара кинжалов, ножи. Вокруг гибкой талии обмотана отличная веревка из конского волоса, толщиной не более мизинца. Так, на всякий случай.

– Ее светлость Герцогиня придет в крайнее негодование от твоего мрачного наряда! – тактично намекнул де Ретай.

– А и пусть ее! – хищно оскалил белые зубы Алехандро. – Сам-то ты одет точно так же.

– Я на службе.

– Отличный каламбур, – криво усмехнулся виконт. – И кто это сказал, что якобы у военных неизбежно атрофируется чувство юмора? Сегодня служба будет что надо – даже ангелы спустятся к нам с небес!

Лейтенант прикрыл губы перчаткой, скрывая ехидную улыбку:

– Твое желание танцевать со святой Никой уже облетело весь город, только, боюсь, Верховный Навигатор мечтает оставить первый танец за собой!

– А народ что говорит?

– А чего простолюдины скажут? Молятся, ждут, верят в тебя и надеются на чудо.

– Чудо! – саркастично хмыкнул Алехандро. – А ведь на редкость прилипчивое словечко оказалось – запало мне в память с подачи одного непутевого кардинальского воспитанника. Вот если мы с тобой исхитримся и расстроим планы Ордена, то это точно можно будет записывать в категорию чудес... Не надеюсь я почему-то на собственные возможности высших сил...

– А мы им подмогнем. – Де Ретай выразительно положил руку на рукоять рапиры. – Как твоя милость и приказал, я рассредоточил своих кирасир вокруг площади, взяв ее в кольцо. Часть солдат, переодетых в штатское, смешается с толпой паломников. Ты только нам знак четкий подай, когда нужно станет, и мы такое «чудо» Ордену устроим – мало не покажется...

– А Ника? – тревожно спросил Алехандро.

– А что – Ника? – искренне удивился лейтенант.

– Ну, вдруг она чего-то не поймет, испугается или, не разобравшись, сразу встанет на сторону Верховного Навигатора?

Де Ретай ненадолго задумался:

– Будем надеяться, что Рыжую осенит божественное провидение и она все правильно воспримет!

– Тьфу на тебя, фаталист! – раздраженно дернул плечом виконт и демонстративно сплюнул на паркет. – И ты туда же! Как же вы все меня достали со своим тупым фанатизмом! Да никакая она не святая, понятно? Не святая! Это просто мы привыкли считать ее высшим существом, а на самом деле – она такая же, как все мы, обычная земная девушка.

Лейтенант недоверчиво покосился на наследника.

– Так-то оно, может, и так, – упрямо бормотнул он, – да только сдается мне, не по плечу обычной девчонке этикие дела – ну, там вечная жизнь и полеты абы куда на абы чем! Думается мне, она и сама нам еще немало чудес показать сумеет!

– Твои бы слова да Нике в уши... Ой, да что же это я говорю-то! – сорвался Алехандро. – Совсем вы меня своими суевериями заморочили. Все, хватит глупых разговоров – нам уже идти пора...

– Разговоры – они сами по себе, – продолжал убежденно ворчать себе под нос де Ретай, шагая следом за виконтом, – а Ника – отдельно, потому как не бывает у простофиль таких

глаз, как у нашей святой на каждой статуе! Бойца-то – его по глазам завсегда видно...

Окончательно выведенный из терпения, Алехандро зашипел, словно рассерженный кот, и де Ретай наконец-то умолк, продолжая строптиво хмурить брови, ибо сей упертый вояка и не намеревался когда-либо усомниться в собственной правоте...

Сбежать с праздничной службы виконту не удалось. Вот и пришлось ему долгих два часа терпеть нудную тягомотину да переминаться с ноги на ногу возле батюшкиного кресла. Батюшке-то что? Принял на грудь пару бутылок вина и мирно прохрапел всю торжественную церемонию, а значит, оказался не в состоянии исполнить обязанности главы государства, и посему отдуваться за Герцога опять предстояло наследнику престола. Ворочать неподъемный том святого Писания, поклоны перед статуей святой Ники бить, задыхаясь от чада сжигаемых благовоний, и молитвам подпевать с самым благочестивым видом. Принимать от его высокопреосвященства Кардинала символические ключи от Небесных врат. А куда теперь денешься, если Кардинал украдкой, из-под полы парчовой мантии, кулак воспитаннику показывает! Мол, терпи, твоя светлость, работа у тебя такая. Попутно нагоняй от матушки получил, ибо оделся неподобающим празднику образом. Мужественно, ни разу не скосившись, игнорировал беглый огонь глазками, который усиленно вел по его венценосной особе целый батальон прелестных придворных фрейлин во главе с белокурой Маулвиной де Бри. А ведь трудно виконту пришлось, ой как трудно! Ибо молоденькие свистушки заявили в храм одетые, а еще вернее – раздетые, кто во что горазд! В полупрозрачные шелковые платья с умопомрачительными декольте и обольстительными вырезами от плеч до копчика. Почти все перекрашенные в благородный рыжий цвет. Выводок кардинальских послушников, долговязых мальчишек пятнадцати – семнадцати лет, чуть паралич не разбил от такого соблазнительного зрелища. А самому виконту пришлось поплотнее в плащ закутаться, дабы ничем не выдать своей бунтующей мужской натуры. Сюжетта надулась, как индюк, веером прикрылась и так и полыхала завистью к бесстыжим чаровницам – видать, вынашивала кровожадные планы сразу же после своей свадьбы с наследником всех фрейлин выпороть для острастки, обрить налысо и молчком спровадить в самый дальний монастырь для кающихся грешниц. Алехандро спрятал в усы злорадную усмешку:

«Нет, дорогая моя Сюжетта, я скорее Антонио поцелую, чем тебя, я сбегу с трупой бродячих комедиантов или в наемные бретеры подамся, но на тебе никогда не женюсь... Я лучше съем возле храма свой дворянский патент, в котором делается запись о заключении брака... Я лучше...» – Забывшийся виконт ощутил увесистый пинок. Это его бдительность Кардинал, пастырь недремлющий, все знающий и все понимающий, правильно расшифровал выражение лица своего нерадивого воспитанника и своевременно вернул того к скорбным делам житейским. Алехандро удрученно вздохнул и мстительно покосился в сторону будущей супруги. А нареченная невеста тоже в долгу не осталась и, невзирая на то что сидела на пять кресел дальше, каким-то хищным, звериным чутьем уловила взгляд виконта и ответила умильной жабьей улыбкой. Неприкрыто собственнической. Алехандро мысленно застонал, возвел глаза к потолку храма и в сотый раз взмолился святой Нике, упрашивая избавить его от ненавистой невесты.

И вот когда наследник уже готовился свалиться на пол из-за нестерпимых судорог в затекших от долгого стояния ногах, Кардинал величественно повернулся к выходу и взмахнул рукой. Двери храма медленно растворились... Под аккомпанемент ангельского пения хора несовершеннолетних мальчиков, славившихся на весь город чрезвычайной распушенностью, процессия из священников и дворян торжественно двинулась на улицу, широкой волной плавно стекая со ступенек святилища. Толпы народа, ожидающего выхода Кардинала, благоговейно опустили на колени. Впереди всех неторопливо выступали четыре дюжих монаха, несших носилки со статуей великой святой, щедро изукрашенной живыми цветами. Волосы мраморного божества ярко рдели пронзительно-рыжим цветом. И неспроста! Полночи благонравные монастырские послушники спешно разводили

драгоценную хну, купленную у капитана «Черной катраны», причем стоившую его преосвященству целого состояния, и старательно приводили в должный вид порядком выцветшую голову мраморной Ники.

Статую бережно установили на специальный постамент, возведенный в центре площади. Высшее духовенство, герцогская семья, гости и дворяне скученно и излишне суетливо рассаживались на ступенчатых, криво и косо сколоченных из досок трибунах. Кардинал вышел к подножию статуи, поднял руки и заговорил, обращаясь к враз притихшей площади, полной людей:

– Возлюбленные братья и сестры! Сегодня, в день девятьсот шестнадцатой годовщины восшествия на небо святой Ники и ее богоподобных ангелов, мы снова с надеждой и смирением вспоминаем строки священного Писания...

– Смотрите! – Чей-то тонкий фальцет вдруг кощунственно прервал праздничную проповедь. – Смотрите на небо!

Все присутствующие дружно вскинули головы. На небе творилось что-то невероятное. От огромного серебряного диска, уже много дней висевшего над городом, отделился странный цилиндрический предмет, который начал быстро двигаться по направлению к площади, явно намереваясь приземлиться рядом со статуей святой Ники.

В толпе возникла паника. Пронзительно заверещала придавленная беременная баба – жена состоятельного бакалейщика. Маленький ослик, принадлежащий хваткому рыбнику, испуганно шарахнулся, оглушенный громкими воплями, и наступил своим острым копытцем на ногу здорового кузнеца. Силач возмущенно ругнулся и врезал пудовым кулаком прямо промеж ушей несчастной заезженной скотинке. Ослик взревел дурным голосом и встал на дыбы, с возка посыпалась снулая рыба. Высокой плешивый стражник, вооруженный внушительной алебардой, поскользнулся на плоской серебристой тушке, взлетел в воздух, выполнил шикарный финт ногами и с грохотом обрушился все на ту же толстую бакалейщицу. Упущенная им алебарда птичкой упорхнула в толпу, сея синяки и смтение.

– Спасите, настал конец света! – истошно заголосила глупая баба, хватаясь за вздутый живот.

– Грянул гром небесный! – убежденно вторил кто-то, очевидно получивший по голове летающей алебардой.

– Полезли из земли демоны! – обнаружил в дугу пьяный сапожник, топтавшийся на раздавленных рыбьих кишках. – Увертливые и вельми зловонные!

– Злой дух вселился в ишака – берегись: покусает, заразит! – поддал жару злопамятный кузнец.

Ослик, всерьез обеспокоенный своей последующей судьбой, ударом задних ног доломал непрочный возок и ломанулся прочь, топча всех, кто подворачивался ему под копыта. Среди образовавшейся свалки ловко сновал известный городской вор Шмыга, усердно обчищая кошельки и карманы.

На помосте громко хохотал умеренно нетрезвый Герцог, усиленно нахваливая искусную работу придворной труппы комедиантов:

– Вот шельмецы, как массовку достоверно натаскали!

В центре площади отрешенно застыл Кардинал, забыв опустить поднятые для благословения руки, а сбоку от дворянской трибуны начали подозрительно кучковаться закутанные в плащи ордены.

– Дорогой, – заинтересованная Сюжетта капризно потянула Алехандро за перевязь рапиры, – а в прошлом году такую эффектную сцену на празднике не показывали. Почему?

– Дура! – отмахнулся виконт от нареченной невесты. – Это не сцена, это все взаправду. Поэтому, если хочешь жить, то забирай с собой Франческу – и срочно бегите во дворец...

– Но почему? – вопросительно распахнула заплывшие глазки Сюжетта.

– Да потому! – наследник доходчиво махнул в сторону статуи святой Ники. – Сама-то не видишь разве?

Цилиндрический объект, отделившийся от огромного сияющего диска, завис низко над

площадью, отбрасывая аккуратную тень, торжественно осенявшую памятник рыжей святой.

– Чудо! – потрясенно завопил экзальтированный послушник Антонио, указывая пальцем с обгрызленным ногтем.

Его высокопреосвященство Кардинал растерянно взглянул на виконта. Алехандро одобрительно подмигнул, сигнализируя: «Не отдавай инициативу в неподходящие руки!»

– Чудо! – патетично провозгласил Кардинал, с мученическим кряхтением опускаясь на одно колено и тем самым нанося непоправимый ущерб своей застарелой подагре. – Дети мои, дайте место святому знамению!

Народ послушно сыпанул в разные стороны. Площадка вокруг статуи вмиг опустела.

– Пора! – Виконт направляюще дернул за рукав Гая де Ретая, стоявшего за спинкой его кресла. – Пусть твои люди выдвигаются. И орденов из поля зрения не выпускать ни в коем случае.

Лейтенант спешно вытащил из-за обшлага рукава приметный красный платок и помахал им вверх-вниз. Некоторое количество молодых мужчин, вооруженных чуть серьезнее, чем это приличествует праздничному богослужению, начало усиленно проталкиваться наперерез толпе, торопясь приблизиться к освободившемуся пространству.

– Сейчас начнется, – взволнованно шепнул Алехандро, судорожно сжимая рукоять рапиры.

Цилиндрический предмет опустился возле статуи святой. С легким шипением от борта корабля отделилась небольшая часть, за которой обнаружилось зияющее отверстие. Из люка выдвинулась маленькая лесенка, а на ней, в свою очередь, немедленно показалось несколько человеческих фигур.

Толпа ахнула...

– Что у них там творится? – Прищурив глаза, Айм непонимающе вглядывался в иллюминатор. – Смотри, Рыжая, некий забавный старикан в золотистом облачении трясется около статуи имени тебя и тычет пальцем в небо!

– Бестолочь ты, а не аналитик! Это он на нас показывает, – доходчиво объяснил Феникс.

Айм, обидчивый до неприличия, гневно засопел носом:

– Финик, не лезь, когда старшие разговаривают!

– Да ну вас, не больно-то и надо, – небрежно фыркнул Феникс. – Мы с мальчишками арсенал распотрошили и собираемся...

– Чего, чего вы там делаете? – разъяренно перебила я. – Да вы никак совсем сдурели?

– Ну как же, кэп, неужели непонятно? – В салон шумно ввалился Дракон, сплошь увешанный оружием. – Мы к высадке готовимся – по плану «Икс-экстрим».

– Отставить экстрим! – возмущенно потребовала я. – Перейти на вариант «А», облегченный.

– Чего? – искренне поразился Змей, своим внешним видом сейчас сильно напоминающий незабвенного Терминатора, причем вступившего в ряды Автоботов или Десептиконов. – И звуковые винтовки, и импульсные пистолеты оставить? Да это же все равно что голыми наружу выйти!

– Ага, – я осталась непреклонной, – хватит с вас кортиков и световых гранат.

– А вот фиг! – в три глотки дружно возмутились лихие штурмовики. – Оружие не отдадим!

– Вы, идиоты, «Чужих», что ли, насмотрелись? – Я осуждающе покрутила пальцем у виска. – Вы за иллюминатор-то гляньте! Здесь нет врагов и огнестрельного оружия, а мы вернулись домой. Для тех, кто в танке, повторяю: ДОМОЙ! А вы собрались перестрелять все мирное население или как минимум напугать его до полусмерти.

Мальчишки виновато потупились.

– Рыж, а вдруг ты недооцениваешь ситуацию? – осторожно спросила Крися. – Вдруг они там агрессивные?

– Да, вдруг? – задиристо поддакнул Феникс. – А мы явимся безоружные, все в белом,

красивые и пушистые, аки ангелы...

– Ой, белые, точно, – сдавленно пискнула синеглазая биологиня, метнулась к шкафчику, вытащила белоснежный медицинский халатик и напялила его поверх своего костюма. Ну да, Крися без халатика – это уже нонсенс!

– Значит, так, – задумалась я, – оружие точно оставляем на боте. Как говорится, мы пришли с миром. Надеваем легкие костюмы противорадиационной защиты, шлемы для начала, а еще индивидуальные комплекты выживания берем и антигравитационные ранцы. Если что, стрелять по людям не станем, но улетим от них запросто. Ангелы мы или не ангелы?

– Здорово! – восхитилась Нея. – Полет – он всегда так красиво выглядит... Я еще в школе практику по аэродинамике страсть как любила!

– Ангелы мы теперь, значит, едрить нас за ногу! – скептически буркнул Феникс, криво напяливая ранец. – Ты, кэп, как же придумаешь...

Я улыбнулась. Признаюсь, три высоченных, широкоплечих штурмовика – Феникс, Дракон и Змей – совсем не случайно напоминали мне отнюдь не смиренных ангелов, а, скорее, воинственных персонажей популярного в свое время и донельзя навороченного фантастического фильма «Роботы-трансформеры».

Бот мягко тряхнуло. Мы приземлились. Люк открылся.

Как и положено капитану, я первой шагнула на ступеньку трапа, спустилась вниз и встала на Землю, которой не видела почти тысячу лет. Немного поколебалась и сняла свой защитный шлем. Тряхнула головой – и волна моих рыжих кудрей свободно рассыпалась по плечам...

Открыто, без смущения, я встретила взгляды сотен пар глаз, устремленных на меня...

– Это она, святая Ника! – единой слитной фразой выдохнула восторженная толпа.

Верховный Навигатор напряженно выпрямился в кресле именно в тот драматичный момент, когда цилиндрический предмет завис над дворцовой площадью.

«Десантный бот», – сразу определил он, вспомнив страницу из классификатора. Глава Ордена прекрасно разбирался в оружии и знал, что может противопоставить штурмовикам Ники. Верховный Навигатор разочарованно вздохнул. А противопоставить он мог не ахти что! Слишком много времени прошло с отлета звездолета, и ныне в распоряжении Ордена сохранились лишь скудные крохи былого могущества. Дойди дело до серьезной схватки – и братья не устоят против натренированных, хорошо вооруженных астронавтов. Куда уж их допотопным электромагнитным винтовкам тягаться с богатым арсеналом «Ники», с ее ультразвуковыми ружьями, лазерными пистолетами и еще страшно даже подумать чем. Навигатор обеспокоенно теребил непроницаемую черную маску, надежно закрывающую его лицо. Нельзя наносить хоть малейший вред кому-либо из астронавтов – все они слишком ценны. Если не удастся с ними договориться, миром привлечь их на свою сторону, то каждого члена экипажа нужно попытаться взять живьем. Особенно саму Рыжую – тут вообще вопрос по-другому не стоит! Без нее Орден в итоге все-таки развалится. Да что говорить: без нее вся планета в скором времени развалится на куски... Тут интриган опять тяжело вздохнул и подал незаметный знак своим людям, дабы они Нику не проворонили и не упустили. Не приведи Господь подобного несчастья!

В первый миг его преосвященство Кардинал растерялся и даже не на шутку испугался. Слыханное ли это дело, если на его глазах сбывается древнее пророчество, подрываются основа веры, устои государства, да и вся жизнь в целом приходит в полнейшее безобразие! Как сие богоявление может отразиться на раскладе существующих сил, на позиции и авторитете самого Кардинала? Кто знает, что этой вернувшейся святой в голову взбредет? А вдруг Ника объявит его высокопреосвященство самозванцем и шарлатаном? Кардинал содрогнулся, представив себя, голодного и босого, бредущего в ссылку по дороге, уводящей в сторону от столицы. Нет, нельзя допустить подобного несчастья! Нужно непременно

убедить Нику в том, что он вполне способен принести ей много пользы, стать соратником, помощником и единомышленником. И к тому же свержение церковной власти неизбежно приведет не только к нарушению привычной идеологии, но и к банальным беспорядкам на улицах города. Кардинал тихонько приподнял золотистую митру и почесал вспотевшую тонзуру.

«Бяда-а-а-а», – услужливо подсказало привычную фразу его окончательно запутавшееся сознание.

Герцог же, наоборот, не думал сейчас ни о чем. Его вытянутый палец, направленный в сторону того, что ошибочно было принято им за отличную декорацию, мелко подрагивал. Не от испуга, не от растерянности, а просто от недоумения.

– Это чего, а? – самопроизвольно вопрошал перекошенный, вялый рот.

Рядом так же тупо хлопал глазами и пускал слюнявые пузыри раскормленный гость – герцог Гастон Толстый. Сюжетта и Франческа, невеста и сестра Алехандро, дружно и созвучно визжали, навалившись на виконта Альфонса, помертвело раскорячившегося в кресле. Судя по отсутствию проблеска мысли на лице, умом багардский наследник пошел в неповоротливого тугодума папеньку. Герцогиня сверзлась с трона, нечленораздельно взывала и на четвереньках, как загипнотизированная, поползла в сторону предмета, спускавшегося с небес.

– Куда? – Выказывая идеальное самообладание, Алехандро вовремя наступил на шлейф материнского платья, жалко волочившийся по земле. – Сидите на месте – только вас еще там и не хватало!

Но Герцогиня не поняла. Пришлось призвать двух пажей и приказать отнести маменьку во дворец вместе с креслом. Повелительница не протестовала, только нервно трясла головой. «Совсем по-старушечьи, – огорчился виконт. – Как бы мать паралич не разбил...»

Сам наследник сохранял поразительное спокойствие и хладнокровие. Сомнения, терзавшие его утром, бесследно испарились при возникновении первого, пока еще отдаленного намека на реальную угрозу. Времени на панику попросту не оставалось, а права на ошибку – так и того хуже, не было совсем. Сейчас все решится! Алехандро впился глазами в распахнутый люк и вместе со всей толпой громко ахнул при виде волны рыжих волос, заструившихся по плечам вышедшей из корабля девушки.

Лучи изрядно изношенного светила, стоявшего в зените, отразились от яркой меди ее локонов, осияв площадь тысячами солнечных зайчиков и создавая самый настоящий нимб над головой Ники.

– Чудо! – в экстазе завопил послушник Антонио.

– Чудо! – многоголосо грохнула толпа. – Радуйтесь, люди! На нас снизошла благодать – святая вернулась!

Девушка поднесла ладонь ко рту и смущенно прокашлялась...

Кардинал вытянул багровую от натуги шею...

Герцог громко икнул...

Сюжетта и Франческа картинно упали в обморок...

Верховный Навигатор схватился за пистолет, спрятанный под плащом...

Алехандро прижал руку к сердцу, грозившему выпрыгнуть из груди...

Часть вторая Ключ

Глава 1

«Нет, я от них просто в осадок выпадаю – устроили, понимаешь, «Маппет-шоу»! Вон та барышня, в кружевной мантилье, с ниткой алмазов на тучной шее, – натуральная мисс Пигги,

а широко разевающий рот господин в нелепом парике и с красным носом закоренелого алкоголика – вылитый лягушонок Кермит...» Я оторопело замерла в центре площади, чувствуя себя крайне неудобно и не догадываясь, что нужно сказать или сделать дальше. Следуя моему примеру, точно так же остолбенели и все окружающие люди именно в тех самых позах, в которых их и застигло мое неожиданное появление на лесенке бота. При этом меня не покидало странное ощущение, будто я попала на съемки исторического фильма или на легендарный венецианский карнавал. Мужчины в шляпах, прекрасные дамы в пышных платьях, простолюдинки в чепчиках и передниках. Кто-то важный, облаченный в золотую мантию откровенно религиозного назначения. А сильнее всех меня смущал весьма накачанный черноволосый юноша, вооруженный антикварной рапирой и не сводящий с нашего бота своих красивых карих глаз, явно выражающих почему-то крайнюю степень беспокойства. Больше всего он напомнил мне мечту любой девчонки – прекрасного сказочного принца. Для полноты картины не хватало сущей мелочи – белого скакуна...

Ситуацию спасла Крися, следом за мной буквально спорхнувшая по ступенькам трапа.

– Больные зубы никого не беспокоят? – как ни в чем не бывало громко осведомилась подруга. – Можем полечить! – За плечами девушки свободно реял накрахмаленный медицинский халатик.

– Чудо! Смотрите, у нее за плечами белые крылья! – восторженно заорал высокий сутуловатый мальчишка в рясе. – Она – один из ангелов!

– Ну, с приездом нас, значится! – иронично хмыкнул Феникс. – Ангелы, курам на смех...

– Ангелы! – припадочно взвыл толстяк в золотом одеянии, расслышав его последнюю реплику. – Люди, они и правда ангелы!

– Славься, святая Ника! – многоголосо отмерла толпа.

От слаженного вопля нескольких тысяч человек я заткнула уши и чуть присела.

– Не молчи, кэп! – требовательно толкнул меня Феникс, бдительным взглядом обводя толпу и держа руку на рукояти ножа. – Говори что-нибудь. Видишь же, они ждут твоей речи.

Я поднесла ладонь ко рту и смущенно кашлянула. Люди мгновенно затихли, ожидая моей реакции.

– Здравствуйте! – Как назло, я не позаботилась продумать приветственную речь заранее. Пришлось импровизировать. – Мы рады встретить столь теплый прием. Я...

– Я – Валентина Терешкова, первая женщина-космонавт, – услужливо подсказал Феникс, сохраняя при этом совершенно серьезный вид.

Я поперхнулась торжественной фразой и смолкла. Принц на трибуне услышал шутку Феникса и улыбнулся в усы. Неужели понял?

– Я – командир исследовательского звездолета «Ника». Мне пока трудно судить, в полномочия каких структур входит обязанность рассмотреть и проанализировать рапорт нашей экспедиции, но я хочу сделать официальное заявление для всех присутствующих – Земля-2 найдена, обследована и признана пригодной для колонизации!

Большая часть присутствующих осталась безучастной.

«Не поняли», – сообщила я.

– Мы все можем улететь на другую планету, – более доходчиво пояснила я.

Народ на площади заволновался.

– И вознесутся праведники на небо! – патетично провозгласил все тот же экзальтированный паренек, продолжавший восхищенно разглядывать Крису.

– Юноша, давайте я вам успокоительного налью, – сочувственно предложила добрая биологиня.

Она сняла с себя медицинскую сумку и начала копать в ее бездонных недрах, разыскивая нужный пузырек. Стерильный халатик соскользнул с покатого плеча девушки. Новоявленный пациент благоговейно подхватил белоснежную одежду и зарылся в нее лицом, упоенно вдыхая ввевшийся в ткань запах антисептиков. Штурман Дракон, бдительно охранявший нашего не в меру ретивого медика, хмуро покосился на простоватого паренька и

многозначительно покрутил пальцем у виска.

Вперед вышел дородный мужчина, облаченный в золотистую хламиду.

– Дети мои,– он поднял руки в умиротворяющем жесте, успокаивая взволнованно бурлящую толпу,– сбылись слова священного Писания! Святая Ника вернулась на землю, дабы спасти всех страждущих и исцелить всех больных. Но ангелы устали от трудов праведных и нуждаются в отдыхе. А посему – пейте и веселитесь, а святая выступит перед вами завтра в главном храме.

– Правда выступит? – взлетел над площадью чей-то недоверчивый голос.

– Слово мое нерушимо,– чопорно подтвердил оратор, бия себя кулаком в грудь.– На то я, милостью святой Ники, ваш пастырь и отец – Кардинал.

Я недоуменно воззрилась на самоуверенного священника:

– Извините, чьей-чьей милостью?

В ответ Кардинал изобразил короткую, но весьма бурную пантомиму, очевидно значившую: для разборок сейчас не время и не место! Я любезно пожала плечами: да как вам будет угодно!

В мою голову незамедлительно пришла весьма оригинальная мысль: если этот мужик – Кардинал, то кем тогда на самом деле является вон тот черноусый красавец, ассоциирующийся в моей нездоровой фантазии не иначе как с принцем? Я испытующе взглянула на трибуну. «Принц» помахал мне рукой и ослепительно улыбнулся, продемонстрировав белоснежные, здоровые зубы. Явно не Крисин пациент!

– Устроим праздник! – преувеличенно радостно объявил Кардинал и призывно хлопнул в ладоши.

По его знаку на площади тотчас появились широкоплечие монахи, нагруженные корзинами со всевозможными съестными припасами, которые они тут же, не скупясь, начали раздавать всем желающим. Булки хлеба, жареная рыба, бутылки с каким-то напитком, явно алкоголесодержащим. Ого, я невольно прониклась вполне обоснованным уважением к его высокопреосвященству. А наш Кардинал точно не дурак и к тому же не новичок в политике – понимает, чем можно снять обострившееся социальное напряжение.

– Слушай,– шепнула я Фениксу,– где-то у нас на боте вроде запас шоколадок завалился?

– Ага,– язвительно хмыкнул штурмовик,– а еще зеркалац и бус...

– Ты чего? – удивилась я. – Чего психуешь? Что тебя беспокоит?

– Вон те парни... – Опытный Феникс безошибочно выделил кучку странных людей в черных одеяниях, подозрительно сгруппировавшихся около трибуны. – Секта вроде бы какая-то. Я сам только кришнаитов помню, но те вроде бы в оранжевых простынях ходили. А эти хмыри мне почему-то не нравятся! И еще вон тот тощий мужик в маске. Видишь, как он руку держит? Я уверен – у него пистолет!

– Ты с ума сошел: откуда у них пистолеты? Не смешно!

– Нет, на сей раз я не шучу. – Феникс отставил свои обычные шуточки и стал непривычно серьезен. – Поверь, у меня чутье на подобные вещи. Как бы наша ситуация явления Христа народу не обернулась песенкой: «То ли еще будет – ой-ей-ей...»

К мнению профессионального десантника стоило прислушаться. Я сосредоточилась, пытаясь мысленно прощупать человека в маске, но, к своему огромному удивлению, наткнулась на сильнейший ментальный блок.

– Фен, это же просто невероятно! У него имеется мощная электронная глушилка, пробить которую мне не под силу!

– Это говорит о многом,– сердито проворчал друг. – Зря мы все же не взяли оружия! Нутром чую – он опасен, он что-то замышляет. Прошу тебя, будь осторожна!

Я мысленно прокляла себя за доверчивость и наивность. Похоже, Феникс прав! Я недооценила потенциальную опасность, и теперь мне придется немедленно что-то предпринять, взять инициативу в свои руки. Но только я успела подумать о возможном плане развития дальнейших событий, как вдруг его надутость Кардинал произнес фразу,

ставшую роковой. Фразу, положившую начало череде самых невероятных приключений.

– Ваше... – Кардинал затрудненно пытался, напрягая мозги и подбирая подходящий титул, – святое величество миледи Ника, прошу вас проследовать в мою монастырскую обитель, где мы сможем предоставить вам и вашим ангелам скромные кров и пищу!

– С радос... – начала я.

– Нет, – перебил нас холодный властный голос, – это совершенно недопустимо! Капитан, вам и вашему экипажу необходимо как можно скорее прибыть на Базу, расположенную на острове Сатар, более известном ранее как Сардиния.

– Зачем, сударь? – недогадливо удивилась я.

– Мы тоже навигаторы и нуждаемся в вашей помощи, – откровенно пояснил мужчина в маске.

Видимо, овладевшее мною величайшее изумление столь сильно увеличило мое обычное ментальное поле, что глушилка незнакомца дала кратковременный сбой, длившийся не более секунды. Но и этого хватило с лихвой! Я успела уловить часть тщательно скрываемых истинных мыслей Верховного Навигатора и пришла в ужас!

– Феникс, Змей, Дракон, защищайте девочек, – не теряя времени, закричала я. – Отходим к боту! Этот человек хочет захватить всех нас и использовать в своих целях!

Дракон грязно выругался и прикрыл собой совершенно растерявшуюся Нею. Змей сгреб в охапку Крисию, увлеченно поившую мальчишку в рясе каким-то вкусным сиропом. Дина, так и не осмелившаяся спуститься с лесенки, сдавленно пискнула и юркнула обратно в шлюз. Айм, самозабвенно ковырявший постамент статуи «имени меня», хладнокровно снял свои хрупкие, обычно тщательно оберегаемые очки, убирая их в нагрудный карман, – и этот внешне безобидный жест напугал меня больше всего. Еще со школьных времен я запомнила: именно так наш аналитик поступал лишь в одном критическом случае – перед назревающей дракой.

Человек в маске торжествующе расхохотался. Он резко вскинул свою правую руку, до этого замаскированную полкой длинного плаща, и направил ее на меня...

У меня глаза на лоб полезли от изумления, потому что в ладони незнакомец сжимал новенький пистолет-автомат модели «Ингрэм». Остальные люди в черных плащах быстро рассредоточились перед помостом, наставив на беззащитную толпу самые настоящие электромагнитные ружья. Рядом со мной бессильно матерился Феникс.

– Ника, дорогая моя девочка, – насмешливо пропел Навигатор, – лучше пойдем с нами по-хорошему, иначе я просто прикажу перестрелять всех этих тупых людишек. Ради них ты проделала огромный путь в космосе, а сейчас тебе предстоит сделать выбор – их жизни в обмен на твое повиновение!

Меня совершенно не удивили слова Верховного Навигатора, ибо ничего другого от этого ненормального фанатика, озабоченного лишь сохранением собственной шкуры и власти, я и не ожидала. Приходилось положиться на собственную удачу и пойти на риск. Впрочем, я считала, что выдвинутые условия касались только меня, и посему я вполне могла выторговать свободу для своего экипажа. Глава Ордена, может, и излишне самоуверен плюс жутко корыстолюбив, но отнюдь не глупец. Значит, можно попытаться заключить с ним обоюдовыгодную сделку. Вернее, можно было бы...

Я только открыла рот, собираясь начать переговоры, как внезапно Феникс, еще в Школе прославившийся своим дурацким талантом, выражающимся в умении спонтанно провоцировать возникновение нелепых и нестандартных ситуаций, со скоростью пулеметной очереди выдал длинную нецензурную тираду в адрес Верховного Навигатора и прыгнул вперед, прикрывая меня своей широченной спиной. На краткий миг мне даже стало жалко и так уже порядком перепуганных орденцев... Ну, вы поставьте себя на их место и представьте – в вашу сторону прыгает этакая виртуозно матюгающаяся машина за два метра ростом с огромным десантным тесаком в руке? В том, что brave орденские бойцы в эту минуту все как один дружно намочили свои подштанники (или еще что похуже с ними сделали), я

просто не сомневалась. Но тут, к несчастью, перетрухнувшие мужики совершили еще нечто столь же непредвиденное – чисто рефлекторно нажали на спусковые крючки своего оружия...

При той позиции, которую горе-стрелки занимали на площади, последствия их залпа обещали стать воистину ужасающими. Опытным взглядом я сразу оценила предполагаемую шквальную полосу веерного огня. А первыми под смертоносные пули должны были неизбежно попасть глупый Феникс, одетый по моей вине лишь в тоненький костюм противорадиационной защиты (даже без кевларовых щитков), растерянный Кардинал, безоружный Змей, мальчишка-монах, блаженствующий на плечике у Криси, и толстая любопытная беременная баба, смачно уплетающая поджаристую булочку величиной с мой шлем.

Осознав траекторию полета пуль, я громко закричала от ужаса. Мой безысходный крик тотчас подхватил «сказочный принц», по-видимому, обладающий отменной реакцией и, кажется (только не понятно откуда), также хорошо знакомый с принципом действия огнестрельного оружия.

Мне не понадобилось какого-то специального ментального усилия. В голове как будто вспух невыносимо горячий огненный шар, грозивший заживо поджарить мои и без того не слишком-то выдающиеся мозги. Я изогнулась от невыносимой боли и вытянула вперед раскрытые ладони, стараясь целенаправленно выплеснуть сгенерированную энергию. Выплеснуть так, чтобы создать защитный барьер между стрелками и обреченными на смерть людьми. Время неожиданно замедлилось, став тягучим и липким, словно капля горячего шоколада, едва сползающая по стенке высокой фарфоровой кружки. Я видела рот Верховного Навигатора, мучительно долго раскрывающийся в возмущенном, протестующем вопле: «Не стрелять!» – но дослушать слов, рождаемых этими перекошенными от отчаяния губами, у меня и вообще не хватило терпения. Я видела размазанный замах Феникса, посылающего тяжелый нож в сторону главы Ордена. Я видела беременную лакомку, окаменевшую от испуга и тщетно пытающуюся прикрыться надкусанной булкой от чего-то непонятного, но явно опасного и несущего неумолимую смерть. И наконец, я видела облако пуль, напоминающих рой злобно жужжащих ос, вылетающих из оружейных стволов...

Горячая волна обожгла мне руки, срываясь с кончиков пальцев. Почти незримая, почти неосязаемая радужная пленка отделилась от моих ладоней и понеслась вперед, навстречу пулям. Момент их столкновения стал невероятно ярким. Раздался громкий хлопок, сопровождаемый множественными сияющими вспышками. Половина металлических ос мгновенно сгорела при соприкосновении с силовым полем, зато вторая их часть, отброшенная противодействующей энергией, полетела обратно, приобретя удвоенное ускорение. Орденцы, не обладающие моей реакцией, ничего не увидели и в большинстве своем так ничего и не поняли... Со стороны все это выглядело просто волшебством, заняв невероятно короткий промежуток времени. Выстрелы, затем вспышка, окутавшая мое тело, и в итоге: падающие на камни трупы орденцев, сраженных своими же вернувшимися пулями...

И сразу после прозвучавшего ружейного залпа ход времени восстановился. Окружающий меня мир вновь обрел все присущие ему цвета, запахи и звуки. Нож Феникса вонзился чуть выше запястья Верховного Навигатора, который громко закричал от боли и выронил пистолет. Я, совершенно обессиленная, повалилась навзничь – на руки успевшего подхватить меня Айма. Пара десятков вооруженных рапирами мужчин выскочила из толпы и набросились на уцелевших орденцев, сейчас совершенно не способных оказывать какое-либо сопротивление. Беременная баба с булкой смачно плюхнулась на пятую точку, так и не выпуская из зубов откушенного куса сдобного печива. Его преосвященство Кардинал истово лобызал ноги статуи «имени меня», петушиным фальцетом блажил: «Верую», – и гулко стучался лбом о каменный постамент.

Верховный Навигатор, бережно прижимая к груди раненую руку, сбросил широкий

черный плащ, под которым обнаружился антигравитационный ранец, подобный нашим. Глава Ордена взмыл над площадью, более не интересуясь участью своих, к тому моменту уже полностью разоруженных, братьев. Устремившись к облакам, фигура главного зачинщика возникших неприятностей становилась все меньше и меньше, пока полностью не исчезла из моего поля зрения.

– Ну, знаешь ли, капитан,– восхищенно признался подошедший Феникс,– я подозревал, что ты на многое способна, но, каюсь, не ожидал от тебя ничего подобного!

Я устало хмыкнула, смыкая веки и не найдя сил для ответа.

Чьи-то заботливые, сильные руки бережно вынули меня из объятий Айма.

– И забирайте,– облегченно проворчал пухлый аналитик,– я ведь не штурмовик, чтобы таскать на себе рослых девиц!

Я нерешительно приоткрыла один глаз...

Надо мной склонился смуглый «принц», побледневший и весьма обеспокоенный.

– Как вы себя чувствуете? – обходительно спросил он низким, приятным голосом.

Увидев красавца так близко от себя, ощутив его твердые ладони, нежно прижимавшие меня к мускулистой мужской груди, я отчего-то испытала резкий прилив крови к щекам, неосознанно заулыбалась и кокетливо захлопала ресницами.

– Скажите, а у вас есть белый конь? – ни с того ни с сего глупо брякнула я.

Красавец опешил:

– А зачем вам неожиданно понадобился мой Туман?

– Туман? – удивилась я.

– Это жеребца его светлости так зовут,– толково пояснил второй мужчина, худощавый и длинноусый, похожий на мушкетера из книги Дюма.– Ох и хорош же коняга, доложу я вам! Поджарый, весь белый, как молоко,– без единого пятнышка, и скачет быстрее ветра!

– О! – выдохнула я потрясенно.

Все сходится: красавец, рапира есть, шляпа с пером на голове красуется и даже белый конь в наличии имеется. Однозначно – принц!

– Симпатичные девушки – они всегда любят, когда их на лошади катают,– между тем продолжал увлеченно разглагольствовать усач.– Правда, в прошлом году, когда на Тумана синьорина Сюетта вскарабкаться попробовала, так у несчастного жеребца чуть спина не проломилась...

– Какая это такая Сюетта? – ревниво нахмурилась я. Мысль, что «принц» мог катать на своем коне кого-то, кроме меня, возмущала до глубины души.

Красавец смутился.

– Помолчал бы ты лучше, Гай,– дернул он болтуна за рукав.

Усач понял намек и ловко сменил тему:

– А здорово ее святое величество орденцев уделала! А я-то уж грешным делом подумал, что нам всем крышка! А, наследник?

– Наследник? – изумленно переспросил Феникс.

Красавец осторожно поставил меня на землю, снял шляпу и низко поклонился:

– Разрешите представиться, виконт Алехандро, наследник престола Федрины!

– Принц! – громко и абсолютно уверенно констатировала подошедшая к нам Криса, по пятам за которой плелся мальчишка-послушник, преданно тащивший тяжелую сумку с медикаментами.– С ума сойти можно – самый настоящий принц!

Алехандро смущенно развел руками: мол, уж какой есть!

«Все, Рыжая, вот тут-то ты и влипла!» – обреченно мелькнуло у меня в голове.

Милую сцену знакомства испортил какой-то чрезмерно напудренный и вульгарно расфуфыренный модник, вприпрыжку несущийся через площадь:

– Ваша светлость,– жалобные громкие вопли намного опережали самого крикуна,– как быть прикажете? Уже вечер, пора начинать бал!

– Какой еще бал? – растерянно рассмеялась я.– Что за вздор он несет?

– Это наша старинная традиция,– обаятельно улыбнулся Алехандро.– В день вашего

восшествия на небо у нас принято танцевать...

– С кем? – любопытствовала Крися.

– Да с кем угодно – лишь бы титул разрешил! – любезно пояснил прискакавший франт.

– И с кем же мне позволяет танцевать мой титул? – продолжала дотошно расспрашивать синеглазая биологиня.

– О, – экзальтированно закатил глаза напудренный, – вашей ангельской светлости – с кем угодно!

– Пошли, – Крися потянула за собой польщенного послушника, – потанцуем, что ли!

– М-да, – издевательски хохотнул балагур Феникс, – вот уж точно: с корабля на бал! Ничего не скажешь, парадоксальный денек. Пойду-ка я закадрю вот ту аппетитную толстушку в лиловом. Надеюсь, она не замужем?

– Пока нет. – Виконт заговорщицки подмигнул высоченному штурману, ничуть не уступавшему ему ни шириной плеч, ни ростом. – К тому же она моя младшая сестра!

– Опа, здорово-то как! – искренне восхитился наш приколист. – Красть – так миллион, спать... э-э-э, танцевать, – тут же поправился он, опасливо покосившись на рапиру наследника, – так с принцессой!

Секунду спустя он уже воспитанно расшаркивался перед хихикающей, прикрывающейся веером блондиночкой. Алехандро проводил Феникса глазами.

– А вы, ваша светлость?.. – пристал к виконту напудренный.

– Я? – наследник смущенно хмыкнул. – Я, если честно, вообще-то обещал, что стану танцевать только с Никой...

– Так это можно считать приглашением? – подбадривающе улыбнулась я.

– Да! Если вы не против, – легонько сжал виконт мои пальцы.

– А где мы будем танцевать? – недоуменно оглянулась я.

– Ах, – снова закатил глаза напудренный, – такая красивая пара должна танцевать на самом видном месте. Народ ждет!

– Что бы нам этакое придумать? – замялся Алехандро.

– А если там? – Я указала пальцем на плоскую крышу дворца.

– Отлично! – Виконт размотал тонкую веревку, опоясывающую его талию. – Держитесь, Ника!

– Я пошутила! – попыталась я отказаться, но было уже поздно.

Виконт ловко накинул петлю импровизированного лассо на скульптурную группу, украшающую второй этаж здания, обнял меня за талию, подпрыгнул, отталкиваясь от земли, и... Веревка спружинила – и мы, под аккомпанемент моего пронзительного визга и восторженного аханья публики, оказались на балконе второго этажа. Еще один стремительный перелет – и мы уже стояли на крыше дворца.

– Готово! – грациозно поклонился виконт.

– Ну, знаете ли, предупреждать надо, – буркнула я, приходя в себя. – А то так и заикаться можно начать...

Послышался гул антигравитационного ранца, и на крышу мягко спланировал Феникс, крепко прижимающий к себе «принцессу» в лиловом...

– Вот только музыки нет, – разочарованно вздохнул Алехандро.

– Сейчас будет, – пообещала я и включила интерком на своем браслете экстренной связи со звездолетом: – «Ника», слышишь меня?

– Я слышу вас, капитан, – ответил мой кибернетический двойник.

– Дорогая, пожалуйста, транслируй-ка нам через динамики бота какой-нибудь вальс Штрауса, да погромче!

Над площадью немедленно зазвучала божественная мелодия «Сказок Венского леса». Народ закричал «ура» и зааплодировал.

– Танцуют все! – весело скомандовал виконт с крыши дворца, а потом встал на одно колено и куртуазно поцеловал мою руку.

Меня словно жаром обдало, кровь прилила к голове, взор затуманился.

– Святая Ника,– улыбнулся мой галантный кавалер,– скажите, небожительницы умеют танцевать вальс?

– Еще как умею! – насмешливо ответила я.– Хотите убедиться сами?

И мы закружились в такт музыке. Возле нас танцевали Феникс и сестра виконта, к которым вскоре присоединились Кристина и мальчишка-послушник, Дракон и Нея, Дина и усатый мушкетер, Айм с красивой девушкой в голубом платье и кто-то еще, а внизу, на площади, увлеченно отплясывал народ, покоренный музыкальным вкусом «Ники».

Но я не замечала никого, кроме Алехандро, не сводившего с меня влюбленных карих глаз.

«Господи, благодать-то какая неопишуемая!» – Я с наслаждением откинулась на спинку сплетенного из ивовой лозы кресла и расслабленно вытянула ноги. Даже и не верится, что все обстоит настолько плохо, как показали утренние анализы проб воды и воздуха. Монастырский сад выглядит совершенно здоровым, ветки яблонь усыпаны крупными, благополучно поспевающими яблоками. На грядках, среди пышной зелени, прячутся крупные полосатые кабачки. Чего уж душой кривить, я сама не удержалась и отведала свежих местных овощей, тушеных с укропом и сметаной. Обьединье! И радиации в них почти нет – во всяком случае, дозиметр не пищал, стрелка прибора не зашкаливала, но вышесказанные похвалы относились лишь к саду при монастыре, бережно лелеемому терпеливыми монахами. Увы, все прочие городские насаждения, а также огороды и просто грядки во двориках бедняцких домов производили воистину удручающее впечатление: нечто серо-бурое, хилое и убогое. В общем, нежизнеспособное. Ладно хоть не ядовитое.

Вода и воздух также оказались еще той проблемой... Дышалось нам неплохо даже без фильтров и респираторов, но окружающая атмосфера воспринималась излишне сухой и горячей (температура зашкаливала). Процент кислорода в воздухе ниже нормы. Приходилось делать гораздо больше вдохов, а это не могло не отразиться на работе мозга, на повышенной утомляемости, на уровне гемоглобина в крови. Анемия и рахит в здешних краях – привычное явление. Бесплодие, смерть рожениц и грудных детей – тоже. В речной и колодезной воде содержится излишне много тяжелых металлов и солей, делающих кости людей хрупкими, а стенки сосудов узловатыми. Я не удивилась, узнав, что средний срок жизни горожан не превышает пятидесяти лет.

Привыкшие к комфортному температурному режиму внутри звездолета, мы спасались только за счет встроенного охлаждения наших костюмов. Алехандро же, как и многие местные жители, разгуливал в тонкой льняной рубашке и белых полотняных штанах – правда, и в таком непритязательном наряде он выглядел истинным принцем. А серая широкополая шляпа, изысканно венчающая его черноволосую голову и украшенная пушистым плюмажем, шла виконту необычайно. Шляпы здесь носили поголовно (вот ведь какой каламбур получился) все. Или любые другие головные уборы – начиная с чепчиков и заканчивая импровизированными банданами. Еще бы, ведь на улице стояла невероятная жара – плюс сорок в тени. Кстати, моду на банданы в местный обиход ввели именно наши brave штурмовики, немедленно повязавшие только что обритые головы приглянувшимися пестрыми платками, купленными в ближайшей лавочке. Особенно обаятельно теперь выглядел громила Феникс, весьма смахивающий на прославленного «Крепкого орешка» Брюса Уиллиса своей фирменной улыбочкой в агрессивном стиле «не подходи – зарэжу». Придворные вояки увидели сей писк моды и обмерли от зависти. Через час везучий галантерейщик уже распродал всю лавку, обогатившись до конца своих дней, впрочем, как и придворный цирюльник, в комнате которого громоздились кучи разномастных, срочно состриженных локонов. Мне тоже преподнесли элегантную наголовную конструкцию, но, увидев в зеркале себя одетой в облегающий костюм противорадиационной защиты и шляпу а-ля «шевалье Арамис», я громко расхохоталась и с сожалением отказалась от подарка, решив прикрыть свою голову легким шелковым палантином.

Обуреваемая множеством нерадостных мыслей, я уединилась в тенистой и

относительно прохладной галерее монастыря, из которой открывался умиротворяющий вид на фруктовый сад с фигурками трудолюбивых монахов, муравьями ползающих между деревьями.

Но там меня вскоре отыскал Алехандро. Виконт шумно отцепил рапиру и гибко опустился в соседнее кресло, а я невольно залюбовалась пластикой его крупного тела, напоминавшей движения опасного, знающего себе цену хищника. Наследник скромно улыбнулся. Не буди зверя, пока он спит и даже подставляет шею для почесывания. Но стоит его разбудить... Пару часов назад, на рассвете, пока еще в городе не воцарилась обычная, изнуряющая жара, Алехандро провел показательный бой на рапирах с Драконом – нашим лучшим фехтовальщиком. Напыжившись от справедливой гордости за своего воспитанника, Кардинал выразительно поигрывал бровями, недвусмысленно намекая: «Каков, ну каков, а!» Я не прятала восхищенной улыбки и кивала, соглашаясь. Действительно, стальной клинок в руке мастера жил своей самостоятельной жизнью – летал, вспыхивал, жалил, будто змея. Дракон с трудом отражал непредсказуемые атаки виконта и в итоге сдался, объявив о полной и безоговорочной капитуляции. Но вот когда на посыпанную песком площадку вышел Феникс, умеющий виртуозно совмещать жесткое, смертоносное карате со зрелищными танцевальными па капоэйры, – тогда очарованные орденские послушники устроили бурную овацию восторга... М-да, подобного чуда в Федрине еще не видывали!

Алехандро быстро снял шляпу и обмахнул разгоряченное лицо.

– Что это там за странный шум на заднем дворе? – Я прислушалась.

Виконт хмыкнул:

– А это, с благословения его преосвященства, молодые монастырские послушники приступили к изучению удивительной науки боя без оружия под руководством твоего штурмана.

– Отличная идея, – одобрила я. – История знает множество боевых монашеских орденов – хотя бы тех же тамплиеров...

– Их вроде сожгли? – перебил виконт.

Услышав его реплику, я ничуть не удивилась, ибо уже имела возможность по достоинству оценить начитанность и просвещенность наследника, особенно впечатляющую на фоне невежества всего прочего населения Никополиса.

– Этих не сожгут, – мрачно предрекла я. – Этих скорее Орден угрожает...

– Переплюнь, – сердито скривился Алехандро. – А может, мы – Орден?

– А ты знаешь, откуда появилась эта забавная примета – плевать через левое плечо?

– От зубных докторов? – хулиганисто громко заржал виконт.

– Ну не ерничай, конечно нет, – рассмеялась я. – В нее заложены отголоски прежней христианской религии – ведь в Средневековье было принято считать, что за левым плечом каждого человека стоит дьявол...

– Он и сейчас там стоит, – хмуро констатировал виконт. – Только теперь его называют чуть иначе – Верховный Навигатор!

Я пригорюнилась. Вчера вечером Алехандро провел со мной основательную политинформацию, рассказывая про расстановку сил в герцогстве, а заодно про свою легендарную вылазку на остров Сатар.

– Да, – задумчиво протянула я, – чую, Орден еще доставит нам кучу неприятностей.

– А у нас их и так хоть отбавляй, – Алехандро обеспокоенно вздохнул. – Ты провела экспресс-анализы?

– Да. – Я хлопнула себя по запястью. – А, черт, интерком девочки забрали, но я и без него все помню.

Мой браслет экстренной связи со звездолетом на время попросила Крися. С утра три ангелоподобные дамы в белых халатах – Кристина, Дина и Нея – отправились в лазарет при монастыре, намереваясь заняться милосердным делом облегчения страданий больных и увечных, выстроившихся в очередь, хвост которой уходил за линию горизонта. Через мой интерком девочки загрузили «Нику» симптомами различных, совершенно непривычных для

нас заболеваний, потому как за тысячу лет нашего отсутствия многие прежде знакомые им вирусы и болячки мутировали невообразимо, подчас ставя в тупик не только авторитетный дамский консилиум, но и саму «Нику».

– Ситуация такова.– Я придвинулась ближе к собеседнику и предусмотрительно понизила голос, опасаясь, чтобы нас не услышали посторонние.– Уцелевшие в годы войны подземные резервуары с токсичным топливом не вынесли коррозии, вызванной временем, и лопнули. Отрава разлилась повсеместно, распространившись по глубинным слоям почвы и источникам подземных вод. А если она достигнет магмового пояса планеты, то может произойти масштабный взрыв! Нужно как можно быстрее задействовать очистные сооружения, управляемые из Убежища Ордена,– иначе окончательная гибель всего живого на Земле неизбежна...

– А если мы не сможем это устроить? – хладнокровно поинтересовался Алехандро.

– В этом случае прогноз бортовых компьютеров звездолета весьма неутешителен. Максимум через полгода наступит кризис, начнется необратимый процесс перерождения почвы, сопровождаемый землетрясениями, провалами и прочими катаклизмами. Планета развалится как картонный домик.

– Спаси нас святая Ни... – привычно начал виконт, но глянул на меня и виновато осекся на полуслове.– Тьфу, вот навязчивая привычка-то, а! – Он лукаво подмигнул.– А ты нас спасешь?

Я скептически хмыкнула:

– Ты настолько веришь в мои специфические способности?

– Ну, знаешь ли, на площади ты казалась весьма убедительной!

– Этого мало! – Я прикусила губу, размышляя.– Как думаешь, Верховный Навигатор пойдет на сотрудничество? Подозреваю, он не меньше нашего мечтает о выживании.

– Мечтает.– Алехандро пренебрежительно поморщился.– Но еще больше он хочет удержаться у кормила власти, а очисти ты Землю и останься с нами – его авторитет и возможности сильно уменьшатся.

– И что нам делать?

– Пойдем... – Алехандро поднялся и галантно предложил мне согнутую в локте руку.– Кардинал назначил тайное совещание и ждет нас в своих покоях. Кстати, на эту встречу обещал прибыть один весьма интересный человек, имеющий возможности сильно помочь нам в борьбе с Орденом.

– Готовишь каверзу в лучших традициях дворцовых заговоров? – удивилась я.

– Не без этого,– интригуяще откликнулся виконт.

Наше собрание не могло похвастаться многочисленностью: Кардинал, правая рука наследника начальник герцогских кирасир лейтенант Гай де Ретай, сам Алехандро, Айм, Дракон, Змей и я. Девочки прочно застряли в монастырском лазарете, а Феникс отговорился тем, что его обычные шуточки не совсем уместны на столь ответственном мероприятии, и остался муштровывать монахов. Зато вместо него с пастырем припелся наш долговязый любитель микстур – послушник Антонио, с надсадным пыхтением тащивший огромную книгу в кожаном переплете и инвалидно сгорбившийся от ее непомерной тяжести.

– Подождем еще одного человека,– многозначительно напомнил виконт, насильно усаживая меня во главе стола.

Кардинал сладко улыбнулся:

– Ваше святое величество, я позволю себе нижайше просить вас ознакомиться со священным Писанием.

– Зачем? – искренне удивилась я.– Вы уж простите, но местный псевдорелигиозный фольклор меня не интересует ни капли – я, знаете ли, атеистка по убеждению.

– А вот про свой атеизм ты зря брякнула, не подумавши! – подал возмущенный голос Айм.– Я уже полистал сей прелюбопытнейший трактат и могу тебя заверить – не такой уж он и бредовый.

– Да-а-а? – неопределенно усмехнулась я. – И чего такого примечательного ты там вычитал?

Круглое лицо аналитика осветила донельзя самодовольная улыбка. Он терпеливо сложил руки на своем упитанном животике и приготовился наставлять меня на благой путь поиска истины в куче ненужной шелухи.

– Начнем с того, что Писание создал некий небезызвестный всем нам Захария Финдл!

– Ух ты, неужто сам директор Навигаторской школы? – не поверила я.

– Именно, – на полном серьезе торжествующе подтвердил Айм. – Можно предположить, что часть руководящего персонала Школы выжила после катастрофы и постаралась донести до своих предполагаемых потомков самую важную информацию, оформив ее ярко и понятно...

– Но неоригинально, – с видом заправского еретика фыркнула я. – Святые книги вообще писали все кому не лень.

– Ну, за неимением лучшего, – примиряюще развел руками его преосвященство.

– Они наваяли новую Библию? – скептически поинтересовался Дракон, опасно поигрывающий острым десантным ножом.

– Именно, – вновь подчеркнул аналитик. – «А почему бы и нет?» – наверняка подумали они: ведь такая форма изложения уже прошла проверку временем.

– Хорошо, допустим, – согласилась я. – И что дальше?

– Да вы сами ее почитайте! – Послушник Антонио, только и ждущий подходящего момента, звучно хлопнул увесистую книгу на стол прямо перед моим носом.

С кожаного переплета сего бесценного раритета немедленно взлетело облачко пыли, осевшее на волосах всех присутствующих. Я чихнула, нехотя перевернула толстую корку, восхищенно поковыряла ногтем изукрашенное золотом изображение самой себя на первой странице и углубилась в чтение. Хвала всем богам, включая и мою рыжую персону, в Школе нас усердно обучали технике скорочтения. Вот теперь-то она мне и пригодилась...

Спустя несколько минут я иронично кашлянула, хмыкнула, гыкнула, отложила талмуд и подняла голову...

– Ну? – требовательно спросило несколько голосов.

– Баранки гну! – строптиво огрызнулась я. – Я, конечно, и раньше подозревала себя в скудоумии, но не до такой же степени! Я почти ничего не поняла. Либо тут слишком много мистики намешано, либо писал умалишенный, либо я – дура. Причем склоняюсь в сторону именно последнего предположения...

Александр восхищенно рассмеялся. Змей и Дракон без смущения выложили на лакированный стол две пары здоровенных ножиц пятьдесят последнего размера, обутых в десантные ботинки, доходчиво давая понять всем остальным: приступ моей самокритики – это надолго.

– Вы неправы, – протестующе затряс седой головой Кардинал. – Человек, написавший эту великую книгу, пребывал в здравом уме и твердой памяти.

– Ага, – нехорошо усмехнулся Дракон, поднося свой нож к самому носу прелата, – значит, с тем, что наша кэп – дура, ты согласен?

Кардинал испуганно побледнел...

– Отставить прессинг, – хихикнула я, – уверена, его высокопреосвященство имел в виду нечто совсем другое.

– О! – наставительно поднял палец Айм. – И я того же мнения. Безусловно, текст Писания зашифрован, дабы ценная информация случайно не попала в корыстные руки!

– И от кого же пришлось так тщательно прятать древнюю военную тайну? – заинтересованно спросил Дракон.

– От Верховного Навигатора – от кого же еще! – не раздумывая, брякнул Александр.

– Да ладно тебе, – недоверчиво отмахнулась я. – Книгу написали сразу же после войны, и выходит, что интриган с острова Сатар должен был родиться еще до нашего отлета... Нет, не верю, столько не живут!

– Я бы на вашем месте поостерегся делать столь поспешные выводы! – неожиданно произнес незнакомый голос.

Все обернулись...

На пороге зала стоял невысокий, худощавый юноша, облаченный в темное одеяние Ордена. На его узком привлекательном лице особенно выделялись умные синие глаза.

– Орденец! Враг! – сторожевыми псами встрепенулись мои штурмовики.

– Тише, ребята, это друг! – поспешно успокоил их Алехандро.

Незнакомец невозмутимо подошел к столу и занял приготовленное именно для него пустовавшее до сего мгновения кресло.

Разглядев его поближе, я чуть не вскрикнула от удивления. Дракон, Айм и Змей, по моему примеру тоже сверлившие вновь прибывшего юношу пристальными, ошарашенными взглядами, открыли было рты, собираясь озвучить мысль, одновременно посетившую всех нас, но я жестом призвала их к молчанию. Судьба, сама того не ведая, внезапно подарила нам неожиданный, а поэтому особенно ценный подарок... Мне стало понятно, что, подобно тому как мы мгновенно узнали этого человека, он с точностью до наоборот абсолютно не узнал нас!

Айм жутко гримасничал, как будто упрасывая: «Ну, скажи же, скажи ему!» Но я вновь показала на пальцах: «Держи рот на замке!» Очевидно, здесь кроется что-то важное – так придержим же до поры до времени этот чудесный, неожиданно выпавший нам козырь!

– Это Рей, сын Верховного Навигатора. Он мой давний друг и играет на нашей стороне, – представил юношу Алехандро.

Мне с трудом удалось сохранить невозмутимый вид.

Рей церемонно поклонился.

– Хочу вас сразу же предупредить, уважаемая капитан Ника, – орденец не придерживался официальной терминологии и не называл меня святой, – что мой отец чрезвычайно хитер и очень опасен. Никто в Ордене не обладает достоверной информацией относительно его истинного возраста, но я склонен предположить, что он насчитывает уже не одну сотню лет.

– Но как такое стало возможно? – встрепенулся Айм. – Опытная партия чипов, дарующих бессмертие, создавалась лишь для членов экипажа «Ники»...

– Не знаю. – Рей остался спокоен. – Но я безоговорочно уверен в своей правоте.

– У меня имеются два вопроса, – обличающе ткнула я пальцем в страницы Писания. – Первый – действительно ли транспортный корабль «Ковчег» скрыт в песках пустыни Гоби? И второй – что обозначает термин «Небесные врата»?

– А знаете, капитан, с вами приятно иметь дело, – поощрительно улыбнулся Рей. – Вы с первого взгляда выхватили самую суть священного текста! Да, согласно легенде, «Ковчег» построен и спрятан в пустыне, но путь к нему известен лишь секте Рыжих жриц – загадочных мутанток, якобы проживающих где-то в горах Тибета.

– Ценная информация, ничего не скажешь... – Я рассерженно ударила кулаком по столу. – Уверяю вас, Тибета больше не существует. Ныне на его месте располагается огромное озеро радиационной жижи.

– Вы уверены? – забеспокоился орденец.

– Совершенно. Вот верну себе свой интерком и покажу вам выполненный из космоса снимок.

– А эти, как их, Рыжие жрицы, – включился в беседу Алехандро, – не могли они там как-нибудь уцелеть?

– Ребята, не разводите мистику, это уже несерьезно! – возмутился Айм. – Район Тибета полностью уничтожен массированными попаданиями ядерных зарядов.

– И второе, – продолжила я, – при проведении праздничного ритуала в храме Кардинал ежегодно вручает виконту некий абстрактный символ земной власти – ключ от Небесных врат. Какой смысл несет этот обряд?

– В Писании сказано,– привычной скороговоркой зачастил Кардинал: – «...И останется на Земле последний оплот нашего бывшего могущества, названный Небесными вратами,– место упокоения молодых ангелов, где лежат они, не будучи живыми, но не будучи и мертвыми...»

– Кладбище, что ли? – небрежно фыркнул Змей.

– Дурак.– Дракон стукнул недогадливого друга рукоятью ножа в лоб. Что-то громко брякнуло. Думаю, что не нож.– Сказано же – не мертвые!

– Так ведь и не живые! – резонно парировал обиженный штурман.

– «А открываются те Небесные врата особенным ключом, хранимым самой судьбой до тех пор, пока не перейдет он в руки святой Ники» – торжественно закончил Кардинал.

– И на что похож этот ключ? – поинтересовалась я.

Алехандро продемонстрировал два золотых браслета на своих запястьях.

– Это имитация, всего лишь символ,– поспешил пояснить Кардинал.– Мы не знаем, где находится настоящий Ключ, как он действует и что конкретно связывает его с Небесными вратами...

– Ну и где расположены сами врата, а также в чем состоит их суть, нам, естественно, тоже не известно,– подвела я неутешительный итог.– М-да, негусто, однако.

– Вот так ребус,– шумно почесал в бритом затылке Змей.

– Хорошо, зайдем с другого бока,– предложила я.– Нам пока не по плечу разгадать загадку транспортного корабля «Ковчег», предназначенного для эвакуации выживших людей, но можем ли мы попасть в Убежище Ордена, активировать очистные сооружения и попытаться спасти Землю?

– А кому это выгодно? – хитро прищурился Рей.– Зачем ее спасать?

– Как это – кому? Нам,– дружно возмутились мы.– Да вообще всем выгодно!

Орденец иронично покосился на меня, хмыкнул раз, другой, а потом не сдержался и расхохотался во весь голос:

– Капитан, вы действительно верите в то, о чем сейчас говорите? – спросил он, успокоившись.

Я недоуменно пожала плечами:

– А разве Верховный Навигатор не дорожит собственной жизнью?

– Дорожит, конечно, но не более, чем властью. Подумайте, кем являлся он до вашего прибытия? Фактически отец управляет и Федриной, и Багардией. Два алкоголика-герцога в счет не идут, они ему не соперники. Реальную угрозу для отца представляет лишь Алехандро – он не в меру умен, не в меру самостоятелен и к тому же, на зависть Верховному Навигатору, безмерно любим народом. Но его можно убрать: ведь Навигатор уже избавился от старшего брата наследника – виконта Николаса...

При упоминании имени погибшего брата тень печали омрачила высокое чело Алехандро.

– Итак, посмотрим правде в глаза,– откровенно продолжил Рей.– Ваше эффектное прибытие спутало все планы отца, но в то же время дало ему шанс невиданно упрочить свое положение. Если он будет единолично манипулировать вами, капитан, а это равнозначно абсолютной власти, то тогда он, возможно, и согласится провести спасательную операцию по очистке Земли. Если же он не сможет подчинить вас себе, то, скорее всего, так или иначе Навигатор постарается найти «Ковчег» и захватить вас силой, дабы эвакуировать с Земли себя и полезных ему людей. Но признать вас нашей законной правительницей... – Рей скорбно помолчал.– Это недопустимо, по мнению отца, ибо в итоге все-таки грозит для него катастрофической потерей влияния и расселением людей на обширные территории, которые Орден уже не сможет контролировать. Поэтому у отца имеется всего один выход – попытаться взять в плен вас, захватить «Ковчег» и создать свой новый мир, в котором он окажется единственным богом и повелителем...

Я вздрогнула:

– Мы не допустим ничего подобного. Мы обязаны первыми нанести упреждающий

удар по Ордену и постараемся попасть в Убежище для того, чтобы активировать комплекс по очистке почвы, воды и воздуха.

Рей одобрительно кивнул:

– Безусловно, вы правы! Но заклинаю вас, Ника: остерегайтесь Верховного Навигатора, ибо он беспринципен, коварен и пойдет на все ради осуществления своих честолюбивых замыслов...

Глава 2

Этот мир, новый и непонятный, властно манил меня к себе и вместе с тем пугал почти до суеверной дрожи. Мне очень хотелось узнать о нем побольше, причем почерпнуть нужную информацию отнюдь не из рассказов Алехандро, а изведать все самой, увидеть его не на мониторе, а близко – вживую. Протянуть руки и потрогать. Полной грудью вдохнуть воздух – отвратительно сухой и затхлый в коридорах герцогской резиденции и столь свежий и бодрящий вблизи моря. А запахи! Они преследовали меня повсюду, вызывая невольные ассоциации с утраченным домом. Клянусь, стерильная атмосфера звездолета или педантичная чистота наших школьных коридоров не шли ни в какое сравнение со своеобразным амбре, витающим над улицами Никополиса. В городе пахло жизнью! Аромат вянувших цветов в полупрозрачной фарфоровой вазе возле моей постели. Запах жареной рыбы, приправленной базиликом и тмином, доносящийся с монастырской кухни. Тонкое благоухание свечи из миндального воска. Отдающий мускусом лошадиный пот на сапогах Алехандро, изысканная сандаловая мебель... Может быть, природа или вещи не имеют души, но они обладают запахом, с успехом заменяющим им характер и всецело его отображающим. После стольких лет, проведенных в скитаниях между безликими звездами, я просто упивалась красочным и благоуханным миром, безудержно бурлящим вокруг меня

Я тихонько пробралась в отведенную мне комнату и растянулась на кровати, блаженно прижавшись щекой к гладкому шелку покрывала. Меня вовсе не привлекала почетная должность капитана, сулящая одни лишь проблемы да нудные ежедневные обязанности. Как же хотелось мне хотя бы на денек стать прежней босоногой девчонкой, похожей на чумазных детей, беззаботно плещущихся в струях фонтана. Пробежаться по каменной, нагретой солнцем мостовой или прогуляться по рынку, пробуя непритязательные дешевые лакомства. А в порту я заприметила свою давнюю мечту – огромный корабль, увенчанный гордым облаком белоснежных парусов, с настоящим бушпритом и острым носом, заканчивающимся устрашающей мордой некоей зубастой, вырезанной из дерева черной рыбины... Сказка моего детства ожила! Я юлой вертелась на кровати: «Все, не могу больше! Не хочу сидеть под защитой толстых монастырских стен, будучи на самом деле всего лишь добровольной пленницей...»

Я рывком распахнула дверки шкафа и вытащила подарки виконта. Поколебалась, но все же решительно скинула уже изрядно надоевший мне костюм противорадиационной защиты и облачилась в земную одежду – удобные сапоги выше колен, полотняные брюки песочного цвета, свободную белую рубашку. И конечно же я не забыла про почти пиратский, щегольски удлиненный колет с поясом и перевязь для рапиры, сделанную из тисненой золотом кожи. Шелковый платок на голове сдерживает копну моих непослушных рыжих волос. Ничего, как-нибудь привыкну к местной жаре, зато не привлеку излишнего внимания и, кажется, вполне органично впишусь в незамысловатый городской пейзаж. А-а-а, была не была! Я с предвкушающе зажмуренными веками шагнула к огромному зеркалу, занимающему целую стену моих покоев, почти уткнулась носом в стекло и открыла глаза... Хмыкнула, сделала шаг назад – и радостно расхохоталась. Помню, как в возрасте восьми лет мы увлеченно играли в пиратов, превратив школьный дортуар в палубу бригаантины или каравеллы. И вот теперь мои детские мечты сбывались! Зеркало отразило высокую фигуру лихой разбойницы – что-то среднее между Джонни Воробьем и Ларой Крофт. Я шутливо поклонилась самой себе – будущей покорительнице морей и искательнице гробниц, совсем

не задумываясь о том, что наша жизнь подчас готова сыграть злую шутку с непростительно наивным, зарвавшимся мечтателем, дословно воплотив в реальность его самые смелые фантазии...

Действуя согласно своему уже тщательно продуманному плану, я свернула покрывало в рулончик и прикрыла его простыней. А удачно получилось, между прочим: с расстояния в пару шагов вполне сойдет за крепко спящего человека. Я довольно потерла руки – вот теперь можно со спокойной совестью отправляться на поиски приключений. В тот момент я даже и не смела предположить, к чему в итоге приведет сие опрометчивое решение. А ведь если бы знала, то и носа бы из комнаты не высунула... Ну да, впрочем, все мы, пока нам основательно хвост не прищемило, склонны считать себя самыми умными и самыми прагматичными людьми на свете...

Монастырь окружала высокая каменная стена. Я задрала голову и оценивающе присвистнула. Ничего себе, да тут целая секция по альпинизму вздрогнет и спасует. А если сунусь к воротам – меня там сразу же поймают и даже ругать не станут: просто вежливо водворят обратно в комнату. А затем миленько принудят выступать перед народом, как того пожелал Кардинал, что мне тоже ничуть не улыбается. Ну, спрашивается, чего такого умного я могу им сказать? Выдвину лозунг в стиле: штурмуем Убежище Ордена, запускаем программу очистки – и будет у нас все в шоколаде? А вот фигурки, ибо на фоне всеобщей и всенародной нелюбви к Ордену это вообще чревато началом немедленных военных действий в рамках затяжной гражданской войны. Только революции мне еще для личного счастья и не хватает. Нет, нужно придумать нечто более оригинальное – проявить гибкость ума и попробовать каким-то другим способом во всем разобраться. Тихо, мирно, дипломатично, без излишней суеты... Главное – ничего не сломать, никого не зашибить и боготворчеством не злоупотреблять!

Я ведь ненадолго из монастыря смоюсь... Вот сейчас только придумаю, как через стену перебраться, выберусь наружу, прошвырнусь по ближайшим улочкам, послушаю, о чем горожане говорят, – и тотчас же обратно. Да моего отсутствия даже и заметить никто не успеет. Я вновь задрала голову... М-да, вот только соображу, как через стену перелезть. Веревки у меня нет, антигравитационный ранец в спальне остался, скалолазанием я вообще никогда не увлекалась. Дилемма...

Я осторожно раздвинула пышные кусты сирени и дотронулась до каменной преграды. Следовало признать, что строили ее на совесть: кладка основательная – ни тебе щелей, ни единого зазора между камнями. Может, все-таки попробовать вскарабкаться? Я храбро уцепилась ногтями за какой-то еле видимый выступ, вогнула кончик сапога в крохотную трещинку и повисла на руках... С трудом, матерясь сквозь зубы, подтянулась, отчаянно выискивая глазами хотя бы минимальную точку опоры. Увидела неровный камешек, случайно, боком застрявший в растворе, и ухватила за него судорожно скрюченными пальцами. Еще рывок, еще... До гребня стены оставалось не так уже и много, когда я неожиданно услышала громкие мужские голоса. Я мысленно застонала, с трудом повернула голову, беспощадно карябая нос о камни, и увидела острия пик двух караульных, неторопливо шествующих по садовой дорожке. Вот черт, принесла же их нелегкая! Сейчас они заметят меня, в нелепой позе раскоряченную в нескольких метрах над землей. Позорище – святая Ника распята на стене! Я обреченно вздохнула, разжала руки и обрушилась в куст сирени. Стукнулась лбом о здоровенный сучок, исцарапалась до крови, чуть глаза себе не выколола. Но самое главное, мне стало до слез жаль всех напрасно затраченных усилий, приложенных к нелегкому делу покорения неприступной монастырской стены.

А ведь вовремя я все-таки спрыгнула! Над треугольными листочками сирени показались лезвия длинных алебард. Две пары ног, обутых в добротные сапоги, остановились как раз напротив меня. Я сжалась в комок, заинтересованно вглядываясь в просвет между тонкими веточками.

– Ну, так что ты все же решил насчет той курносенькой шатеночки? – спросил первый

стражник, шутливо подмигивая своему напарнику.

Второй кирасир, высокий симпатичный мужчина, фатовато подкрутил пышные усы:

– А ничего я не решил!

– Как так? – опешил не в меру любопытный вояка. – Она же за тобой бежит, будто влюбленная кошка. Да у нас уже вся улица ставки делает, когда ты ее поведешь к алтарю святой Ники под благословение священника. А ну признавайся, чем тебе девица не приглянулась? Стройна ведь она, как моя алебарда!

Усатый скептически pokrивился:

– Ты еще ее матушку не видел! Развалине давно помереть пора, но, похоже, смерть к ней как-то раз уже пожаловала, увидела ее, вздрогнула – и принялась судорожно косить траву. Такую страхолюдину, да к тому же еще и стерву, даже на тот свет забирать страшно. Она кого угодно в гроб загонит, а уж когда эта старая кошелка заикнулась про переезд после свадьбы в мой новый дом, поближе к дочке, я хоть и не робкого десятка мужиком себя считаю, но признаюсь честно – струхнул не на шутку... Да еще сомнение в сердце закралось: а ну как станет моя красавица через пару лет точной копией матушки? Вот тут-то и подхватился я прямо из-за обеденного стола да и дал деру!

Внимательный слушатель, вполне удовлетворившийся развязкой сего неудачного сватовства, громко крикнул:

– И правильно сделал! Ох, упаси тебя святая Рыжая от подобной тещи. Мне-то моя мегера уже давно всю плешь проела!

Невзирая на всю занимательность подслушанной беседы, я ощущала себя весьма неуютно. Меня мучили судороги в ногах, затекших от неудобной позы. «Хоть бы они поскорее убралась отсюда», – замученно подумала я. И тут в мою зловредную голову пришла очень оригинальная идея:

– Дети мои, я все слышу! – громко провозгласила я, стараясь вложить в голос максимум проникновенности.

– Кто здесь? – испуганно прикрылись алебардами начинающие Казановы.

– Это я, вездесущая святая Ника!

– Быть того не может – святая сейчас отдыхает в своих покоях, – робко опроверг усатый.

– Но я, однако, все вижу и все слышу, – стараясь не рассмеяться, убедительно возвестила я. – Ты совершаешь глупость, сын мой! И посему мне совсем не хочется спасать твою погрязшую в грехах душу!

Придирчивый жених покаянно рухнул на колени:

– Смилуйся, всеблагая Ника! Чем осмелился я вызвать твое недовольство?

– Ты напрасно порочишь порядочную девушку! Подумай сам – оклеветанную бедняжку теперь начнут называть брошенной невестой, заподозрят в различных пороках, а ее репутация погибнет безвозвратно! И тебе не стыдно?

– Стыдно. – Стражник виновато склонил макушку.

– Призываю тебя: искупи свой грех! Женись на этой девушке, ибо станет она преданной женой и хорошей хозяйкой. А я, так уж и быть, расщедрюсь да воздам тебе спасением за подобный благовидный поступок!

– Но теща... – схватился за голову несчастный жених.

– Оставайся неизменно вежлив и терпелив – тогда старуха начнет тебя уважать, а среди друзей ты прослывешь мудрым и добродетельным человеком! Кроме того, обещаю, что вскоре ты получишь повышение по службе.

– Ни фиги себе, а может, лучше я в таком случае женюсь на курносой Мадлен? – торопливо брякнулся на колени второй стражник. – За повышение-то...

Я прикусила губу, сдавленно хихикая:

– Ты вроде и так женат! А кроме того, девушка уже сделала свой выбор.

– Я согласен, согласен, – усердно закивал усатый ловелас.

– И немедленно! – требовательно приказала я.

– Как, прямо сейчас? – дружно оторопели стражники.

– Да, сей же момент, – настаивала я. – А ну-ка бегите к лейтенанту де Рейтаю и скажите ему, что я благословляю молодых. Он оформит вам увольнительную...

Оба стражника шустро вскочили на ноги и наперегонки помчались прочь, не забыв прихватить свои тяжелые алебарды.

– Уф! – На четвереньках я с кряхтением выползла из кустов сирени. Ноги не разгибались. – Никогда ранее не предполагала, насколько это утомительное занятие – творить благие дела! Вот поймаю того, кто придумал объявить меня святой, – убью самым жестким образом!

Восстановившееся кровообращение кололо икры тысячами острых иголок. Я поднялась на ноги и злобно уставилась на проклятую стену, пытаюсь прожечь в ней дыру с помощью пылающего ненавистью взора. Через пару секунд на моих вытарщенных от непомерного усилия глазах выступили слезы, но стена даже не дрогнула. Помянув нехорошими словами добросовестных монастырских каменщиков, я сосредоточенно поплевала на ладони и отважно пошла на повторный штурм неприступного образца архитектурного зодчества.

На этот раз я успела вскарабкаться немного выше. До гребня стены оставалось всего-то чуть-чуть, и я уже торжествовала победу, как вдруг другая пара мужских голосов нахально нарушила тишину моего уединенного уголка. Кажется, сия неприметная дорожка, причудливо извивающаяся в тени раскидистых кустов, оказалась весьма популярным местом. «Прямо не монастырь, а гей-клуб какой-то! – искренне вознегодовала я. – И чего они, спрашивается, парочками по кустам шастают? Все это очень подозрительно со стороны выглядит! Нет чтобы придумать что-то более полезное – например, усердно молиться около статуи «имени меня»».

Я вновь разжала руки и вторично свалилась к подножию стены, на сей раз еще неудачнее. Рукав порвала, коленом стукнулась. У меня немедленно возникло острое и очень плохо поддающееся самоконтролю желание кого-нибудь убить. Скрипя зубами от боли, я притаилась в тех же самых порядком осточертевших кустах, начиная подозревать, что затея с побегом вовсе не такое уж увлекательное приключение, каким оно казалось мне ранее.

– Как думаешь, из нашей затеи выйдет что-нибудь путное? – Я сразу же узнала приятный голос Алехандро.

– А какой результат тебе требуется? – вопросом на вопрос ответил дискант Рея.

– Хм, – перед моим мысленным взором так и встало критично нахмуренное лицо виконта, – если я правильно понимаю сложившуюся ситуацию, то все мы хотим одного – запустить программу очистки.

– Я уже высказался на этот счет.

– А подробнее можно? – придирчиво потребовал наследник. – И прошу, без иносказаний.

– Изволь, я все поясню. – Рей не церемонился. – Только взвешивай, пожалуйста, последствия предпринятых нами действий. Признаюсь, я абсолютно не верю в то, что отец добровольно впустит нас в Убежище и позволит подключиться к главному компьютеру. Скорее всего, такой исход развития событий совершенно не входит в его планы. Я полагаю, он либо попытается каким-то способом захватить Нику, либо отклонит нашу попытку мирных переговоров и забаррикадируется в Убежище. И кстати, у него вполне хватит сил для того, чтобы защитить остров. Мы же со своей стороны можем попробовать штурмовать Убежище снаружи – с воды или воздуха, – используя мощь звездолета Ники. Но ты хотя бы отдаленно представляешь себе, во что выльется подобная акция? Могут погибнуть сотни простых людей...

«А Рей-то мыслит в унисон со мной», – одобрительно хмыкнула я.

Алехандро молчал, задумчиво ковыряя носком своего ботфорта неровную поверхность садовой дорожки. Металлическая оковка сапога высекала искры из крупного гравия, а отдельные камушки отлетали в кусты, заставляя меня испуганно жмуриться. «Побиение камнями святой особы? Что-то новенькое! Лишь бы кусты вдобавок не вспыхнули – вон

какие искры получаются отменные, так и сыплют в разные стороны. Вроде бы меня совсем недавно кто-то с Жанной д'Арк сравнивал? Ой, не к добру это, не к добру! – Я растерянно помотала головой, отгоняя весьма яркую картинку, навязчиво возникающую в моем воображении: я, почему-то полуголая, охвачена языками бурного пламени... – Интересно у меня спонтанное предвидение прорезалось: или это первые признаки начинающейся шизофрении?»

– Ладно, – вынес окончательный приговор виконт. – Нам нужно посоветоваться с Никой и ее штурманами – надеюсь, они подскажут что-то дельное. Во всяком случае, у них гораздо больше опыта в подобных вопросах, у них имеются проверенные практикой навыки владения огнестрельным оружием и умение ориентироваться в нестандартной ситуации. А кстати, где сейчас находится сама Рыжая?

– Отдыхает, – покровительственно улыбнулся Рей. – Пусть навигаторы пообвыкнутся немного в Никополисе: им ведь трудно сразу адаптироваться к нашим условиям, к жаре и отсутствию бытовой техники.

– Все-то ты подмечаешь! – восхищенно хмыкнул виконт. – Значит, договорились: устроим повторное совещание чуть позже – вечером, когда солнце сядет и станет заметно прохладнее.

Придя к такому мудрому решению, друзья развернулись и прогулочным шагом направились обратно к монастырю.

«Отдыхает, – с оттенком мазохизма напомнила я себе. – Ага, как же, да в этих треклятых кустах даже йог отдохнуть не сможет. Радует одно: до вечера меня теперь уж точно не хватятся...»

Я на карачках выбралась из кустов, подсчитала свои многочисленные боевые потери в виде впечатляющих синяков, ссадин, колтунов в волосах и заноз, а затем с еще большей ненавистью воззрилась на высоченную каменную стену. Ну что же это такое, а? Кому бы мне помолиться и помощи попросить? Может, самой себе?

«Эй, миленькая святая Ника! – мысленно, немного издевательски заканючила я. – Помоги мне взобраться на эту злополучную стену или хотя бы ангела-хранителя какого завалящего на подмогу пошли – ну что тебе, жалко, что ли?»

– Эй, там, внизу! – На гребне стены, словно в ответ на мои немудреные молитвы, появилась вихрастая мальчишечья голова. – Ты, что ли, будешь Рыжая?

– Я! – Меня аж оторопь взяла. Это кто, неужто и впрямь запрошенный ангел?

– У меня для тебя письмо имеется! – Мальчишка ловко уселся верхом на преграду и бросил к моим ногам небольшой бумажный сверток. – Конфиденциальное!

– Ого, какие ты слова-то шибко мудреные знаешь... – Я подняла бумажку, намотанную на камень, развернула и начала читать:

«Если вы хотите узнать некие секретные подробности, касающиеся интересующего вас дела, то приходите в таверну «Пьяная гидра». Обязательно одна и непременно сегодня вечером. Доброжелатель».

– И где же находится таверна со столь экзотическим названием?

– В порту, за последним пирсом, – с готовностью подсказал мальчишка.

Я поправила сползший на лоб платок и пригладила взлохмаченную шевелюру.

Думай, Ника, думай. Вполне вероятно, что это элементарная ловушка. Заманят тебя в порт, чем-нибудь тяжелым по голове тукнут, у причала притопят – и концы в воду. И ищи меня потом, свищи хоть до скончания веков. Но, с другой стороны, разве же это не здорово – гордо заявиться на вечернее собрание и с небрежным видом выложить самолично добытую секретную информацию? Типа: пока вы тут отдыхали, бездельники, баклуши били, я одна за всех вас потрудиться успела – вот она какая я! И умная, и храбрая, и дальновидная. А как мной Алехандро восхищаться начнет...

Жуткое желание выпендриться, многократно помноженное на неизлечимый эгоизм и хроническую скуку, подобно шлакам скопившуюся в моей крови за время длительного полета, полностью заглушило слабое вяканье здравого рассудка. Да и чего мне бояться, с

моим-то неприкосновенным статусом святой и отличной рапирой на поясе? Оставалась одна нерешенная проблема...

– Дорогу в порт покажешь? – требовательно спросила я.

Малец утвердительно кивнул.

– Но учти: я уже дважды пыталась залезть на стену – и все безрезультатно, – пожаловалась я.

Мальчик посмотрел на меня как на идиотку, высокомерно гыкнул и демонстративно перекинул в сад моток толстой веревки, по всей видимости надежно прикрепленный к чему-то прочному, расположенному по ту сторону стены.

– Спаситель ты мой! – радостно возопила я, вцепляясь в веревку и шустро карабкаясь вверх...

Спустя пару секунд я уже уверенно сидела рядом с посланцем. Приставила ладонь козырьком ко лбу и испытующе вгляделась в даль. Монастырь Святой Ники стоял на холме, и поэтому гребень стены оказался чрезвычайно удобным наблюдательным пунктом. За стройными рядами городских кварталов призывно синело бескрайнее море, усыпанное лоскутами разноцветных парусов. А чуть левее пирсов угрожающе темнела величественная туша загадочного острова Сатар – логова Верховного Навигатора. Моему шокированному взору предстала Башня Убежища, увенчанная (я едва верила собственным глазам) зеркальной тарелкой лазерного прожектора и господствующая над водными просторами. Я быстренько прикинула – если у них там еще до кучи и какая-нибудь зенитная установка имеется, то штурм острова превращается в весьма хлопотную и опасную авантюру. Можно, конечно, попробовать достать Орден с воздуха, но кто знает, что из этого получится?

Помощь провожатого мне уже не требовалась. С высоты монастырской стены порт был виден так отчетливо, словно лежал передо мной на тарелочке с золотой каемочкой. Спасительная веревка оказалась привязанной к раскидистому дереву, своими ветками почти задевавшему плоский край стены. Мы с мальчиком легко спустились на землю.

Я с удивлением присмотрелась к странному ребенку. На вид ему вполне можно дать лет семь, но необычайно серьезное лицо и неподвижные, какие-то равнодушные глаза странным образом не вязались со столь юным возрастом. Одет он был добротно – в синий камзолчик, смахивающий на униформу, а сей факт насторожил меня еще сильнее...

– И где ты эту записку взял? – поинтересовалась я.

Мальчик безразлично пожал плечами, сохраняя все то же прежнее совершенно каменное выражение лица. Я невольно вздрогнула. Больше всего этот загадочный малыш напоминал зомби из какого-нибудь фильма ужасов. Красивый, опрятный, но словно бы неживой. Хотя нет, это я преувеличиваю – ведь мертвечиной от него (я незаметно принялась), кажется, не пахнет.

– Ко мне на рынке подошел один человек, дал записку, заплатил золотой эртудо и велел найти тебя.

– А как он выглядел?

– Обычно. – Мальчик равнодушно поднял на меня свои серые водянистые глаза. Я испуганно отшатнулась. От его взгляда веяло холодом и мудростью веков. – Ничего примечательного. Черный плащ с капюшоном – такие каждый второй носит. Встречу в другой раз – не узнаю.

«Врет!» – уверенно подумала я. Сама не знаю, откуда возникла подобная убежденность, но я готова поспорить на что угодно: в словах ребенка не содержалось ни единого слова правды. Холодные щупальца страха и неосознанного предчувствия неведомой опасности обвили мое захолонувшее сердце. Интуиция подсказывала, что я рискую впутаться в серьезные неприятности, но желание жить полной жизнью, не ограничивая себя скучной ролью тупого божка, оказалось сильнее инстинкта самосохранения.

– Вот тебе еще монетка. – Я улыбнулась наигранно радушно, ничем не выдавая своего испуга, и протянула мальчишке один из тех мелких золотых кругляшей, которыми снабдил

меня щедрый Алехандро.— Ты беги домой, а я в одиночку прогуляюсь по городу, а к вечеру с чьей-нибудь помощью разыщу «Пьяную гидру».

Ребенок поклонился, схватил монетку и резво дунул в противоположную сторону.

Я оглянулась на монастырскую стену, мстительно показала ей язык и размашисто зашагала по направлению к рынку, восхищенно разглядывая все городские достопримечательности, встречающиеся на моем пути...

Кристина устало брела по галерее, задумчиво комкая в руках полу медицинского халатика, давно утратившего свой первоначальный белоснежный цвет. И немудрено — ведь за сегодняшний день девушке пришлось осмотреть огромное количество людей, страдающих самыми невероятными заболеваниями, начиная с банальной чесотки и заканчивая зловещего вида гнойными пузырями, покрывающими все тело несчастного от головы до самих пяток. К вечеру Крися вымоталась до состояния нестояния на ногах и замучила «Нику» сотнями дурацких вопросов по поводу диагностики всевозможных отвратительных болезней. В конце концов кибернетический двойник живой Ники ехидно буркнул что-то насчет «вскрытие покажет» и демонстративно отключился, однако подобная вопиющая наглость, по идее ну никак не полагающаяся бездушной машине, ничуть не удивила хладнокровную биологиню.

«А чего еще приходится ожидать от компьютера, в точности воспроизводящего вредный характер подруги? — риторически констатировала Кристина.— Кстати, про Нику — неплохо бы узнать, чем закончилось ее военное совещание с Кардиналом и виконтом, хотя скажите на милость: какие умные мысли способен выдать Алехандро в присутствии нашего капитана? — Крися насмешливо хихикнула.— Да у него же и так все на лице написано — мысли и желания, причем красноречиво и с пикантными подробностями!»

Что-то излишне щедры оказались последние дни на стрелы Амура, не миновавшие, кстати, и саму вроде бы невлюбчивую прежде Кристину...

А этот мальчик-колокольчик, послушник Антонио — очень даже ничего! Девушка поймала себя на некой нескромной мысли и смущенно зарделась, словно маков цвет. Симпатичный такой мальчик, милый и вежливый. Вот если бы только не его вредная привычка чуть что заполошно голосить «Чудо!» и пространно цитировать священное Писание...

Видела Крися пресловутое Писание и ничуть им не впечатлилась. Ерунда какая-то — жуткая смесь мистики и непроходимой глупости — в общем, полнейшая лабуда. И чего с этим талмудом, спрашивается, все так носятся? Но следует признать по справедливости, что во всем остальном Антонио весьма выгодно отличается от наших мальчишек, излишне самоуверенных и амбициозных. И как только Ника с ними управляется? И ведь не просто командует, а даже общий язык с ними находит: на одного цыкнет, со вторым пошутит — и, глядишь, в коллективе установились мир да лад. И эти ее миротворческие позиции каким-то странным образом, но все-таки удивительно гармонично сочетаются со взрывным темпераментом капитана, с отнюдь не девичьей безбашенностью и патологической тягой к различным сомнительным авантюрам. А самым невероятным было то, что зачастую именно ее пресловутые бесшабашные выходки и приносят единственный ощутимый результат. Подобное уже случалось и на Земле-2, и на Нимфее-6. Совершенно нештатные ситуации, выехавшие тогда лишь на вдохновенной импровизации Ники.

Крися вздохнула. Подруги даже внешне отличались разительно: высокая Ника — и маленькая Кристина, стройность — и миленкая пухлость, непослушные рыжие локоны — и короткая практичная стрижка. В экипаже звездолета вообще никто, кроме капитана, не носил длинных волос. Но Ника совершенно не представлялась им иной, лишенной своих распущенных, сияющих, летящих по ветру кудрей. Сама вольная и неуправляемая, как ветер, смеющаяся, вызывающе прищуривающая миндалевидные зеленые глаза. Нет, Крися не завидовала ослепительной внешности подруги, а, наоборот, жалела ее, смотрела на нее чуть свысока, с надежной позиции собственной уравновешенности и деловитости. Да, в присутствии капитана мир мгновенно становился похожим на праздник — на что-то

сказочное, феерическое, переливающееся огнями нарядных шуток и ленточками разноцветного серпантина. А еще этот измененный ее харизмой мир становился чертовски, а точнее говоря – смертельно опасным. С самого раннего детства сумасбродная и непредсказуемая Ника будто магнит притягивала к себе самые немыслимые неприятности и приключения. Умная от природы, обладающая врожденным даром телепата, она совершенно не желала учиться контролировать свои так легко доставшиеся ей качества, превращая их в тяжкую ношу, почти в проклятие. Захочет подогреть воду – получишь гейзер, бросит тебе яблоко – пробьет дыру в переборке. Непоседливый, задиристый ребенок, вечно живущий в душе Ники, упорно боролся с божественной сущностью, навязанной ему против воли. Трудно быть богом! Здесь все имеет судьбоносное значение – как действие, так и бездействие. А огромная ответственность за совершаемые богом поступки способна на корню загубить любую, даже самую благую инициативу. Люди, просившие помощи у святой Ники, вызывающие к ее милости, зачастую сами не ведали – какую несусветную глупость они творят. Разумно ли поклоняться океану, мечтая, как разбушевавшаяся вода зальет огнедышащий вулкан: ведь последствия подобной помощи, скорее всего, окажутся не менее разрушительными... Что останется после схлынувшей воды? Руины...

Да, сейчас многие уповают на помощь Ники, на ее способность противостоять проискам Верховного Навигатора... Вот только сохранится ли на Земле хоть что-то живое после грядущей смертельной битвы двух самоуверенных титанов?

С подобными, отнюдь не радостными, мыслями Крися тихонько приоткрыла дверь, ведущую в покои Ники, и замерла на пороге, любуясь умильной сценой. Подруга крепко спала, уютно устроившись на боку и с головой накрывшись тонкой простынкой. Девушка незамедлительно расчувствовалась и устыдилась своих необоснованных обвинений. Ника-то – вот она, ведет себя тише воды и ниже травы, а ведь Крися только что мысленно попрекала командира за буйный нрав. Да как она посмела так подумать, если сама мишень ее гневных тирад, несправедливо оклеветанная, спит себе тихонько, никого не трогая и не причиняя никому неудобств... Лепота! Крися на цыпочках подкралась к кровати, желая проверить, как чувствует себя притомившаяся святая. Все же она у них одна такая – единственная на всю планету... Биологиня осторожно приподняла уголок легкой ткани, взглянула на спящую подругу и... завывла громче сигнала тревоги, ибо под простынкой обнаружился плед, правдоподобно свернутый в рулон и призванный обмануть не слишком бдительных караульных. Сама же Ника – исчезла!

Раздирая на полосы проклятую простыню, Кристина возмущенно голосила, вкладывая в свои вопли все переполнявшее ее разочарование, всю тоску по безвозвратно утраченной спокойной жизни. Ника сбежала... А это значит – она неизбежно попадет в переделку, из чего следует: теперь жди неприятностей!

Первым, привлеченный громкими криками Криси, в опустевшую комнату капитана ворвался виконт Алехандро, коему хватило одного взгляда, чтобы верно расшифровать и выражение перекошенного девичьего лица, и значение осиротевшего ложа. Наследник помрачнел и выругался, ибо он тоже не испытывал особо радужных иллюзий относительно тишайшего и смиреннейшего характера святой Рыжей Ники...

Жизнь вновь обретала первозданную прелесть, но особенно радовало то, что на улицах меня совсем не узнавали. Красивый сеньор на гарцующем гнедом коне восхищенно причмокнул и послал мне воздушный поцелуй. Две элегантные дамы в золоченой карете окинули презрительным взглядом мой мужской наряд и усиленно зашумукались, прикрывшись веерами. Осуждают. Но мне было наплевать. Я купила горячий пирог с рыбой и, не обращая внимания на сомнительную санитарию чумазой лоточницы, мгновенно уплела ароматную выпечку до последней крошки да потом еще и пальцы облизала. Обеденье – ничуть не хуже монастырских овощей! Бросила медную монетку в чашку нищего и насмешливо выслушала скороговорку о милостях святой Ники, призываемых на мою голову.

Засунула руки в карманы штанов и размашисто топала, как солдат, охая, ахая и

восхищаясь всем без исключения. Гигантскими розовыми панталонами с бантиками, развешанными для просушки на балконе второго этажа. Фонтаном в виде статуи «имени меня». В руках моего каменного двойника красовалась огромная бадья (тяжести, наверно, невероятной: и как только я от нее отсыхания конечностей не заработала?), из которой изливалась струя прозрачной воды. Наплевав на меры предосторожности, я подставила ладони под звенящий поток и всласть напилась. Вода оказалась вкусной и такой холодной, что у меня тут же заломило зубы. Представляю, какие нелестные эпитеты подобрала бы Крисья, увидев мой необдуманный поступок. Уверена на все сто, биологиня сразу же засадила бы меня в карантин – на целую неделю, не меньше. Я полюбовалась сменой караула у ворот герцогской резиденции. Торжественность величественной процедуры немного нарушали наглые воробьи, соревновавшиеся в меткости по загаживанию начищенных шлемов неподвижных кирасиров. Одна из птичек исхитрилась и окрасила выпрыском гуано⁶ длиннющий нос бравого усача с алебардой, но вымуштрованный вояка даже бровью не повел. «Вот это выдержка», – позавидовала я. Попетляла по узким улочкам, начиная переживать: уж не заблудилась ли я, – но вскоре ощутила острый запах гниющих водорослей и поняла, что порт близко. С каждым шагом гул моря становится все различимее. Еще несколько метров – и каменные стены домов раздвинулись, явив приземистые портовые постройки. Здесь располагались торговые склады, длинный унылый барак таможни, строительные верфи, а чуть дальше начинались пирсы и причалы, над которыми свободно реяли разноцветные флаги и вздымались крутые бока гордых кораблей.

Я с детства увлекалась морской романтикой. Мощь великой стихии, издавна обращенной на службу человеку, но так и не покорившейся ему окончательно, завораживала меня на протяжении всего школьного отрочества. В реестре нашей Навигаторской школы значился небольшой парусник «Навигатор», на котором каждый старший курс совершал небольшое учебное плавание накануне выпускных экзаменов, ставшее традицией. Помню, пребывая в наилучшем расположении духа, мы тоже отправились в море, как и все предыдущие команды, неукоснительно соблюдая неписанные морские законы – разбив бутылку шампанского о борт корабля и исправив краской «Навигатор» на «Аллигатор». Этот знаменательный заплыв вошел в историю Школы как самый незабываемый из всех состоявшихся, сразу же привлекий к нам неусыпное внимание средств массовой информации. Собрав в кулак выдержку и ежедневно следя за сводкой похода, уже со второго дня пути ставшего легендарным, наше начальство с трудом дождалось «Аллигатора» на Гавайях – перевалочном пункте маршрута. Там нас спешно сняли с борта и на самолете отправили обратно в Школу, но предпринятые меры конспирации были тщетными, ибо приобретенная слава тянулась следом за нами подобно хвосту дыма от подгоревшей – нет, точнее, подмоченной – репутации. Едва потеряв из виду очертания порта, мы подняли на мачте загодя припасенный флибустьерский флаг – подлинный раритет, похищенный из морского музея, – и ударились во все тяжкие. Первым пунктом в длинном списке запланированного нами хулиганства стояла неизбывная мечта всех настоящих моряков – загарпунить кита. Вернее, это для всех предыдущих моряков она так и осталась нереализованной, но мы не только удачно уделали что-то воистину огромное, но и тащили его за собой на буксире, наверно, миль десять... Зато потом с трудом отбили ответную абордажную атаку взбешенных океанологов, чей батискаф, кстати называвшийся «Моби Дик», мы успешно подстрелили из самодельной гарпунной пушки. Мы с превеликим энтузиазмом охотились на русалок... Бесславно закончив в наших сетях четверть финала на мировой кубок по дальнему плаванию, женская сборная Финляндии материлась совсем не по-женски и писала гневные письма в адрес школьного руководства. Вблизи какого-то итальянского городка, бурно веселившегося по поводу своего ежегодного карнавала, до беспамятства упившись ромом, мы с воодушевлением исполнили на палубе несколько

---

⁶ Гуано – птичий помет, экскременты.

импровизированных вариаций знаменитого танца «Яблочко» под аккомпанемент самопальной интерпретации песни «Пятнадцать человек на сундук мертвеца»... А позднее, уже будучи утихомиранными и с трудом водворенными под сень негодующей альма-матер, мы получили по почте грамоту за первое место на конкурсе морской самодеятельности и несколько приглашений приехать еще на гастроли. В поисках известного всему миру затонувшего каравана судов Великой Испанской Порты, перевозившего золото из Южной Америки, мы сумели не только откопать на умопомрачительной глубине часть медного подводного нефтепровода, но и выпилили из него немалый кусок, на длительное время оставив без топлива Англию и Шотландию. И еще многое и многое, не менее увлекательное. Так что в кораблях, как и в мореходстве, я не без основания считала себя докой!

Я усиленно вертела головой – выглядывая, кого бы из портовых аборигенов можно было расспросить на предмет местоположения знаменитой «Пьяной гидры». Неожиданно мое пристальное внимание привлекли трое пестро одетых молодцов, притаившихся за углом кособокого здания непонятного назначения. Внешний вид бездельников наводил на определенные размышления. Кожаные жилетки на голое тело, серьги в ушах, богатый набор ножей за широкими поясами, крикливо изукрашенными железными заклепками... Я нахмурилась. Мне крайне не понравились их откровенно разбойничьи морды, да и место дислокации они выбрали подозрительно удобное, весьма подходящее для внезапного нападения на припозднившихся нетрезвых гуляк. Причем, судя по тщательно продуманной диспозиции, эти головорезы явно поджидали какую-то конкретную личность. Уж не меня ли? Я саркастично хмыкнула и в свою очередь заняла место за другим углом того же здания, бдительно прислушиваясь и ни на минуту не сводя глаз с живописного трио.

Ждать пришлось недолго. Вскоре со стороны пирса показался одинокий путник, отличавшийся весьма своеобразной наружностью. Тройка разбойничков насторожилась, я – тоже. С удивлением рассматривала я сего необычного человека, по всей видимости только что сошедшего с борта корабля. Путник оказался высоким стариком, одетым в поношенную домотканую одежду и прочные сапоги со стальными подковками. Посох в руках и дорожная сумка через плечо наглядно свидетельствовали о том, что странник прибыл издалека, а длинная седая борода и загорелое морщинистое лицо внушали обоснованное уважение к его возрасту. Головорезы оживленно завозились, вытаскивая из ножен свои шпаги.

– Ах вы, мерзавцы, – сквозь зубы осуждающе процедила я. – Никак задумали напасть на старого человека?!

Незнакомец подошел вплотную к месту засады. Один из разбойников неторопливо вывернул из-за угла и нагло заявил:

– Ну, здорово, дед! Долгонько же нам тебя ожидать пришлось.

– И тебе поздраву, добрый молодец! – в пояс поклонился странник. – Для чего же я тебе понадобился?

– Сам знаешь для чего. – Парень сплюнул коричневую от жевательного табака слюну прямо на сапоги старика. – Отдавай карту да уматывай восвояси, пока я не передумал.

– Грех отдавать священные реликвии в столь нечистые руки, – возмущенно отказался старик, решительно прижимая к себе сумку.

– Ишь ты, как заговорил! – издевательски заржал вымогатель. – А чем это тебе мои руки не понравились? – Он почесал кончиком кинжала свою грязную мозолистую ладонь. – Я их на прошлой неделе мыл...

Старик сделал осторожный шаг назад и чуть не натолкнулся на двух других разбойников, неслышно подошедших к нему со спины. К моему искреннему удивлению, несмотря на крайне обострившуюся ситуацию, лицо жертвы по-прежнему оставалось безмятежно спокойным.

Еще две шпаги с лязганьем покинули ножны.

– Слушай сюда, хмырь старый, – лениво процедил второй разбойник, здоровенный и рябой. – Мы ведь можем и рассердиться. Нам заплатили за карту, а убивать тебя или не

убивать – так это на наше усмотрение оставлено... Ты пойми – нам ведь такое дело раз плюнуть!

– Я уповаю на защиту святой Ники! – смиренно склонил голову упрямый старец.

Я обалдела. Неужели хитрый дед знает, что я нахожусь поблизости и наблюдаю за происходящим?

– Как же, жди, – язвительно гоготнул рябой. – Да Рыжей до тебя и дела нет!

– Отец, не ерепенься, лучше отдавай карту по-хорошему, а не то пожалеешь, – выражаясь на удивление культурно, пугнул третий бандит, гибкий и жилистый – на мой взгляд, самый опасный из всех.

В ответ старик только решительно насупил брови и вновь отрицательно помотал головой.

Нападавшие, несмотря на всю свою наглость и излишнее многословие, все-таки оказались профессиональными наемниками. Неуловимо быстрым движением жилистый ловко поддел острием своей шпаги наплечный ремень от сумки несговорчивого путника. Тонкая кожаная полоска лопнула, сумка упала в портовую грязь. На плече старика появился длинный порез, быстро набухший тяжелыми каплями крови. Но бандиты не учли того, что вместе с ремнем сумки лопнуло и мое отнюдь не безграничное терпение. Я решительно поправила перевязь рапиры и шагнула на свет, покидая удобное укрытие.

– Мальчики, – укоризненно произнесла я, – вы почему такие злые? Вас разве в детстве мама не учила, что пожилых обижать нельзя?

Первый разбойник, из-за спины которого я и появилась, даже подпрыгнул от неожиданности при звуках моего сварливого голоса. Лица двух других наемников выразили крайнюю степень недовольства. Старик лишь молча улыбнулся в бороду, а я заметила – глаза у него оказались голубыми, как небо, окруженными тонкими лучиками смешливых морщинок. Восхитившись светлой невинностью ребенка, сквозившей во взоре путника, я не удержалась и успокаивающе подмигнула. Радостная улыбка старика стала еще шире.

– Девочка, – в тон мне ехидно ответил жилистый, – а тебе мама случайно не рассказывала, что именно любят проделывать злые мальчики с такими вот глупыми красотками?

Любитель табака сделал неприличный жест рукой и предвкушающе осклабился.

Я брезгливо поморщилась: ну и манеры!

– А вам разве неизвестно, что большая часть плохих заболеваний передается именно половым путем? Про микробов слышали? Тесты на СПИД делали?

– Чего-чего? – недоуменно вытаращился рябой здоровяк. – Жила, о чем это она?

Жилистый наемник внимательно разглядывал меня с ног до головы:

– Кажется, она намекает на болячки, которые наш брат подхватывает от дешевых шлюх. Девочка, а ты кто? – настороженно спросил он у меня.

– Как кто? Неужели не понятно? – Я кокетливо расправила воротник рубашки. – Я – святая Рыжая Ника!

– Ну да! А я тогда – виконт Алехандро! – Рябой аж захрюкал взхлеб от так и распирающего его смеха.

Жила задумчиво пожевал губу.

– Странная она какая-то, – признал он, ни к кому конкретно не обращаясь. – Наши бабы в штанах не ходят и шпаг не носят. Может, она и взаправду – Ника?

– Как же, держи карман шире, – не поверил первый наемник. – Просто симпатичная девка. У меня, к слову, давно женщины не было. Давайте ее уьем, изнасилуем и разденем...

Услышав настолько нелепое предложение, старик хихикнул, прикрываясь рукавом.

Меня сильно позабавило оригинальное желание этого сексуально озабоченного разбойника.

– А может, правильное будет все в совершенно обратной последовательности проделать? – тихонько подсказала я.

– Жила, ты послушай только – она над нами еще и издевается! – обиженно взвыл

рябой.— Девочка, да мы сейчас тебе живот распорем, сердце вырвем, кишки на уши намотаем!

— Вау! — неподдельно обрадовалась я, невольно вспомнив свои неоднократные падения с монастырской стены.— Да за что же мне, обычной скромной мазохистке, такое немереное счастье-то вдруг привалило?

Жила весело фыркнул и вложил шпагу обратно в ножны.

— Дураки,— решительно заклеил он обидным словом своих тупых напарников.— Не видите, что ли,— она и в самом деле настоящая!

— Сам ты дурак,— оскорбленно взревел первый наемник.— Забыл, похоже, какие нам деньжищи обещали за дедову карту отвалить?

Выхватив шпагу, разъяренный разбойник бросился на меня. Жила пожал плечами и спокойно отошел в сторону. Помогать мне он явно не собирался, но и драться со мной передумал. Скорее всего, он просто хотел проверить, на что я способна.

Я извлекла свою рапиру и приуныла. Говоря откровенно, хотя спортивное фехтование и входило в число обязательных дисциплин, преподаваемых будущим навигаторам,— оно, увы, никогда не являлось моим любимым предметом. А между тем наступающий на меня разбойник довольно ловко размахивал огромным клинком...

Жила скептически хмыкнул...

И тут меня осенило...

Ну, предположим, пусть не сильна я во всех этих выпадах, финтах и мельницах,— так что же мне сейчас мешает бороться другим, куда более доступным для меня оружием? Рапира сделана из стали, а металл отлично проводит электрическую энергию...

Наши клинки столкнулись, раздался мелодичный звон. Обманного удара наемника я не пропустила — ведь твердую троечку по фехтованию я все-таки имела всегда. Кисть мужчины совершила вращательное движение, наши рапиры сплелись, и я поняла, что подобным батманом противник пытается выбить оружие из моих рук.

— Поддай жару, крошка! — ехидно выкрикнул бандит.

«Ах так, значит,— злорадно подумала я.— Ну держись, я тебе такого жару поддам...» — И я тут же, не скупясь, от души долбанула сгустком энергии, направив его в лезвие своего оружия. Мой враг конечно же никогда раньше не сталкивался с действием электричества. Синяя молния ударила в место соприкосновения наших рапир и перетекла в руку мужчины. Заживо поджариваемый бандит заорал в голос, его наэлектризованные волосы встали дыбом, из глаз посыпались искры, одежда задымилась.

— Упс — извиняюсь, перестаралась малость! — виновато призналась я, отводя свою рапиру.

Разбойник как подкошенный рухнул на землю. Жила смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Седой путник чего-то неразборчиво бубнил себе под нос — не иначе как молился, а я выжидательно повернулась к рябому, угрожающе поводя кончиком своего раскаленного клинка.

— Ну а вы, сударь, тоже продолжаете лелеять мечту о нашем интимном общении?

Рябой синюшно побледнел и попятился.

— Чего же вы вдруг заскромничали? — подбодрила я наемника.— Имейте в виду — я настаиваю на изнасиловании в целях самообороны!

Жила хохотнул и показал мне восторженно оттопыренный большой палец правой руки.

— Изыди, зараза! — визгливо взвыл рябой.— Да кто же ты такая на самом деле?

— Смерть твоя! — нежно пропела я, маленькими шажками приближаясь к наемнику.

— Иди ты в задницу! — невежливо послал меня не на шутку испуганный разбойник.

— А вот это ты, Сало, зря сказал — ой зря.— Жила философски скрестил руки на груди, явно наслаждаясь забавной ситуацией.— Представь только такую молнию — да тебе в энто самое место...

Сало истошно взвизгнул, подпрыгнул и панически схватился за мотню своих заношенных штанов, словно уже ощутил жгучий укус энергетического удара.

– Бу! – насмешливо сказала я, делая пальцами «козу».

Упитанный разбойник развернулся и шустро дернул вдоль причала, подскакивая, будто заяц, и жалобно причитая. Невзирая на излишний вес, бегал он быстро, но я и не думала кидаться в погоню. Поле боя осталось за мной.

Жила низко поклонился, приложив руку к сердцу:

– Не примет ли благородная госпожа меня к себе на службу? Я знаменитый бретер и широко известен в Федрине.

– Не правится мне твое прозвище, – откровенно призналась я. – Приму с охотой, если обещаешь вести себя подобающим образом и называться нормальным именем.

– Госпожа оказывает мне честь! – Наемник даже покраснел от удовольствия. – У нас только воины дворянского происхождения имеют право открыто выступать под своими подлинными именами.

– Тогда я запросто пожалую тебе дворянство. Поди имею такое право? – Я вопросительно покосилась на старика.

Старик жестом подтвердил – имею.

– Меня зовут Рифорд Монро.

– Нет, теперь уже Рифорд де Монро! – внушительно поправила я.

Новоиспеченный дворянин опустил на одно колено. Я легонько коснулась его плеча лезвием своей рапиры, посвящая в рыцари.

– А теперь, Риф, скажи мне, кто нанял вашу резвую троицу и приказал отобрать карту у этого почтенного пожилого человека?

– Верховный Навигатор, – коротко ответил бретер.

Я изумленно выгнула бровь:

– А о какой конкретно карте идет речь?

– О карте, указующей путь к Небесным вратам! – неожиданным гулким басом торжественно провозгласил старец.

Не сдержавшись, я громко присвистнула...

Глава 3

Верховный Навигатор пребывал в отвратительном настроении. Раненая рука болела. Уединившись в кабинете, он коротал время с помощью того, что действительно помогало его укоротить, а именно – с помощью вина и сигарет. «Терпение, терпение и еще раз терпение», – мысленно внушал себе глава Ордена, непрерывно прикуривая сигарету от сигареты, хотя сей поступок несколько не сочетался с понятием «спокойствие». Да – ошибся, да – недооценил, так поздно уже локти кусать. Ну, кто бы мог подумать, что эта негодная девчонка окажется такой сильной? Значит, она все-таки не растратила зря всех отпущенных ей столетий, а беспрестанно работала над собой, развивала свои врожденные способности. Видит бог, времени для этого у нее оказалось предостаточно – чуть ли не тысяча лет, – тут поневоле поумнеешь.

Верховный Навигатор недовольно скривился и распечатал новую пачку сигарет. И почему он ожидал, что Ника сразу согласится на его приглашение прибыть в Убежище? А почему бы и нет, кстати? Правда, он изначально подозревал, что сумасбродная девица в итоге плюет и на строгие директивы начальства, и на жесткие правила служебной субординации, ибо никогда не отличалась склонностью к соблюдению дисциплины. Ну да ничего, на сей раз все должно сработать так, как нужно! Ну подумаешь, сглупил один разочек! Кстати, без шишек, набитых опытом и глупостью, любая мудрость не стоит на практике и ломаного гроша, а остается всего лишь мертвыми, нереализованными словами. Нет, на этот раз он тщательно проанализировал собственные ошибки и ловко расставил силки, должны зацепить залетную редкостную птичку. Он учел выгодное для него любопытство Рыжей и ее патологическое пристрастие к авантюрам. Навигатор наполнил бокал вином и провозгласил тост, обращаясь к статуэтке пресловутой святой, по-прежнему

украшавшей его стол: «Один коготок увяз – всей птичке пропасть!»

– Недоглядели! – эмоционально подвел итог Феникс после того, как обнаружил привязанную к дереву веревку, с помощью которой Рыжая и смогла перебраться через монастырскую стену.

В ходе коллективных поисков и расследований, предшествовавших столь красноречивому выводу, достоянием общественности конечно же стала и недавняя матримониальная история с ветреным кирасиром, сопровождаемая откровением святой Ники. Алехандро весело посмеялся, восхитившись сметливостью божественной проказницы, но тем не менее сложившаяся запутанная ситуация внушала ему справедливые опасения в дальнейшей безопасности капитана.

– Я уверен, ей кто-то помогал, – выдвинул резонную версию гигант-штурман, задумчиво сматывая прочную веревку. – А скорее всего, ее еще и обманули!

– Канат-то тебе зачем? – удивилась Крися.

– А я на нем Верховного Навигатора удавлю, когда поймаю. – Не сдержав обуревавших его эмоций, Феникс со всей силы ударил кулаком по стволу дерева. Клен заскрипел и зашатался. – Даже кусочек хорошего мыла, не поленюсь, с бота принесу!

– Думаешь, ей не просто помогали – ее выманили? – с ноткой напряженности в голосе предположил Алехандро.

Штурман мрачно кивнул.

– Боишься за нее? – понимающе улыбнулась Кристина.

Виконт тут же надул губы и безразлично поднял глаза к облакам, излишне демонстративно показывая, что ничего подобного он и не собирается испытывать. Крися лукаво хихикнула, вгоняя в краску проколовшегося наследника.

– Пусть лучше глава Ордена за себя боится, – мрачно предрек Айм, скорчив страшное лицо. – Если это он капитана похитил, то мы его без лишних разговоров на запчасти разберем!

– Без наркоза, – согласно добавил Феникс, выразительно поигрывая мускулами.

– Мальчики, опомнитесь! – шокированно укорила Нея. – Ника вовсе не одобрит таких варварских методов! Она-то бы уж точно предпочла разрешить все недоразумения мирным путем...

– В моем городе есть только одно настоящее недоразумение, и имя ему – Верховный Навигатор! – Видимо, наследник всецело поддерживал кровожадные намерения мужской части экипажа звездолета.

– А мы чего, мы – ничего, мы – само благодушие! – карикатурно пожал широченными плечами Феникс. – Вот только тот, кто в нашем миролюбии усомнится, немедленно умоется кровавыми слезами.

– У-у-у, мне это не нравится! – Крися нервно придвинулась к Нее. – Вояки доморощенные!

– Это что, женская оппозиция? – бурно изумился виконт. – Мы, понимаешь, уже практически готовы объявить открытую войну Ордену, а дамы, в пику нам, ратуют за мирное урегулирование конфликта.

– Именно так, – включилась в разговор скромница Дина. – Наш капитан все-таки женщина, а не головорез какой-то. И драться с орденцами она не станет ни в коем случае!

– Ну-ну, плохо же вы ее знаете. – Скептик Айм усомнился в объективности высказанного девушками мнения. – Ника, может, и женщина, да вот только ум и логика у нее далеко не бабские. Она даже в Школе на тестах всегда чисто мужской психотип показывала.

– Зачем и о чем мы спорим? – возмущенно поднял руку молчавший до этого момента Рей. – Ребята, предлагаю не лирику разводить, а выдвигать конкретные версии!

– Дельное предложение, – одобрил Фен.

Вся компания комфортно расселась кружком на траве, подогнув под себя ноги. Мероприятие начинало сильно смахивать на знаменитый монгольский курултай.

– Значит, так, на правах ее ближайшей подруги я хочу говорить первой,– заявила Кристина недовольным тоном.– Я считаю, что Ника банально заскучала и просто сбежала в город, чтобы удовлетворить свое нездоровое любопытство. Подобная выходка вполне в ее стиле...

– Почему вдруг нездоровое? – недоверчиво хмыкнул виконт.– Не нахожу ничего криминального в том, что молодая девушка заскучала в четырех стенах и решила развлечься.

– Ага, молодая! – ехидно подмигнул балагур Феникс.– Да ей всего-то тыща годков стукнула!

Дракон и Змей дружно заржали. Неразлучные друзья-штурмовики всегда и во всем поддерживали более амбициозного Феникса, признанного заводилу и нарушителя спокойствия.

– Слушай, Фен, если захочешь кого удавить, то советую начать с нашего капитана,– мстительно проворчала Кристина.– Вечно от нее куча проблем...

– Неплохая идея, но зато по другим пунктам – полный провал, ибо веревка в твоей теории не фигурирует,– хитро прищурился Рей.

Крися пожала плечами.

– Отметаем твою версию. Следующий.

– Ее выкрали – ради выкупа! – импульсивно выдал Алехандро.– У нас в городе хватает всякого падкого на золото ворья!

– Ну тогда расслабься, потому что через пару дней они сами нам Нику вернут – с нижайшими извинениями, да еще приплатят, чтобы мы ее обратно приняли,– вновь сострил Феникс.

– Вот в эту версию веревка вписывается,– согласился орденец.– Но меня смущает один факт – не было произведено никакого шума, зато случилась забавная брачная афера. Сделать такое специально ее точно заставить не могли – это сугубо личная инициатива капитана, а значит, скорее всего, никто ею не управлял и никто ее не крал.

– Я тоже склоняюсь к версии, что на стену она полезла по своей доброй воле,– подключился к рассуждениям Айм.

– Да, это очевидно,– хмыкнул Рей.– Но там ее кто-то ждал, причем ждал именно Нику.

– А почему она до сих пор не вернулась обратно – ведь веревка осталась на месте? – беспокоился Алехандро.– Раз Ника сама куда-то ушла, то, по логике, должна понимать наше беспокойство. Почему не возвращается?

Пухлый аналитик облегченно вздохнул:

– Вот, теперь мне все ясно. Кто-то подкинул любопытной Нике информацию, перед которой она не сумела устоять. Но полагаю, этим кто-то может быть только Верховный Навигатор. И информация, ставшая приманкой для Рыжей,– скорее всего, ложная, специально сфальсифицированная. А это значит, что капитан попала в...

– Ловушку! – хором закончила вся компания.

– Вот гад! – рявкнул Феникс.– Прямо международный террорист какой-то!

Рей пристально всмотрелся в испуганные глаза Алехандро:

– Помнишь «Прокрустово ложе»?

Наследник угрюмо кивнул:

– Помню. Я уверен, Ника находится именно там – в Убежище, в лапах Верховного Навигатора.

– Ее нужно немедленно спасать,– вскочил Феникс.– Дракон, заводи бот, мы вылетаем к острову!

– А какой у нас план? – на бегу спросил виконт.

– В воздухе все обсудим,– махнул рукой Рей.– Главное – поторопиться, сейчас любое промедление угрожает жизни и здоровью Ники!

«Пьяная гидра» оказалась неопрятным приземистым зданием с круглыми окнами, имитирующими иллюминаторы, и пикантной вывеской над входной дверью. Художник,

создававший сей шедевр, на мой взгляд, явно страдал каким-то вялотекущим психическим заболеванием. Может, с перепоем, а возможно, и с перепугу от столь ответственного задания, но гидра в его исполнении получилась здоровенной синюшной бабищей с восемью щупальцами вместо двух рук, ловко жонглирующими наполненными пивными кружками. Странный цвет кожного покрова местной примадонны вызвал у меня вполне здравые опасения насчет того, насколько благополучно способны сочетаться в человеческом организме неумеренные объемы некачественного алкоголя и умеренные дозы качественной радиации.

Риф первым взобрался на крыльцо и галантно распахнул передо мной кривую, щедро заляпанную чем-то бурым, подозрительно похожим на кровь дверь:

– Спрячь свои волосы под платок. Такие пышные рыжие кудри обычно носят дворянки, а благородные дамы в подобные зланные места не заглядывают.

Я послушно натянула до самых бровей свой пестрый шелковый лоскут и собрала в хвост рассыпавшиеся по плечам пряди. Положив руку на рукоять рапиры, Риф решительно шагнул в полутемное помещение таверны.

Внутри плавали непроницаемые клубы сизого табачного дыма, скупое разбавленные огоньками нескольких свечей. За десятком хаотично расставленных столов расселся самый настоящий сброд, и с первого взгляда совершенно не представлялось возможным определить – имеет ли кто-то из них хотя бы отдаленное отношение к морю. А уж кто является автором интригующей записки, приведшей меня в сие замечательное заведение, я и гадать не стала. Хотелось верить, что информатор найдет меня сам.

– Не отходи далеко. – Риф собственнически потянул меня за рукав рубашки. – Мало ли что может случиться. На тебя и так уже обращают внимание.

Ну, это он явно поскромничал! На меня не просто смотрели – на меня откровенно пялились в нечетное количество разноцветных глаз. Нечетное – потому что какой-то излишне татуированный персонаж даже приподнял кожаную повязку, будто пустая глазница могла помочь получше разглядеть экзотическую, залетную птичку. Мой спутник хладнокровно столкнулся с колченогого табурета громко храпящего пропойцу, выдернул из-под кого-то второй стул и заботливо усадил нас со стариком за сносно вытертый угловой столик. Сам Рифорд остался стоять, с угрожающим видом оглядывая заинтригованно притихшую публику.

– Слушай, доходяга. – Одноглазый взялся за укрепленные на его поясе ножны, вытягивая из них огромный кривой тесак, и начал медленно подниматься со своего места. – Такая шикарная девочка тебе явно не по зубам!

– Ты в этом уверен, хорошо меня разглядел? – Бывший разбойник встретил нахала недружелюбной ухмылкой. – Дама прогуливается инкогнито, а меня наняла охранять ее спокойствие. Так что учти, даже если мне придется лишиться тебя второго глаза, то я сделаю это не задумываясь и честно отработаю свой гонорар!

– Знаем мы таких телохранителей! – С другой стороны зала к нам направлялся высокий худой парень, чья походка враскачку выдавала в нем мореплавателя со стажем. – А в постели ты ее каким клинком охраняешь?

Риф грязно выругался и схватился за свое оружие. Парень мерзко гоготнул, в его руке блеснуло лезвие ножа...

– А ну-ка утихомирься, балбес великовозрастный! – Щербатый черноволосый верзила, неслышно подошедший к нашему столику, показал парню кулак, одновременно делая успокаивающий знак, бесспорно предназначавшийся мне. – Рифорд, во имя семи ангелов прости моего оболтуса. Молод он еще, ничего в жизни не понимает.

– Капитан ла Файет, рад вас видеть! – Риф приветливо пожал протянутую ему ладонь и, облегченно вздохнув, немного расслабился. – Вы вмешались вовремя: эту даму нельзя втягивать в неприятности! – Он приблизил губы к уху капитана и что-то прошептал.

Ла Файет тут же сдернул с головы поношенную шляпу и склонился в галантном поклоне:

– Госпожа! Весь город наблюдал вчера ваше прибытие. Моя жизнь, мой клинок и мой корабль всецело к вашим услугам!

– Спасибо, уважаемый капитан! – искренне поблагодарила я. – Не могли бы вы подсказать, кто мог назначить мне встречу и является автором вот этой записки? – Я подала Файету злополучный клочок бумаги, приведший меня в порт. – Может, стоит спросить хозяина таверны, не ожидает ли меня кто-нибудь?

Ла Файет прочитал скупые строчки и озабоченно нахмурился:

– Милостивая госпожа, вы поступили очень неосмотрительно, придя в подобное опасное место. Я почти уверен, что это ловушка. Пожалуйста, изложите подробно все прочие обстоятельства вашего дела.

Я откровенно поведала своим новым друзьям всю историю с побегом, ничего не искажая и не утаивая. Трое мужчин слушали меня внимательно, стараясь не пропустить ни слова.

– Так я и думал. – Риф понимающе переглянулся с капитаном. – Загадочный мальчишка, без сомнения, орденов послушник. А если учесть мою миссию, заключающуюся в доставке карты лично в руки Верховного Навигатора, то становится очевидным – Орден хочет захватить и госпожу, и таинственный документ.

Старик, до сего момента безмолвно сидевший на краешке стула, покопался в своей потрепанной сумке и извлек непонятную полупрозрачную пластинку величиной не больше ладони:

– Ты совершенно прав, сынок! Мы бдительно следили за знамениями и отсчитывали отведенное время. Святая вернулась точно в срок. Я долго путешествовал, чтобы исполнить свой долг и передать ей карту, ведущую к Вратам.

– Так, стоп машина. – Я невежливо вмешалась в увлекательный монолог старика. – Не хотелось бы выглядеть дурой, но, признаюсь, я ничего не понимаю, а посему давайте начнем с начала и по порядку. Дедушка, вы вообще кем будете?

Старик погладил седую бороду, выдерживая эффектную паузу:

– Я-то, солнышко наше ясное, шаманом буду наследственным в девятнадцатом поколении. А звать меня – Порфирием.

– Шаман? – Я шокированно вытаращила глаза. – Настоящий шаман? И где же это еще такие чудеса сохранились?

– Дык знамо где – на Урале, дочка. – Порфирий вновь полез в сумку, выкладывая на стол какие-то сверточки и баночки. – Вот я тут тебе орешков кедровых привез, медку липового!

– Нет, ну шедевр просто, а не дед! – восхитился Риф. – Какие орешки, какой медок? Ладно хоть не мухоморы сушеные. Давайте лучше чего серьезного пожрать закажем, а то мне на голодный желудок ни одна мысль дельная в голову не лезет.

Мы бурно одобрили замечательную инициативу Риффорда.

Пока мои новые знакомые делали заказ на свой вкус да пока две девушки накрывали на стол, я задумчиво рассматривала пластинку с картой, отданную мне старым шаманом. Невероятно, но то, что я сперва приняла за пластмассу, оказалось кристаллическим металлокевларом – материалом чрезвычайно редким, разработанным перед самым нашим отлетом. Вещи, выполненные из КМ, могли считаться вечными – они не горели в огне и не трескались от холода. Не зря щитами из этого материала обшили корпус «Ники».

Поданные нам блюда имели довольно приятный вкус и поэтому на некоторое время отвлекли меня от обдумывания всего увиденного и услышанного. Шаман Порфирий, точно не придерживающийся вегетарианства и, похоже, изрядно отощавший на скудных корабельных харчах, мгновенно умял две миски жирного мясного рагу. Де Монро задумчиво потягивал пиво, закусывая напиток вяленой рыбкой, и бдительно зыркал по сторонам, предусмотрительно выложив на стол пару великолепных метательных ножей. Я съела жареное куриное крылышко и терпеливо дожидалась, когда насытится голодный старик, горя желанием поскорее продолжить прерванные расспросы. Наконец Порфирий довольно

рыгнул, покраснел и смущенно отвел голубые глаза.

– Рассказывай дед, не тяни время, – лаконично приказал Риф, прекрасно понявший мое взбудораженное состояние.

Шаман утер рукавом замаслившиеся губы:

– Из поколения в поколение в нашем роду передается завет – как зеницу ока беречь старинную карту, на которой подробно указаны ловушки, охраняющие от дурных людей дорогу, ведущую к Небесным вратам, под которыми спят ангелы.

– Ну, ты и завернул, дед, – недоверчиво хмыкнул Риф. – А твоя информация, случаем, не сродни липовому медку?

– А самому вам этот путь ведом? – поинтересовалась я, не обращая внимания на шуточки бретера.

– Нет, к сожалению, – виновато развел руками Порфирий. – Знаю только, что она дорога весьма подробно описана в какой-то очень древней книге, но, не имея карты, любой человек, вступивший на тайный путь, неминуемо попадет в одну из ловушек и погибнет. Карту с книгой совместить надобно – тогда и откроется перед тобой Тропа испытаний.

– И кто же это смог такое чудо сделать? – Риф осторожно, одним пальцем прикоснулся к лежащей передо мной пластинке. – Из льда она, что ли?

Я только раскрыла рот, собираясь растолковать ему свойства металлокевлара, как старик хитро прищурился и, опережая меня, изрек:

– А вот сие есть тайна великая, и меня в нее не посвятили. Но помню точно, что первый шаман, от которого и пошел наш род, носил имя – Захария! И что только истинная святая Ника, Хозяйка врат, поймет, что это имя значит!

От неожиданности я чуть не сверзилась с хлипкой табуретки. Еще бы не понять! Директор нашей школы написал священное Писание, создал карту и захоронил каких-то ангелов в каких-то Небесных вратах. Тут и тупой догадается, что путь к святилищу описан в этом самом нудном талмуде, ревностно хранимом его преосвященством Кардиналом.

Я недоуменно почесала в затылке. Странно! Ничего подобного я в книге не заметила, несмотря на то что внимательно проштудировала ее от корки до корки.

– Дедушка Порфирий, – жалобно хныкнула я, – так неужели искомые Врата в этой чертовой дали находятся – на Урале, что ли?

– А как же иначе-то, дочка, – довольно подтвердил шаман, – именно там. За урочищем Свистящих демонов! А охраняет то гиблое место сам Олгой-Хорхой!

– Ну, дед, ну ты отмочил, такого ругательства даже я не знаю! – совсем развеселился Риф.

Я понимающе улыбнулась. Обучаясь в школе, мы все увлекались книгами великого фантаста Ефремова, а наиболее заядлым его фанатиком был не кто иной, как наш уважаемый директор Захария Финдл. Но извините, поверить в то, что Небесные врата охраняет мифический гигантский червь, обитающий в песках пустыни Гоби, я отказывалась категорически.

Довольный произведенным эффектом, шаман продолжил:

– Хорошие у нас там места, красивые. Только вот в последнее время почему-то плохо стало. Народ болеет и мрет, вода в реках мутнеет, дичь почти повывелась. И что же за напасть на нас свалилась, ума не приложу!

«Топливо это проклятое Землю отравляет, – печально подумала я. – Похоже, процесс нарушения естественного баланса всех природных ресурсов перешел в необратимую стадию...»

– Я последний в нашем роду, – самозабвенно вещал старик, буквально упиваясь моим вниманием. – Наследников у меня нет, и об одном я только молился: дожить бы до того времени, когда пророчество Захарии сбудется, ты вернешься и спасешь тех, кого еще спасти возможно. А как узрел я напроороченное знамение в небе, то понял сразу – пора, настал мой заветный час – и не мешкая в путь отправился, дабы тебя встретить и карту вручить!

– Молодец, дед, уважаю – такой путь проделал! – Риф товарищески хлопнул шамана по

плечу.— Гордись собой: ведь все благополучно закончилось — ты встретил госпожу и карту ей отда...

Де Монро не успел закончить пышную хвалебную фразу. Дверь таверны с грохотом распахнулась, шарахнулась о стену и слетела с петель. На пороге стояли несколько человек в рясах Ордена, вооруженных устаревшими винтовками...

Орденцы угрожающе водили стволами оружия, пытаясь держать на линии огня всех присутствующих одновременно. Расталкивая одинаковые черные фигуры, вперед важно выступил высокий полный мужчина, облаченный в широкую синюю мантию. Его тяжелое лицо, застывшее в высокомерной гримасе, казалось высеченным из камня, лягушачий рот кривила презрительная ухмылка:

— Не сопротивляйтесь, оставайтесь на своих местах — и тогда никто не пострадает! — нарушил мертвую тишину, царившую в таверне, ледяной голос.— А вы, госпожа,— неприязненный взгляд нашел мою замершую на табурете фигуру,— отдайте карту и следуйте за мной!

— Фиг тебе, а не карту! — нахально ответила я, демонстративно опуская пластинку в глубокий вырез своей рубашки. Плоский кусочек металлокевлара удобно угнездился между грудей, приятно холодя разгоряченную кожу.

Мужчина вздохнул с притворным сожалением:

— Мне приказано не причинять вам вреда, но вы ведете себя как невоспитанный, упрямый ребенок. Поэтому я буду вынужден принять соответствующие карательные меры. Обыщите ее! — махнул он рукой, подзывая подчиненных.

— Это как понимать следует, вы что, твари бесстыжие,— за пазуху к девушке, значит, лезть собрались? — Голос Рифа звенел от едва сдерживаемого возмущения. Одним прыжком он вскочил на стол и закричал, бурно жестикулируя: — Мужики! Да эта девушка — сама святая Ника! Она прилетела спасти всех людей, а Орден хочет захватить нашу последнюю надежду и использовать в своих целях.

Маска равнодушия мигом слетела с лица важного орденца, он выкатил бесцветные глаза и заорал:

— Отступник! Тебе дали задание принести карту и обещали заплатить за нее хорошие деньги, но ты предал Орден и поэтому будешь наказан. Убейте его! — приказал он, обращаясь к стрелкам.

Длинная очередь ударила туда, где еще секунду назад находился храбрый бретер, но Рифорд обладал отменной реакцией опытного бойца. В мгновение ока он спрыгнул на пол и, перевернув стол, прикрылся толстой доской. Пули откололи множество щепок от поверхности столешницы, но так и не смогли пробить плотной древесины, вечно сырой от постоянно проливаемого на нее пива.

— Ах вы, подлые крысы,— возмутился капитан ла Файет, размахивая шпагой,— друзей наших погубить задумали? Бей их, ребята!

— Пли! — скомандовал орденец.

Грянули выстрелы, но моряки оказались намного проворнее. В нападающих полетело все, что подвернулось под руку,— кружки с пивом, тарелки с закуской и даже тяжеленные табуретки. Одна из девушек, обслуживающая посетителей, выплеснула в ближайшего стрелка кастрюлю кипятка. Несчастный бросил оружие и дико закричал, хватаясь за обваренное лицо. Винтовочный залп пропал впустую, ударив в потолочный брус и засыпав неловких стрелков тучей пыльной штукатурки. Румяный окорок, обвитый плетями чеснока, рухнул на голову командира орденцев, исторгнув бурный крик ликования из глоток моих защитников. Находясь прямо в центре обеденного зала, Риф и капитан ла Файет спиной к спине ловко орудовали рапирами, слаженно отбивая атаку неопытных орденцев. А между тем в распахнутую дверь вбегали все новые и новые враги. Взобравшись на стойку с посудой, я прицельно пуляла маленькими энергетическими зарядами, успешно искривляя стволы винтовок и пальцы попавших в зону действия моего поля противников. Шум стоял

невообразимый. Кричали мужчины, визжали девушки, звенели клинки, но громче всего, перекрывая всеобщую какофонию, звучали изощренные ругательства, непрерывно слетающие с языка новоиспеченного дворянина – благородного рыцаря Рифорда де Монро. Я невольно заслушалась, поражаясь до глубины души: ну как можно так долго подбирать все новые и новые эпитеты, не повторившись ни в одном слове? Старый шаман, забившись под стол, шипел рассерженным котом, втыкая острые зубцы столовой вилки в ступни зазевавшихся врагов.

Но исход драки все равно оказался предreshен заранее – нас элементарно задавили количеством. Исчерпав запас энергии, я выдохлась и приуныла. Схватив Рифорда и капитана ла Файета, так и не пожелавших расстаться, орденцы скрутили их в один общий громоздкий тюк, попросту набросив на отважных бойцов огромную рыболовную сеть.

Меня стащили с боевого насеста и связали руки за спиной. Пучеглазый менторски прошелся вокруг, брезгливо рассматривая мою порванную рубашку и колет, испачканный какой-то остро пахнущей приправой.

– Вот полюбуйтесь, капитан, к чему в итоге привело ваше глупое упрямство.– Он широким жестом обвел некогда довольно уютное помещение бывшей таверны, ныне представляющее собой всего лишь живописные руины. На полу корчилось множество раненых орденцев, среди которых попадались и убитые.– Один разможенный череп, пять переломов ног, трое заколотых рапирами...

– М-да, невеселый получился некролог! – насмешливо обобщила я.

Риф одобрительно гыкнул сквозь закрывающий его рот кляп. Тряпичный жгут в зубы стал первым, чем одарили его орденцы, когда им наконец-то удалось пленить язвительного бретера. За кляпом последовал град затрещин. Все-таки острый язык Рифорда ранил врагов не намного слабее, чем его смертоносная рапира.

Орденец оторопело моргнул:

– Как, вы еще и смеетесь? В вашей плачевной ситуации это более чем неуместно. Вы невыносимы!

– Вперед ногами, что ли? – иронично уточнила я.

Пучеглазый начал медленно наливаясь кровью, становясь похожим на перезрелый помидор. Я с радостью подумала: может быть, его сейчас хватит удар? Но орденец сделал несколько шумных вдохов в качестве аутотренинга и попытался успокоиться:

– Если вы не утихомиритесь, я прикажу заткнуть рот и вам!

– Молчу, молчу.– Я сложила губы бантиком и невинно захлопала ресницами.– Клянусь – больше ни слова!

– Отдайте карту!

– Как? Я ведь даже пальцем пошевелить не могу...

Мужчина недовольно засопел, потом подозрительно покосился на пленных, хмыкнул и... бесцеремонно сунул руку в вырез моей рубашки. Наблюдающий за нами Риф возмущенно дернулся, но веревки держали крепко. Я лукаво подмигнула связанному другу, наклонила голову и... впиалась зубами в дряблую кисть пучеглазого. Вопль боли сотряс стены «Пьяной гидры». Орденец выдернул пальцы из моего декольте и ответил хлесткой пощечиной. Не постыжусь признаться – еще никто и никогда не наносил мне подобного оскорбления... Ощущение было таким, словно тысяча разъяренных ос впиалась в мою отбитую щеку, причиняя нестерпимое страдание. Я бессильно мотнула головой, будто слабая тряпичная кукла, из носа потекла струйка соленой крови. Я слизнула теплые капли и, с ненавистью глядя в расширившиеся от испуга зрачки своего мучителя, произнесла медленно и внятно:

– А ведь я тебя убью. Помни мое обещание, урод: по стенке размажу, от тебя даже отпечатка не останется!

Орденец завизжал, как кастрируемый боров, и выхватил винтовку из рук охранника. Последним, что я почувствовала, стал сильный удар по голове, а потом мрак опустился на мои глаза, и я потеряла сознание...

Сверху, с высоты птичьего полета, остров Сатар смотрелся самой настоящей крепостью – мрачной и угрожающе неприступной. Пустынный галечный пляж, скопление бетонных бункеров и тонкий, острый шпиль башни Убежища, нацеленный прямиком в небо. Феникс чуть шею себе не свихнул, всесторонне разглядывая на внешнем мониторе эту внушительную вражескую цитадель. Уважительно протянул:

– М-да, однако... – и надолго задумался.

При близком рассмотрении стала заметной легкая радужная завеса, куполом висевшая над островом.

– Электромагнитное защитное поле, самое настоящее! – ахнул Дракон.

– И, судя по площади его охвата, силовой генератор у них весьма мощный, – эхом откликнулся Фен.

Но Рей лишь небрежно дернул плечом:

– Не обращай внимания, как приблизимся к нему вплотную – сразу сработает мой личный код доступа и поле отключится!

Штурманы недоверчиво покосились на молодого орденца.

– Ну, Верховный Навигатор, бойся данайцев, даже приносящих дары! – блеснул эрудицией Айм, переиначивая на свой лад знаменитую фразу древних.

Мастерски пилотирующий штурмовой бот Змей заложил пару крутых виражей над поверхностью воды, разгоняя деловито снующие корабли и лодки. Чем меньше посторонних останется возле острова в последующие несколько часов, тем лучше для всех. Лишние жертвы никому не нужны. Несмотря на небольшой шторм, рыбаки как ни в чем не бывало продолжали вести отлов катран и сниматься с якоря, похоже, не собирались. Дракону даже пришлось дать пару предупредительных очередей по водным бурунам, дабы вразумить упрямых мореходов. Любовно поглаживая турнели тяжелого пулемета, он переглянулся с Фениксом, прилипшим к панели управления ботом:

– Чего делать-то будем, брателло?

– Видишь вон ту приметную тарелочку на вершине башни? – Фен ткнул пальцем в светящуюся точку на экране слежения. – Похоже на радар, хоть и устаревшей конструкции...

– Скажи-ка дядя, ведь недаром ты притаился тут с радаром! – густо хохотнул Дракон. – Ответим мы лихим ударом, и не фиг лезть с крутым базаром.

– У Рыжей небось научился так складно стишки клепать? – с завистью хмыкнул Айм, лениво изучающий диспозицию из мягкой глубины пассажирского кресла.

– У нее, родимой, вот только боюсь – ей самой сейчас не до стишков приходится, – помрачнел шутник.

Алехандро осторожно протиснулся между сиденьями первого пилота и штурмана:

– Так у нас есть какой-то конкретный план или нет?

– А вы передаете командование мне – или как? – в свою очередь подначивающе поинтересовался Феникс.

– Конечно, – виконт искоса взглянул на приборы наведения, на обтекаемое тело пулеметной установки и завистливо вздохнул, – я мало понимаю в огнестрельном оружии...

– Мое упущение, – с сожалением в голосе покаялся Рей, маячивший на пороге рубки. – Вот спереть компьютер и диски с фильмами – дело нехитрое, а залезть в арсенал – увы...

– Стибрил, значит, компьютер-то у папеньки, о благородный обитатель средневекового мегаполиса на реке Тибр, – сдохмил Феникс. – Возблагодарим же нашу Рыжую святую за то, что жители города Пиза пока ничего криминального не предприняли...

Уловив вульгарный смысл шутки, Змей и Дракон заржали стоялыми жеребцами.

– Что это с ними? – удивленно шепнул Рей на ухо Айму. – Нашли время в пошлостях упражняться...

Айм снисходительно улыбнулся и пояснил:

– Негласное правило готовящихся к атаке штурмовиков гласит: не забудь посмеяться от души. Пить перед боем запрещается, к женщинам доступа нет, а адреналин в крови бурлит.

Вот и разряжаются парни, как могут, ибо лишнее возбуждение в бою действует опаснее паники – нервы напряжены, мышцы скованы, реакция не та. Между прочим, Ника и сама это понимает отлично, а поэтому всегда поощряет наши шуточки в подготовительной фазе боевой операции, но зато требует полной концентрации внимания в ходе сражения.

– А она вовсе не глупа, эта наша святая! – вынужденно признал Рей.

Аналитик широко распахнул маленькие глазки, утопающие в пухлых веках, и саркастично расхохотался:

– Улавливаю некоторое пренебрежение в твоём голосе, орденец, и даже более того – этакий здоровый скепсис!

– Ну, я же точно знаю, что никакая она не святая, а просто человек больших способностей...

– И заметь, эти ее способности еще не развиты в полной мере, – наставительно произнес Айм. – Нику довольно трудно разозлить, но если постараться... – Он издевательски присвистнул. – В общем, сочувствую вашему Верховному Навигатору, если он умудрится довести капитана до белого каления. Подозреваю, сегодняшний день преподнесет нам много сюрпризов...

– Эй, вы чего там шушукаетесь? – окликнул товарищей Феникс. – Мы тут план боевых действий вырабатываем, а вы скромно уединились и завели левые разговоры.

– Скромность украшает мужчину, но настоящие мужчины украшений не носят, – философски изрек Айм, разваливаясь в своей излюбленной позе отдыхающего Будды и складывая руки на объемистом животике. – Вот так-то, друг мой Финик!

– Тоже мне настоящий мужчина нашелся, – обиженно фыркнул штурман, демонстративно игнорируя изрядно осточертевшее детское прозвище. – Раз ты такой умный, то давай предлагай стратегический план наступления на остров.

– Мальчики вы еще все, или «бои» по-англицки. Драться-то вас научили, а мозгами шевелить – нет. – Айм страдальчески возвел глаза к потолку рубки. – Понял теперь, – обратился он к Рею, – зачем нам нужна Рыжая в качестве командира? Она умеет мыслить и делает это нестандартно. А эти мордо-бои только тесаками размахивать горазды да еще палить в белый свет как в копеечку!

– Толстый, твои издевательства уже выходят за рамки невинных шуток! – Взбешенный Феникс рванулся из кресла, но Змей с Алехандро вовремя поймали его за руки и усадили обратно.

– Эх, – разочарованно констатировал аналитик. – Учишь вас, учишь, а толку?

– Давайте отбросим разногласия и поговорим предметно, – предложил виконт. – Время уходит.

– Первые разумные слова за сегодняшний день, – одобрил Айм.

– Итак? – Феникс насупил брови. – Я слушаю!

– Слабый и зависимый может совершить жестокость, но это выглядит по меньшей мере глупо. А вот когда жестокость проявляет умный и сильный, тогда всем становится действительно страшно, – непонятно к чему выдал Айм.

– Ты опять? – Феникс потащил из-за пояса нож. – Достал уже...

– Это я к тому, – пояснил аналитик, презрительно не замечая острого клинка в руках бесстрашного, но не отличающегося особым благоразумием штурмана, – что Навигатор сам поймал себя в собственную ловушку. Прогнозирую: он неминуемо спровоцирует Нику на неадекватную реакцию и огребет неприятностей по полной программе, а посему поясняю – наша задача заключается отнюдь не в разгроме Убежища...

– А в чем же? – хором спросили все, рассаживаясь кружком подле хитроумного логиста.

– Забыли, что случилось на площади? – напомнил Айм.

– А чего там забывать, – пренебрежительно отмахнулся Феникс. – Ника сгустком энергии шарахнула...

– Чей мальчик? Заберите! – разочарованно покривился Айм. – Ты, Финик, как всегда,

слышал звон, да не понял, где он. Ника может сгенерировать большой выброс энергии только в момент крайнего ментального напряжения. Поэтому я и утверждаю: глава Ордена – умный и сильный противник. Нужно инициировать его на жестокость – пусть Рыжей станет страшно. Причем страшно не за себя, а за всех нас. Вот тогда-то она и уделает Навигатора вчистую, как бог черепаху!

– А ведь что-то в этом есть, – радостно потер руки Рей. – Мне нравится идея досадить отцу!

– А что нам еще остается? – Айм обвел глазами собравшихся. – Полностью разбомбить остров с воздуха мы не сможем, степень вооружения у нас не та. Да и опасно это: Ника ведь тоже на острове находится. Десант высаживать бессмысленно – нас слишком мало. Остается одно – ввязаться в неравный бой и пусть Ника кинется нас выручать...

– Да ее саму выручать надо! – возмутился Алехандро. – Она ведь девушка, к тому же – в плену...

Аналитик удобно откинулся в кресле и прикрыл глаза, на его лице блуждала ехидная улыбка.

– Для тугодумов повторяю еще раз: вы все плохо знаете нашего капитана! Рекомендую – начинайте бой, обстреляйте Убежище с воздуха, сбейте радар... Пусть Верховный Навигатор взбесится и нападет на нас. А там Рыжая ему такую Хиросиму устроит – век помнить будет!

Все остальные продолжали переглядываться с недоверчивым видом, но лучшей идеи не возникало ни у кого.

– Начнем тогда! – решился Феникс. – Дракон, сшибай к чертовой матери этот задрипанный радар и шпарь короткими очередями по башне.

– По бункерам целясь, – подсказал Рей, – там стены значительно тоньше и много датчиков, которые сразу разобьются вдребезги.

– Замечательно, – одобрил Айм, не открывая глаз. – Чем больше шума, тем лучше.

– Ох и оторвусь же я сейчас! – радостно пообещал Дракон, берясь за рукоятки пулемета. – Ну, держись, Верховный Навигатор!

Первым моим впечатлением от возвращения в реальность стала дикая головная боль. Великий боже, как же мне было плохо! Я осознавала, что лежу на какой-то твердой поверхности, но качало меня так, словно я плыла по бурному морю на хлипком надувном матрасике. В слюне присутствовали неприятный медный привкус крови и горький – желчи. Подташнивало, а опухший, сухой язык не помещался во рту. Я попыталась облизать пересохшие губы, но вместо привычной мягкой плоти обнаружила лишь непонятную запекшуюся корку. Жалобно застонав, с трудом приоткрыла правый глаз. Левый открываться отказывался категорически. Протянула руку, ощупывая свое многострадальное лицо, но пальцы наткнулись на что-то болезненно-бесформенное. Что же со мной случилось? Ничего не помню! Неясная тень, настырно маячившая перед моим взором, постепенно приняла форму женской фигуры с чешуйчатой кожей и какими-то странными штуками на голове, заменявшими ей волосы. Разглядев подобное чудо, я попыталась отшатнуться, но малейшее движение вызывало новые приступы боли. Я напряглась, мучительно стараясь вспомнить хоть что-нибудь. Вроде бы я уже где-то видела похожую женщину, но тогда она присутствовала в образе рисунка... Точно, синяя богиня на вывеске таверны «Пьяная гидра», только та дама выглядела еще экзотичнее. Но сейчас-то я явно не в таверне обретаюсь!

«Ника!» – беззвучно взмолилась я, обращаясь к своему звездолету. – Пожалуйста, заberi меня отсюда!» Я шарила у себя по запястью, привычно пытаюсь нащупать экранчик интеркома, но средство связи отсутствовало. Ах да, я же сама отдала его Крисе утром – перед тем как перелезла через монастырскую стену. Ой, дура... Я вновь попыталась схватиться за свою безмозглую голову, – в какую же ужасную авантюру я вляпалась на этот раз? – теперь для меня стало понятно и мое плачевное состояние, и разбитое лицо. Я вспомнила: меня поймали враги и ударили по черепу прикладом винтовки. И во всем

случившемся виновата только я сама! Может, теперь поумнею наконец-то? Ведь не зря поди говорят, что за одного битого трех небитых дают. Но тем не менее, где бы я сейчас ни находилась, мне следует немедленно собраться с силами и попытаться выбраться на волю. Друзья наверняка уже волнуются и, смею предположить, давно разыскивают меня по всему городу...

Я попыталась привстать...

– Не нужно этого делать.– Заботливые женские руки тут же настойчиво укладывают меня обратно.– У тебя сильнейшее сотрясение мозга и опасная рана на виске.

Одним глазом я заинтригованно разглядывала странную незнакомку, чем-то разительно напоминавшую алкоголичку-кальмариху с аляповатой вывески портовой таверны. Больше всего меня удивили два острых клыка, эффектно выглядывающих из-под верхней губы красавицы. У меня немедленно возникло вполне оправданное сомнение: а относится ли вообще моя заботливая сиделка к расе людей, или ее нужно причислить к животным? Но голосовые связки родили более вежливую и уместную для знакомства фразу:

– А вы, собственно говоря, кто такая?

Женщина приветливо улыбнулась и положила свою источающую прохладу ладонь на мой пылающий лоб:

– Не напрягай попусту фантазию, все равно не угадаешь. Я – Эрба, происхожу из рода ламий. Орден называет нас мутантами.

«Кажется, он недалек от истины»,– подумала я.

– Как она? – В поле моего зрения возникло взволнованное лицо Рифа.

– О, и ты здесь! – обрадованно, но чуть слышно шепнула я.

– И все остальные тоже.– Бретер ласково погладил меня по плечу.– Все живы и никто, кроме тебя, не ранен. Не переживай за нас.

– Где мы?

– В подвале подземного Убежища на острове Сатар. Нас всех притащили сюда напрямик из таверны, а точнее, на лодке привезли. Ты в то время была без сознания, а Эрба уже сидела в этой камере до нас...

– В карцере,– скромно поправила ламия.

– И за что тебя сюда упрятали? – нашла я силы удивиться.

– Помогла сбежать с острова двум приятным юношам. Вернее, один оказался очень общительным и галантным, а второй – просто орденцем.

– А-а-а-а,– поняла я.– Алехандро рассказывал мне про вылазку на остров.

– Ты его знаешь? Он обещал прийти и спасти меня...

– Придет-придет, не сомневайся,– проворчал старый шаман, отодвигая Эрбу в сторону и участливо склоняясь надо мной.– Виконт от своего слова не отступится. Он и Нику спасти придет, да, боюсь, поздно уже будет...

– Почему? – испугался Риф.

– Видишь? – Порфирий едва дотронулся кончиками пальцев до моего виска, но и этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы я вновь оказалась на грани беспамятства от жгучей вспышки нечеловеческой боли.– Трещина на кости и кровоизлияние в мозг. Боюсь, рана Ники может стать смертельной...

– Как можно спасти святую? Мы живота своего не пощадим! – Капитан ла Файет решительно закатал изорванные в лохмотья рукава.

Шаман посмотрел на капитана равнодушно, словно на пустое место:

– Вряд ли вы чем-то сможете ей помочь. Наверное, на ее корабле есть специальный лечебный прибор, но не думаю, что она попадет туда в ближайшее время. Остается последнее... – Он повелительно развел руки, раздвигая людей, столпившихся вокруг меня.– Отойдите все, нам нужно поговорить наедине!

Сквозь вязкий туман какого-то полусонного состояния я смутно слышала, как Порфирий вновь и вновь зовет меня по имени, пытаюсь достучаться до моего угасающего сознания. Меня бесконечно раздражало надоедливое внимание окружающих. Хотелось

остаться одной, чтобы шум, издаваемый другими людьми, не отвлекал меня от боли, ставшей настолько сильной, что она начинала доставлять ощущения, похожие на извращенное удовольствие. Неожиданно нахлынули воспоминания. Мне грезилось, что это красавец Алехандро склоняется надо мной, щекоча своими длинными шелковистыми волосами мое искалеченное лицо...

– Дочка, дочка! – Дребезжащий голос ворвался в плавное течение мыслей, а локоны виконта внезапно превратились в руки, похлопывающие меня по тому, что прежде называлось щеками.

– Старик, – жалобно взмолилась я, – уйди, дай мне умереть спокойно...

– Нет, ты должна жить. – Порфирий приложил свои пальцы к моим, старательно прижимая подушечку к подушечке, фалангу к фаланге. – Предназначение шаманов заключается не только в сохранении карты и тайны Небесных врат. В течение всей жизни каждый из нас проходит бесконечные тренировки, позволяющие нам пропускать через себя энергию, генерируемую Вратами. Для того чтобы в решающий момент передать ее той, которая сможет правильно распорядиться даром уснувших ангелов. Теперь нужный миг настал...

Старик закрыл глаза и вполголоса забормотал что-то неразборчивое, напоминающее мантру, продолжая сохранять плотный контакт наших пальцев. Лицо его покраснело, тело затряслось в приступе конвульсий. Поначалу я не чувствовала ничего, но вскоре в моих руках возникло легкое покалывание, чуть позже перешедшее в жар, быстро распространившийся до плеч. Я зашипела и попыталась отдернуться, но шаман впился в меня как клещ, все ускоряя свой тягучий напев, превратившийся в ритмичный вой, ввинчивающийся мне в мозг. Все наши друзья, находившиеся в камере, заткнули уши пальцами, отворачиваясь и страдальчески морщась. А крик шамана нарастал и нарастал одновременно с накалом пламени, бушевавшего в моем теле. Мне казалось, что огромная раскаленная плита медленно опускается откуда-то сверху, грозя раздавить, испепелить без остатка и плоть, и мою душу. И вот в тот самый момент, когда ментальное давление достигло наивысшего предела, а я начала кричать вместе с Порфирием, наседающая на меня преграда неожиданно лопнула. Свежий поток теплого воздуха хлынул в легкие. Боль отступила. Я удивленно распахнула глаза и провела пальцами по лицу, ощутив нежную, гладкую кожу. Ужасающие синяки и отек пропали, исчезли без следа. Сознание и зрение прояснились, головная боль прошла. Меня переполняла энергия, доселе мне неподвластная. Мне казалось, стоит только захотеть – и я взлечу, словно птица, воспарю над землей, не нуждаясь в помощи реальных крыльев.

Эрба восхищенно вскрикнула:

– Ты выздоровела почти мгновенно! Это невероятно!

– Старик что-то говорил об энергии, которая перейдет ко мне с его помощью. Кажется, все получилось именно так. Кстати, а где сам Порфирий? – Я недоуменно огляделась.

Старика нигде не было видно, и только у моих ног лежала небольшая кучка серого пепла...

– Что это? – удивилась я.

– Это... это... – заикающийся Риф едва шевелил побледневшими от испуга губами, – это и есть шаман. Вернее, то, что от него осталось. Мы видели, как из тела Порфирия вырвался огромный сгусток белого пламени и перекинулся к тебе через ваши сомкнутые руки. А затем старик начал усыхать и съеживаться, пока не превратился в горсть праха.

Эрба и ла Файет кивали, подтверждая сказанное де Монро.

Я растерялась и горько посетовала:

– Если бы я только знала, какую цену придется заплатить за мое спасение!

– Ну и что бы ты стала делать? Отказалась? – успокаивала меня ламия. – Пойми, каждый из нас имеет право на выбор своего жизненного пути, и поэтому нужно уважать жертвенное решение Порфирия. Как он сказал? Его предназначение – передать тебе энергию, которой только ты сможешь правильно распорядиться. И естественно, распорядиться на

благо всем живущим. Так что теперь ты просто обязана принять посмертный дар шамана и разобраться с тайной Небесных врат...

– Да,– поддержал Эрбу храбрый бретер Риф де Монро.– В таком случае уже наша задача состоит в том, чтобы помогать тебе, оберегать тебя...

Я мягко улыбнулась:

– Поздняк метаться! В таверне вы не заморачивались на выборе и предназначении, а просто последовали зову сердца. Ты дрался как лев!

– А может, все, что мы делаем,– неправильно? – вдруг спросила меня Эрба.

– Почему?

– По легенде, святая Ника, вернувшаяся на Землю, должна нести людям добро и свет знания!

– Ха,– развеселилась я.– Здорово! С одной стороны – Орден с винтовками, а с другой – я с добром наперевес! Справедливо?

Риф выразительно сплюнул на и без того изрядно грязный пол, столь бесхитростной пантомимой наглядно отображая свое отношение к сложившейся неравной расстановке сил.

– Ну ничего, добро – оно тоже с кулаками бывает! – воодушевленно продолжила я.– Кажется, теперь у меня есть то, что можно противопоставить огнестрельному оружию. Берегись, Верховный Навигатор,– я мстительно прищурилась,– я иду причинять добро!

– Да мы все с тобой идем,– подхватили друзья, воодушевленные моим энтузиазмом.

«Забавно,– мысленно хихикнула я.– Жаль, Айм нас сейчас не слышит. Вот уж кто не преминул бы развернуть пространственный философский диспут на тему: «Чем злобное добро отличается от добродушного зла!»»

– Вот только как нам отсюда выйти? – Риф сердито пнул закрытую дверь, привлекая мое внимание.– Попробуем вышибить?

Я огляделась, выхватывая взглядом не замеченные ранее детали интерьера. М-да, небогато. Нас окружают прочные стены, обитые чем-то вроде листового железа. Окон в помещении нет, только дверь – ясное дело, запертая снаружи. Под потолком болтается одинокая электрическая лампочка без абажура, испускающая скупой свет. Несколько тощих туюфяков на полу, а в углу – омерзительно смердящая дыра отхожего места.

– Отставить вышибать – это плохая идея: получится слишком много шума. Набегут охранники, завяжется драка, а положение у нас заведомо проигрышное, ибо нас меньше и мы безоружны. Нужно срочно придумать что-то другое, не менее действенное...

Но придумывать что-то другое мне не пришлось...

Глава 4

Загремели отпираемые засовы, и дверь карцера распахнулась. На пороге возник наш недавний знакомый – высокомерный орденец в синей мантии, щедро угостивший меня прикладом винтовки по голове.

– Надо же,– он удивленно выкатил и без того выпуклые глаза,– а мне доложили, что ты находишься при смерти! Вот-вот дух испустишь...

– А вы знаете, что страдаете базедовой болезнью в ее начальной стадии? – нагло парировала я.

– Шути-шути, – мрачно пробурчал орденец,– пока можешь. Уже скоро у тебя не останется такой возможности. И вообще ничего не останется – даже жизни.

– А мне ничего и не надо,– нежно промурлыкала я,– лишь бы у тебя ничего не было... – Я страстно обхватила врага за шею и сильно прикусила зубами его мясистую мочку.

Орденец ойкнул.

– Помнишь мое обещание? – еле слышно шепнула я в самую глубину волосатого мужского уха.– Совсем скоро у тебя тоже не останется твоей никчемной жизни. Признайся, ты уже выбрал стену, на которой твои кишки будут смотреться наиболее эффектно? Учти, я не привыкла бросать слова на ветер...

– Дрянь, стерва проклятая! – истерично завопил толстяк, отшвыривая меня в сторону. – Скажи спасибо Верховному Навигатору, приказавшему сохранить твою жизнь до поры до времени. Но ничего, я подожду...

– Я тоже... – многозначительно протянула я, ощущая жар нарастающей внутри меня силы.

– Взять ее! – скомандовал орденец.

В камеру незамедлительно ввалились два откормленных автоматчика.

– И препроводить в лабораторию.

– Ника, не сдавайся им без боя! – запричитала Эрба, вцепляясь в мой рукав и повисая на нем не хуже натасканного бульдога. – Народ ламий предрасположен к телепатии, а у тебя эти возможности развиты на много порядков сильнее, чем у нас. Подумай об Алехандро и передай ему, где нас искать...

Я старательно подумала, еще как подумала.

– Ника, ну не эротику же! – смущенно покраснела ламия.

Я виновато пожала плечами:

– Ничего не могу с собой поделать – он мне нравится!

Утратившие терпение орденцы поволокли меня вон из камеры, а ветхий рукав моей рубашки остался в руках у Эрбы.

Теперь я выяснила, что точно представляло собой хваленое укрытие Ордена. Это была наша вспомогательная База с учебными комплексами и лабораториями, большая часть которых оказалась запаролена на код доступа определенного человека. И, видимо, этим человеком являлась именно я. Теперь мне стало понятно, почему Верховный Навигатор не смог активировать все ресурсы Базы, и именно для этой цели я ему и понадобилась. Так-с, посмотрим, что тут можно сделать!

Молчаливые конвоиры, не отводя нацеленных на меня автоматных дул, почти вежливо сопроводили мою драгоценную персону на нижний этаж многоярусного комплекса и остановились перед мощной стальной дверью, снабженной идентификационным датчиком. Я с любопытством рассматривала сканирующий прибор, уже намереваясь опробовать на нем свою сетчатку или отпечаток пальца, как вдруг серая дверь неожиданно открылась с еле слышным шипением. В дверном проеме, освещенный яркими галогенными лампами, стоял высокий человек, уже виденный мною ранее на площади, в момент праздничной церемонии. Элегантный черный костюм красиво облегал его сухопарую фигуру, лицо прикрывала маска из плотной ткани. В прорезях ткани насмешливо щурились пронизательные темные глаза. Одним коротким взглядом он быстро окинул всю мою ободранную, донельзя замызганную фигуру:

– Здравствуйте, капитан! Приборы засекли странный выброс энергии в пределах нашей Базы. Вы случайно не желаете посвятить меня в подробности своего чудесного исцеления? А заодно объясните, как именно работает эта штука? – На его ладони лежала карта, ведущая к Небесным вратам. – Вы что-нибудь о ней знаете?

Я отрицательно помотала головой, пытаюсь разглядеть черты замаскированного лица. Напрасные усилия, но голос Верховного Навигатора показался мне странно знакомым, причем сие необъяснимое ощущение возникло у меня еще тогда – на площади. Если бы в его интонации добавить чуть больше доброжелательности, немного смягчить хрипоту, слегка изменить тембр, то определенно манера общения всесильного врага станет один в один похожа на повадки человека, некогда очень дорогого и близкого мне. Нет, это просто невозможно! Я помотала головой еще раз, отгоняя болезненное наваждение.

– Ну хорошо. – Глава Ордена вежливо посторонился, пропуская меня внутрь помещения. – Отложим на потом наш запутанный разговор, касающийся местных артефактов. Прошу вас, проходите. – Он указал на многофункциональный комплекс управления, занимающий весь центр комнаты. Возле компьютеров возвышалось странное сооружение, весьма напоминающее камеру для анабиоза.

Я шагнула в лабораторию. Несколько мужчин в форме Ордена, деловито восседающих

за пультами, разглядывали меня с неподдельным интересом.

– У вас совсем нет женщин? – удивилась я.

– А зачем они нам? – презрительно хмыкнул Навигатор.

– Э-э-э, ну хотя бы для банального воспроизводства человеческих ресурсов!

– Примитивный, давно устаревший метод, – небрежно отмахнулся мой собеседник. – Мы практикуем непорочное зачатие в автоклаве. При огромном запасе оплодотворенных яйцеклеток, хранящихся в холодильнике, оказалось проще простого поставить на конвейер процесс зарождения новой жизни.

– О, – брезгливо выдохнула я, – так вы создаете биороботов, клонов?

– Не ожидал от вас подобных расхожих штампов. Мы создаем совершенных людей! – снисходительно поправил Верховный Навигатор, высокомерно вздергивая голову. – Людей, лишенных моральных и генетических пороков. Функция Господа Бога упразднена за ненужностью. Вы же видели мальчика? Признайтесь, он показался вам безупречным образцом здорового тела и невозмутимого духа!

– Да уж... – Я содрогнулась, вспомнив мертвенные, бездушные глаза малыша. – Не ребенок, а настоящий ангел смерти!

– Ох уж мне эта ваша божественная терминология, – цинично фыркнул глава Ордена. – Кстати, в святых девах мы тоже не очень-то нуждаемся...

– Совсем не нуждаетесь? Что-то не верится. – Я насмешливо скосила глаза в сторону глухо закрытой камеры. – Подозреваю, вы мне врете...

– Ну, – немного смутился новоявленный Творец, – надеюсь, вы дадите мне доступ к законсервированной части Базы. Хотелось бы верить, что добровольно, из чистейшего альтруизма, так сказать. И прошу вас, Ника, не сопротивляйтесь, не вынуждайте меня причинять вам лишнюю боль. Я ведь все-таки считаю себя гуманистом!

«Кем-кем – гуманистом? – мысленно хохотнула я. – Вот оно, добродушное зло в своем первозданном виде! Ладно, – подумала я, ощущая силу, буквально переполняющую мой разум и тело. – Я тоже очень хочу узнать, где и как запускается система очистки планеты».

– Прошу. – Орденец указал на странный агрегат. – Вам нужно лечь сюда. Но перед этим, – он скептически оглядел обрывки, оставшиеся от моего ранее элегантного костюма, – вам придется переодеться. И прошу прощения, не сочтите меня извращенцем, но на вас должен остаться минимум ткани. Вот специальная одежда. – И мне протянули небольшой пакетик.

– Мне прямо здесь переодеваться?

Навигатор покровительственно улыбнулся:

– Зайдите за пульт, хотя вашей стыдливости никто не оценит.

«Ну, оценят или не оценят – это мне судить, а не вам. – Я мрачно стягивала рваную рубашку. – Но на стриптиз я не подписывалась».

В пакете обнаружили эластичные серые плапочки и короткая трикотажная маечка до пупа, которую я с трудом натянула на свой пышный бюст. И больше – ничего!

«Ясно дело, на войне скромность явно не в цене!» Я бочком вышла из-за пульта, поеживаясь от холода и скованно переступая босыми ногами, прикасающимися к ледяному полу.

Орденец оценивающе склонил голову набок, беззастенчиво разглядывая мое полуобнаженное тело:

– Каюсь, я уже успел забыть, как эстетично может выглядеть женщина, лишенная физических изъянов в виде непропорциональных или недоразвитых конечностей и жутких келоидных рубцов. Трудно сказать, где проходит тонкая грань между голой женщиной и высшим искусством. Но тем не менее вам сюда...

Он подвел меня к стеклянному саркофагу:

– Смотрите внимательно... – Навигатор приложил руку к крохотному мониторчику на боковой поверхности прибора. Агрегат недовольно загудел, замигали красные лампочки.

– Идентификационный номер ноль-один, в доступе отказано! – громко произнес металлический голос.

– Вот видите,– разочарованно вздохнул глава Ордена,– и так происходит всегда. А теперь попробуйте вы...

Я приложила палец к пластинке сканера. Ничего не происходило, прибор молчал. Верховный Навигатор нервно вздрогнул. Внезапно что-то мелодично тренькнуло, прозрачная крышка поднялась, открывая отсек, точно повторяющий контуры моей фигуры. Потухли перекрещенные, смертоносные лазерные лучи, оберегавшие ложе от нежеланного вторжения.

– Полномочия ноль-ноль! Процедура доступа завершена,– любезно отчитался голос, в котором не осталось и нотки прежней отстраненности,– приветствую вас, капитан Ника!

– Здравствуйте! – не очень-то вежливо буркнула я.– Пожалуйста, подскажите, что делать дальше?

– Займите место внутри модуля управления, замкните контактные точки, пройдите трехмерное сканирование,– проинструктировал компьютер.

Я неуверенно взглянула на орденца, не испытывая особого желания лезть внутрь разговорчивого прибора.

– Ника... – Навигатор галантно подал мне руку, поддерживая и помогая переступить через бортик камеры. Я ощутила его сухую морщинистую кожу и неровные скачки пульса, бешено бьющегося под моими пальцами. Я удивилась: «Он волнуется? За меня или за результаты сканирования?»

Ложе, мягкое и бархатистое на ощупь, бережно приняло меня в свои гостеприимные объятия. Идеально совпали обводы всего тела – ног, бедер, рук и граница жесткого каркаса, прикрытого нежной ворсистой тканью.

– Как вы себя чувствуете? – склонилась надо мной черная маска Навигатора.

– Замечательно! – хмуро откликнулась я.– Как Белоснежка в хрустальном гробу. Отодвиньтесь, злой Кощей, потому что сейчас сюда придет прекрасный принц, поцелует меня и...

Руки Навигатора, опирающиеся на край камеры, затряслись от едва сдерживаемого гнева. В голосе врага прозвучало откровенное злорадство:

– Если одного прекрасного принца зовут виконт Алехандро, то я должен вас разочаровать: пять минут назад бот с вашими друзьями не сумел избежать удара нашего электромагнитного импульса, потерял управление и рухнул в море...

Их сбили? Все мои друзья погибли? В голове вскипал и ширился отчаянный крик горя! Горячая волна огня разлилась вдоль позвоночника, заполняя меня изнутри и неудержимо выплескиваясь наружу. Огненный смерч закрутился в мозгу, сметая слабую преграду рассудка. Ткань подо мной начала тлеть. Навигатор испуганно отшатнулся, когда огонь, порожденный моим отчаянием, начал расплавлять стенки камеры...

Алехандро недоуменно прижал пальцы к вискам. Что это с ним такое? На протяжении уже нескольких минут его неотступно мучило странное чувство, напоминающее легкий зуд или постороннее шебуршание в мозгу. А скорее – низкокачественную радиотрансляцию в наушниках компьютера... Виконт сам удивился возникшей у него ассоциации. Неприятные ощущения усиливались, доставляя значительное неудобство, и Алехандро уже намеревался подойти к Крису, чтобы попросить какое-нибудь лекарство, как вдруг услышал тихий голос Ники, едва различимый среди странного гула. Мнемоконтакт оказался ужасно неразборчив, но низкий грудной голос капитана, такой необычный и запоминающийся, наследник безошибочно распознал бы и среди миллиона других голосов...

– Мы находимся на острове, в Убежище. Я и Эрба,– настойчиво повторяла Ника.

А затем в сознании Алехандро промелькнуло видение пышных рыжих кудрей, смеющихся зеленых глаз и завлекающе приоткрытых алых губ...

Сразу же после этого призыв внезапно исчез, унеся с собой и головную боль. Виконт рывком выпрыгнул из кресла и бегом ринулся в рубку управления. Бот сильно раскачивало, Алехандро хватался за спинки пустовавших сидений и отчаянно матерился сквозь зубы.

Подбитый железом каблук сапога зацепился за скобу в полу, виконт потерял равновесие и, рухнув вперед головой, чуть не вышиб дверь рубки.

Внутри царило веселье... Раскрасневшийся Дракон вцепился в ручки пулемета, не сводя глаз с прицела и вскрикивая при каждом удачном выстреле. Рядом примостился Рей, больше всего смахивающий сегодня на заядлого футбольного болельщика, бурно приветствующего любое попадание в ворота. Феникс, перешедший на ручное управление, виртуозно закладывал лихие виражи в небе над островом, уворачиваясь от ответных залпов двух пушек, появившихся на вершине башни. Смачные ругательства, обильно сопровождавшие каждую мертвую петлю, блистательно иллюстрировали «высочайший» интеллектуальный уровень пилота. Счетчик израсходованных патронов стрекотал не умолкая, и, судя по довольному виду Рея, на острове давно уже не осталось ни одной целой камеры наблюдения.

Вдруг Феникс выдал особо витиеватую скабрёзность и вывернул рычаги под немыслимым углом, уводя бот с линии встречного огня. Дракон повис на пулемете, а Айм, умудрившийся задремать в недрах удобного кресла (как будто вокруг не происходило ничего особенного), полетел вверх тормашками и врезался лбом в переборку каюты. Криса заохала и вытащила из кармана пузырек с йодом.

– Держитесь, ребята! – взбудораженно орал Феникс. – Орденцы притащили на крышу установку, шмаляющую электромагнитными импульсами. Сейчас станет жарко!

– Ничего, отобьемся! – с энтузиазмом рычал Дракон, перекачивая во рту потухшую сигарету. – Колись, что тебе хочется заиметь в качестве трофея – отстреленное ухо Верховного Навигатора или какой-нибудь более интимный его орган?

– Да имел я этого Навигатора... – неразборчиво ответил штурман. Потом коротко хохотнул. – Растудить его в качель! Голову, конечно! Я ее отсканирую и отшлепаю его портретик на рулоне туалетной бумаги...

Дракон на секунду оторвался от прицела и показал другу одобрительно оттопыренный большой палец. Змей хохотал как безумный. Адреналин пер!

– Ребята, – изо всех сил закричал Алехандро, пытаясь перекрыть шум воздушного боя, – я получил ментальное послание от Ники! Она жива и находится в подземелье Убежища...

– Вот черт! – Феникс и Дракон одновременно повернулись к виконту. – Что-то с трудом верится, чтобы она смогла связаться с тобой на таком расстоянии...

Раздался низкий воющий гул, а затем десантный бот сильно трянуло, закрутило штопором и швырнуло вниз. От резкого перепада давления у Алехандро заложило уши. Астронавты что-то кричали наперебой, хватаясь за рычаги управления и щелкая тумблерами. Из всеобщей какофонии звуков наследник сумел выделить одну главную фразу: «Проклятье, нас сбили!»

А затем за стеклом иллюминаторов заплескалась зеленая морская вода, и виконт потерял сознание...

С выстраданной мыслью: «Ну, я вам сейчас устрою новое сотворение Земли!» – я опустила руки и ноги на контактные пластины, замыкая управляющий контур. К моему лбу немедленно присоединились мягкие лапки электродов. Я вздрогнула от боли – в правое запястье вонзилась игла. «Берут кровь на анализ ДНК», – поняла я. Зашуршали, загудели компьютеры, считывая информацию. По экранам побежали длинные сочетания непонятных букв и цифр. А потом мониторы неожиданно погасли...

– Результаты анализа неоднозначны! – недовольно проскрипел механический голос.

– То есть как? – опешил Верховный Навигатор, с ненавистью глядя на меня.

Я удивленно приподняла голову:

– Вам не удалось идентифицировать мою личность?

– С вероятностью восемьдесят процентов, – чуть ли не виновато признался компьютер.

– Поясните – ничего не понятно, – хором потребовали мы.

– Первоначальная психофизиологическая матрица тестируемой личности

идентифицируется как капитан Ника, обладающая всеми полномочиями по управлению Базой. Но в организм тестируемого индивидуума каким-то образом была внесена инородная энергия, вызвавшая значительную перестройку многих параметров тела и сознания. В итоге контрольная личность не является точной копией изначальных, заложенных в программу характеристик. Последствия ее контакта с разумом матрицы управления непредсказуемы. Поэтому спорному организму отказано в доступе к ресурсам Базы...

– ... – в сердцах рявкнул Верховный Навигатор и гулко саданул кулаком по крышке камеры.

Крышка захлопнулась, погребая меня в недрах прибора.

– Ах ты, дрянь святая, красавица спящая! – разъяренно рычал глава Ордена, приблизив лицо к разделявшему нас стеклу. – Ты что с собой сделать умудрилась? Как же ты теперь сможешь получить доступ к «Ковчегу» и к Вратам? Ты бесполезна – понимаешь, бесполезна! Ты должна была оберегать себя как зеницу ока, а вместо этого... Убейте ее. – Он пренебрежительно взмахнул рукой, будто вычеркивая меня из списка живых и одновременно призывая вооруженную охрану. – Она теперь всего лишь балласт, мертвый груз...

«Убить меня? – отстраненно подумала я. – За что? Черт, а я ведь изначально чувствовала подвох – не хотела лезть в эту консервную банку. И кто дал этому извергу право распоряжаться моей судьбой? Но с другой стороны – мои друзья погибли, так стоит ли бороться за свою жизнь? Отныне я осталась совсем одна в чуждом для меня мире... – Но перед моим внутренним взором неожиданно промелькнули образы новых друзей – беспомощных, заточенных в карцере... Я почувствовала, как кровь огненной волной разлилась по жилам, подпитываясь ураганной энергией Врат, дремлющей внутри меня. – Хорошо, пусть я умру, но зато выручу Эрбу, Рифа и капитана ла Файета, бестрепетно вставших на мою защиту! И я отомщу за свой экипаж... Главное – не сдерживать себя далее, а просто отпустить на свободу этот неуправляемый клубок огня, спиралью извивающийся где-то около сердца...»

Я представила, что мое тело – всего лишь окно, через которое огненная энергия изливается в окружающий мир, попутно пожирая все, посмевшее противостоять ей. Жар внутри меня стал нестерпимым. Я громко закричала и взмахнула руками, разрывая контакт с камерой. Стекло крышки взорвалась фонтаном мелких осколков, осыпавших потрясенного Верховного Навигатора. Я взмыла на полметра над полом, напоминая ведьму из фильма «Вий», с трудом сдерживая огромное желание вытянуть когтистые пальцы по направлению к жертве и провить загробным голосом: «Хома!» Я ощущала себя всесильной и какой-то одурманенной. Мои глаза застилал багровый туман, а в голове звучал ровный монотонный гул, исключая возможность подумать хоть о чем-то реальном. Спонтанно возникшее желание убивать, крушить, жечь намного превышало все прочие чувства и эмоции. Я запрокинула голову и разразилась демоническим хохотом:

«Верховный Навигатор хотел войны? Так пусть же теперь он насладится ею в полной мере! Что может послужить надежной гарантией будущего мира? Конечно, только топор войны, закопанный вместе с врагом!» Я чувствовала свои волосы, разлетающиеся, вставшие дыбом от проскакивающих по ним искр. Кожа на руках покраснела, готовая покрыться волдырями ожогов. Огненный смерч требовательно рвался на волю. Я направила растопыренные пальцы в сторону орденов...

– Пирокинеза попробовать не желаете? – Мой внезапно огрубевший голос напоминал рев голодной гиены.

Ногти засияли перламутровым блеском, и с моих рук слетело десять тонких белых лучей, прожегших огромные дыры в оборудовании лаборатории. Один луч зацепил оператора у пульта и, к моему бурному восторгу, перерезал его пополам. Две половинки мертвого тела свалились на пол, но кровь почти не текла. Прижгло не хуже чем лазерным скальпелем. Я с удивлением тронула собственный палец и получила слабый электрический удар по носу. Ничего себе – девушка-генератор! Я взмахнула руками, рассеивая смертоносные лучи. Орденцы пытались отстреливаться, но пули, не достигая цели,

мгновенно сгорали в окутывающем меня энергетическом коконе. Я попыталась достать Верховного Навигатора, но злодей, истерически взвизгнув, юркнул в потайной ход, открывшийся в стене. Я разочарованно ругнулась, напоследок пройдясь волной огня по разгромленному помещению лаборатории. Шумно лопались мониторы, горела изоляция, пол усеивали десятки трупов, дым заволок комнату. Я перевела взгляд на дверь, выжигая в ней огромную дыру, и шагнула в образовавшийся проход. Небрежным движением ресниц испепелила бегущих по коридору противников. Поворотом головы разнесла следующую стену... И неожиданно наткнулась на долгожданный подарок судьбы, полученный в лице толстого мучителя в синей мантии, испуганно зажавшегося в противоположный от меня угол.

Из курса античной литературы я помню – древние греки воспевали кровожадных эриний, трех богинь мщения, промышлявших душами закоренелых грешников, пойманных на перекрестках семи дорог. Видимо, сегодня к триумvirату оных злопамятных дев прибавилась еще одна – я. Полуголая, облаченная в пикантные трусики и куцую маечку, с багровым загаром а-ля «не засыпай в солярии – шашлыком станешь», я грозно надвигалась на врага, злорадно похихатывая в голос и потирая свои обожженные ладони. Орденец трясся как осиновый лист:

– Госпожа, – жалобно умолял он, – пощадите! Мне приказали...

– А прикладом по голове – тоже идея Верховного Навигатора?

Толстяк, не раздумывая, усиленно закивал.

Мне стало противно. Убить труса? Да ну его, на него даже огня тратить жалко. Может, пугнуть для остротки? Я картинно щелкнула пальцами. Из-под ногтей вырвались яркие язычки пламени, волна искр пробежала по моим распущенным рыжим волосам, плавно стекая на плечи. Орденец заорал и панически отшатнулся. На передней части его мантии, чуть ниже пояса, расплылось большое подозрительное пятно. Резко запахло аммиаком...

– Фу! – пренебрежительно скривилась я, зажимая нос. – Никак встроенная система огнетушения сработала?

– Ведьма!

Орденец, не разбирая дороги, вслепую ломанулся вдоль по коридору. Распахнул первую попавшуюся дверь и с размаху врезался в цилиндрический сосуд с какой-то мутной жидкостью, закрепленный в массивном штативе. Послышался сочный звук лопнувшего стекла, и сразу вслед за ним – истошный, пороссячий визг человека... Я неторопливо дошла до комнаты и пригляделась. Очевидно, в том сосуде хранился какой-то чрезвычайно едкий реактив... Беглец неловко возился в вонючей, расплывшейся на полу луже, рефлекторно сдирая с себя стремительно расплзающиеся остатки одежды вместе с кусками кожи и плоти. На полу уже валялось его распухшее, синюшное ухо, левый глаз вывалился и повис на безобразных, скользких нитях... Меня передернуло от ужаса и отвращения. Одним милосердным огненным шаром я прекратила мучения несчастного глупца и еще немного постояла рядом с затихшим трупом, совершенно утратившим свой прежний, величавый облик. Возможно, мерзавец получил по заслугам, но такую ужасную смерть и врагу-то пожелать, кажется, излишне жестоко будет!

– Божья кара! – справедливо хмыкнула я, продолжив путь на свободу.

Новый коридор встретил меня шквалом пуль, плавающих в воздухе и стекающих по стенам бесформенными кусочками свинца. Приторным запахом горелой человеческой плоти, хлопьями пепла, оседающими на моих волосах. Очистив коридор, я перевела раскаленный взор себе под ноги, прожгла переборку и провалилась этажом ниже, медленно паря в воздухе. Следующий уровень, еще ниже, еще... подвал! Я эффектно спланировала на пол карцера, до полусмерти перепугав жмущихся по углам друзей. Увидела трясущиеся от страха губы Эрбы:

– Не бойся, это всего лишь я. – Собственное тело повиновалось мне с трудом, не желая возвращаться к прежнему облику. Много позже ламия рассказала о том, как страшно

выглядела я в тот момент: раскаленная, полуголая богиня огня, пышущая жаром, с налитыми кровью зрачками.

Эрба подняла на меня заплаканные глаза:

– Ника, прислушайся! Я слышу – они кричат, они тонут, они погибают, твой бот упал в море...

Перед моим внутренним взором незамедлительно возникла четкая картинка: бурлящие гребни волн, перекрывшие обтекаемые бока десантного бота, перекошенный от безмолвного крика рот Криси, бледное лицо Алехандро... Я сконцентрировала всю энергию в руках и, мысленно выплескивая поток огня, из последних сил потянула тонущий корабль к себе, на берег...

С шипением испарялась морская вода, охлаждая пламя моего отчаяния... Я встряхнула головой и вернулась в реальный мир, покачнувшись от резкого перехода к состоянию полного самоконтроля. Риф кинулся поддержать меня, но я мягко отстранилась от него и взглядом распахнула оплавленную, перекошенную дверь:

– Уходим, быстро! Иначе от Базы вообще камня на камне не останется...

Алехандро пространно выругался, причем сделал это раньше, чем открыл глаза. Ну не смог он отказать себе в этом маленьком удовольствии! Виконт открыл глаза и выругался уже повторно, с ничуть не меньшим энтузиазмом. Долго пытался понять – лежит он или стоит, потому что анализ собственно й неловкой позы не дал ему никакой информации в плане осознания своего общего местоположения в пространстве. Поднял руку и с облегчением нащупал на ноющем лбу не рану, а всего лишь огромную шишку. Торопливо проверил целостность пальцев, коленей и ног, не обнаружил переломов и немного успокоился. Правда, весьма неприятно саднили ребра справа, которыми виконт неудачно приложился о корабельную переборку, но это казалось сущей мелочью. С трудом сфокусировал нечеткое зрение на огромном объекте, угловато упирающемся в его подбородок, и чуть не расхохотался. Пресловутый мешающийся предмет оказался здоровенным ботинком Феникса, наверное, одной лишь Нике известно какого пятьдесят последнего размера. Сам же штурман забавно болтался в воздухе, криво и нелепо повиснув на ремнях перевернутого кресла. Вот теперь все встало на свои места. Картинка приобрела четкость. Корабль лежал на боку, а наследник стоя застрял между сплюсненной переборкой и покореженным шлюзом штурмового бота.

Рядом прозвучало болезненное постанывание. Штурман завозился и попытался приподнять опухшие веки:

– Мать их за ногу! – с чувством пожелал он.

– А не получится, – хихикнул выползший из-за капитанского кресла Рей. – Нет у них матери, ибо они все – сиротки инкубаторские!

– И инкубатор их за ногу! – мигом нашелся никогда не унывающий Фен.

Орденец одобрительно гыкнул.

– Все живы-здоровы? – По проходу, меж развороченного ряда кресел, пробиралась встрепанная Крися, завлекательно отсвечивающая свежей лиловой фишкой под правым глазом. Следом за ней на ощупь брел Айм, задравший голову и прижимающий к разбитому носу пакет медицинского льда.

– Все! – махнул рукой Феникс. – Все приемлемо живы и относительно здоровы. Да снимите же вы меня наконец отсюда! Я же не эквилибрист!

Добрый Змей вытащил из-за пояса нож и наотмашь ударил остро заточенным лезвием по ремням, удерживающим друга в висячем положении. Кожаные полосы лопнули, Феникс звучно обрушился на пол, сверху на него немедленно рухнуло потерявшее устойчивость кресло.

– Спасибо, милые мои садисты! – ехидно поблагодарил штурман. – Классический способ оказания первой помощи раненому – добить, чтобы долго не мучился.

– Мама! – Дракон обалдело уставился в иллюминатор, его лицо медленно бледнело и

вытягивалось.— Люди добрые, гляньте сюда. Неужели это мы сделали?

Остальной экипаж бота, торопливо отпихивая друг друга, наперегонки бросился к мониторам внешнего обзора...

Оказалось, что их разбитый корабль лежит на берегу острова — в аккурат у самой кромки прибрежной полосы, мягко омываемый набегающими на него морскими волнами. А точно в центре Сатара, там, где ранее находилось Убежище Ордена, теперь высились бесформенные руины, щедро припорошенные хлопьями жирного черного пепла.

— Хана Бастилии! Наши — победили! — с удовлетворением резюмировал пухлый аналитик, на секунду отводя охлаждающий пакет от своего распухшего носа.

— Мама! — снова простонал донельзя шокированный Дракон.— Я этого не делал! Я же совсем немножко пострелял — так, по краешку. Да и пулемет у меня не шибко крупнокалиберный...

— Конечно, этот погром не ты устроил, дурень,— снисходительно успокоил штурмовика Айм. И добавил злорадно: — Предупреждали ведь Верховного Навигатора: не зли Рыжую — хуже будет...

— Так это она, что ли, натворила? — хором изумились Рей и Алехандро.

— А то! «Убила дедушку лопатой...» — хмыкнул логист.— Опять вы нашу девочку недооцениваете!

— Ой, мама! — в очередной раз схватился за голову совсем запутавшийся Дракон.— Охренеть!

— Вот когда они из него полезли, младенческие-то комплексы,— задорно подмигнул Айм.— Синдром несчастливого детства. Вымахал штурмовик-детинушка под два метра ростом, а все туда же — в экстремальные моменты мамочку вспоминает.

Кристина равнодушно окинула дымящиеся развалины беглым взглядом:

— Нужно срочно Нику искать! Она наверняка ни вчера, ни сегодня не обедала, зубы не чистила, противорадиационные таблетки не принимала. Да еще и обжечься могла, когда Убежище взрывала...

— Крися, я от тебя фигею! — Едва поднявшийся на ноги Феникс с хохотом осел обратно на пол рубки.— Да ты в своем ли уме? Может, тебя контузило? Ну конечно, в твоём понимании гигиена полости рта намного важнее подобного разгрома!

— А ты как думал? — убежденно кивнула педантичная биологиня.— Здоровье капитана — прежде всего!

— Не так уж она и неправа,— невнятно пробубнил Айм из-за пакета со льдом.— Мертвым здоровье не нужно, зато живым — ой как важно! И еще одно верно: следует в первую очередь найти Рыжую...

Алехандро попытался открыть люк, ведущий наружу, но перекошенную металлическую пластину заклинило намертво. Наконец она шумно вывалилась на песок, не устояв под натиском мощного плеча Феникса. Штурман довольно отряхнул запылившийся шеврон на рукаве и приглашающе указал рукой в сторону зиявшего отверстия:

— Прошу на выход, дамы и господа! Вторая часть Марлезонского балета!

— Не, это не балет. Это в натуре — финальная сцена тотального побиения половцев из оперы «Князь Игорь».— Айм высунулся из бота и с видом заправского оккупанта хозяйски осматривал то небольшое, что осталось от некогда грозной крепости.— «После полной и безоговорочной капитуляции фашистской Германии наши победоносные войска...» — начал он торжественным голосом, но кубарем скатился на гальку, вытолкнутый разгневанной Крисей.

Девушка недовольно встала над его толстеньким телом, картинно распростертым на ухоженном пляже, сердито уперев в бока свои маленькие, но весьма сильные кулачки:

— Вроде умный, серьезный мужчина, а иногда ведешь себя глупее Финика! Сам же кричал только что — нужно срочно Нику искать. А вдруг она сейчас где-нибудь раненая лежит и нашей помощи ждет?

– Пощади, я сдаюсь на твою милость, о мудрейшая из дев! – шутливо взмолился аналитик. – Попробуем пробраться внутрь вражеского логова...

– Давай пять! – Феникс протянул руку, поднимая аналитика с камней. – Только, чур, я первым пойду.

Развалины Убежища представляли собой беспорядочное нагромождение бесформенных обломков, по внешнему виду которых уже не представлялось возможным воссоздать прежние контуры разрушенного здания. Пахло разлитыми химикатами. Повсюду валялись куски обугленного кабеля, фрагменты непонятной аппаратуры, обломки раскуроченной мебели.

– Впечатляет, – с завистью в голосе протянул Змей, недовольно кривясь от едкого дыма, затруднявшего дыхание. – Словно водородной бомбой шархнуло!

– А начадили! – закашлялся Айм. – Хоть святых выноси!

– Зачем же меня выносить-то? – прозвучал знакомый насмешливый голос. – Я и сама неплохо передвигаюсь!

Все удивленно вскрикнули и повернулись в сторону полуразрушенной бетонной арки, откуда раздавался голос капитана. Среди мешанины каменных блоков стояла полуголая, испачканная в саже Ника, совершенно целая и невредимая.

– Виват капитану! – радостно выкрикнул Феникс, восторженно подбрасывая вверх сдернутый с головы шлем.

Алехандро поспешно снял свой камзол и набросил его на обнаженные плечи девушки:

– Как ты? – взволнованно спросил он, влюбленно заглядывая в ее зеленые озорные глаза. Возможно, ему просто показалось, или действительно в глубине глаз сумасбродной святой внезапно промелькнула серьезность, не присущая им ранее?

– Нормально, – тонко улыбнулась Ника краешками губ, – вот только набедокурила я тут малость!

– Да, да, – язвительно поддакнул Айм. – Так, всего лишь самую малость – повыжгла все начисто, но больше ничего плохого не сделала...

– А она и так ничего плохого не делала! – Из подвала осторожно выкарабкалась Эрба, которую на всякий случай сзади подстраховывал Риф. – Она нас всех спасла!

– А это что еще за чудо чудное, диво дивное? – вытаращился Айм. – Горгона Медуза, что ли?

– Познакомься – это ламия, – улыбнулся Алехандро. – Здравствуй, Эрба, ну вот я и пришел! – Виконт немного преувеличил собственные заслуги, но ведь победителей не судят.

– А я и не сомневалась, – радостно взвизгнула девушка, повисая на шее виконта.

Ника ревниво покосилась на горячо обнимающуюся парочку...

Глава 5

«Вот уж никак не ожидала, что меня так сильно заденут их дружеские объятия», – недовольно размышляла я, кутаясь в камзол виконта. После удушающей жары, по моей же вине царившей в подвалах Убежища, холодный ветерок открытого пространства заставил меня зябко передернуть плечами, покрывшимися гусиной кожей. Из руин споро выбирались спасенные мною моряки и сам бравый капитан ла Файет, тепло поздоровавшийся с Алехандро. Печальное зрелище искореженного бота заставило меня досадливо поморщиться. На чем же мы теперь полетим искать ключ от Небесных врат?

– Так что же все-таки произошло в Убежище? – Звонящий от любопытства голос Рея отвлек меня от грустных раздумий.

В нескольких коротких фразах конкретно и ясно я обрисовала все случившееся со мной, начиная с момента выхода за периметр монастырской стены.

– Да-а-а, ну и история! – Айм сложил руки на груди, что у него всегда свидетельствовало о напряженной работе мысли. – Говоришь, управляющий комплекс тебя не опознал?

Я коротко кивнула:

– О плане очистки планеты можно забыть. Теперь нам остается одно – всеобщая эвакуация и колонизация Земли-2.

Алехандро задумчиво вытягивал и задвигал обратно в ножны клинок рапиры:

– Я так понимаю, что Орден разгромлен полностью и мешающий нам фактор устранен?

– Не совсем... – Я посмотрела прямо на Рея, желая видеть его реакцию. – Верховному Навигатору удалось бежать!

На лице ордена промелькнула сложная гамма чувств: смесь облегчения и разочарования.

– Даже не знаю, что и сказать, – осторожно, взвешивая каждое произносимое им слово, признался он. – Я и рад, но одновременно и не рад этому факту. Я предупреждаю всех вас сразу – отец и в одиночку способен доставить нам массу неприятностей.

– Я, может, не все правильно понимаю, – вмешался в наш разговор внимательно слушавший меня Риффорд, – но вы, очевидно, захотите отправиться на поиски «Ковчега» и Небесных врат?

– И ключа, – поддержал виконт.

– А твой новый друг делает успехи! – похвалил аналитик, подразумевая бретера.

– Я благодарю судьбу за встречу с Риффордом де Монро. – Я протянула руку и крепко пожала пальцы отважного бретера. – Полагаю, с этого момента ты официально утвержден в должности моего личного секьюрити.

Риф молча поклонился.

– А что за ключ ты упомянул? – полюбопытствовала ламия у Алехандро.

– Если бы я сама точно знала, что это за штука и где ее следует искать, – сердито буркнула я. – Вроде бы так называется какой-то полумифический артефакт, служащий средством доступа к Небесным вратам. Но вот только, к сожалению, никто не знает, где его можно найти...

Губы Эрбы растянулись в довольной усмешке, обнажая устрашающие клыки.

– А как же клятва, данная мне? Виконт обещал вернуть меня домой к жениху? Тем более, – она хитро прищурилась, – нам, кажется, по пути!

– Как это? – удивился Алехандро.

– Что? – Я ощутила острый укол предчувствия.

– А вот так! – Ламия довольно прищелкнула пальцами. – Все гениальное – просто. В наших краях находится кое-что грандиозное, принадлежащее таинственной секте, именующей себя Рыжими жрицами. Однажды жених мне рассказал, что сии дамы поклоняются огромной статуе, имеющей вид мраморной скульптуры, изображающей обнаженную женщину с крыльями, в ладонях у которой лежат два светящихся обруча. Вполне вероятно, что эти артефакты и есть тот самый ключ от Врат!

Все молчали, потрясенные неожиданной новостью.

– Возможно, так оно и есть, – медленно пробормотала я. Но внутренний голос подсказывал мне – Эрба ничуть не ошиблась в своих смелых предположениях.

– А как зовут твоего жениха? – поинтересовался любопытный Феникс.

– Влад, – мило хлопнула ресницами ламия-невеста. – Но у нас его чаще называют...

– Дракулой! – патетично закончил Айм.

– Откуда ты знаешь? – Эрба изумленно распахнула свои огромные глаза.

– Нет, ну это же невероятно! – Аналитик вцепился в собственные и без того беспорядочно взъерошенные волосы. – Вампиров не существует, это все – сказки!

– Вот тебе и представилась отличная возможность убедиться в правдивости старинных сказок, – рассмеялась я. – Только не бери с собой осинового кола, а то они еще нас неправильно поймут...

– И живет твой жених конечно же в Карпатах? – закончила за меня Крися.

– Ну-у-у, так нечестно, все-то вы знаете! – чистосердечно восхитилась наивная Эрба, а я вспомнила – именно этот участок земной поверхности показался мне наименее

разрушенным из всех, почти не затронутым радиацией и губительными последствиями войны.

– Да, но только как мы туда доберемся? – опечалился Алехандро. – Бот-то, наверное, нуждается в длительном ремонте?

– Какой там на фиг ремонт – он теперь только в металлолом годен. – Змей уныло бродил вокруг обгорелого корпуса нашего десантного бота. – Оружие и навигационные приборы снимем, а остальное... Эх... – Он досадливо махнул рукой.

– И как же нам поступить? – Я не ожидала, что повреждения корабля окажутся настолько серьезными. – Не на «Нике» же туда лететь? Я не намерена рисковать нашим единственным звездолетом...

– А этого и не требуется! – Капитан ла Файет галантно сдернул с головы свою потрепанную шляпу. – Мы тут с ребятами посовещались и решили – команда «Черной катраны» с радостью доставит вас в любое нужное место!

Я вопросительно посмотрела на Алехандро.

– Соглашайся не раздумывая, – заговорщицки подмигнул виконт. – У Жино весьма опытный экипаж. Настоящие, многократно просоленные морские волки, прошедшие и огонь и воду. А «Черная катрана» – самый быстроходный фрегат в Федрине, тем более что капитан ла Файет отличный лоцман – дотошно знает все морские течения и маршруты. Да и к непредвиденным ситуациям ему не привыкать.

– Контрабандист? – Я насмешливо приподняла бровь.

Ла Файет услужливо осклабился, демонстрируя красноречивый просвет между зубами.

«Зубы выбиты – значит, в драках не раз участвовать доводилось! – удовлетворенно подумала я. – Наш человек!»

– Ну что же, – я обвела начальственным взглядом своих выжидательно притихших друзей, – путешествие обещает быть долгим, поэтому завтра мы отплываем!

– Ой, не к добру все это! – ворчливо предрек Айм.

– Тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить! – дружно сплюнули через левое плечо все, включая меня.

Мы сидели на прогретых солнцем досках пирса. Вдвоем – я и Алехандро. Виконт расслабленно навалился на огромную бухту причального каната, по своей излюбленной привычке рассеянно поигрывая рукоятью рапиры и сквозь ресницы заинтересованно наблюдая за мной. Я намеренно не прерывала нашего затянувшегося молчания, ожидая, когда юноша не выдержит и первым начнет наболевший разговор. И я не ошиблась: утомленный моим безмолвием, наследник звучно щелкнул гардой о ножны рапиры и сердито спросил:

– Издеваешься, да? Демонстрируешь мне настоящую капитанскую выдержку и хладнокровие? Ну вот скажи – какого черта тебя понесло в эту задрипанную таверну? Да еще одну, без охраны?

Я насмешливо склонила голову набок и долго, пристально рассматривала смуглого красавца, посмевавшего требовать отчета в моих действиях. Под оценивающим девичьим взглядом всегда самоуверенный Алехандро немного смутился и даже чуточку покраснел.

– А мужчину мне хотелось там встретить – непьющего и некурящего, – язвительно растягивая слова, нахально призналась я.

– В таверне-то? – недоверчиво хмыкнул виконт. – Да там непьющих отродясь не водилось...

И тут до него дошло, что я над ним насмехаюсь.

– Ника! – обиженно одернул он. – Ну зачем ты так, я же о тебе беспокоюсь!

– А надоело мне все... – Я устало откинулась на удобный столбик кнехта⁷. – Все обо

---

⁷ К н е х т – парные тумбы на пристани, служащие для закрепления швартовых или буксирных канатов.

мне беспокоятся, переживают, шагу не дают ступить самостоятельно. Сделали из меня святую куклу! А я жить хочу, между прочим, как и все прочие нормальные люди! Без постоянного надзора и медицинского контроля. Я приключений хочу – после девятисот-то лет в криогенной камере. Я, кстати, не дурью маялась, а за картой туда ходила. Вот, сейчас покажу... – Я сунула руку за пазуху и оторопело замерла...

Карта осталась у Верховного Навигатора!

Глава Ордена неторопливо спускался по полуразрушенной винтовой лестнице, круто уходящей вниз – намного дальше самого последнего уровня Убежища. То был древний потайной ход, не известный никому, кроме самого Верховного Навигатора. О нет, он не питал иллюзий относительно того, что произошло наверху. Звуки далеких взрывов, хоть и приглушенные расстоянием, были достаточно красноречивы. Торопиться уже некуда...

На Ордене можно поставить крест! – осиротевший лидер криво усмехнулся. Отныне его далеко идущие планы выжить и удержать в своих руках всю власть над миром утратили всякий смысл. Теперь Навигатору хотелось одного – мстить! Отплатить за свой разрушенный дом, в который вложено столько сил, которому посвящено столько лет жизни. Хотя проблема заключается вовсе не в Убежище: ведь само оно – не более чем просто здание, пусть и необычное... Нет, вместе с ним погибло великое дело возрождения ушедшей цивилизации, создания новой, безупречной расы. А всему виной – она!

Верховный Навигатор злобно заскрежетал зубами. Рыжая девочка, хрупкая как тростинка. Казалось бы, достанет всего двух пальцев, которыми он сладострастно обхватит ее длинную, трогательно тонкую шейку и переломит, словно пруттик. Но этот свободолюбивый пруттик неожиданно окреп, превратившись в упругую лозу, ощутимо ударившую его по болезненно ранимому самолюбию. Как же яростно, как самозабвенно возненавидел он ту самую девушку, которую лично объявил святой, почти богиней! А может быть, она слишком удачно вжилась в роль? Ну нет!.. Верховный Навигатор мстительно усмехнулся, пошарил в кармане мантии и извлек прозрачную пластинку с картой. Посмотрим, что она сможет сделать теперь, лишившись самого ценного своего достояния. Того, без чего Ника не сумеет проникнуть в Небесные врата, несмотря на всю свежеприобретенную силу. А уж он-то доберется до них намного раньше ее и станет поджидать, терпеливо затаившись в центре искусно сотканной паутины!

При этой мысли орденец хищно пошевелил полусогнутыми пальцами, как будто предвкушая предсмертный трепет пойманной им добычи.

«Берегись, Ника, – ненавистная, проклятая, беспощадная...» Он содрогнулся от ужаса, вновь пережив воспоминания о всепоглощающем пламени, уничтожившем его соратников. Их убила она – всемогущая, как сам дьявол, но такая прекрасная! Вся плоть Верховного Навигатора, все его самые сокровенные мысли и желания, надежно упрятанные в казалось бы давно усохшие тайники этой черной души, вдруг ожили, причиняя ему мучительное волнение. В глубине холодной статуи, утратившей всякую человеческую сущность, неожиданно пробудился страстно влюбленный мужчина – неудовлетворенный самец, мечущийся в поисках желанной самки! Глава погибшего Ордена громко застонал и, на одно краткое мгновение утратив всегда присущую ему выдержку, беспомощно привалился к холодной стене...

Нет, он не поддастся преступной слабости. Он искоренит из своего сердца воспоминание об ее смеющихся зеленых глазах и огненно-рыжих кудрях, овладевшее всеми его помыслами. Любовь к ней? Какое нелепое чувство...

Карта аккуратно отправилась обратно в карман, но при этом в глубине складок его мантии неожиданно обнаружился еще один странный предмет, случайно завалившийся за прохудившуюся подкладку. Орденец осторожно подцепил пальцем и выудил из своего одеяния некую хрупкую стеклянную палочку. Это оказалась крохотная пробирка с кровью Ники, вынутая им из анализатора и по рассеянности прихваченная в лаборатории.

О-о-о, ему досталась ее свежая кровь! Костлявые пальцы мужчины крутили

прозрачный сосуд, а мозг напряженно работал, пока глаза задумчиво следили за несколькими алыми каплями, медленно перетекающими внутри: хорошо бы провести расширенный анализ ДНК да попытаться понять загадочные энергетические процессы, произошедшие в организме девушки. Как смогла она добиться подобного эффекта, так разительно изменившего ее?

Верховный Навигатор решительно выпрямился, в его темных глазах загорелся нехороший, фанатичный огонь.

«Да, Ника умна! С помощью ума она успешно скрывает свой упрямый, несговорчивый характер. Возможно, ее стройное, точеное тело некогда создал Бог, безусловно, как и все остальное, не выживший в вихре атомной войны. Да – Бог погиб, но дьявол-то уцелел, и именно он вложил в это прекрасное женское тело такой изворотливый, изощренный ум! Так пусть же она пострадает от собственного ума!» Орденец коварно усмехнулся.

В конце концов все, что ни делается, – к лучшему, ибо не все ошибки ведут в итоге к поражению. А в данном случае ему только на руку падение Убежища – он избавился от Ордена, отнимавшего у него слишком много сил и времени. Отныне он встает на путь волка-одиночки, идущего прямо к намеченной цели! И даже отлично, что она смогла спасти свой экипаж, – ведь теперь Нике удачно подсунули ложную мечту, и, скорее всего, она так и погибнет, пытаясь ее реализовать. Она начнет искать «Ковчег» и Врата, она поплывет на примитивном парусном корабле... В этом Навигатор не сомневался.

«Вот и сделаем ее морское путешествие максимально приятным!»

Мужчина сдвинул рукав черной мантии, оголяя запястье, на котором посверкивал металлический браслет. Сейчас Навигатор спустится в потайную пещеру и вступит на палубу небольшой подводной лодки, названной им «Муреной». С борта этого корабля он без помех сможет следить за неугомонной святой, притом сам оставаясь не замеченным никем и ничем. А для нее он приготовил занятный сюрприз! Навигатор легко повернул одно из звеньев своего наручного браслета и, повинуясь испускаемому им электронному импульсу, глубоко под водой заворочался, пробуждаясь от векового сна, огромный, чудовищно голодный кракен⁸...

Я билась в истерике. Судорожно всхлипывала в ласковых объятиях изрядно напуганного Алехандро, обильно смачивая горячими слезами его батистовую рубашку. Из моего горла вместо членораздельных объяснений вырывались лишь бессвязные обрывки бессмысленных фраз. Вскоре виконт вовсе отчаялся разобраться в происходящем и, нежно прижимая к своей широкой груди мою подрагивающую от безудержных рыданий голову, начал осторожный допрос:

– Тебе передали карту, на которой указан путь к Небесным вратам?

– Да! – судорожно прорыдала я.

– За картой охотился Верховный Навигатор?

– Да!

Я настолько самозабвенно билась лбом о его плечо, что назавтра там непременно появится огромный синяк. Как и на моей глупой голове.

– Вместе с картой шаман Порфирий наделил тебя энергией Небесных врат?

– Угу! – На элементарное «да» у меня уже просто не хватало дыхания, а потоки слез все усиливались.

– И карта осталась у Навигатора?

– У-у-у-у! – отчаянно взывала я, попадая лбом по ключице виконта.

– У-у-у-у! – болезненно отозвался Алехандро. – Ника, прошу тебя, перестань казнить себя и калечить меня. Два инвалида в морском походе – довольно обременительный груз для всего экипажа. Тебе так не кажется?

---

⁸ К р а к е н – мифический морской монстр из описаний норвежских и исландских моряков.

Он осторожно отстранился, с доброй улыбкой заглядывая в мои заплаканные глаза. Я поспешно отвернулась:

– Не смотри на меня! Я сейчас страшная: нос распух и покраснел, глаза как щелочки...

– Дурочка! – восхищенно хохотнул наследник. – Самая умная, самая красивая, самая храбрая девушка в мире, но такая дурочка...

Я вытерла слезы рукавом его и так уже насквозь промокшей рубашки и несмело заулыбалась:

– Много ты в женщинах понимаешь! Настоящая женщина если и показывает свои недостатки, то делает это с достоинством!

Александр возмущенно округлил глаза:

– Я мало в женщинах понимаю? Да ты вообще еще не женщина, а девчонка! А я, я... – Он неожиданно замолчал, посмотрел как-то странно, а потом вдруг обхватил меня за талию, притянул к себе и впился страстным поцелуем в мои удивленно раскрывшиеся губы...

Я возмущенно пискнула, замычала, но потом почти против собственного желания крепко обвила руками его смуглую шею. Поцелуй длился и длился... А когда юноша резко разорвал наше пьянящее прикосновение, я так и осталась стоять в той же самой позе – закрыв глаза и приоткрыв рот.

– Я же говорил, – нежно шепнул виконт, зарываясь лицом в золотистые завитки волос у меня на виске. – Ты совсем еще девочка, даже целоваться не умеешь!

– Это плохо? – чуть слышно спросила я, млея в его объятиях.

– Это прекрасно! – Теплые губы переместились на шею, даря непривычные, упоительные ощущения. – Это чудесно, замечательно! Знаешь, я сотни раз принимал святое причастие из рук его преосвященства Кардинала, покрывая страстными поцелуями холодные пальчики твоего мраморного двойника... Боюсь, что уже тогда я вел себя недостаточно почтительно... Но сегодня, клянусь жизнью, – он осторожно коснулся смуглым мизинцем моих припухших губ, – я познал самое упоительное священнодействие...

«Ах, если бы он поцеловал меня еще раз!» – мечтательно подумала я, стыдливо опуская ресницы.

Мужские губы приблизились...

Заходящее солнце погружалось в море. Мы так и сидели на пирсе, опершись на ящик с припасами, провожая прощальным взглядом последний луч дневного света. Погрузка шла полным ходом. «Черная катрана» оказалась именно тем самым величавым фрегатом, которым я упоенно любовалась в порту пару дней назад. Точеный, идеально очерченный корпус, гордо несущий белопенную громаду распущенных парусов. Великолепный корабль! Утром мы отплываем...

Прощай, прекрасный Никополис! Прощайте, рощи и башни, дворцы и статуи. Увидимся ли мы еще когда-нибудь? Кто знает, чем обернется наше долгое опасное путешествие? Найдем ли мы «Ковчег»? В каком состоянии находятся его навигационные системы, возможно, давно вышедшие из строя? Какую тайну хранят Небесные врата? Что значат предостережения шамана Порфирия, вскользь упомянувшего об опасных ловушках, оберегающих подступы к усыпальнице ангелов? Да и кем, наконец, являются эти самые легендарные ангелы? Я старательно морщила лоб, мысленно выдвигая теории одна несуразнее другой, но в итоге сдалась и махнула рукой: чего гадать заранее? Все равно моя интуиция подсказывает, что ожидающая нас действительность окажется фантастичнее любого, даже самого смелого, предположения. Мне не давал покоя и секрет Рея, тщательно оберегаемый мною до поры до времени. И надо полагать, что Верховный Навигатор, сумевший ускользнуть от живущего во мне огня, тоже не отступится так просто. Он будет мстить, не считаясь с жертвами и потерями...

– Мы должны найти ключ от Врат, – напомнила я Александру, державшему меня на коленях и не выпускающему из своих надежных объятий.

Виконт, занятый увлекательной игрой эротичных касаний, сплетавших наши пальцы в

одно неразрывное целое, поднял на меня шоколадные глаза:

– Обещаю, мы обязательно его найдем! Мы ведь хотим выжить, не так ли? Хотя свой ключ к небесному блаженству я уже нашел!

Я счастливо улыбнулась. Любовь ворвалась в наши жизни так стремительно и непредсказуемо, возможно значительно ослабив два сумасшедших сердца, но отменно закалив тела и души. Мы обязаны выжить! Выжить сами и спасти всех других: наших друзей и близких, племя ламий и отважных охотников, обитающих в лесах Урала, сапожников и плотников, монахов и солдат, сопливых малышей, беззаботно плещущихся в фонтане «имени меня». Под силу ли нам это деяние? Ведь даже боги нашего ушедшего мира оказались неспособны совершить подобное чудо. По плечу ли мне, обычному человеку, такие подвиги?

А может быть, именно в этом и состоит путь бога? Путь обретения себя! Каждый бог приходит в наш земной мир, еще будучи практически никем, – всего лишь простым смертным человеком... Богами не рождаются! Богами – становятся. Трудно быть богом, потому что прозрению предшествуют испытания, а цена прозрения измеряется болью и кровью, жизнью и смертью, любовью и ненавистью, ответственностью и милосердием. И все это мне предстояло постичь в самом ближайшем будущем...

Каким богом я стану?

Ровно в полночь заболела —
Поднялась температура.
Боль внезапно налетела:
Ты никак простыла, дура?
Меж лопаток заломило —
То бросает в жар, то в холод.
Что любила – все немило,
То тошнит, то гложет голод.

Наливалась язва жаром —
На спине, где позвонок.
Тело ноет, дышит паром —
Хоть залазь на потолок.

Материлась я безбожно:
Мне болеть не по нутру.
Примостилась осторожно,
Задремала лишь к утру...

Как они ко мне свалились —
Я их в небе не брала:
Язва лопнула – раскрылись
Белоснежные крыла...

Часть третья «Ковчег»

Любовь правит миром!
Спорная истина, в которую всем хочется верить

Глава 1

Море – одна из величайших природных стихий, колыбель всего живого и сущего. По теории Дарвина, до того, как стать обезьянами, наши далекие предки выползли на сушу именно из морских и океанических глубин, откусили себе хвосты и зачем-то полезли на деревья. Наверное, за бананами. Или за орхидеями – кто же их поймет, примитивных. Ума не приложу – как они умудрялись выполнять подобные каскадерские трюки. Пальма – она ведь высокая и гладкая, почти как мачта...

Я подняла голову, опасливо придерживая рукой постоянно так и норовившую улететь шляпу. Сразу же надо мной начинались всевозможные бимсы, реи, такелаж, паруса... Помню, еще во времена знаменитого похода на «Аллигаторе» я категорически отказалась карабкаться до хлипкой бочки, прибитой на конец грот-мачты, и заполошно вопить оттуда: «Земля, вижу на горизонте землю!» Для подобных акробатических этюдов нужно иметь не только совершенно нездоровый энтузиазм, но и воистину стальные нервы. Как только представлю, во что это выливается на практике: под ногами поскрипывает тонкое бревнышко, руки нервно цепляются за что-то хилое парусиново-веревочное, и все это качается, норовит выскользнуть или уклониться, – так сразу же испытываю неожиданный приступ морской болезни. Я резко метнулась в сторону и рискованно перегнулась через борт, принимая на лицо охотно плеснувшую мне навстречу зеленую, причудливо рассыпающуюся на брызги соленую волну. Штормило. Ну да ничего – качка мне даже полезна, а то привыкла я что-то к амортизаторам и стабилизаторам невесомости на «Нике», вот и воспользуюсь этим весьма кстати подвернувшимся случаем – потренирую свой легкомысленно расслабившийся вестибулярный аппарат.

Изначально отличная и солнечная, погода незначительно испортилась не сразу, а лишь спустя некоторое время после выхода из порта Никополиса.

«Проклятие убиенных орденов», – шутил Феникс, намекая на поднявшийся ветер. Тоже мне язвительный капитан Джек Воробей выискался! Вот уж кому-кому, а оному здоровенному штурману любая качка оказалась совершенно нипочем. Широко расставляя длинные, мускулистые ноги, Феникс уверенно передвигался по увертливой дощатой палубе и с превеликим удовольствием выполнял любую работу с парусами, единолично заменяя сразу половину экипажа. Или же, решительно оттеснив капитана ла Файета, становился к штурвалу, профессионально удерживая корабль на заданном курсе и, к превеликой радости моряков, фальшиво горлая нашу любимую школьную песню:

Брильянт в руке подбросит капитан:
«Везет, братва! Караты здесь, караты!»
Ведь в языках совсем несхожих стран
Есть слово главное – разбойники, пираты!

И нету тверже суши, чем вода,
А шторм – проверка лучшая для друга,
Нам не нужны земля и города,
Наш дом один – пиратская Тортуга.

Мы с Алехандро еще туда-сюда, а вот subtilный послушник Антонио совершенно спасовал перед злополучным морским недугом и чувствовал себя из рук вон плохо. Скрючившись в гамаке, водрузив голову на толстый том Писания, с которым он не расставался даже во сне, юноша ежеминутно синюшно бледнел лицом, безрезультатно пытаясь усмирить свой бунтующий желудок, и судорожно стискивал зубы, стараясь не стонать. В общем, усиленно, в лучших традициях жанра, строил из себя супермачо-героя, желая произвести благоприятное впечатление на самоотверженно ухаживающую за ним Кристину. Моя очаровательная подруга совершенно покорила его пылкое, воспитанное на воздержании и молитвах сердце – ведь монастырским послушникам почти не выпадало

возможности пообщаться с прекрасным полом, да что там пообщаться, зачастую – просто видеть женщин воочию! Но теперь, будто наверстывая упущенное, тихоня Антонио бросал в сторону Криси столь пылкие взгляды, что я точно поостереглась бы оставлять их наедине, если бы в сей стремительно развивающийся любовный роман не вмешалась весьма своевременная тошнота и головная боль нашего новоявленного Ромео. А еще мальчишкам моим хулиганистым спасибо – постарались на славу! И не поймешь ведь пока: то ли они навредили и еще больше усугубили и без того неоднозначную ситуацию, а то ли – наоборот, удружили и помогли, действуя по принципу «что естественно – то не безобразно»!

Накануне отплытия, поздно вечером проходя по полутемному монастырскому коридору, я неожиданно натолкнулась на послушника, который с совершенно зомбированным видом, пошатываясь, вывалился из комнаты, занимаемой неугомонной тройцей – Фениксом, Змеем и Драконом. Мы с Антонио практически стукнулись лбами.

Я хрипло заорала от испуга, когда из темноты прямо на меня внезапно выплыло перекошенное мальчишеское лицо с выпученными глазами и потрясенно открытым ртом. Послушник тоже вздрогнул – скорее, от неожиданности. Я торопливо выхватила из кармана портативный электрический фонарик и нажала на кнопку. Тонкий лучик яркого света ударил по зрачкам юноши, воспитанник Кардинала охнул и зажмурился.

– Чудо! – привычно брякнул он свое любимое словечко.

– Антонио, это не чудо, это просто литиевая батарейка и ручной фонарик, – терпеливо объяснила я.

– Там чудо! – Послушник торопливо ткнул пальцем себе за спину, рассматривая меня с каким-то странным, совершенно новым выражением лица. Глаза монастырского воспитанника подозрительно блеснули.

«Хм, может, его мальчишки водкой угостили?» – растерянно предположила я, недоуменно пожала плечами, постучалась в дверь и, не дожидаясь разрешения, шагнула в комнату бравых штурмовиков.

Моим глазам предстала загадочная картина. На столе красовался отключенный DVD-проигрыватель, окруженный кучей дисков с фильмами, а поперек кровати растянулся Феникс и, уткнувшись лицом в подушку, приглушенно ржал, от переизбытка эмоций колотя руками по одеялу. Сидящие на второй кровати Змей и Дракон, каждый в своем углу, сдавленно хихикали, утирая набегающие на глаза слезы. Иногда они вроде бы успокаивались, встречались взглядами и опять впадали в безудержное веселье. Понаблюдав немного за расшалившимися подчиненными и отчаявшись установить причину столь хорошего настроения, я напустила на себя строгий вид и начала воспитательную беседу.

– Что за бардак? Вы, видимо, забыли – мы отплываем рано утром. Личные вещи и оружие собрали? Ах, уже собрали! Ну, тогда всем умываться и спать!

При слове «спать» Феникс, только оторвавший голову от подушки, буквально рухнул обратно на матрас и чуть ли не в судорогах забился, оглашая комнату взрывами громкого смеха.

Я испугалась:

– Фен, ты не заболел случаем? И да, чего такого вы с Антонио сотворили? На парне лица нет, глаза как плошки, и опять про чудеса лепечет. Вы его алкоголем не подпоили?

– Хуже! – сдавленно просипел Дракон.

– Да уж что может быть хуже? – удивилась я.

– А мы ему кино показали, – не очень разборчиво признался Змей, уже икавший от хохота. – Из личной коллекции Фена!

– Ой, – забеспокоилась я, – надеюсь, не про инквизицию?

Змей одобрительно хмыкнул, оценив мой тонкий юмор.

– Да не, – криво ухмыльнулся Феникс, – безобидное такое по идее кинцо. С участием двух нехилых в определенных местах негров, одной голосистой блондиночки и маленького пони. С психологическим уклоном: про интимные отношения...

– Чего? – возмущенно рявкнула я, бросаясь к столу.

На самом верху стопки коробочек с дисками лежал футляр с многозначительным названием «Эротические фантазии Вероники» производства известной в наше время немецкой порностудии. Я ткнула в кнопку пуска и ошарашенно уставилась на экран. М-да, блондиночка оказалась голосистой во всех отношениях...

– Фу, ну и гадость! Ах вы, уроды! – Я треснула Феникса по голове диском со злополучным фильмом. Что-то затрещало... – Извращенцы проклятые! Он же послушник, а они обет целомудрия дают!

– Кому? – глумливо прищурился Феникс, потирая макушку. – Тебе, бесценная наша святая дева? Так ты уж тогда потрудишься – яви божескую милость, освободи мальчика от обета, после того как на виду у всего порта сама с виконтом взасос целовалась. А то несправедливо как-то получается – он же от Криси глаз отвести не может...

Я густо покраснела:

– Так надо было деликатную воспитательную беседу провести, а не порнуху показывать!

– Не-эт! – возмущенным хором заорали мальчишки. – Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать! Бабе этого не понять!

– Вас не переспоришь, – махнула я рукой. – Вещи собрали?

– А как нам одеваться-то? – Балагур Феникс утер выступившие от смеха слезы и посерьезнел. – Мы ведь даже отдаленно не представляем, с чем нам предстоит столкнуться...

– Одевайтесь как боги, – задумчиво почесав в затылке, предложила я.

– Это как? В сандалии и белые простыни, что ли? – коротко хохотнул Фен. – Нет, ты уж прости, кэп, но для нас это излишне экстравагантно. Мы уже чего попроще предпочтем, из местного ассортимента: рубахи, штаны, колеты, сапоги. А костюмы противорадиационной защиты в багаж упакуем – на всякий пожарный случай...

Вот так мы и отплыли: в щегольских шелковых платках-банданах и ботфортах выше колен. С рапирами и автоматами. Со станковым пулеметом, установленным на носу «Черной катраны». Откровенно говоря, вся эта киношная роскошь изрядно пахивала дешевой бутафорией. Искатели сокровищ, мать их за ногу, как любит выражаться не слишком-то сдержанный на язык Фен. Змея и Дракона пришлось оставить в Никополисе, придав в помощь его преосвященству Кардиналу, назначенному мной наместником взамен окончательно спившегося Герцога и Герцогини, прочно занявшей VIP-палату для буйнопомешанных в лазарете при монастыре. Бравый лейтенант де Ретай остался при своих кирасирах. Нея и Дина не захотели бросать многочисленных пациентов, многие из которых находились в критическом состоянии. Из остальных доморощенных авантюристов мы сформировали команду лихих флибустьеров – я и Алехандро, Крися с Антонио, нагруженным томом святого Писания, Эрба, Риф, Айм, Рей, Феникс. «Охотники за вампирами» – так обозвал нас неунывающий Фен. Никто не протестовал. По-моему, всем до зуда в пятках не терпелось поиграть и в этих самых охотников, да еще во взаправдашних пиратов. Одна лишь я угрюмо хмурила брови, покуда отважные мореходы картинно махали шляпами, прощаясь с публикой, собравшейся на причале. Отплытие «Черной катраны» проходило чрезвычайно торжественно – под проникновенную напутственную речь Кардинала, изобилующую выдержками из неизменного Писания, а посему чрезвычайно длинную и нудную, нагнавшую на меня безудержную зевоту. Суть сего высокопарного «бла-бла-бла», естественно, свелась к одному: пойти туда, не знаю куда, найти то, не знаю что, но в итоге – спасти всех. Категорически, безоговорочно и бесповоротно. Я скептически насупилась и многообещающе кивнула. Алехандро посмотрел на меня настороженно.

«Сама-то хоть поняла, что пообещала?» – безмолвно вопрошал его сосредоточенный взгляд. Чисто из упрямства я кивнула еще раз. О да, я-то понимала, на какое именно сумасбродство мы сейчас подписались, а вот понимают ли это остальные? Нам предстояло проплыть Средиземное, а затем Черное моря. Попасть в Карпаты. Найти ламий и ключ от Врат. Затем отправиться в Тибет и пустыню Гоби. И уже где-то в самом конце нашего невероятного путешествия, если, конечно, мы к тому времени еще умудримся остаться

живыми и здоровыми, посетить леса Урала. Каким образом и за сколько времени мы сможем осуществить столь длительный и опасный поход, кажется, не волновало никого, кроме меня. Всем сейчас было не до того, ибо они громко орали «ура», размахивали шляпами, украшенными пышными плюмажами, и театрально раскланивались на «бис». Мне бы их оптимизм!

Александр тихонько подошел сзади и ласково меня обнял, привлекая к себе на грудь:

– Не порти людям настроение, дорогая. Им так хочется верить в сказку!

– А про сказки с плохим концом все, как обычно, забывают?

– Сказка с плохим концом называется былью, – доходчиво разъяснил Александр. – Думаешь, почему все романтические истории заканчиваются именно свадьбой?

– А чем они еще могут заканчиваться? – не поняла я. – Не смертью же...

– Да нет, – усмехнулся Александр, нежно целуя меня в рыжую макушку, – я говорю о том, что дальше свадьбы дело не в сказках идет. Авторы преднамеренно упускают все последующие семейные дразги, разборки с битьем посуды и скандалы из-за пьянок. Ну скажи честно, кому нужны такие скучные сказки?

– Да, пожалуй, никому, – покладисто согласилась я.

– То-то и оно, – философски вздохнул милый. – Людям жизненно необходимы сказки со счастливым концом. Поэтому дай нашим друзьям возможность насладиться приятностями текущего момента, почувствовать себя настоящими сказочными героями. А хлебнуть горя они еще успеют...

Я резко повернулась и положила руки на плечи любимого мужчины, вопросительно заглядывая в глубину его карих глаз, где призывно загорались и меркли золотистые точки:

– А у нашей сказки тоже будет счастливый конец?

Александр интригуяюще усмехнулся, а потом легко прикоснулся губами к моему лбу, словно хотел скрепить поцелуем приносимую им клятву:

– Обещаю: я очень постараюсь сделать его таковым...

Попутный ветер без усталости надувал широкие паруса фрегата. Я лежала на носу корабля, лениво разглядывая, как острый бушприт «Черной катраны» разрезает прозрачные буруны волн. Солнце медленно садилось в море, окрашивая зеленоватую воду в восхитительно розовый, с перламутровым оттенком цвет. Впереди, насколько хватало взгляда, расстилалась безбрежная гладь морских просторов. Немногочисленные косяки летучих рыб испуганно выпрыгивали из-под борта корабля и, вдохновенно расправив свои полупрозрачные плавники-крылышки, успевали пролететь по воздуху несколько метров, прежде чем вновь погрузиться в привычную среду обитания. Золотистая чешуя прекрасных созданий будила страстное желание поймать такую вот волшебную рыбку и уговорить ее выполнить хотя бы одно, но зато самое сокровенное твое желание. Я самокритично хмыкнула: вот еще, выискалась, называется, не по возрасту наивная любительница сказок!

Подобное погодное затишье продолжалось уже четыре дня. Всё вокруг нас – море, небо, облака – выглядело благополучным до неправдоподобия, а это и вызывало у меня некие смутные опасения! Я принципиально не верю в идиллии, особенно если учесть подозрительный факт, заключающийся в том, что даже слабый желудком Антонио и тот неуверенно выполз на палубу, позволив Фениксу поизощряться в неизменных шуточках по поводу своего кислого до невозможности, по-прежнему трупно-зеленоватого лица. Криса сердито косилась на ехидного штурмана, заботливо ухаживая за болезненным послушником, украдкой чмокавшим ее в румяную щечку. Весь прочий экипаж откровенно маялся бездельем, самостоятельно выискивая дела сообразно собственному вкусу и предпочтениям. Риф день-деньской дрых в мягком гамаке, подвешенном на полуюте. Александр всерьез принялся обучать Айма приемам фехтования, приобретая в качестве благодарного зрителя насмешливую, острую на язык Эрбу. Рей, где-то раздобывший уголек и несколько листов плотной бумаги, увлеченно рисовал морские пейзажи необычайной красоты. Фен прочно утвердился в качестве рулевого. В общем, подходящие занятия нашлись для всех, кроме

бесталанной меня. Вот и оставалось мне лениво валяться на палубе, любясь проявлениями древней стихии, наблюдая за погодой и нехотя прислушиваясь к чужим разговорам. Я мало разбираюсь в долгосрочных метеорологических прогнозах, но почему-то вот втемяшилось в мою глупую голову, что подобное сочетание ветра, дующего в нужном направлении, и почти полное отсутствие волн может возникать только перед штормом или еще чем-то похуже. Что это – интуиция или здравый внутренний голос? Окружающее спокойствие продолжало радовать всех нас, но в моей душе, подобно занозе, засело недоброе предчувствие надвигающейся опасности. И в это самое время, анализируя свои ощущения, я вдруг услышала обрывок занятой беседы двух моряков, сворачивающих запасной парус недалеко от места моей лежки.

– Говорил же я капитану, – брюзгливо ворчал первый мореход – пожилой, с зигзагообразным шрамом через все лицо, – женщины на корабле – к беде!

Его собеседник оказался тем самым белобрысым нахалом, который усиленно претендовал на мое внимание в таверне «Пьяная гидра». Причем претендовал весьма своеобразным способом. К сожалению, с тех пор его манеры ничуть не улучшились.

– Гы-ы-ы, – вульгарно заржал белобрысый. – Может, и к беде, но я бы не отказался попасть в такую рыжую беду!

Я невольно усмехнулась, от чистого сердца желая моряку не подвернуться с подобными идеями под горячую и тяжелую руку влюбленного в меня виконта.

– Да ты что, – перешел меченый на испуганный шепот, – не богохульничай! Ведь она святая! Помнишь, что Ника на острове устроила?

– Может, и святая, – упрямо тряхнул головой мой тайный воздыхатель, – да только мне до этого нет никакого дела. Не думаю, что она чем-то сильно от наших обычных портовых шлюх отличается. Все округлости, что бабе иметь положено, при ней...

– Замолчи! – сердито прервал его пожилой мореход. – Не гневи небеса! И так я нутром чую – что-то нехорошее приближается...

– Неужели ураган? – растерянно ахнул молодой нахал, роняя почти сложенный парус.

– Да нет... – Меченый неопределенно подкрутил усы, опасливо разглядывая безупречно голубое, без единого облачка небо. – Боюсь, оно появится не сверху...

Я насторожилась, ибо слова наблюдательного моряка полностью совпадали с моими подсознательными ощущениями.

Внезапно гулкий удар по корпусу, пришедший откуда-то снизу, из-под воды, покачнул фрегат, чуть не опрокинув его набок. Я случайно переместила глаза влево и увидела огромную тень, промелькнувшую в толще воды за бортом. Это явно было что-то живое, причем обладавшее невероятными, немыслимыми размерами. Я громко вскрикнула.

Новый, еще более сильный удар сотряс корабль. «Черная катрана» опасно накренилась, угрожая завалиться на один бок. Беспомощно хлопали обвисшие паруса, почти касаясь воды. Оторвавшийся линь хлопнул меня по спине и как живой обвился вокруг талии, увлекая вслед за собой за борт. Не успев ничего понять, я почувствовала, что лечу. Перед моим изумленным взором промелькнули испуганные, расширенные глаза капитана ла Файета, бледный Антонио, накрывший собой том священного Писания и защищающий книгу от огромных, перехлестывающих через планшир волн... А в следующий же момент я со всего маху ударилась об обшивку корабля и беспомощно повисла на канате, полуоглушенная и растерянная. Веревка угрожающе скрипела и раскачивалась, обещая вскоре оборваться. Небо стремительно потемнело, а море словно взбесилось. Яростные волны обдавали меня непрерывными потоками соленой, адски ледяной воды. Промокшая до нитки, стучащая зубами от холода, я мучительно пыталась извернуться и ухватиться за скользкий канат, но одеревеневшие пальцы не слушались. Обрушивавшаяся со всех сторон вода совершенно не позволяла сориентироваться в пространстве, разобраться – где верх, а где низ. Меня словно куклу болтало на хлипком тросе. Я щурилась и вздрагивала, когда при каждом очередном движении корабля, то поднимавшегося на новый водный бурун, то проваливавшегося во

впадину меж двух волн, меня болезненно ударяло о шершавые корабельные доски.

– Где Ника? Кто видел Рыжую? – долетели да меня далекие взволнованные крики.

Я отвлеклась, фрегат качнуло – и вращательным движением раскручивающейся веревки меня весьма ощутимо приложило лицом о рейки борта. Последовала резкая вспышка боли, а отбитые губы мгновенно распухли. Тонкие струйки теплой крови потекли из рассеченной брови, заливая глаза.

– Алехандро! – изо всех сил закричала я, стараясь перекрыть рокочущий гул свирепствующих волн. – Помоги мне!

– Черт! – Непокрытая голова виконта свесилась за край планшира. – Милая, держись! – Сильные руки ухватились за лямку, несколькими короткими рывками втащивая меня обратно на палубу.

Я свалилась на твердую поверхность, кашляя и отплевываясь. Царапины на лице жгло, как огнем, от разъедающего действия морской соли. Меня били конвульсии от запоздалого шока, да еще и зуб на зуб не попадал от холода. Алехандро обнял меня за ходившие ходуном плечи, согревая горячими поцелуями мои израненные пальцы.

– Ну мы и влипли! – шепнул он.

Я подняла глаза, пытаюсь сфокусировать зрение, отвела рукой мокрые пряди волос и потрясенно открыла рот, шокированная представшим передо мной зрелищем – за бортом «Черной катраны» высилась огромная туша гигантского спрута, до половины высунувшегося из воды. Одно толстое, бугристое щупальце непрерывно молотило по палубе так, что от крепких сосновых досок оставались лишь щепки, веером разлетающиеся во все стороны. Другая же конечность головоногого существа, покрытая круглыми, осклизлыми присосками, по размерам не уступавшими корабельным иллюминаторам, собственнически ухватила за бизань-мачту, раскачивая мощный фрегат, будто легкую игрушку.

– Что, что это такое? – только и смогла я вымолвить оторопело.

На носу корабля виднелась фигура полуголого Феникса, который сдернул с пулемета промасленную холстину и с воплями: «Атас, братва, Ктулху проснулся!» – всаживал в тушу чудовища длинные очереди смертоносных пуль. Смертоносных для кого угодно, но, к сожалению, отнюдь не для сего кровожадного повелителя глубин. Чудовище, очевидно, обладало столь упругим, напоминающим резину кожным покровом, что пули либо отскакивали от него, либо застревали совсем неглубоко, на манер заноз, не причиняя спруту значительного вреда, а только раздражая и озлобляя.

– Кажется, наш храбрый штурман старается зря! – разочарованно подметил Алехандро, здраво оценивший напрасные усилия Феникса.

Я кивнула:

– Для подобной махины обычные пули страшны не более чем укусы пчел. Неприятны, но не смертельны.

– Что посоветуешь? – Виконт досадливо поморщился, когда одним небрежным движением щупальца Ктулху наконец-то смел за борт изрядно надоевший ему пулемет, едва не зацепив отважного стрелка, успевшего вовремя откатиться в сторону.

– Можно попробовать электромагнитный импульс... – с сомнением пожав плечами, предложила я. – Ружья где-то в трюме...

– А сама?.. – с выжидательным намеком спросил Алехандро.

Я только поежилась:

– Холодина страшная, а я мокрая и промерзла до мозга костей. Боюсь, мне сейчас даже сухую лучину не поджечь...

– Ясно. – Наследник сочувственно погладил меня по бледной щеке. – Значит, идем искать ружья.

– Фен! – дуэтом закричали мы, размахивая руками и стараясь привлечь внимание штурмана, притаившегося за обломками мачты и из своего импровизированного укрытия бессильно поливающего спрута потоками нецензурных фраз.

– Ась? – Феникс высунул голову, начинавшую обрастать жесткими темными волосами,

и приставил ладонь к оттопыренному уху.— Говорите громче, ничего же не слышно, пока тут эта пивная закуска бушует.

— Фен! — снова заорали мы.— Перебирайся к нам — посовещаться нужно!

— Ну уж нет, фигушки.— Штурман попытался прикрыться от массы холодной воды, льющейся на палубу с туши спрута.— У вас там слишком сыро!

— Не дури, Фен,— я осуждающе покрутила пальцем у виска,— это всего лишь вода.

— Да уж, да уж,— философски бубнил штурман, тихонько выползая из-за обломка мачты,— не зря я всегда говорю, что в вине — мудрость, в пиве — сила, а в воде — одни микробы. Причем огромные и жутко агрессивные...

— М-да,— одобрительно усмехнулся Алехандро,— оптимизма Феникса ничем не перешибить...

Но в этот самый момент из полуразрушенного люка, ведущего в трюм, шумно вывалились двое матросов, сжимавших в руках огромный гарпун. Бегущий впереди мужик — высокий, бородатый и мускулистый — мощно размахнулся и всадил острое лезвие в мелко подрагивающее брюхо чудовища. Тварь издала странный звук, напоминающий клекот орла. Гарпун неглубоко увяз в мягких тканях твари, а на палубу корабля хлынула струя синей, омерзительно зловонной жидкости.

— Ура! — ликующе закричали моряки.

Бородатый гарпунер горделиво выпятил грудь.

Пользуясь тем, что внимание спрута переключилось на новых врагов, Феникс быстро пересек открытое место и присоединился ко мне и виконту, нашедшим укрытие за рулевой рубкой.

— Одна голова — хорошо, а две — лучше! — приветствовал штурмана Алехандро, крепко пожимая руку друга.— Посоветуй, боец, что дальше делать будем?

— А на кой ляд мне сдалась вторая голова? — иронично осклабился Фен.— Мне и моей хватит — лишь бы ее эта тварь с шеи не оторвала. Плохи наши дела, наследник, ибо рана спрута несерьезная — скорее всего, просто царапина. Сейчас он еще сильнее взбесится и доломает это плавучее корыто! Да не стой ты где попало, дурень,— вдруг закричал он, обращаясь к бородатому,— попадет еще раз...

Но предупреждение Фена не успело достичь ушей неосторожного морехода, самодовольно красующегося в центре палубы. Чудовище обиженно взревело, одной конечностью легко вырвало гарпун из нанесенной им раны, а второй — смахнуло за борт остатки надпалубных построек вместе с моряками. Наша троица едва успела спрыгнуть внутрь трюма, чуть не переломав ноги о фрагменты прежде удобной лестницы.

— Ника! — Алехандро тряс меня за плечо, пытаясь вытащить из-под тела Феникса, с комфортом растянувшегося поверх моей спины.— Ты цела?

— Да цела вроде... — Я болезненно застонала, чувствуя себя так, словно меня пропустили через мясорубку.— Только убери с меня Финика, а то он, кажется, тонну весит.

— Вранье, всего каких-то жалких сто пятьдесят килограмм,— демонстративно обиделся штурман, возясь на мне, как на диване.— И заметь — ни грамма лишнего жира, сплошные мускулы!

— Да какая разница,— беззлобно пнула я друга левой ногой, потому что правая намертво завязла в обломках перил,— все равно ты тяжелый, как слон. Слазь немедленно, у меня сапог застрял...

— Это у тебя ноги кривые,— насмешливо сообщил Фен,— даже падать толком не умеешь.

— Не бывает у девушек кривых ног,— улыбнулся в усы виконт, бережно освобождая меня из западни.

— Ага, зато бывают выгнутые колесом тазобедренные суставы с врожденным вывихом коленных чашечек.— Фен с ворчанием поднялся.— Эй, вы слышите шум? Здесь кто-то уже есть!

Темнота, царившая в трюме, не позволяла разглядеть ничего находившегося дальше собственного носа.

– Прямо хоть глаза выколи! – Штурман торопливо шарил по карманам своих штанов, являвшихся его единственной одеждой. Видимо, разгоряченный тренировкой на рапирах, он неосмотрительно снял рубашку, на момент катастрофы оставшись с обнаженным торсом. – Где-то у меня тут зажигалка завалялась... А, вот, нашел! – и в его ладони тускло засветился крохотный язычок пламени.

Нашим глазам предстала дикая неразбериха, возникшая на месте некогда аккуратно уложенного багажа. Содержимое сундуков и ящиков в беспорядке перемешалось на полу трюма, наполовину исчезнув под слоем мутной воды, по поверхности которой плавал различный мелкий мусор. Над одним из распотрошенных ящиков на коленях стоял Рей, в полутьме на ощупь перебирая что-то среди обломков и хлама.

– Рей! – обрадованно вскрикнул виконт. – Другище, ты жив!

– А, это вы! – Орденец меланхолично повернул к нам свое исцарапанное лицо. – Тоже поди пришли ружья искать?

– Ага! – немногословно подтвердил Фен. – Ничего лучше не придумали: обычные пули эту тварь не берут!

– Бесплезно! – Орденец поднялся на ноги, раздраженно отбрасывая какой-то ненужный предмет. – Вода заливает трюм, все размокло, поэтому оружие пришло в абсолютную непригодность...

– Ну и чем еще тогда можно попытаться завалить гигантского спрута? – взволнованно поинтересовался Алехандро.

Рей подошел к нам, задумчиво вглядываясь себе под ноги, по самую щиколотку утопающие в воде:

– Нужно скорее выбираться наверх, вода прибывает слишком быстро – кажется, корабль тонет!

– Но там же спрут! – резонно возразила я.

– Большому кораблю – большое кораблекрушение! – опечаленно вздохнул Феникс. – Приплыли, называется, суши весла.

– Рей! – снова позвал друга виконт. – Подумай, возможно, ты знаешь, чем еще можно убить такую огромную тварь?

– А ничем! – Юноша нехорошо усмехнулся. – Это ведь не совсем обычный кракен, а точнее, совсем необычный. Он умен и коварен почти как человек...

– Откуда ты это знаешь? – хором удивились мы.

– Я абсолютно уверен, что он относится к числу тех самых тварей, с которыми мой отец экспериментировал у себя в лаборатории. – Рей подавленно вздохнул, словно усматривая в постигшем нас несчастье и свою долю вины. – Кракен подчиняется специальным импульсам, воздействующим на его мозг, а потому остановить такое создание практически невозможно. А еще некогда я слышал краем уха сплетни о том, что у отца имеется личная подводная лодка, где-то им припрятанная... Скорее всего, Верховный Навигатор преследовал «Черную катрану» все эти дни и натравил на нас кракена!

– Господи! – не на шутку испугалась я. – Неужели это правда?

– Неудивительно и вполне правдоподобно, – серьезно подтвердил Алехандро, – признаюсь, в глубине души я ожидал чего-то подобного после всех тех клонов, увиденных мною в Убежище!

– Каких клонов? – изумленно поднял брови Фен.

– Орден выращивал людей в пробирках! – деловито пояснил Рей.

– Вот ни фига себе! – почесал в затылке штурман, в кои-то веки выглядевший по-настоящему обескураженным. – Это что же получается-то, а? Насколько я знаю из Библии, Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова... Но потом то ли у них ерунда какая-то стряслась, то ли еще что, и рожать детей начали бабы... А Верховный Навигатор решил, значит, вернуться к архаичному способу воспроизводства, что ли?

– Примерно так оно и получилось, – цинично хмыкнул Рей. – И кракенов он попутно модифицировал!

– ...! – прочувствованно высказался Феникс.

– Ребята, хватит болтать, смотрите,– я указала вниз, отрывая мальчишек от увлекательной беседы,– вода-то все прибывает!

За истекшие несколько минут вода и правда поднялась значительно, почти достигнув наших колен.

– Чтоб ты сдох, Верховный Навигатор! – в сердцах пожелал виконт и, мгновенно сориентировавшись в ситуации, подхватил меня на руки.

– Отпусти,– возмутилась я, брыкаясь.– Я и сама ходить умею!

– Тихо! – требовательно прикрикнул на меня Рей.– Алехандро прав. Лестница разрушена. Сейчас мы тебя подкинем вверх, к люку, ты вылезешь на палубу и придумаешь, как нас отсюда вытащить!

– Ага, подкинете, чтобы меня там кракен съел! – Что-то меня такая радужная перспектива совсем не радовала.

– А ты уж, будь добра, постарайся, чтобы не съел,– оптимистично посоветовал любимый мужчина.– Ребята, давайте вместе, раз-два-три, бросили...

На счет три я птичкой подлетела в воздух и умудрилась ухватиться за иззубренные фрагменты створок, ранее прикрывавших вход в трюм. Стараясь не обращать внимания на боль от впившихся в ладони деревяшек, я подтянулась и осторожно выглянула наружу... Зрелище раскуроченной палубы удручало. От трех стройных мачт остался всего один последний обломок, да и тот криво надломленный. Паруса исчезли. Все надпалубные постройки словно корова языком слизнула, а кракен продолжал свирепствовать, отдирая от корабля крупные куски обшивки. Красавица «Черная катрана» доживала свои последние мгновения. Я повертела головой по сторонам, пытаюсь придумать, как бы вытащить мальчишек, оставшихся в трюме.

– Рыжая, не спи там, поторопись,– донесся до меня требовательный призыв Феникса,– воды уж по пояс! И мы нашли Айма с Рифом!

– Ника! – Из кучи щепок выползла ободранная Эрба.– Я могу чем-то помочь?

– Слава богу, ты жива! – от всего сердца обрадовалась я.– Остальных не видела?

– Ой! – Ламия схватилась за щеки, жалостливо выкатывая глаза.– Капитана съел спрут – откусил ему голову своим огромным клювом, кровь так и хлестала... А Крися с Антонио спрятались вместе со мной! Еще я видела Рифа и Айма, которые юркнули под палубу...

– Ника,– вновь позвал Феникс демонстративно спокойно,– вода поднимается!

– Ой,– я невольно повторила жалобный возглас подруги,– как бы нам их вытащить?

– Сейчас,– Эрба заполошно метнулась к обломку мачты,– я вроде видела здесь канат...

Но я уже и сама заметила изрядный обрывок прочного каната – по-видимому уцелевшую часть каких-то снастей,– крепко привязанный к кованому кольцу у основания крепежа, присоединявшего мачту к палубе. Мы торопливо сбросили один конец веревки в трюм и помогли пятерым мужчинам выкарабкаться наружу. Но не успели мы толком отдышаться, как привлеченный нашим активизировавшимся движением кракен обрадованно замахал щупальцами, пытаюсь побыстрее схватить добычу, разбегающуюся в разные стороны.

– Прыгай! – крикнул Алехандро, подталкивая меня к борту.

– Ты с ума сошел? – строптиво уперлась я.– В воде он нас как мышей переловит!

– А у тебя есть в запасе вариант получше? – Виконт резко дернулся в сторону, чуть не вывихнув из сустава мою руку, но именно благодаря этому маневру мы сумели избежать смертоносного удара толстого щупальца.

– Есть! Помнишь, ты рассказывал, как кричит Эрба?

– Ну? – Алехандро едва успел оттолкнуть меня назад, вновь спасая мою жизнь.

– Надо его отвлечь! – Я запыхалась от бешеной беготни.– Фен, отвлеку ненадолго кракена, у меня возникла идея!

– Хорошо! – Штурман подхватил здоровенный обломок реи и отважно ткнул им сизое щупальце.– А ну, милоч, давай я тебе пупок пощекочу!

У нас появилась минутка для размышлений.

– Эрба! – Я оглядывалась, взглядом отыскивая ламию.

Девушка обнаружилась совсем близко. Обеими руками она испуганно обнимала обломок мачты, так сильно вжимаясь в дерево, что казалась приклеенной к нему намертво. Я схватила подругу за когтистую руку:

– Кричи!

– Чего? – Ламия уставилась на меня расширенными от шока зрачками.

– Кричи, черт бы тебя побрал! Да погромче! – потребовала я, подкрепляя приказ ударом каблука, пришедшимся в ступню девушки.

Эрба возмущенно зашипела. В ее глазах начали разгораться опасные огоньки безумия.

– Кричи! – поддержал меня Алехандро, хватая ламию за волосы-вибриссы и безжалостно дергая.

И тут ламия закричала...

Из широко открытого рта Эрбы лились пронзительные звуки, в которые несчастная девушка вложила весь ужас, всю паническую растерянность, овладевшие ее душой. Тонкий, рвущий барабанные перепонки звук заставил нас зажать уши и плашмя броситься на палубу, корчась от невыносимой боли. А Эрба все кричала и кричала, переходя на визг, на едва слышный ультразвук, уже не воспринимаемый слухом, но врывающийся прямо в мозг. Этого кракен не выдержал... Он ответил возмущенным писклявым клекотом, испуганно отдернул щупальца, которыми отбивался от жалящей палки в руках Феникса, и сложился в комок. Я приподняла голову, надеясь, что хоть сейчас жестокая тварь сдастся и отступит. На краткий миг мои глаза встретились с черными зрачками огромного спрута, и в них внезапно яркой вспышкой мелькнуло какое-то важное, осмысленное решение... Мне показалось, что кракен с чьей-то посторонней помощью неожиданно узнал мое лицо! С победным ревом тварь вскинула щупальце, туго обвившееся вокруг моего тела...

– Ника! – Алехандро надрывался так, будто с него живьем сдирали кожу.

Кракен взмахнул мной, будто ребенок, размахивающий долгожданной игрушкой. Я задыхалась, беспощадно сдавленная кольцами его скользкой, холодной плоти и чувствуя, как трещат мои ребра, как сжимаются легкие. А потом тварь шумно обрушилась в воду, унося меня с собой на дно...

Нечто влажное, живое и трепетное мимолетно притронулось к моему лицу... Я испуганно открыла глаза и рывком села... Передо мной расстился узкий берег, усыпанный обломками разноцветных кораллов, больно врывающихся в ноги и бедра. Над моей головой нависал низкий свод грота, на котором плясали причудливые блики, испускаемые прозрачной водой, окружающей отмель с трех сторон. Подводная пещера! Хотелось бы мне знать: как сюда поступает воздух? Возможно, на дне моря образовалась герметичная полость, а в ней и скапливается кислород. Или здесь имеет место еще какое-нибудь загадочное природное явление, но тем не менее дышится тут хорошо. Сюда бы Айма привести – вот кто у нас является истинным любителем поломать голову над различными загадками. При мысли о друзьях я помрачнела: «Что-то с ними там без меня случилось?»

Я с криком поднялась на ноги, растирая затекшие мышцы. Несмотря на дрожь во всем теле, вызванную долгим пребыванием в холодной воде и лежанием на острых кораллах, чувствовала я себя вполне сносно. Вблизи от берега с ворчанием зашевелился мой похититель-кракен, удобно устроившийся в какой-то впадине таким образом, что из воды виднелись лишь его огромные, непроницаемо черные зрачки да торчала немного заостренная яйцеобразная голова.

«Притащил меня в свое логово, – поняла я. – Зачем? Подождет, пока я помру и протухну, – может, он предпочитает мясо с душиком?» Я всерьез заинтересовалась мотивами, двигавшими чудовищной тварью. Ногой расчистила небольшую площадку у самой кромки воды, уселась в позе лотоса, закрыла глаза и попыталась погрузиться в сознание гигантского спрута.

Кракен ждал. Ждал возвращения жестокого хозяина, несущего ему боль и унижение.

Своего хозяина-человека, которого великий повелитель морских глубин ненавидел всей душой. Кракен исполнил его приказ, многократно усиленный мучительными энергетическими разрядами, беспощадно бьющими по нежным нервным окончаниям в мозгу гиганта. Он принес добычу, желанную для хозяина. Кракен был мудр и очень стар, и ему совсем не нравилось убивать, тем более существ, способных наносить досаждающие, кровоточащие раны. Ему хотелось нырнуть глубоко-глубоко, отыскать косяк серебристой ставриды и в одиночестве насладиться жирной рыбой. Но больше всего кракену хотелось спокойствия и забвения. В душе старика жили ужасные воспоминания о последних предсмертных мгновениях его жен и детей, загубленных жестоким хозяином. И все это делалось ради того, чтобы подчинить своей воле его – Большого Кракена. Старика преследовало видение огненных импульсов, в клочья разрывающих гибкие, грациозные тела его молодых подруг, беззаботно резвящихся в зеленоватой морской воде. Образы гибнущих сыновей и дочерей, посылающих недоуменные призывы о помощи, просьбы, которые Кракен так и не смог исполнить... Кракен давно устал жить – он жаждал лишь смерти, как благого избавления от боли и ужасного многолетнего одиночества...

По моему лицу текли безмолвные слезы сострадания. Мудрый владыка глубин оказался заточен в стальную клетку чужого, не знающего пощады разума. Я мысленно потянулась, ласково, заботливо, почти невесомо прикоснулась к исстрадавшемуся, воспаленному мозгу гиганта и начала напевать тихую колыбельную песню:

Среди морских глубин,
В прохладной тишине
Ты нынче не один...
Иди же, друг, ко мне.
Я нежно прикоснусь,
Страданья утолю,
За душу – помолюсь,
Любовью напою.
И расскажу о тех,
Кто жив в ином краю,
Как их веселый смех
Ручьем журчит в раю.
И помнишь их пока —
Ты будешь не один.
Живет любви строка
Средь наших душ глубин.

Я пела кракену о свободе, о душах его любимых – вечно живых, навсегда поселившихся в сердце гиганта. Я потихоньку вытягивала из его мозга и рвала нити управляющих импульсов, связывающих спрута со злобной волей Верховного Навигатора. Я забирала себе страшную, нечеловеческую, невыносимую боль, терзавшую измученного повелителя. Я обещала, что подарю ему новую дружбу – светлую и бескорыстную, полную восхищения и уважения. И вот наконец, дернувшись, лопнула последняя ниточка страдания – ушла, сменившись тихими, печальными воспоминаниями. Кракен стал свободен...

Глава 2

Я открыла глаза, дрожащей, ослабевшей рукой утирая пот, обильно струившийся по лицу. Я устала, я полностью израсходовала свои силы, теперь чувствуя себя слабой и опустошенной, но я ничуть не жалела о том, что сделала...

Кракена не было видно вблизи берега. Я удивленно поднялась на ноги, а спустя несколько минут вода вдруг забурилась и хлынула на груды мертвых кораллов. Морской

повелитель вынырнул и робко, стеснительно, самым кончиком щупальца выпихнул на отмель огромную раскрытую раковину, между створок которой сияла, переливаясь голубым светом, крупная продолговатая жемчужина, похожая на звезду.

– О-о-о-о,– восхищенно выдохнула я, опускаясь на колени, не смея прикоснуться к волшебному подарку.– Она... она прекрасна!

«Как и твоя душа, девочка!» – добродушно пророкотал в моем сознании признательный голос кракена.

– Спасибо, повелитель! – Я осторожно высвободила жемчужину из мягких складок раковины, полюбовалась ее светом и опустила в карман камзола.– Это чудо не имеет цены. Я назову ее Звездой морей! – Я протянула руку и благодарно погладила огромное щупальце.

Кракен ответил мне осторожным, деликатным движением. А затем вновь обвил меня надежными кольцами, сложенными наподобие удобного кресла, и вместе со мной нырнул в глубину морских вод...

Последние солнечные лучи ослепительно бликовали на поверхности волн. Я прищурилась, прикрывая глаза ладонью. Море успокоилось. Крикливые чайки парили над водой, предвещая близкий берег. Я стояла на мощной голове кракена, рассекавшего морскую гладь широкими взмахами крепких щупалец. Кракен был рад – ведь впервые за много лет он наслаждался свободой и общением с дружелюбно настроенным существом. Мы с удовольствием перекусили сочными креветками, а сейчас искали моих друзей, по уверениям кракена, сумевших выжить при кораблекрушении. Я мило посмеялась над смущением и раскаянием гиганта, заверив его, что своевременное нарушение планов Верховного Навигатора с лихвой окупает гибель «Черной катраны» и даже гибель моряков, отдавших свои жизни ради спасения всего человечества! Кракен довольно заурчал, предвкушая лишь одно – предстоящую встречу со своим бывшим хозяином. Я не стала отговаривать повелителя глубин от вынашивания замыслов справедливой мести: ведь каждый из нас сам вправе выбирать свою судьбу!

Неожиданно далеко впереди я увидела что-то большое и темное, плавно покачивающееся на воде.

«Это они!» – мысленно ответил кракен, ускоряя движения. Волны так и вздымались вокруг его гибкого тела, плывущего со скоростью и целеустремленностью торпеды. Вскоре стало понятно, что нам повстречался плот, наспех связанный из палубных досок. На этом импровизированном плавсредстве обнаружили все мои друзья, живые и невредимые.

– Эй, на плоту! – радостно закричала я, размахивая руками.

Феникс, до этого момента расслабленно загоравший на щербатых досках, упруго вскочил на ноги:

– Посмотрите-ка, кто это к нам пожаловал! Не иначе как невеста Ктулху собственной персоной?

– Ника, любимая! – призывно протянул руки Алехандро, сияя счастливой улыбкой.– Я так надеялся, что ты к нам вернешься, и категорически отказался тебя оплакивать!

– И кто это осмелился меня оплакивать? – насмешливо подмигнула я.– Принять женщину такой, какая она есть на самом деле, может только земля, но отнюдь не море!

– Вот, вот, я же тебе говорил! – Фен шутливо пихнул виконта кулаком в плечо.– В этом она вся, наша святая Рыжая! Ее трудно не любить, но любить – еще труднее!

Кракен согласно хлопнул щупальцем по воде, обдав плот градом брызг. Штурман и наследник громко расхохотались, а Антонио испуганно присел на корточки, прикрывая себя и Крисю внушительным томом священного Писания.

«Надо же, сберег книжечку!» – молча изумилась я.

– Берег совсем близко,– солидно заявил Айм, протирая очки.– Нам бы доплыть туда поскорее.

– Ага, чайки летают, я их заметила,– подтвердила я.

– Э-э-э,– замялся Рей,– а как ты умудрилась найти общий язык с этим зверем?

– Избавила его от власти твоего отца,– откровенно призналась я.

Орденец крикнул, но ничего не сказал.

– Уважаемый спрут,– Алехандро требовательно простер ладони, желая вернуть меня себе,– пожалуйста, отдайте нам Нику!

Кракен шумно выдохнул, наверно не желая расставаться со мной так скоро, но протянул щупальце и осторожно водрузил меня на край плота. Я шаловливо подмигнула и послала гиганту воздушный поцелуй. В ответ кракен издал короткий клекочущий звук удовольствия.

– Да он смеется! – Эрба изумленно вытаращила глаза.

– Обожаться, как смешно... – Де Монро настороженно рассматривал огромную тварь, предусмотрительно положив руку на рукоять своей рапиры. – Капитана утащил, корабль потопил – так чего бы и не посмеяться? Какой нам теперь прок от этой вредной каракатицы?

Кракен вновь плеснул щупальцем – на сей раз очень сердито.

– Тише вы, забияки,– успокоила я спорщиков. – Спрут ни в чем не виноват – его заставили поступить столь некрасиво! Тем более что он очень хочет искупить свой невольный проступок. Он доставит нас на берег. Пожалуйста, повелитель! – махнула я рукой.

Кракен, только и дожидавшийся моего сигнала, немедленно подцепил одним щупальцем наш хлипкий плот и устремился вперед с невероятной скоростью. Вода так и забурилась вокруг.

– Эх, прокатимся с ветерком! – довольно потер ладони Феникс.

– Как бы плот не развалился. – Алехандро прижал меня к себе, помогая удержаться на ногах. Он склонился к моему лицу, заглядывая в глаза. «Здравствуй, любимая!» – сказали мне его руки и губы. «Здравствуй, любимый!» – беззвучно ответила я, возвращая поцелуй.

Риф и Феникс смущенно отвернулись.

– Что это? – испуганно закричал Антонио, показывая пальцем на что-то громоздкое, поднимающееся из-под воды прямо перед нами.

– Это подводная лодка моего отца,– хмуро констатировал Рей.

– Вот черт, принесла нелегкая! – расстроено бормотнул Фен.

Рифорд и Алехандро схватились за рапиры.

Вода эффектно обрушивалась с боков корабля, угрожающе преградившего нам путь. Размеры лодки внушали страх и уважение. Кракен оставил плот и разгневанно заклекотал, размахивая щупальцами. На носу корабля вспыхнул луч света, а из установленного там же динамика зазвучал голос Верховного Навигатора, усиленный приборами:

– Отдайте мне Нику и можете убираться на все четыре стороны!

– А в репу получить не желаете? – невежливо отказался Феникс.

– Да ты никак ее боишься! – ехидно заметил Алехандро, пытаясь задвинуть меня себе за спину.

Но я упрямо вырвалась из оберегающих рук любимого:

– А может, хватит к нам привязываться? – сбивчиво выкрикнула я. – Имейте смелость признать, что Орден проиграл! Да и нет его уже, вашего Ордена. Что еще такого ценного у вас осталось?

– Принципы! – металлически лязгнул холодный голос.

Я недоуменно пожала плечами:

– Они для вас дороже жизни?

– Именно,– высокомерно заверил меня Верховный Навигатор. – Принципы и... ты!

– Я? – потрясенно открыла я рот. – Но почему я?..

Враг не пожелал ответить, а скорее всего, просто не успел этого сделать, потому что кракен вдруг коротко взревел и бросился в атаку, всеми восьмью своими конечностями обвив лодку, пытаясь увлечь ее за собой, на дно. Железный корпус корабля заскрипел и содрогнулся. Ошеломленные, будучи не в силах отвести взора от развертывающегося перед нами зрелища, мы следили за битвой двух гигантов. Но кракен проиграл. Залпы бортовых

орудий отлично оснащенного судна рвали на части живую плоть морского обитателя. Мне удалось уловить последние предсмертные мысли повелителя глубин. В них не обнаружилось страха и отчаяния – напротив, в них звучали гордость и торжество мести.

«Спасайся девочка,– умолял великий кракен.– Берег близко, а я задержу врага, покада достанет сил!»

«Спасибо, благородное сердце! – мысленно попрощалась я.– Я никогда тебя не забуду!»

– Ника! – опомнившись, встрепнулся Феникс.– Что нам делать?

– Все в воду! – решительно скомандовала я.– И быстро вплавь к берегу!

Мы не раздумывая покинули плот.

В это время Верховный Навигатор открыл кингстоны⁹ и начал погружение, увлекая за собой тушу полумертвого кракена. В воде образовалась огромная воронка, закружившая, разбросавшая нас по волнам. Я видела Рифа, тянувшего за собой обессиленную ламию, Айма, демонстрировавшего безупречный кроль, Рея, помогающего Антонию, разрывающемуся между своей девушкой и священным Писанием... Но Алехандро, мой Алехандро, оказался на самом краю водоворота, неумолимо затягивающего его в сторону корабля Верховного Навигатора.

– Нет! – закричала я, пытаюсь нырнуть и добраться до любимого.

Но Феникс крепко ухватил меня за плечи, благоразумно удерживая на плаву.

– Ты уже ничем ему не поможешь, подумай о себе!

– Нет! – продолжала я истошно кричать, смешивая слезы с каплями соленой воды.

Края воронки сомкнулись, поглотив корабль, тушу мертвого кракена и тело моего возлюбленного...

Верховный Навигатор рассеянно положил руки на консоль управления и невидящим взглядом уставился в монитор. В его мыслях царила полнейшая неразбериха. «Мурена» мягко легла на дно, оставив на поверхности барахтающихся астронавтов, но отнюдь не проблемы, терзавшие бывшего главу Ордена. И Рыжая, кстати, тоже осталась там же – на поверхности... Навигатор сжал гневно кулаки и, не удержавшись, со всего маху саданул костяшками по чувствительным электронным приборам. Внутри панели управления что-то жалобно хрупнуло. Обзорные мониторы мигали, демонстрируя поминутно сменяющуюся картину глубинного морского ландшафта, но рассеянный взгляд человека, бездумно смотревшего на чудеса подводного мира, скользил мимо, ничего не замечая и не останавливаясь на каких-либо деталях. Верховный Навигатор недоумевал – ведь сегодня Ника продемонстрировала ему новые грани своего таланта. Она сумела запросто сломать код электромагнитного импульса и выпустить на волю душу большого кракена. Да еще впридачу легко подружилась с этой тупой, упертой тварью! Несмотря на овладевшие им злобу и разочарование, Навигатор восхищенно прищелкнул пальцами: несговорчивая девчонка в очередной раз играючи разрушила тщательно спланированную операцию. В сложившейся ситуации он уже почти не кривил душой, утверждая, что их противостояние стало в первую очередь делом принципа. Реализацией амбиций – во всяком случае, для него. Навигатор категорически отказывался понять ее, эту глупую девчонку... Ну что ей мешает просто погрузить друзей на «Нику» и попытаться спокойно вернуться на Землю-2, несмотря на изрядную изношенность звездолета? Так нет, альтруизм из нее попер – видите ли, ей обязательно нужно спасти всех! Мужчина возмущенно покачал головой. Оправдывают ли подобные цели тот огромный риск, которому Ника подвергает себя? Конечно же нет! Ее действия вызывали в его душе целый шквал эмоций, основными среди которых оказались недовольство и восхищение – противоречивые и сумбурные. А она что – взаправду собирается спасти всех? Похоже, девочка твердо убеждена в том, что на свете не существует

---

⁹ К и н г с т о н – клапан для доступа забортной воды.

неразрешимых проблем, есть только неприятные решения. Которые, кстати, она и собирается воплотить в жизнь, не задумываясь об опасностях, подкарауливающих каждый ее шаг.

«Может быть, пора спасти саму Нику? – Верховный Навигатор сердито хмыкнул. – Вот ведь дилемма! Что же это за дурацкое противоречие – желать ей смерти и в то же время испытывать дикое желание оберегать ее, защищать от всех бед и напастей...»

От подобных размышлений у Навигатора даже незаметно улучшилось настроение. Он протянул руку, извлек из маленького шкафчика бутылку любимого вина и бокал, набулькал себе немного ароматной, терпковатой на вкус жидкости и погрузился в воспоминания...

Как любил говаривать его старый друг Захария, Навигатор всегда производил впечатление на редкость многогранной личности. Только в интерпретации директора Школы это звучало не столь тактично, а именно: «Гад, сволочь и паразит в одном лице». Глава исчезнувшего Ордена хохотнул коротко и глумливо:

– М-да-а-а, Захария Финдл в любой ситуации оставался неисправимым идеалистом. Таким родился, таким жил, таким и умер! Бывший близкий друг – почти брат по духу и убеждениям, неожиданно ставший злейшим врагом. И нужно отдать ему должное, ведь успел-таки отомстить! Исхитрился, вывернулся – зашифровал в своем бредовом Писании путь, ведущий к Небесным вратам. Так что же ты там спрятал на самом деле, Захария? Что за безумный бред, какие еще к чертям собачьим пророчества и ангелы?

Навигатор отпил немного вина, недобрым словом поминая давно ушедшего друга.

– Гореть тебе в аду, Захария! Это друзья бывают фальшивыми, а враги – никогда, ибо эти всегда оказываются только истинными, настоящими.

И не разберешь ведь теперь, кем стала ему эта неугомонная Рыжая – любимым врагом или ненавистной возлюбленной? Святая Ника! И точно святая, созданная ими обоими – им и ныне покойным директором Навигаторской школы хитроумным Захарией Финдлом. Его самая одаренная, наиболее талантливая и многообещающая ученица. Впрочем, полностью, даже с лихвой, оправдавшая все возлагаемые на нее надежды. Только раньше она казалась совсем не такой, как сейчас, – она выглядела веселой, шепутной и беззаботной девочкой. Да и сам он тогда, в те славные, безвозвратно минувшие времена, был совсем другим человеком. Тогда он еще не являлся Верховным Навигатором, тогда его называли...

Мужчина протянул руку и резко дернул осточертевшую черную маску, постоянно закрывающую его лицо. Под сорванной тканью обнаружились точеные, худые скулы, высокий умный лоб и античной формы нос с нервно трепещущими ноздрями, свидетельствующий о непомерном честолюбии своего обладателя. Суровая, аскетическая красота – лик пророка или закоренелого грешника. Мужчина немного неприязненно посмотрелся в матовый, отключенный монитор, недовольно подмечая и морщины в углах глаз, и седые пряди на висках. Немало воды утекло с тех пор, как Рыжая получила свой штурманский значок. О да, даже его – бессмертного – годы не пощадили, состарили многочисленные испытания, выпавшие на долю главы Ордена, которым он стал после того, как перестал называться Учителем... Вот поэтому и носил он эту проклятую маску, опасаясь, как бы Ника его не узнала. Она – его бесценная девочка, которую он более всего мечтал бы упрятать в надежную консервационную капсулу на своей лодке, оградив от тягот внешнего мира...

Мысли о капсуле немедленно вернули размышления Учителя в более существенное, серьезное русло. Сейчас в пресловутой капсуле спал виконт Алехандро, выловленный из воды механическими манипуляторами лодки. Несносный, непокорный мальчишка! Нужно еще подумать, как наиболее выгодно использовать этот новый козырь, негаданно выпавший на долю Верховного Навигатора...

Итак, Ника направляется в Карпаты – это очевидно, ибо именно там обитают ламии, загадки которых Учитель так и не успел разгадать. Его затея с кракеном провалилась. Навигатор озабоченно нахмурился. Дорого бы он заплатил, чтобы узнать – есть ли у Рыжей хоть какие-то слабости, кроме одной, – ну, той самой: мужчин... Пойти, что ли, посмотреть на

Александр: вдруг в голову придет что-то умное? Подсказка, как можно зацепить талантливую воспитанницу...

Учитель уже поднялся с кресла, как вдруг громко охнул и хлопнул себя по лбу. Как же он мог забыть? Ведь в холодильнике хранится ампула с кровью Ники! Ну-ка, ну-ка, это может оказаться весьма и весьма интересным...

Он достал из льда тонкую пробирку и капнул немного алой жидкости на предметное стекло спектрального анализатора, дав компьютеру команду провести полный анализ ДНК. Учитель давно знал об удивительных способностях своей любимой ученицы – с тех самых пор, как ее, в возрасте нескольких дней от роду, нашли подброшенной под двери Школы. Он же сам и нашел. Лично из бутылочки кормил Нику, растил и воспитывал, не доверив никому. Любуясь, как с каждым днем долговязая, нескладная девчушка превращается в высокую, стройную красавицу. И ясное дело, что все эти неожиданные аномальные таланты в области телепатии и энергокинетики объяснялись именно врожденными мутациями девушки. Но сейчас в Нике что-то нарушилось, ибо в ее организме произошли какие-то непонятные изменения, которые Навигатор интуитивно связывал с появлением и последующим загадочным исчезновением старика с картой. Старика, в судьбе которого каким-то непостижимым образом оказался замешан все тот же вездесущий Захария Финдл. И Учитель вторично пожелал душе Директора бесконечно гореть в геенне огненной...

Размышления бывшего главы Ордена прервал бездушный голос компьютера:

– В базе содержатся данные об еще одном образце крови. Желаете сравнить его с исследуемым?

– Конечно! – не раздумывая, отозвался Навигатор.

Образец, хранимый в базе, принадлежал ему самому, и его очень заинтересовал сравнительный анализ двух ДНК. Возможно, он сможет извлечь из крови Ники нечто такое, что пойдет на пользу и ему – ее врагу.

– Анализ образцов завершен, – информировала машина. – Полное совпадение параметров составляет девяносто восемь процентов.

Учитель потрясенно подпрыгнул в кресле:

– Совпадение? Что это значит?

– Вероятность прямых родственных связей в первом поколении между носителями исследуемых образцов составляет девяносто восемь процентов! – равнодушно констатировал компьютер.

Несколько мгновений Навигатор откровенно тупо пялился в столбцы цифр, появившихся на мониторе, а потом вдруг откинулся на спинку и восторженно расхохотался. Ах, Захария, старый дьявол, ты и из могилы сумел взять реванш! Еще давным-давно весь персонал Школы сдавал образцы своих клеток для участия в перспективной программе клонирования человека. Кто же мог предположить, что исследования зайдут так далеко и увенчаются столь оглушительным успехом? Гениальный генетик Захария смог-таки создать живой организм, используя донорскую ДНК, и, по насмешке судьбы, этим донором стал сам Верховный Навигатор. А посему полученный уникальный экземпляр – малышка Ника – оказалась... его родной дочерью! Нет, Навигатор и сам выращивал клонов, но он-то для этих целей использовал полностью сформировавшиеся зиготы. А вот в случае с его девочкой получить человека, наделенного сверхспособностями, причем всего лишь из модифицированной ДНК, стало поистине невероятным достижением!

В голове Учителя тяжело ворочались два мельничных жернова, с трудом перемалывая горький урожай мыслей. Его Ника – его прекрасная дочка, гордость тщеславного отцовского разума и свет очей... Святая, приносящая свою жизнь на алтарь спасения человечества. Навигатор ликующе рассмеялся. Нет, сердце отца не обманешь! Так вот откуда взялась эта странная, необъяснимая любовь, исподволь расцветшая в глубине его каменной души! Его родная дочь... Он мечтательно улыбнулся и тут же содрогнулся от страшной мысли, что чуть не погубил свою чудесную девочку. Ничего, он все исправит, все искупит! Черты холодного лица мужчины разгладились и просветлели, очищенные огнем священной

родительской любви. Еще ни у одного отца в целом мире не было столь замечательной дочери! Теперь Учитель четко знал, что ему нужно делать. С его глаз словно спала темная пелена, наросшая за годы жестокой борьбы за власть, годы выживания и годы пребывания в основанном им Ордене. Ведь теперь он понял – все эти годы он просто ждал ее, свою дочку!

Навигатор спешно покинул рубку и спустился вниз, в медицинский отсек, где в прозрачной камере-реаниматоре мирно спал виконт Алехандро. С новым, ликующим чувством всматривался он в счастливую улыбку, блуждавшую на устах юноши.

– Я знаю, кто тебе сейчас снится! – заговорщицки шепнул Учитель, наклоняясь к тонкому стеклу. – Значит, ты любишь мою бесценную, волшебную девочку, а она – любит тебя? Должен признать, я всецело одобряю ваш выбор. Ах, какая красивая пара из вас получится! А какие замечательные у меня родятся внуки... – Не сдержав светлой, безгрешной радости, до краев переполнявшей его обновленную душу, отец радостно прихлопнул в ладоши. – Сынок! – Он через стекло бережно погладил мужественное лицо наследника. – Я подарю тебя ей, а ее – тебе! Причем так, что вы не сразу поймете и оцените смысл моего подарка, но затем... – Он глубоко вздохнул, наслаждаясь жертвенностью своего добровольного дара – дара любви. – Затем вы будете помнить меня вечно!

Мужчина взял остро отточенный скальпель и аккуратно закатал правый рукав своего одеяния. Осторожно вонзил лезвие себе в предплечье, не обращая внимания на боль и кровь, каплями стекающую по его руке. Сделав незначительный надрез, он запустил пальцы в свежую рану и бережно извлек из своих мышц светящийся шарик размером не более ногтя на мизинце. Открыл крышку реаниматора, V-образно разрезал кожу на правом предплечье Алехандро и поместил шарик в руку юноши. Рана немедленно затянулась, оставив после себя чуть заметный аккуратный шрамик.

– Вот так... – Учитель любовался безмятежным лицом спящего, на котором не дрогнул ни один мускул. – Вот так, дорогой сын! Как замечательно мы все устроили – любо-дорого посмотреть. Добро пожаловать в боги! Моя доченька Ника будет безмерно благодарна своему любящему папочке! А теперь мы с тобой провернем еще одно важное дельце... – Он нажал кнопку, отменяя подачу снотворного лекарства, поступавшего в вену на запястье виконта. – Просыпайся потихоньку, а я попробую себя в новом амплуа... – Учитель проказливо хихикнул, восхищаясь глубиной и гуманизмом собственного смелого замысла.

Навигатор направил подводную лодку на поверхность моря и предусмотрительно раздвинул входной люк. А затем он выставил на стол полупустую бутылку с вином, бокал, выложил на видное место прозрачную пластинку с картой, обрызгал свою одежду алкоголем, наигранно неловко развалился в кресле и, усиленно изображая хмельной сон, приготовился к долгому, терпеливому ожиданию...

Алехандро пробудился внезапно. Словно повинувшись неведомому, пришедшему извне импульсу, он поднял веки и удивленно огляделся по сторонам. Скользнул пальцами по мягкому изголовью и приподнял тонкую стерильную ткань, окутывающую его смуглое мускулистое тело. Изумился своей наготе, но мгновенно успокоился, обнаружив рядом высушенную и вычищенную одежду. Немного неловко выбрался из непонятного прибора, сильно смахивающего на незабвенное «Прокрустово ложе», виденное им в Убежище Ордена. Виконт торопливо оделся, недоуменно размышляя и анализируя свои ощущения: эти неизвестно откуда появившиеся бодрость в мышцах и ясность ума ничуть не напоминали ему о мучительных мгновениях, ставших последним воспоминанием перед тем, как бушующие волны захлестнули его с головой. Алехандро догадывался, что каким-то образом очутился в плену у Верховного Навигатора, недоумевая по поводу своей относительной свободы и прекрасного самочувствия. Правда, немного ныла правая рука, но наследник списал легкое покалывание на последствия длительного пребывания в одной позе в узком пространстве капсулы. Кроме этого, Алехандро немало подивился необъяснимому легкомыслию врага, оставившему рядом с одеждой не только все метательные ножи, но и его

фамильную рапиру, которой виконт весьма дорожил.

Юноша прислушался к окружающей его тишине, нарушаемой лишь едва различимым ритмичным тиканьем какого-то прибора. Сердце виконта билось размеренно, грудь вздымалась непривычно легко. Алехандро казалось, если бы, конечно, сама подобная мысль не выглядела совершенно бредовой, что функционирование его организма внезапно улучшилось по неведомой причине, одновременно с этим наделив тело силой, присущей не человеку, а, скорее, богу. Наследник ошарашенно потряс головой, отгоняя непривычные ощущения, так и не сумев расшифровать природы их возникновения. Он осторожно двинулся вперед по коридору, изумляясь гибкости и отточенности своих движений, правда и до того всегда достаточно ловких и непринужденных, но все же весьма далеких от теперешнего, безупречного уровня. Одним прыжком преодолев три крутые ступеньки, он вихрем взлетел по винтовой лесенке и шагнул на второй ярус, попутно любясь внутренним устройством корабля. Бесшумно приоткрыл ближайшую дверь и замер на пороге.

Его заинтересованному взору предстала отлично оборудованная рубка управления. Большая часть приборов, заполнявших центральную часть отсека, оказалась совершенно не знакома не слишком осведомленному в технике юноше. Огромный монитор отображал безбрежную морскую гладь, сиявшую под лучами заходящего солнца. Прямо перед лодкой покачивался пустой плот. Алехандро приходилось лишь надеяться, что его друзья, одновременно с ним добровольно покинувшие угловое дощатое сооружение, не погибли и вплавь благополучно добрались до берега. Но внимание виконта привлекли отнюдь не красоты морского пейзажа. На гладкой, полированной поверхности стола небрежно валялась странная полупрозрачная пластина, испещренная непонятными цифрами и символами. Алехандро бросило в жар, его пульс участился, потому что ему хватило одного мимолетного взгляда, чтобы понять – сия загадочная пластина является той самой картой, потерю коей так горячо переживала его рыжеволосая возлюбленная. Рядом с картой красовался изящный бокал и стояла полупустая бутылка вина, а в кресле, в неловкой позе пьяного человека, громко храпел сам Верховный Навигатор, распространяя крепкий запах хорошо выдержанного спиртного.

Алехандро недоуменно нахмурился. Нынешнее неосмотрительное поведение ненавистного врага уж слишком не вязалось с его обычной, прежде всегда осторожной и тщательно продуманной тактикой. Алехандро извлек из ножен острый клинок и крадучись приблизился к Навигатору, но плотная волна густого винного амбре остановила юношу, заставив брезгливо поморщиться и задержать дыхание. Развенчанный глава сгинувшего Ордена оказался не просто пьян. Нет, состояние его упития внушало невольное опасение за здоровье Навигатора, наводя на мысли – способен ли человеческий организм перенести подобную мертвецкую степень опьянения? Виконт перехватил нож поудобнее, намереваясь без излишних изощрений просто перерезать открытое горло ненавистного ему человека, доставившего столько неприятных мгновений той удивительной девушке, которую Алехандро успел полюбить преданно и самозабвенно.

Но его уже занесенная для удара рука неожиданно дрогнула, замерев на полпути.

Убить безоружного и беззащитного? Наследник вновь поморщился – на сей раз от презрения к самому себе, – постоял в нерешительности и медленно вернул оружие обратно, в укрепленные на поясе ножны. Пробиваясь сквозь удушающую волну перегара, юноша наклонился к самому лицу спящего врага.

– Забавно... – Алехандро иронично усмехнулся, первый раз в жизни рассматривая эти черты, не прикрытые привычной маской, – твой лик не лишен благородства и некоего... – тут он помолчал, подбирая подходящее слово, – внутреннего огня! Ты определенно напоминаешь мне кого-то знакомого! Но вот только кого конкретно? Увы, не могу вспомнить...

Ответом юноше стал оглушительный раскат храпа, вырвавшийся из приоткрытого рта спящего. Алехандро отпрянул, а потом протянул руку и взял со стола драгоценную карту.

– Я мог бы преспокойно тебя убить, и, клянусь жизнью моей бесценной любимой, ты вполне заслуживаешь подобной участи! – Виконт осторожно завернул пластинку в носовой

платок и бережно убрал в карман.— Да вот ведь парадокс — претит мне это дело, сам не знаю почему... — В голосе наследника прозвучала плохо скрытая ненависть.— Живи покуда! Думаю, нам суждено свидеться еще!..

Пятясь, Алехандро бесшумно покинул рубку, через раскрытый люк выбрался на нос лодки и прыгнул в воду. Мощные взмахи сильных рук упрямо рассекали буруны волн, с каждым гребком относя Алехандро все дальше от борта «Мурены».

А внутри подводной лодки, в своем удобном кресле, Верховный Навигатор довольно открыл совершенно трезвые глаза и лукаво усмехнулся...

Я злилась. Злилась на всех и каждого отдельно: на Феникса — удержавшего меня от оказания помощи Алехандро, на Айма, наплевав на совесть, спасавшего лишь собственную шкуру, на Антонию, фанатично не желавшего избавиться от тяжеленного тома священного Писания, на Крис, упрямо тащившую сумку с медикаментами. Но более всего я негодовала на саму себя, трусливо бросившую своего любимого мужчину на произвол судьбы.

— Да спасется он, вот увидишь! — монотонно бубнил Фен, постоянно плывший рядом и скептически наблюдающий за моим гневным пытением.

«Боится, как бы я не утопилась с горя! — мстительно подумала я.— Тоже мне «скорая психологическая помощь» нашлась».

— Сгинь с глаз моих, ты — чудовище.— Я негодуяще плеснула на друга пригоршней воды.— А то я тебя убью на фиг!

Фен неловко попытался отклониться, прикрыться локтем, что выглядело по меньшей мере нелепо. Какая разница — капель воды больше, капель меньше,— если мы и так находимся в открытом море? С широких ладоней штурмана полетели крупные брызги, попавшие, в свою очередь, на мое искривленное в злобной гримасе лицо.

— Урод криворукий,— скандально взвыла я.— Тебя кто плавать учил?

— Кто, кто... Герасим! — огрызнулся выведенный из терпения Фен.— Ника, ну хватит уже психовать! Я понимаю твои чувства, но с нами находятся еще шестеро людей, о которых тоже не мешало бы позаботиться!

— Вот всегда так,— вздохнула я, устыдясь и немного успокаиваясь,— все время приходится думать о других, а на себя ни сил, ни времени уже не остается...

— Ладно тебе на жалость-то давить,— словно оправдываясь, сипло выдал Фен,— думаешь, я сам за виконта не переживаю? Но верится мне — он мужик что надо, а посему не пропадет, выкарабкается...

— Я больше не могу! — слабо простонала Эрба, плохо державшаяся на воде, несмотря на помощь Рифа.— Я выдохлась, бросьте меня, я вам только в тягость!

— Еще чего! — недовольно буркнула я.— Да ни за что! Давай я тебя поддержу. Не вешай нос, берег уже близко!

Действительно вдалеке показалась узкая песчаная кромка приближающейся суши, чуть выше натянутая плотной зеленоватой дымкой, обещавшей сень густого, тенистого леса.

— О, хвала вам, благие боги Иммира! — облегченно всхлипнула ламия.— Это и правда земля! Я снова хочу жить!

Обессиленные, шатающиеся, мы кое-как выползли на теплый золотистый песок и попадали у самой границы воды, испытывая единственное желание — уснуть прямо на линии прибоя. Один только неугомонный Феникс, не теряя времени даром, тут же развил бурную деятельность — приволок откуда-то ствол сухого деревца, нашел в кармане куртки Айма зажигалку и развел костер. Он голыми руками умудрился поймать здоровенную рыбину и запек ее на углях. Аппетитный запах сочного жареного мяса раздражил наше обоняние, заставив зашевелиться и подтянуться к костру. Вскоре от рыбины остался лишь начисто обглоданный позвоночник, а мои усталые друзья забылись беспробудным сном, свернувшись прямо на прогретом за день песке.

Уснула и я, лихорадочно постанывая во сне, потому что в ночном видении ко мне

явился утопленник Алехандро, обнявший меня своими мокрыми, холодными, но бесспорно живыми руками и прижимавшийся к моим губам горячими, жадными устами. Я вскрикнула и проснулась...

– Ш-ш-ш,— вполголоса успокоил меня любимый,— не кричи так, родная, ты всех перепугаешь.

Я вздрогнула и принялась покрывать иступленными поцелуями его влажное от морской воды лицо, перемежая ласки потоками благодарных слез и бессвязных слов радости.

– Ну не плачь же, это и в самом деле я,— нежно убеждал меня виконт.— Посмотри, я принес тебе подарок! – Он вынул из кармана что-то завернутое в лоскуток ткани и вложил в мою ладонь.

Я развернула вещицу – и даже особо не удивилась, обнаружив, что Алехандро вернул мне карту пути к Небесным вратам, совсем не так давно ставшую причиной бурного знакомства с шаманом Порфирием. Чудеса продолжались.

– Как же ты сумел ее добыть? – недоумевающе спросила я.— Не верю, будто Верховный Навигатор по своей воле расстался со столь значимой вещью...

– Конечно же нет! – злорадно хмыкнул любимый.— Но, честно говоря, для меня самого остаются неразрешимой загадкой странные дела, произошедшие на лодке. Я не очень-то понимаю причину всего случившегося... – И Алехандро коротко поведал мне, что именно приключилось с ним с тех пор, как он проснулся в медицинском отсеке подводного корабля.

Я задумчиво потерла лоб:

– Разделяю твое недоумение! Я уже привыкла считать Навигатора исключительно опасным и осторожным типом, правда не очень везучим. Слишком много случайных и крайне удобных для тебя совпадений прослеживается в твоих приключениях, не находишь?

– Э-э-э,— насмешливо протянул наследник.— Сразу видно, что ты родилась и выросла в те старозаветные времена, когда люди старались найти сугубо логическое, а отнюдь не мистическое объяснение любому событию, не вписывающемуся в привычные грани их рационального существования. А нам спокойнее и удобнее не копаться в совпадениях, а уповать на судьбу!

– Судьба? – с сомнением скривилась я.— Ты призываешь меня верить в судьбу? Да мы так и в священное Писание верить начнем!

– А почему бы и нет? – с видом фаталиста улыбнулся Алехандро.— Мне кажется, оно не так уж и ортодоксально. Ведь многое из предсказанного в нем уже сбылось. Скажешь – опять совпадения?

– Нет! – Я отрицательно покачала головой.— Всего лишь точный расчет Захарии Финдла!

Виконт критически хохотнул, рискуя разбудить Эрбу, сладко посапывающую поблизости.

– А появление ламий он тоже предвидел? Не верю!

Но меня продолжал мучить вполне понятный скептицизм.

– Увидим, как соплеменники нашей подруги впишутся в чудеса, описанные на страницах вашего раритетного манускрипта.

– Хотелось бы мне знать – какое отношение к Писанию имеет Верховный Навигатор? – скорее риторически, чем вопросительно пробормотал Алехандро.— Он почему-то не убил меня сразу, а я же, хоть и намеревался это осуществить, в свою очередь не смог прикончить его. Кто из нас совершил добро, а кто – зло? Что-то в глубине души подсказывает мне, что все мы являемся лишь разными, но взаимосвязанными звеньями в единой непрерывной цепи событий!

Я иронично приподняла бровь:

– Нет такого зла, которое не порождало бы добро!

– Мудро сказано, но это не из Писания!

– Это слова ангела Иезрада из философского романа «Задиг» древнего писателя Вольтера,— пояснила я.

– Ну что ж, значит, придется подождать – какое добро породит оный поступок нашего злодея, бездарно прошляпившего мой побег, – многозначительно подмигнул мне Алехандро. – Посплю-ка я до рассвета! – Он зевнул и сладко потянулся, при этом с болезненным чертыханьем схватившись за свое правое предплечье. – Да что же это такое?

– Дай посмотри. – Я вытащила из костра горящую ветку и поднесла ее к обнаженному плечу юноши. На его смуглой коже отчетливо проступал тонкий белесый треугольный шрамик.

Мои глаза буквально вылезли из орбит. Я, боясь поверить собственным предчувствиям, бережно ощупала мужское плечо, обнаружив в толще мышц небольшое круглое уплотнение. Все мои сомнения отпали сразу же – ведь вряд ли такие характерные признаки могли относиться к чему-то другому...

– Когда у тебя появилась эта отметина? – Я старалась говорить спокойно, ничем не выдавая охватившего меня волнения.

Виконт недоуменно хлопал глазами:

– Клянусь нашей любовью, раньше ее не было! Шрам появился сразу же после моего пребывания на корабле Верховного Навигатора...

У меня екнуло сердце, но я держала себя в руках, внешне оставаясь по-прежнему безмятежной и невозмутимой. Не слишком ли много чудес для одной ночи?

– Ладно, давай спать, – предложила я. – Не зря же принято считать, что утро вечера мудренее.

Я позволила Алехандро крепко обнять себя и услышала, как через несколько минут его дыхание стало медленным и глубоким. Любимый погрузился в сон. Я же лежала с открытыми глазами, наблюдая за пламенем костра и размышляя. Все мы – я и мой экипаж – имели подобные шрамы, находившиеся точно в этом же месте – на наших правых предплечьях, ибо то были следы, оставшиеся после несложной процедуры вживления под кожу электронного чипа – протоимплантата, дарующего бессмертие и многократно увеличивающего любые способности человеческого организма. Спрашивается, мог ли Верховный Навигатор проделать эту процедуру с Алехандро, даже не спросив его согласия? Но откуда взялся у Навигатора такой имплантат, если опытная партия этих чипов, изготовленных в период нашего обучения в Навигаторской школе, точно совпадала с количеством астронавтов, составлявших экипаж «Ники»? Кем же на самом деле являлся глава Ордена Навигаторов?

– Нет такого зла, которое не порождало бы добро! – бормотала я, засыпая.

– Я знаю это место! – Ламия приставила ладонь ко лбу, прикрывая глаза от слепящих лучей раскаленного до белизны солнца и напряженно вглядываясь в даль. – Мы попали куда нужно. За этими большими пустошами лежит страна, где обитает мой народ. Нам осталось пройти совсем немного – правда, этот отрезок пути может стать самым опасным...

– Да уж, ничего не скажешь – обрадовала, – недовольно хмыкнул Алехандро, потуже затягивая на голове платок, с помощью которого он пытался хоть немного защититься от невыносимого жара, – никогда не предполагал, что попаду в знаменитые Мертвые пустоши. Видимо, нечего было туда других посылать, хотя бы даже только на словах...

– Неужели те самые? – недоверчиво ахнул Риф. – Признаюсь, у меня они всегда ассоциировались с широко употребляемым проклятием типа: да пошел ты в...

Виконт коротко кивнул:

– Я тоже когда-то думал, что эти места не более чем вымысел, – Мертвые пустоши, со всех сторон окружающие долину Имбир – край богов!

– Ого, кажется, у меня нашлись конкуренты! – насмешливо откликнулась я. – А не слишком ли много высших существ для нашего погибающего мира? Сначала с небес свалилась святая Ника, а теперь на горизонте замаячили еще какие-то неведомые боги? Если они боги, то чего же в таком случае мышей не ловят, то есть – людей не спасают, климат не контролируют? Увижу их – сразу же выговор сделаю, чисто как коллегам. Ну хоть бы

кондиционер изобрели, а то ведь дышать невозможно при такой жаре!

Пекло и в самом деле невыносимо. А я-то, наивная, полагала Федрину очень жарким краем. Да по сравнению с Мертвыми пустошами там расположен самый настоящий Северный полюс! Я прерывисто вздохнула. Тяжелый, нестерпимо горячий воздух обжигал легкие. Интерком на запястье показывал воистину неправдоподобную температуру – плюс пятьдесят пять по Цельсию. Вязкое марево, навязчиво обволакивающее, окутывающее наши тела, уже не могло выжать ни капли пота из пересохших, скрипящих мышц. У меня сильно кружилась голова и подводило зрение. Все предметы, встречающиеся на нашем нелегком пути, расплывались и двоились, совершенно сбивая с толку и не позволяя сориентироваться в пространстве. Истекшие сутки, проведенные в дороге, вымотали нас несказанно. Мы надеялись на ночную прохладу, но сумерки, неожиданно и почти мгновенно упавшие на землю, принесли с собой отнюдь не спасительное облегчение от нещадного дневного жара, а невероятный, кошмарный холод. О сне не приходилось и думать. Жутко продрогшие в своих легких одеждах, казавшихся такими обременительными днем, мы, лязгая зубами, плотным кружком собрались вокруг скудного костра, пытаясь согреться с помощью тесных объятий и последних крох тепла, еще оставшегося в наших заледеневших телах. До настоящего момента мы дожили только благодаря самоотверженности Кристины, упрямо тащившей тяжелую сумку, в которой обнаружился скромный запас сухого топлива, баночки с витаминами и несколько бутылочек минеральной воды. Нет, вторых суток такого пути нам точно не пережить, а до спасительной громады леса, слабой дымкой зеленеющего впереди, оставалось еще так далеко. Нас обступали мертвые пески, слегка разбавленные лишь иногда попадающимися редкими островками пожухлой, колючей, как проволока, травы.

– Мне довелось читать про Мертвые пустоши.– Рей с трудом шевелил пересохшими, растрескавшимися от жажды губами.– Мало кому удавалось не погибнуть, попав в это проклятое место. Если и существует в мире ад, часто упоминаемый в древних, христианских книгах, то он явно расположен именно здесь!

– Утешил, ничего не скажешь! – огрызнулся Феникс.– Надеешься, мы отхватим славу первых людей, сумевших перейти через пустоши?

– Хотелось бы в это верить, – смиренно откликнулся орденец.

– Как же, нужна нам эта слава, – сам с собой рассуждал штурман, не забывая монотонно переставлять ноги, по самую щиколотку увязающие в песке, – да мы за ней вообще не гонимся. Мы очень даже согласны ее тихо-смирно в засаде ждать. Мы – люди негордые, вполне потерпим, когда она сама надумает мимо пройти...

– Зато потом как набросимся, набросимся! – насмешливо поддержал балагура Риф.

Феникс обрадованно кивнул.

Я некоторое время прислушивалась к их шутливому разговору, но вскоре махнула рукой, перестав обращать внимание на юмористов. Вроде бы настрой у всех неплохой, скорее всего, мы сумеем продержаться до ночи. А вот сразу же после заката станет намного хуже, ибо оставшегося у нас топлива никак не хватит на шесть часов непрерывного адского холода. Может, стоит подробнее порасспросить ламию – возможно, она подскажет что-то важное, ускользнувшее от моего внимания?

– Эрба, – я тихонько потянула подругу за рукав батистовой рубашки, незаметно увлекая ее чуть в сторону от бредущей по песку цепочки людей, дабы наш разговор не достиг ничьих любопытных ушей.– Что ты знаешь об этих ваших богах?

– Немного, – рассеянно пожала плечами ламия.– Они скрываются в запретной долине, находящейся за пустошами, в самом сердце нашей страны. Дорогу к Имлиру охраняет перевал Льда и Пламени, а в центре долины построен Храм крылатых богов и спрятана ее главная святыня – статуя крылатой девы.

– Крылатые боги? – изумилась я.– Они и правда умеют летать? Прости, Эрба, но в такое трудно поверить!

– Я мало осведомлена о подобных тайнах, – виновато вздохнула ламия.– Тебе нужно поговорить с Владом, моим женихом. Вот он способен порассказать много интересного.

Я сначала с сомнением, искоса взглянула на девушку, но потом в мою голову внезапно пришла вполне здравая мысль о том, что, возможно, Эрба немного повредила умом, побывав в плену у жестокого Ордена, а поэтому в ее фантазиях реальность частенько начала подменяться вымыслом. Мне стало искренне жаль нашу добрую, нежную, но доверчивую и наивную ламию. В детстве я неоднократно читала готические романы, описывающие ламий как одну из разновидностей жестоких, кровожадных вампиров. Но сейчас те книги вызывали в моей душе лишь бурный смех, потому что Эрба слишком уж не походила на зловещих кровососов-вампинов, громко воспетых в увлекательных вымыслах чрезмерно экзальтированного Брема Стокера...

Как это происходило и в прошлую ночь, темнеть начало неожиданно, а пески так и не закончились. Я заметила небольшую выемку между двумя пологими холмиками:

– Остановимся здесь. Разведем скромный костер и постараемся прижаться друг к другу как можно плотнее, чтобы сберечь доступные нам крохи тепла.

Мои друзья тут же занялись обустройством лагеря.

– Алехандро! – Я подошла к виконту, что-то вполголоса обсуждающему с Реем, выглядевшим возбужденным. – Топлива не хватит на целую ночь...

– А это и не потребуется! – откликнулся вместо наследника орденец. В голосе юноши звучали неясные, но явно неприятные интонации. – До утра мы не доживем!

– Почему? – удивилась я.

– Смотри, – вытянул руку Алехандро, указывая в сгущающиеся сумерки, – смотри внимательно.

Я вгляделась в темноту, быстро становившуюся непроницаемой и неумолимо подступавшую к слабому пятну света, испускаемого нашим костром. Напрягая зрение, я с трудом различила многочисленные тени, мелькавшие на границе освещенного участка. Одна из теней вдруг остановилась и сверкнула кроваво-красными углями голодных глаз.

– Что это? – потрясенно шепнула я, испуганно прижимаясь к сильному плечу возлюбленного.

– Изгнанные! – ответил Рей.

И столько страха, столько отчаяния и обреченного бессилия прозвучало в этом коротком, страшном слове, что я невольно содрогнулась всем телом.

– Кто они такие? – настороженно спросил бдительный Риф.

– Стражи пустоши, – брезгливо скривился орденец, – не люди и не животные. Полудикие твари – каннибалы, изгнанные из цивилизованного общества...

Его слова прервал пронзительный визг Эрбы. Девушка замерла на месте, пугая нас своими неправдоподобно выпученными глазами и подрагивающим от ужаса пальцем тыча в темноту, где загадочных теней становилось все больше и больше.

– Изгнанные! – полубормочно лепетала несчастная ламия. – Это они. Мы пропали!

Глава 3

Огнестрельного оружия у нас не нашлось. К сожалению, мы располагали только ножами и рапирами, да еще метательными звездочками виконта.

– М-да, негусто, – подвел неутешительный итог Риффорд.

– Лучше пускай нас сожрут, – простучала зубами Крися, крупной дрожью трясущаяся у хилого костерка в обнимку с бесполезным томом священного Писания. – Это, наверное, будет не так длительно и болезненно, как мучительное постепенно замерзание в течение нескольких часов.

– Сомневаюсь, – скептически покачал головой Рей. – Представь, из тебя начнут заживо вырывать огромные куски плоти, выгрызать кости, высасывать мозг, вытягивать кишки... Уверю тебя, боль окажется просто ужасающей!

– Фу-у-у-у. – Эрба схватилась за живот и согнулась в безудержном приступе рвоты. –

Прекрати немедленно, нам и без тебя страшно!

– Давайте сожжем книгу! – предложил находчивый Феникс. – Она толстая, гореть будет ярко. Может, свет отгонит этих тварей?

– Нет. – Рей поспешно выхватил Писание из деятельных рук штурмана, уже испытывающих прочность книжного переплета. – Огнем их не отгонишь, а творение Захарии нам еще пригодится. Если, конечно, мы переживем эту ночь, в чем лично я очень сильно сомневаюсь: Изгнанных слишком много.

Да, тварей и впрямь оказалось слишком много. Я начала пересчитывать снующих во тьме врагов, сбилась на третьей сотне и бросила это бесполезное занятие. Изгнанные окружили нас плотным кольцом, и количество чудовищ продолжало неуклонно увеличиваться с каждой минутой. Их уверенность в себе возрастала пропорционально числу прибывающих собратьев, заставляя голодных тварей придвигаться к нам все ближе и ближе, а мы наконец-то получили возможность досконально рассмотреть внешний облик своих новоявленных врагов. Фигуры Изгнанных являлись гротескной пародией на облик нормального человека, уродливо пригнутого к земле и передвигающегося почти на четвереньках. С красными, налитыми кровью глазами, горящими ярким демоническим пламенем, грязные и нечесанные, завернутые в вонючие обрывки гниющих шкур, они внушали лишь ужас и омерзение. Нетерпеливое ворчание вырывалось из их голодных пастей, снабженных острыми, выпирающими наружу клыками.

– Чего они ждут? – пораженно шепнула я на ухо Алехандро, одной рукой крепко прижимавшего меня к своей груди, а в другой сжимавшего обнаженную рапиру.

– Не знаю, – ответил виконт. – Но подозреваю, что нападение будет не стихийным, а организованным!

Наследник не ошибся. Вперед выступила высокая черноволосая женщина, лицо которой отличалось от всех прочих морд ярко выраженным порочным коварством, буквально читавшимся в очерке тонкого носа и линии острых скул. Перед нами предстала личина осторожной, умной лисицы – повелительницы стаи. Женщина безмолвно подняла когтистую руку – и в следующий же миг на нас обрушилась лавина тел, обезумевших от жажды крови.

Эрба и Криса, обнявшись и накрывшись томом Писания, громко визжали, забившись во впадину меж двух холмиков. Над ними встали Рифорд и виконт, остриями своих рапир храбро отражавшие натиск Изгнанных. Айм довольно успешно орудовал широкими, обоюдоострыми ножами, принадлежавшими Алехандро, а Рей, Антонио и Феникс образовали непробиваемый треугольник вокруг меня, оцетинившийся стальными жалами клинков. Но вал темных тел захлестывал нас наподобие морского прилива, грозя погresti под собой. Оружие виконта безостановочно взлетало и опускалось, сея смерть и панику в рядах тварей, собирая щедрый урожай убитыми и ранеными. Но Изгнанные все прибывали, и тогда мной овладело безудержное отчаяние, граничащее с сумасшествием. Горячая волна гнева и ужаса, почти забывшаяся после разгрома Убежища, вновь накрыла меня своим огненным покрывалом. Ладони покраснели и налились пламенем, а из-под ногтей сыпались искры, синие огоньки электрических разрядов пробегали по прядям моих развевающихся на ветру волос. Я легко отстранила Алехандро, встретила его ошеломленный, растерянный взгляд, дерзко усмехнулась в ответ и шагнула вперед. И в тот же миг окружающий меня мир перестал существовать начисто, сменившись красной пеленой ярости, колеблющейся перед глазами. Мной овладела жажда убийства...

Как и на острове Сатар, я вытянула перед собой распростертые руки, с которых моментально полилось два потока ревушего пламени, неумолимо настигающего стену вонючих согбенных тел. Изгнанные выли и стонали, пытаясь убежать от беспощадного огня, но мгновенно вспыхивали подобно сухим дровам, брошенным в очаг, и жизнями расплачивались за свою неосмотрительность. Отвратительно воняло паленым. Мои друзья отступили и опустили оружие, как зачарованные наблюдая за торжеством неумолимой стихии, ибо порожденный мною огонь пожирал все: шкуры и мышцы, кости и волосы,

оставляя после себя лишь крохотные кучки слабо дымящегося серого пепла. Пронзительный холод и тьма ночи сменились теплом и светом, исходившим от десятков живых факелов. Неожиданно я ощутила присутствие некой чужой воли – изначальной и самобытной, пытавшейся грубо ворваться в мой разум, подчинить его, подмять под себя. Мои глаза встретились со взглядом той загадочной женщины, которая и подала сигнал к атаке, обрекая нас на гибель. Очи демонницы, огромные и пронзительно-черные, завораживали, затягивая в свою страшную глубину, внутри которой читались туманный, болезненный разум и чудовищная воля. Предводительница, безусловно, обладала недюжинным экстрасенсорным потенциалом, позволявшим ей без труда управлять душами и телами звероподобных Изгнанных. Я ответила сильным энергетическим ударом, проникая в недра ее мозга, и испуганно отступила при виде того, что предстало моему восприятию. Когда-то давно королева Изгнанных тоже была ламией – могучей и властолюбивой. Но, увы, что-то страшное, произошедшее в ее жизни, мгновенно повергло королеву в пучину умопомрачения, поставило эту неординарную женщину на грань безумия, заставив добровольно уйти в стаю Стражей пустоши и со временем стать их полновластной хозяйкой и повелительницей. И теперь эта тварь пыталась убить меня!

Наши взгляды скрестились. Ментальное противостояние длилось не более пары секунд, за которые я успела понять, что не могу убить это странное создание. Я позволила своим мыслям обвиться вокруг разума женщины, обездвиживая ее и погружая в сон. Черноглазая ламия как подкошенная повалилась на песок. Остальные оставшиеся в живых твари уже разбежались прочь, оглашая своими паническими криками ночную тишину песчаных дюн. Наплыв моих сил схлынул так же неожиданно, как и появился. Я пошатнулась...

– Все закончилось, любимая! – Алехандро подхватил меня на руки, нежно укачивая и целуя во вспотевший лоб. – Ты спасла наши жизни и преподала тварям великолепный урок!

– Да, такого масштабного разгрома Изгнанных еще никогда не было! – прозвучал за нашими спинами спокойный мужской голос.

Мы стремительно обернулись.

На песчаном бархане стояло несколько высоких, хорошо вооруженных фигур, освещенных светом факелов, отражавшимся от их серебристых щитов. Отряд возглавлял стройный, неестественно бледный мужчина, облаченный в богатые одежды. Легко шагая по зыбкому песку в сапогах на щегольских резных каблуках, он медленно спустился к нам. Я потрясенно приоткрыла рот, рассмотрев его сочные алые губы, длинные черные волосы-вибриссы и острые белоснежные клыки, ярко блеснувшие в луче света.

– Влад! – радостно вскрикнула Эрба, бросаясь на шею мужчине.

Незнакомец пылко поцеловал прекрасную Эрбу и низко поклонился нам, учтиво, но вместе с тем непередаваемо самоуверенно. Его глаза, имеющие удивительный цвет расплавленного серебра, одним разом охватили всю картину лагеря, взгляд задержался на мне и переместился на поверженную королеву Изгнанных, распростертую у наших ног. Лицо мужчины перекосилось, но огромным усилием воли он сдержал крик, готовый сорваться с его алых губ.

– Я – Влад, глава клана Хранителей Цитадели! Приветствую тебя, Крылатая дева!

– Но у меня нет никаких крыльев, повелитель, – дружелюбно отнекивалась я.

Влад улыбнулся в ответ:

– Есть, просто ты еще этого не осознала.

Алехандро бережно поставил меня на ноги.

– Если бы еще ты мог нам объяснить, что здесь происходит и кто эта тварь? – Он указал на плененную женщину.

– Я могу. – Влад трепетно склонился над спящей, нежно отводя от ее лица спутанные пряди длинных черных волос. – Сами того не ведая, вы взяли зло и сотворили из него величайшее в мире добро. Эта женщина – моя мать, королева ламий Элкида, сошедшая с ума и сбежавшая из нашего города после того, как глава Ордена навигаторов убил моего отца и

похитил невесту...

– Вот ни фиги как все смешалось-то! – восхищенно хлопнул себя по бедрам Феникс.

– Нет такого зла, которое не порождает бы добро! – многозначительно напомнил Алехандро, обнимая меня за талию.

– Кажется, нам есть о чем поговорить, – с пониманием хмыкнул Влад. – Прошу вас, станьте нашими гостями!

Беломраморная, увитая виноградом терраса, венчавшая старинный замок, называемый Цитаделью, нависала прямо над городом. Узкая тропа извилистой лентой трижды оборачивалась вокруг скалы, на вершине которой и построили Цитадель. Я подивилась – что за сумасбродная идея? В карете к замку не подъедешь, на лошади – не доскачешь. Да тут нужно крылья иметь, чтобы взобраться на подобную немыслимую высоту! Влад, услышавший мои мысли, улыбнулся:

– Ты права! Существа, создавшие Цитадель, умели летать!

– А вы? – поинтересовалась я, доверчиво подставляя лицо первым лучам восходящего солнца, от которых Влад неспешно укрылся в полумраке внутренних покоев. – Почему твой народ не летает?

– Увы, – ламия удрученно развел белые ладони, – мы всего лишь слабые потомки изначальных, некогда великих богов Имлира. Раз в месяц, когда луна светит в полную силу, мы испытываем мучительные ощущения, должны предшествовать трансформации, связанной с раскрытием крыльев. Но, к сожалению, – Влад горестно помолчал, – крылья не прорезаются...

– Да, как же это печально! – сочувственно вздохнула я. – Слушай, ну и плюнули бы вы на эту Цитадель! Тут уже не до обретения крыльев, тут как бы шею себе не свернуть, карабкаясь на этикие утесы...

– Мы не имеем права покинуть свой замок, – неохотно призналась укутанная плотной вуалью королева Элкида, присоединяясь ко мне, стоявшей у самых перил, отделяющих балкон от пропасти, – ибо в Цитадели хранится величайшая святыня нашего народа!

За последние два дня, что мы провели под кровом гостеприимных ламий, королева изменилась разительно. Мое ментальное воздействие на ее поврежденный разум, погрузившее сумасшедшую в длительный сон, смогло восстановить травмированные нервные окончания мозга, правда не избавив Элкиду от печальных воспоминаний. Королева проснулась выздоровевшей, и сейчас уже никто бы не смог опознать в этой прекрасной, исполненной величия даме прежнюю кошмарную предводительницу полудиких Изгнанных. Я невольно залюбовалась ее тонким профилем, обрамленным искусно уложенной волной черных вибрисс-кудрей, среди которых ненавязчиво сияла маленькая корона. Влад проследил за моим восхищенным взглядом, и его губы в очередной раз тронула признательная сыновья улыбка. Ламия взял мою руку и коснулся ее мимолетным благодарным поцелуем, поразив меня удивительным сочетанием едва ощутимого тепла губ и холода острых клыков. Элкида благосклонно кивнула:

– Мой народ слишком многим обязан тебе, капитан Ника, а поэтому наш величайший долг – посвятить членов вашей экспедиции в историю ламий и помочь отыскать ключ от Небесных врат. Давайте же немедленно приступим к столь важной для всех нас беседе.

Королева подвела меня к мягкому дивану и изящно опустилась на бархатные подушки, жестом приглашая занять место подле нее. Я молча повиновалась, горя предвкушением предстоящего погружения в одну из величайших тайн этого мира.

Друзья немедленно расселись вокруг нас, желая составить компанию своему капитану. Один лишь Феникс немного задержался, с трудом оторвавшись от созерцания гибких танцовщиц, своим непревзойденным искусством обольстительных телодвижений чрезвычайно услаждавших как глаза, так и прочие жизненно важные органы бравого штурмана.

– Да-а-а, – мечтательно протянул наш записной бабник, затуманенным взором провожая тоненькие фигурки трех хихикающих прелестниц, пританцовывая покидающих

зал,— примите мое восхищение, ваше величество. Констатирую: девушки-ламии способны обольстить и святого ангела! — Очевидно, под ангелом он подразумевал себя.

Влад довольно ухмыльнулся, игриво подмигивая невесте. Эрба смущенно покраснела и кокетливо прикрылась пышным веером.

— О-о-о-о,— восторженно продолжил Фен, все еще витающий в эротических грезах,— право же, наверное, только ваши женщины умеют так дерзко поводить бедрами в ответ на откровенные комплименты и так неоднозначно смотреть куда-то мимо, что становится совершенно непонятно — то ли они тебя просто не замечают, то ли находятся в полусне...

Услышав последние слова нашего ловеласа, Влад громко расхохотался.

Фен растерянно приподнял бровь, не понимая, чего такого необычного он сказал.

Королева сдержанно улыбнулась:

— Вы совершенно правы, храбрый штурман, наши девушки и впрямь пребывают в полусне.

Мои друзья издали дружный возглас удивления.

— Да-да,— невозмутимо продолжила Элкида,— я не оговорила — именно в полусне. Ламии — ночной народ. Именно в темное время суток они испытывают прилив сил и ведут активную общественную жизнь, а днем же под воздействием палящих лучей солнца почти все мы впадаем в сонное оцепенение и вынуждены прятаться в темных местах, избегая прямого контакта с ультрафиолетом, причиняющим нам сильную боль.

— Как интересно! — профессионально заинтересовалась дотошная Крися.— Осмелюсь предположить, что это уже не сказки, а, похоже, сугубо медицинская проблема.

— Но,— вмешался проницательный и дотошный Айм,— сонливость, очевидно, не очень-то сильно распространяется на членов правящей фамилии?

Королева медленно кивнула изящной, увенчанной короной головой:

— Вы умны и наблюдательны, господин ученый. В жилах моего рода течет кровь Крылатых богов, и именно она дарует нам совершенно особенные возможности, во много раз превосходящие силы обычных ламий.

— А можем ли мы услышать предысторию нынешних времен? — поинтересовалась я.

— Вот,— торжественно выдохнул Влад,— в ней-то все и заключается!

Элкида грациозно откинулась на спинку дивана и начала рассказывать:

— В наших хрониках сохранилось повествование о том, как около девятисот лет назад несколько сотен людей, страдающих от лучевой болезни, пришли в долину Имбир, через которую протекает русло легендарной реки Арджеш. На берегу оной реки они обнаружили древний склеп, а в нем — то, что помогло им остановить разрушительное действие радиации и спасти свои жизни...

— И где он находится сейчас? — невежливо перебила я.— Я хочу немедленно видеть тело настоящего Влада Дракулы!

Изумленная королева широко распахнула черные глаза...

Довольный моей проницательностью Айм захихикал и потер свои пухлые ладошки...

Мы цепочкой спускались по узкой многоступенчатой лестнице, уводившей нас в недра глубокого, холодного подземелья. Склеп содержался в идеальной чистоте и порядке. Мраморные стены освещены факелами, каменный пол посыпан мелким белым речным песком. Королева толкнула окованную железом дверь, пропуская меня вперед. Я перешагнула высокий порог и замерла в благоговении, не смея поверить собственным глазам. Древняя сказка ожила!

В центре комнаты возвышался небольшой помост, обтянутый золотистой парчой немыслимой красоты и ценности. На помосте стоял гроб, высеченный из цельной глыбы голубоватого горного хрусталя. Я приблизилась к возвышению и осторожно, дрожащими руками подняла тяжелую крышку саркофага.

Сначала мне показалось, что он спит... Длинные густые черные ресницы изысканными полукружками лежат на бледных щеках. Точеный нос с аккуратно вырезанными ноздрями и

аристократичной горбинкой. Сочные пурпурные губы и узкий, властный подбородок. Высокий, беломраморный лоб, окруженный прямыми иссиня-черными волосами, ниспадающими до пояса. Худые руки с пальцами, словно выточенными из алебастра, сжимают золотую рукоять кинжала непривычной изогнутой формы. Совсем не соображая, что делаю, но в глубине души конечно же надеясь на чудо и подчинившись сумасбродному порыву души, я наклонилась к лицу красавца и прижалась к его губам долгим, трепетным поцелуем... Но – увы, ничего не произошло, спящий не проснулся, его сладостные губы остались холодны как лед. За моей спиной громко, облегченно вздохнул Алехандро, мучимый жгучей ревностью.

– Невероятно,– чуть слышно шепнула Элкида,– до сих пор никто из нас, кроме Крылатых богов, не мог прикоснуться к телу Влада. Его защищает незримое энергетическое поле.

Айм изучающе вел пальцем вдоль резьбы, украшавшей край саркофага.

– Это церковная латынь! – радостно признал он. – Кажется, я могу прочитать, что здесь написано!

– И что же? – поспешила поинтересоваться Криса.

Я молчала, и так отлично понимая, что высечено на гробе.

– Влад Цепеш из рода воинов Дракуля,– торжественно перевел аналитик. – Господарь Валахский и Сербский, великий воевода острова Снагов.

– Все сходится! – кивнула королева Элкида. – Но он мертв уже многие сотни и сотни лет!

– Он не мертв! – Я прижалась лбом ко лбу Дракулы. – Я ощущаю легкие эманации его разума. Душа его жива, но жаждет упокоения...

В это мгновение Влад Цепеш неожиданно распахнул глаза, впиваясь своим огненным взором в мои шокированно расширившиеся зрачки. Я глухо застонала, мысленно проваливаясь в глубину его бархатных зеленых очей, так похожих на мои собственные глаза. Перепуганно кричали друзья, но я их не слышала...

...Я стояла на парапете высокой каменной стены. Далеко внизу плескались волны полноводной, бурной реки.

«Арджеш»,– поняла я. Вычурное, тяжелое, обильно расшитое драгоценными камнями платье лениво хлопало на ветру, било меня по ногам, облепляя колени и норовя утянуть вниз. Мои волосы, заплетенные в косы, перевитые жемчужными нитями, удлиннились почти до земли и заметно посветлели, приобретя цвет белого золота. Я четко осознавала: я – Ника, но одновременно с этим в моем мозгу параллельно существовал и разум другого человека – женщины, жившей за многие сотни лет до моего рождения.

Где-то рядом неожиданно тоненько тренькнула струна лютни, а затем полилась неторопливая, плавная мелодия и зазвучали слова прекрасной баллады:

Одной мечтой руководимы —
Отвоевать Господень крест,—
Отплыли утром паладины,
Оставив дом, родных, невест.

Их провожали дамы сердца,
Даря заветный талисман,
Что защитит от иноверца,
Спасет от смерти и от ран.

Под торжество любви напева
Скатилась по щеке слеза,
Вручила другу перстень дева,

Чтоб помнил он ее глаза.

Во имя веры и обета
Сражался юный паладин,
Провел в походе он три лета,
Он видел Иерусалим.

И каждый день средь боя ада,
Средь крови, смерти на краю
Он помнил – ждет его отрада
И шлет ему любовь свою.

А по ночам он отстраненно,
Вновь зарывая чей-то труп,
Мечтал лишь о глазах влюбленных,
Сиявших, словно изумруд.

Он возмужал, покрыли раны
Его лицо, как ствол корой,
И называли ветераны
Его торжественно – Герой.

Погибло много безвозвратно —
Те рыцари попали в рай,—
Он был средь тех, кого обратно
Господь вернул в родимый край.

Весь трепеща от нетерпенья,
Скакал Герой под отчий кров:
Он мыслью торопил мгновенье
Обнять ее – свою любовь.

Остановить его не смели,
Он на порог шагнул ногой...
Она – пред ним, она – в постели.
Вернулся он... А с ней – другой...

Он даже с смертью не боялся
Встречаться без друзей, один,—
Перед изменой растерялся
Любви и веры паладин,

Сражен ударом подлым в сердце.
Здесь не помогут щит и меч —
Пускай бы лучше иноверцы
Главу ему срубили с плеч.

И с высочайшего утеса
Скатился перстень, как слеза,
Прибрежной пены след белесый
Стер в памяти ее глаза.

Коль нет в душе любви порыва,
Пусть станет смерть всему концом,—
Так паладин шагнул с обрыва
В пучину вод... Вслед за кольцом...

— Дагмара, любимая моя,— красивый мужской голос заглушил печальную романтическую историю,— умоляю тебя, не рискуй так неосмотрительно, сойди со стены!

Я резко повернулась, неустойчиво балансируя на хрупких каблучках гишпанских сафьяновых туфель.

Передо мной стоял сам Влад Дракула, живой и ослепительно привлекательный. Цепеш протянул руки, желая снять меня со стены, его холеное лицо исказила гримаса страха. Он боялся за меня. В это же самое мгновение я испытала сильный укол боли в области виска, принесший осмысление: я — княгиня Дагмара, прозванная Золотой Волчицей, родная сестра венгерского короля Матиаша Корвина, законная супруга Дракулы, мать двоих его малолетних сыновей. Воспоминание стало мучительным, вернув неутраченную горечь утраты.

— Ты,— гневно прорычала я,— ты — изверг! Ты отказался от мирного соглашения с боярами, и поэтому они беспощадно убили заложников — двух наших сыновей!

— Милая! — Дракула продолжал подходить маленькими, незаметными шажками, видимо прикидывая, как бы поудачнее стащить меня с опасного постаменты.— Я тоже скорблю об их участи, но поверь — месть моя будет страшна. Никто из отступников не избегнет казни. Мы же с тобой еще очень молоды, у нас родятся новые дети!

— Чудовище! — обличающе выкрикнула я и отступила еще дальше, остановившись на самом краю стены, непосредственно над пропастью.— Клянусь, никогда более не взойду я на брачное ложе с таким коварным и жестоким человеком, как ты. Я предпочту умереть!

— Нет, любимая.— Дракула торжествующе рассмеялся.— Враги обложили нас, как волков в западне, но мы не умрем. Вот это,— он вынул из-за пояса изогнутый кинжал,— и есть Зуб дракона, наш фамильный клинок, напоенный кровью самого Христа, дарующий вечную жизнь! Приди же в мои объятия, бесценная супруга! — Влад оперся коленом о каменную кладку стены и ухватился за скользкий, шелковый подол моего платья. Я возмущенно отшатнулась от него, протестуя изогнув свой тонкий стан. Кончик моей косы попал под каблук туфельки, я неловко взмахнула руками и потеряла равновесие...

— Нет, Дагмара! — дико и обреченно кричал Дракула.— Не покидай меня, любимая!

Я падала...

Ветер свистел у меня в ушах, а каменные валуны на берегу Арджеша приближались до тех пор, пока не придвинулись совсем вплотную...

Я вздрогнула и подняла мокрые от слез ресницы... Тут же выяснилось, что я лежу на груди Дракулы, прижавшись своей теплой щекой к холодной щеке мертвого воеводы. На губах Цепеша играла нежная, трогательная улыбка...

— Ника, что с тобой? — Алехандро потряс меня за плечо, оттаскивая от гроба.

Я поднялась на ноги. Кинжал Зуб дракона остался крепко зажатым в моей правой руке. Я испуганно вскрикнула и попыталась избавиться от столь неожиданного подарка, вернув его законному владельцу. Но я суежилась напрасно, ибо ладони Дракулы, перекрещенные и крепко прижатые к бархатному кафтану, отторгли проклятое оружие, не пожелав принять его обратно.

— Не надо! — торопливо предостерегла меня Элкида.— Если наш прародитель подарил тебе свой талисман, значит, в этом скрыт какой-то потаенный смысл, пока не доступный нашему пониманию.

— Потрясающе! — восхитился Алехандро, вынимая у меня из рук изогнутый клинок.— Подобное оружие всегда изготавливается в единственном экземпляре и наделяется именем. Кто мог выковать подобное чудо?

– Ну, насчет чуда – это ты правильно подметил! – Айм водил над кинжалом датчиком портативного анализатора. – Определить истинный возраст этого оружия вряд ли возможно. Когда я пытаюсь запросить хотя бы примерную дату его создания, шкала хроноспектрального анализа начинает щелкать как безумная и выдает лишь кучу нулей. Боюсь, этот клинок относится к глубоко дохристианскому периоду: посмотрите на выгравированный на его ножнах орнамент... Помнится мне из курса древних религий, что к изображениям драконов очень тяготел сам великий Аттила!

Я присвистнула:

– Думаешь, его отковали по приказу Аттилы?

– Не исключено. – Хронобиолог осторожно извлек клинок из ножен и показал мне рукоятку, выполненную в форме головы дракона с глазами из крупных кроваво-красных рубинов. – Обрати внимание на ее странную форму, воспроизводящую крест, и отверстие на оголовье. Оружие явно имеет ритуальный смысл и предназначается для ношения на шее.

– Но ведь крест и есть символ веры во Христа, – вмешался Феникс.

Айм поморщился в своей излюбленной высокомерно-брезгливой манере:

– Надо было почаще на лекции ходить, а не в спортзале до опупения висеть. Крест – древнекельтский символ, знак вечной жизни и аватара солнца!

– А Фен не так уж и неправ, – задумчиво бормотнула я. – Этот кинжал действительно омыт кровью Христа, ибо именно им римский стражник Витилий и перерезал запутавшийся в волосах Господа терновый венок, снимая того с креста после окончания казни...

Айм ошеломленно прижмурился, не решаясь задавать уточняющих вопросов и спрашивать, откуда мне стали известны такие факты.

Я задумчиво погладила лезвие, имевшее непривычный матово-серебристый цвет:

– Станный металл. Не серебро, но от него исходит сильное энергетическое поле.

– Еще бы! – довольно хмыкнул Айм. – Анализатор показал, что это метеоритное железо!

– Ну ничего себе! – потрясенно присвистнул Фен.

– Детский сад, штаны на лямках! – возмущенно прервала нас Крися, все это время самозабвенно возившаяся у саркофага Влада Цепеша. – Все бы вам в ножички играть! И ты, Ника, ничуть не лучше мальчишек. Но пока вы там играли, я раскрыла загадку парадоксального долголетия ваших вампиров!

Услышав подобное, мы чуть не треснули лбами склоненных над кинжалом голов.

– Крись, ты что – пошутила? – недоверчиво протянула я.

– Не понимаю я шуток на медицинские темы, – недовольно покачала головой биологиня, пряча в сумку пробирки с пробами тканей и крови Дракулы. – Наука – она шуток не прощает. Науку уважать нужно!

– Да уважаем мы, уважаем! – послушно завыл штурман. – Кристина, ну рассказывай же давай, не томи душу!

Крися польщенно улыбнулась, небрежно привалилась к хрустальному гробу, чинно заложив ногу за ногу и принимая эффектную позу скромного гения. Мы выжидательно наострили уши...

– Значит, так, – патетично начала служительница шприца и скальпеля. – Довожу до вашего сведения, что вампиры вовсе не являлись теми кровожадными чудовищами, коими их всегда выставляли в книгах сугубо для разжигания любопытства недалеких обывателей. Влад Дракула страдал редким заболеванием крови, передающимся в его роду от отца к сыну наподобие знаменитой гемофилии. Сия болезнь вызывала патогенные изменения структуры красных кровяных телец, ведущих к резкому повышению свертываемости плазмы. Поэтому вампиры нуждались в частых вливаниях свежей порции крови, заменявшей им их собственную, отмершую. Это же непрерывное обновление генома даровало оным больным ряд особенностей, считавшихся сверхъестественными, – ускоренную регенерацию тканей, долгий срок жизни и многое прочее. Кстати, прямые солнечные лучи, попадающие на кожу вампира, усиливали болезнь, буквально провоцируя закипание крови, вызывали сонливость

или даже разложение тела.

– Потрясающе! – взволнованно шепнул Айм.

Девушка гордо выпрямилась, словно имела личное отношение к появлению вампиров.

– Далее... – Крися хитро прищурилась. – Теперь-то и начинается самое интересное. Страдающие от белокровия люди нашли тело Цепеша и сумели получить из его ДНК вакцину, устранившую признаки лучевой болезни, но повлекшую ряд сложных мутаций, сделавших их упрощенной версией вампиров – ламиями. Очевидно, эти люди и стали великими Крылатыми богами и родоначальниками по линии семьи Элкиды.

Королева величественно склонила увенчанную короной голову:

– Все так и есть. Чем чище кровь ламии, тем выше ее титул, тем меньшее количество поколений отделяет ее от богов. Но мы слабеем и вымираем, наша болезнь прогрессирует, а врачей, умеющих повторно изготовить нужное нам лекарство, уже не осталось...

– Не проблема! – победно изрекла Кристина.

На лице королевы отразилось величайшее недоумение.

– Наша Рыжая – тоже тот еще мутант, – охотно пояснила моя подруга. – Я тут провела экспресс-анализ. Смешав кровь Ники и кровь Влада Цепеша, я получила антидот, способный сильно смягчить течение болезни ламий и заменить множество доз чистейшего гаммаглобулина сразу. Вы все будете принимать мое лекарство и проживете еще очень долгую и счастливую жизнь...

Не дослушав биологиню, королева Элкипа бросилась целовать руки ученой девушки.

Влад, хранитель Цитадели, так похожий внешне на своего знаменитого предка, повернул ко мне свое побледневшее лицо:

– Вы спасли мою невесту, высвободили мать из плена безумия, а теперь подарили новую жизнь всему народу ламий. Чем я могу вас отблагодарить?

Я мило улыбнулась:

– Мы найдем «Ковчег» и заберем вас с собой, на нашу вторую родину. А пока исполните одну мою просьбу – покажите нам долину Имлир, место обитания Крылатых богов!

Глава 4

Мы поднимались в горы. К счастью, дорога, ведущая к непреодолимому перевалу Льда и Пламени, за которым начиналась долина Имлир, содержалась в довольно хорошем состоянии, и к тому же ламии разводили лошадей. Вот без местных скакунов, отличавшихся беспримечной резвостью и благородной статью, мы бы точно не смогли дойти до таинственной долины, ибо долгий путь, изобилующий приключениями и неожиданностями, уже начинал нас изрядно утомлять. Риф хмурился и отмалчивался, Кристина – вздыхала, Айм – ворчал почти без умолку, а Феникс все чаще острил тупо и не в тему. Один лишь Алехандро сиял неизменной улыбкой, стараясь подбодрить меня, да еще благонравный послушник Антонио на удивление стоически переносил все ниспосылаемые ему испытания.

Я спросила Влада:

– Не понимаю, зачем тратить столько времени и сил на ремонт дороги, ведущей в обитель богов, если в самой долине никогда не довелось побывать никому из ламий?

Хранитель Цитадели ответил мне недоуменным взглядом:

– Крылатые боги являются основой нашей веры! А что еще остается людям, и так уже утратившим все, кроме веры?

Я скептически хмыкнула:

– В чем же состоит суть вашей религии?

Ламия мягко улыбнулся:

– Наверно, в том же самом, в чем и всех прочих. В безоговорочной победе добра над злом и спасении праведников!

– Да уж, добро, как известно, – великая сила! – насмешливо фыркнул Фен, внимательно

прислушивавшийся к нашему разговору.— Вон Рыжей тоже приписывают роль доброго спасителя человечества. Так и вижу подобную картину маслом — добро в ее лице побеждает зло. Причем симпатично так побеждает: ставит его на колени, беспощадно дубасит по башке, пинает по ребрам — и в итоге зверски убивает!

— Ну, зачем же так грубо! — недовольно запротестовал Влад.

— А в таком деле одними проповедями не обойдешься,— ехидно встрял де Монро.— Если зло приходит в облике Верховного Навигатора, то добро должно иметь увесистые кулаки. Пригодятся для самозащиты!

Я мысленно отрицательно покачала головой, полностью отменяя доводы своего телохранителя. Почему-то мне казалось, что бывший глава Ордена уже не представляет собой никакой особой угрозы. Зато взамен него нас ждут новые, еще большие неприятности...

Окружающий нас пейзаж радовал душу и улаждал взор. Нам явились величественные горные вершины, покрытые шапкой вечных снегов, ослепительно блистающих под лучами ласкового солнца. Основания гор терялись в туманной дымке, и мне чудилось, будто многовековой хребет Карпат попросту парит в хрустальном воздухе. Потрясающе, аж дух захватывает! Между стволами лиственниц журчит прозрачный ручей, исчезая в густой шелковистой траве. Птички поют, а по небу плывут вереницы легких перистых облаков. Даже не верится, что все это великолепие находится на краю гибели!

Я случайно встретила взглядом с виконтом, и он понимающе кивнул: вроде и хорошо, и красиво, и спокойно, но так непрочное и обманчиво. А между тем времени на спасение людей у нас остается все меньше и меньше...

— Ника! — требовательно позвал меня Феникс.— О чем ты сейчас задумалась? Видела бы ты свое лицо со стороны — словно на похоронах находишься!

— А чему радоваться-то? — брюзгливо процедил Айм.

— Не вижу повода для беспокойства! — Штурман геройски выпрямился в седле.— Все проще пареной репы — сейчас мы в долину приедем, заберем у богов ключ от Небесных врат, и все будет пучком!

— Да уж, сплошной наивняк! — Въедливый аналитик не удержался от ехидного комментария, выставяющего на смех стратегические способности Феникса.— Опять у нашего Финика запланированный полет мысли не состоялся в связи с сильным ветром в голове. Я тебе, дружище, одно время хотел какое-нибудь редкостное психическое расстройство инкриминировать, а потом понял, что ты — вовсе никакой не больной, ты — банальный дурак!

— Не, а че я опять не так сказал-то? — обиделся Феникс.

— Они же боги! — улыбнулся в усы Алехандро.— Думаешь, у них можно что-то забрать, если они сами этого отдать не захотят? Нет, с богами,— тут он игриво подмигнул мне своим карим глазом,— предпочтительнее по-хорошему, полюбовно договариваться!

Я рассмеялась:

— Ты прав! Какой нам резон ссориться с богами? Глупый всегда наживает врагов там, где умный торопится приобрести союзников!

— Все ваши слова ничего не значат, ибо они являются не чем иным, как пустопорожними домыслами,— расстроено вздохнул Влад.— Крылатые уже так давно не давали о себе знать, что я начинаю сомневаться — живы ли они еще?

Я почувствовала приближение перевала задолго до того, как увидела его своими глазами. Сначала мой чуткий слух уловил только ровный, однообразный негромкий гул. В воздухе запахло озоном, возникла непонятная энергетическая вибрация, а больше всего меня настораживало то, что огромный выплеск энергии, генерируемой где-то невдалеке, явно носил отчетливо выраженный искусственный характер. Ждущее нас чудо не имело ничего общего с божьим промыслом, а являлось плодом вдумчивого человеческого труда. Мы

выехали на лесную опушку и ахнули...

Перед нами высилась ровная каменная гряда, в центре которой зияло аккуратное фигурное отверстие шириной метров в пять. Вход в долину, несомненно, пролегал именно через эти величественные скальные ворота. Пролегать-то пролегал, да вот только никакого доступа в Имлир мы не обнаружили. Дальнейший наш путь преграждали два энергетических потока, перекрещивающихся ровно в центре каменной арки. Первый представлял собой чистейший выброс огненной плазмы в своем первозданном виде. А второй, встречный – состоял из непрерывного мощного потока холодного азота. В точке их соприкосновения держалась негаснущая многоцветная и насыщенная радуга, осыпающаяся на каменные плиты крупными хлопьями снега, тут же тающего под действием жаркого пламени. Ничего подобного мы в жизни не видели. Картина завораживала опасной чарующей красотой. Мы замерли, потрясенные.

– Перевал Льда и Пламени! – торжественно провозгласил наш проводник, вытягивая руку в направлении диковинки, словно мы сами не догадывались, что предстало нашему взору.

– М-да, однако! – только и смог вымолвить сраженный наповал Феникс, будучи не в силах отвести глаза от сего удивительного зрелища.

Алехандро задумчиво теребил свои холеные усики.

– Чудо! – привычно лепетал Антонио, восхищенно прижимая к груди увесистый том священного Писания.

Я спешила с лошади и осторожно приблизилась к энергетическому фонтану. Меня обдало нестерпимым жаром и одновременно с тем окатило волной невыносимого холода. Я поспешно отошла на безопасное расстояние.

– Что ты об этом думаешь? – настороженно спросил Айм, не рискуя лично подступить к воротам в долину богов.

– А чего тут думать-то? – мрачно скривилась я. – Все – приплыли, суши весла! Гениальная задумка – лазерное шоу в комплекте с грилем и морозильником. Можно запатентовать как универсальный агрегат для приготовления барбекю. И заморозит, и разморозит, и поджарит. А при длительном применении и вообще испепелит...

– Ценю твое воистину непревзойденное чувство юмора! – сквозь зубы, недовольно процедил аналитик. – Феникс вон уже удавиться собрался от зависти, ибо он и слов-то таких умных не знает. А по существу можешь сказать что-нибудь утешительное?

– А нечего тут говорить! – Я пораженчески пожала плечами, самоустраняясь от неразрешимой проблемы. – Мы имеем два мощных энергетических поля, явно производимых какой-то хитроумной машиной, работающей уже черт знает сколько сотен лет. И судя по ее надежности и КПД, я бы не рекомендовала ожидать, что она сломается в ближайшие полчаса. А у меня силенок не хватит совладать с такими мощными потоками. Так что путь в долину нам заказан!

Айм разочарованно присвистнул.

Темнело в этих краях довольно быстро. Мы разбили лагерь прямо перед проходом, сытно поужинали и долго любовались величественным зрелищем вечного противостояния двух стихий, в темноте ночи выглядевшего еще прекраснее. Энергетический факел давал достаточно света и тепла, так что костер нам почти не понадобился – ну если только воду в котелке вскипятить. А соваться с посудой к раритетной плазменной горелке мы не решились: мало ли чего...

Я уговорила друзей отдохнуть. Кстати, чисто из эгоистических побуждений уговорила, а то уж очень мне хотелось поразмыслить о наших насущных проблемах, причем без их неумного щебетания, в тишине да спокойствии. Поэтому и сидела я сейчас на расстеленном одеяле, рассеянно таращилась на радугу, мысленно браня неведомых изобретателей Врат на чем свет стоит:

«Напридумывали, называется, на мою голову! Ну не могли они разве чего попроще

сварганить? Створки там какие-нибудь красивые, ров с водой и дрессированными крокодилами или еще чего. Нет, ну а чем не вариант? Рыжая Ника упала в ров с крокодилами – что делать? Ага, ваши крокодилы – вот сами их от нее и спасайте! М-да, при подобном раскладе все было бы намного приемлемее – так нет, отгрохали, извращенцы треклятые, препятствие в стиле форта Байярд – а Рыжая сейчас изволь напрягай свои скудные мозговые извилины на фоне непримиримого противоборства двух стихий!»

От неожиданно возникшей мысли я чуть не прикусила себе язык. Стоп, а вот это уже интересно! Разрази меня гром, но должен существовать реальный способ войти в долину, непременно должен!

«Лед и Пламя... – Я задумчиво почесала в затылке.– Противостояние двух противоположностей... Да на этом явлении весь мир держится! И, кстати, где-то мне подобные идеи уже встречались...»

Я тихонько отвела руку Антонию, как всегда, любовно покоившуюся на переплете драгоценной книги. (Второй рукой юноша не менее трепетно обнимал Кристину, крепко спавшую у него на плече.) Подтянула к себе толстый том и начала деловито листать страницы, покрытые затейливо выписанным текстом. Внезапно мое пристальное внимание привлекла одна странная особенность, не замеченная мною ранее. В Писании не хватало одного листа, аккуратно вырванного у самого переплета. Я провела пальцами по сгибу книги, пытаясь уловить энергетический след изъятых фрагментов. Похоже, оную страницу удалили очень давно, причем вырывали ее специально: аккуратно, тщательно стараясь сделать место обрыва совершенно незаметным. Но кто осмелился совершить подобное злодеяние, и главное – зачем? Всем известно: данная книга имеет статус бесценной реликвии, а подобные музейные экспонаты обычно оберегают как зеницу ока! Ха, ну да – кто бы говорил о бережливости после того, как мы ее в море полоскали и песком Мертвых пустошей присыпали! Но мы-то страницы из Писания не вырывали точно... Кажется, я нарвалась на очередную по счету и пока неразрешимую загадку.

С энтузиазмом пролистав полкниги, я натолкнулась на совершенно бессмысленные с первого взгляда стихи:

Стоят незыблемой стеной,
Не проскользнет сквозь них и вор,
В стране – отдельною страной,
На стыке неба, вод и гор.

Я озаренно хмыкнула: «А что, вполне подходит под описание нашего перевала!» – и принялась торопливо читать дальше:

Слились в них крепко, на века,
Тепло любви и смерти хлад,
Но жало тонкое клинка
Откроет путь меж этих врат.

Хранит немертвая рука
То, что живой принадлежит.
Одно вложение клинка —
К спасенью путь освободит...

Я оторопело выронила захлопнувшуюся книгу и растерянно заморгала, все глубже проникаясь созревающей в голове мыслью.

Вот это да, просто невероятно! Ведь это и есть то, что врезалось мне в память, – противостояние тепла и холода, любви и смерти, живого и немертвого. Клинок, еще совсем недавно принадлежавший немертвой руке, у меня уже есть! Даю взамен свой зуб, что речь

идет именно о кинжале, именуемом Зубом дракона, подаренном мне Дракулой! Об оружии, случайно (а скорее всего – совсем не случайно) попавшем в мои, живые руки. Но как мог наш директор, написавший священное Писание, узнать о клинке? Ох ты, да, похоже, он также находился среди людей, нашедших саркофаг легендарного вампира, и участвовал в создании перевала Льда и Пламени, замкнув управление энергетическими потоками на ключ из металла с определенными свойствами. Видимо, на магнитный ключ-кинжал – ведь метеоритное железо обладает повышенным магнетизмом!..

Я резво вскочила на ноги. Вроде бы в моих рассуждениях просматривается вполне здравая логика. А если у меня появился ключ, то остается поискать замочную скважину!

Осторожно, стараясь не разбудить спящих вокруг меня друзей, я выпуталась из одеяла и неспешно двинулась к энергетическим потокам, выглядевшим еще внушительнее на фоне ночной темноты. При детальном обследовании, напрягая зрение и опасаясь опалить волосы, я обнаружила тонкие металлические рамки, служившие окантовкой разрыва скальной породы и образующие ворота правильной формы. Я изначально не сомневалась в искусственном происхождении перевала и сейчас еще раз порадовалась дополнительному подтверждению своей догадки. Все совпадало: ворота – имеются, ключ – имеется. И тогда я старательно зашарила руками по неровной поверхности каменных стен, пытаюсь отыскать что-нибудь, хотя бы отдаленно напоминающее замочную скважину...

Вопреки всем предположениям Ники, Алехандро не спал – просто лежал, смирно укрывшись одеялом, и, старательно прижмурив глаза, сквозь ресницы внимательно наблюдал за любимой. Он сразу понял, что ее осенила какая-то важная идея, подметив резкую смену выражения девичьего лица, превратившегося из недоуменного в просветленное.

«Черт побери, так до чего же все-таки умудрилась докопаться эта невозможная, нереальная девчонка?» – Виконт чуть с места не сорвался, лишь огромным усилием воли заставляя себя лежать спокойно и дышать размеренно, дабы не вспугнуть Нику.

Девушка внимательно водила розовым пальчиком по строчкам Писания, сосредоточенно хмурила бровки и что-то неразборчиво бормотала себе под нос. Наследник мысленно посмеивался – восхищенно и чуть иронично, поражаясь упрямству и целеустремленности своей Рыжей святой. Ну и что, спрашивается, она там такое особенное вычитать хочет, в этом нудном талмуде? Америку, как пить дать, не откроет, потому что Алехандро уже сам не раз тщательно проштудировал сию книгу от корки до корки, удивляясь безудержной фантазии автора и неопределенной, расплывчато-иносказательной форме подачи информации. Обозвав Писание фольклором, Ника, по его мнению, оказалась недалеко от истины. Писание – это отнюдь не руководство к действию, а полубредовая смесь мистики, туманных угроз, перебирания непонятных символов и артефактов, никогда и никем не виданных, и масса бессмысленных стихов плохого качества. Если она собирается выловить рыбку в настолько мутной воде, то можно лишь позавидовать ее настойчивому стремлению добиться желаемого результата, а вот поверить в целесообразность таких действий – увы...

Но в этот самый момент Ника вдруг спихнула с колен пресловутую книгу, бодро вскочила с места и резвой трусцой направилась к энергетическому фонтану. Алехандро испугался: «Что это она задумала? С нее ведь станет залезть в пламя! Хотя нет...» – Виконт тут же отмел подобную нелепую мысль.

Она сильно изменилась после разгрома Орденского Убежища. И дело даже не в том, что Ника получила силу. Нет, его любимая научилась заботиться о других. Начала задумываться о последствиях своих поступков, просчитывать вероятности, избегать глупого риска. Хотя последнее еще доказать нужно... Алехандро ласково усмехнулся. Честно говоря, бесшабашности в ней не убавилось ни на йоту – просто многие рискованные поступки Ники стали залогом успешности всего путешествия, приобретя характер неизбежности... Пожалуй, из прежней самоуверенной авантюристки на его глазах ускоренными темпами вырастал

настоящий лидер с яркой, оригинальной харизмой, способный вести за собой людей.

«Пожалуй, она и в самом деле становится святой! Но что же она там творит?» – Юноша широко распахнул глаза, изумленно наблюдая за действиями Ники, которая, вытащив из-за пояса кинжал вампира, зачем-то пыталась воткнуть его в каменную стену перевала Льда и Пламени...

На подушечках моих пальцев вспухли водянистые мозоли, а сами пальцы давно онемели, одеревенели и потеряли чувствительность. Но, не обращая внимания на полученные травмы, я упрямо продолжала ощупывать грубое препятствие, стараясь не пропустить ни миллиметра каменной поверхности. Разве передо мной скала? Стена это, самая настоящая стена, пусть и сложена она из природного камня, но слишком уж плотно и старательно пригнаны друг к другу и крупные глыбы, и мелкие камушки: ни просвета не найдешь, ни зазора. Может, перелезть через нее? Я саркастически усмехнулась, вспомнив мой недавний бесславный штурм монастырской стены, вошедший в анналы мировой истории во всей его сумасбродной задумке и блистательном исполнении. Нет, здесь высота препятствия несоизмеримо больше – к тому же отнюдь не факт, что по верхнему краю горы не идет еще какое-нибудь защитное энергетическое поле...

Неожиданно я ощутила какое-то непонятное движение под средним пальцем левой руки. До края прохода оставалось всего ничего, холод заставлял поеживаться, покрывая неприятными мурашками мое легко одетое тело, потому что я двигалась в направлении ледяного выброса жидкого азота. Каменная чешуйка под моей ладонью плавно отклонилась, уходя вбок и открывая узкую щель, обшитую железом. Я восхищенно ойкнула. Настоящая замочная скважина! Потайная, длинная, аккуратная. А вокруг нее – диск из светлого, серебристого материала, очень схожего с металлом, из которого изготовлен Зуб дракона. Ну-с, примеримся! Я извлекла клинок из ножен и вложила в отверстие на стене. Лезвие безупречно подошло под размер скважины, погружившись по самую рукоятку. Отлично, что там обычно дальше с ключами делают? Я неторопливо повернула рукоять кинжала по часовой стрелке. Раздалось громкое гудение. Я увлеченно продолжила движение, выполнив полный оборот. Кинжал легко провернулся вокруг своей оси и занял прежнюю позицию. Поток жидкого азота возмущенно взвыл на прощанье, но начал быстро опадать, истончаться, превращаться в крохотную струйку, пока не иссяк бесследно. Сразу же стало намного жарче, потому что выброс огня, носящий название Пламя, уже не охлаждался встречным потоком Льда. Я извлекла кинжал из замочной скважины и удивленно отметила, что лезвие заметно укоротилось и словно истаяло...

Шум от моих энергетических экспериментов разбудил спящих друзей. Все повскакивали с плащей и одеял, недоуменно воззрившись на ополовиненную преграду.

– Ника! – возмущенно заорал Феникс. – Опять ты без нас что-то натворила! Не могла, что ли, хотя бы меня позвать?

– Зачем? – очень искренне удивился Айм, протирая очки. – С тобой, друг мой, из двух вариантов сотрудничества «вам помочь или не мешать?» всегда нужно выбирать второй!

– Толстый, вот опять ты меня ниже табуретки опустил, – огорчился бравый штурман. – А я ведь искренне помочь хотел!

– Твоя грубая сила неоценима, когда требуется лбом стену прошибить или подковы гнуть голыми руками, – на полном серьезе отбрил аналитик. – Но, боюсь, эта стена окажется покрепче даже твоей хваленой бронебойной черепной коробки.

– Ребята, не ссорьтесь, – устало попросила я. – Мне и в самом деле вас не хватает. Нужно обследовать поверхность камня вблизи Пламени и найти сдвигающуюся пластинку, под которой скрывается вторая замочная скважина...

Я не успела даже договорить, как вся команда, включая Влада, в полуодетом виде бросилась ощупывать каменную гряду. Оставалось опасаться лишь одного – как бы друзья в запале трудового энтузиазма не подошли слишком близко к ревущим языкам пламени. К счастью, никто не пострадал, и уже через пять минут ликующий Феникс с победным воплем:

«Есть все-таки справедливость на свете!» – демонстрировал мне точную копию первой замочной скважины, так старательно замаскированную защитной пластинкой, что при беглом визуальном осмотре тайник просто невозможно было обнаружить. Под шумок, пока все дивились, ахали и восхищались мастерством неведомых строителей, я отвела в сторону полусонного Антонио и ткнула ему под нос раскрытую книгу:

– Ты когда-нибудь обращал внимание на то, что в Писании не хватает одной страницы?

– Как это не хватает? – растерялся вечно взъерошенный послушник. – Не верю!

– Ах, вот как! – Я продемонстрировала почти незаметное место отрыва. – Убедился?

Мальчишка долго шурился и сопел, так и сяк вертел книгу, недоумевая – и как это он раньше не заметил столь вопиющего безобразия?

– Ничего удивительного: все сделано очень аккуратно, практически мастерски, – пояснила я. – Если бы не след чужого воздействия, капель энергии застывший на бумаге, то я бы тоже ничего не заметила. Потому как отсутствие страницы визуальное в глаза не бросается, а сам текст Писания столь мутен, что сразу и не поймешь – есть нарушение логики повествования или нет. Но кто и зачем мог сотворить подобное?

Антонио ответил мне честным, преданным взглядом:

– Клянусь, это несчастье не в монастыре случилось! – Он провел пальцем по лбу, автоматически совершая чрезвычайно распространенный в Федрине оберегающий жест, призванный обеспечивать помощь и защиту со стороны меня, святой и всенародно любимой. (Тьфу, вот мракобесие-то!) – Уж вы мне поверьте: в монастыре Писание берегли как зеницу ока, пыль с него сдували!

«Ага, – ехидно подумала я, вспомнив, как мое первое знакомство с оным раритетным манускриптом чуть не стало причиной возникновения скоропалительной астмы, – видела я, как вы ее сдуваете!» Но тем не менее мне стало ясно: Кардинал и его паства книгу не портили.

– А она точно первоисточник? – продолжила я допрос.

– Конечно! – торопливо закивал послушник. – По преданию, именно эту, первую книгу написал своей рукой сам Захария. Все последующие экземпляры стали ее точными копиями!

«Значит, так, – мысленно прикинула я, – можно предположить, что и впоследствии вся утерянная информация, исчезнувшая вместе с украденным листом, уже никогда не была восстановлена!»

Мое любопытство разыгралось не на шутку. Мне хотелось знать: кто, когда и зачем мог вырвать листок из Писания? И самое главное – чего же такого ценного и тайного содержала эта особенная страница?

– Капитан! – Громкий призыв Феникса вывел меня из задумчивого состояния. – Хватит там мечтать, ибо народ требует зрелищ! Тотчас яви нам чудо!

«Ишь ты, чудо им подавай!» – иронично усмехнулась я, но послушно вложила кинжал во вторую замочную скважину и повернула его до упора. Внутри механизма что-то жалобно тренькнуло, и к моим ногам упала рукоятка от кинжала, полностью лишившаяся лезвия. Кристина эмоционально взвизгнула. Поток пламени немедленно начал убывать, пока не погас полностью. Проход в долину оказался свободен. Мы дружно вытянули шеи, заглядывая в ворота...

За неприступным горным хребтом скрывалась поросшая густым лесом котловина, напомнившая мне еще не затронутый грехами Эдем. Звонко запели птицы. Край солнечного диска медленно показался над горами, величественно выплывая из сонного полумрака, яркий и обновленный. Нежная топазовая вуаль повисла в воздухе, чуть касаясь макушек стройных лиственниц. Над деревьями смутно виднелась противоположная часть гор, образуя замкнутое кольцо, опоясывающее долину. Густой, басовитый волчий вой гармонично вплеся в рассветные птичьи трели.

– Наверное, с удачной охоты возвращаются! – восхитился Рей.

Он широко развел руки, словно хотел объять прозрачную колоннаду свежего воздуха,

глубоко вдохнул полную грудь и выразил всеобщее мнение:

- Божественное место!
- Дык,– хвастливо подмигнул ламия,– наши боги поди не дураки! Знают, где жить надобно!
- Санаторий богов,– сострил Айм.
- Ну что,– Влад приглашающее взмахнул рукой,– вот мы и пришли, добро пожаловать в Имлир! Лошадей оставим на перевале, дальше будем продвигаться пешком.
- Все бросились торопливо собирать вещи и сворачивать лагерь.

Феникс рассеянно повертел в руке ставшую совершенно бесполезной рукоять кинжала и уже размахнулся, чтобы забросить ее подальше в кусты, как вдруг я, будто током ужаленная каким-то неясным предчувствием, успела перехватить широкую ладонь штурмана.

- Не надо, не выбрасывай! Я хочу ее сохранить!
- Да зачем тебе понадобилась эта игрушка?– недоуменно вытаращился Фен.– Абсолютно никчемная штука! К тому же – излишне громоздкая и тяжелая...
- Еще не знаю,– неопределенно пожала я плечами,– но чувствую – пригодится. У тебя шнура какого-нибудь нет случайно?

– Случайно есть!– обрадовался штурман.– На!– Он поспешно вытянул тонкий шелковый шнурок, стягивающий пышное кружевное жабо, украшавшее воротник его рубашки, подал веревочку мне, а надоевший декоративный элемент злорадно отодрал и отбросил в сторону.– Давно пора от него избавиться, а то хожу как девчонка – с рюшками!

Я внимательно, с неподдельным любопытством рассматривала рукоять Зуба дракона, лежавшую у меня на ладони. Почти крест, золотой, массивный. Крупный рубин, служивший глазом драконьей голове, призывно переливался в лучах солнца, и казалось, что сказочная тварь подмигивает – насмешливо и многозначительно.

– Странно,– бормотала я, продергивая шнурок в отверстие на конце рукояти,– как будто он на что-то намекает! Верю, пригодится,– я заботливо погладила необычный кулон, теперь ощутимо оттягивающий мою шею,– еще как пригодится!

Какая же она сложная штука – наша жизнь, и вот уж точно неисповедимы и непредсказуемы пути Господни, ведущие нас по ней. Признаюсь откровенно, за последний месяц мой убежденный атеизм здорово ослабел. Нет, ясное дело, идеей собственной божественности я по-прежнему и не помышляла проникаться. Глупое это и бесполезное увлечение – звездная болезнь. Довелось мне когда-то в юности слушать модную рок-оперу «Иисус Христос – суперзвезда». Так вот, ни в какие суперпуперастрономические объекты я не собиралась однозначно, но вполне соглашалась с тем, что некая незримая аура буквально витала вокруг нас, направляя меня вперед, по пути испытаний. Чем же она являлась на самом деле – кармой, предназначением? Хотелось бы мне знать, почему слепое провидение именно нас выбрало на роль тех злополучных героев, коим предстояло исправить ошибки всего человечества, необдуманно ввергнувшего себя в пучину ядерной гибели. Хотя какой смысл думать над сим заумным ребусом – если так или иначе, но нам, и только нам, выпала уникальная возможность – право использовать свой второй шанс на выживание. И следовало полагать, что я вовсе не намеревалась упускать этой редкостной удачи...

Долина Имлир поражала непуганостью и нетронутостью. Все в ней выглядело так, словно до нас в эти края вообще никогда не ступала нога человека. Олени безбоязненно вышли на тропинку, ведущую к водопою, прямо перед нашим отрядом. Крохотный олененок на подгибающихся ножках, пятнистый и по-родственному рыженький, доверчиво вытянул из моих пальцев сдобную пшеничную лепешку, которую я жевала на ходу. А его красавица-мать, с влажными продолговатыми глазами, еще непосредственнее ткнулась носом в карман Феникса, имевшего привычку таскать с собой мятные леденцы в целлофановом пакетике. Красноголовый дятел недовольно покосился на наш отряд и вернулся к прерванному

занятию, с гулкой дробью ввинчиваясь в кору огромной лиственницы. Где-то невдалеке вдохновенно закуковала кукушка...

– Кукушка, кукушка, сколько нам по лесу бродить осталось? – задал классический вопрос Феникс, пытаясь рассмотреть крылатую вещунью, скрывающуюся в густой листве.

– Ку! – немедленно откликнулась хитрая птичка.

– Ой, а че так ма?... – громко хохотнул весельчак-штурман.

Все невольно заулыбались.

– И правда, сколько: час, день, неделю? – поинтересовалась я, догоняя Влада, шедшего впереди, тогда как я тащилась в самом хвосте отряда, слишком занятая разглядыванием окружающих красот.

– Точно не знаю, но, наверно, недолго, – неопределенно откликнулся ламия. – Я здесь никогда не был, но вы же сами видели, что долина невелика, а по легенде – все пересекающие ее тропинки ведут к Храму, выстроенному в центре Имлира!

«Все пути ведут к Храму? – мысленно повторила я, пытаясь понять, какие конкретно ассоциации вызывает у меня эта часто употребляемая, почти риторическая фраза. – Как же это символично!»

Я чувствовала, что подспудно, неосознанно, но трепетно и нетерпеливо ожидаю того заветного момента, когда моя нога вступит на порог неведомого святилища... Что встретит меня там: обретение себя, переломный момент моего постижения пути бога?

Влад услужливо раздвинул раскидистые ветви большого куста, и мы очутились на опушке леса. Далее простиралась округлая поляна, на которой и возвышался долгожданный Храм. Очень высокий, увенчанный легким беломраморным куполом, он ничем не напоминал церкви или святилища любого из известных мне религиозных направлений. Все его очертания, стремительные и геометрически правильные, наводили на мысль о великой мечте человечества – желании летать. Храм богов Имлира свободолюбивым лебедем стремился в небо, казалось, лишь одним мимолетным недоразумением оставаясь прикованным к земле...

– Да-а-а, – восхищенно протянул Алехандро, взбудораженно сжимая мои пальцы своей крепкой, горячей, чуть подрагивающей от волнения рукой, – теперь я понимаю, почему этих богов называют Крылатыми!

– Наверное, они, в отличие от нас, уж точно похожи на настоящих ангелов! – экзальтированно пискнула Крися, пожирая горящим взором сие беломраморное чудо. – Возможно, эти Крылатые боги и желания исполнять умеют?

– А чего бы ты хотела получить? – немедленно заинтересовался Феникс.

– Я бы хотела стать стройной, как Ника! – смущенно покраснела пухленькая маленькая Кристина.

– Ну, – глубокомысленно изрек штурман, – это скоро и без божьего промысла произойдет. Жратвы-то у нас совсем мало осталось, а нам еще идти и идти. А у меня, между прочим, наглые олени даже последнюю конфету выманили!

– Думается мне, местные боги должны иметь облик прекрасных крылатых дев, еще более соблазнительных, чем женщины ламий! – мечтательно пустил слюни Рифорд.

– О, вот это я понимаю, наш человек! – Фен одобрительно похлопал бретера по плечу, почти не уступавшего своим торсом самому штурману. – Истинный мужчина в любой ситуации думает только о трех вещах...

– О каких это? – недоуменно напрягся Антонио, похоже по какой-то тайной причине отнюдь не причисляющий себя к сообществу настоящих мужчин.

– О женщинах, выпивке и драке! – безапелляционно провозгласил Фен.

– Дурак, неисправимый дурак! – безнадежно махнул рукой Айм, услышав подобную спорную истину.

– Сам ты ду... – привычно огрызнулся Фен, но тут случилось нечто неожиданное...

Двери Храма растворились сами собой, издав душераздирающий скрип. Из распахнутых створок пахло ужасающим зловонием...

– Ох ты черт, ну и вонища несусветная! – Штурман зажал нос двумя пальцами и

торопливо отскочил в сторону.— Боги не могут так смердеть! Может, они там все уже давно передохли и сейчас разлагаются?

— Фен, как ты смеешь так говорить? — возмутилась принципиальная Крися.— Они же — боги!

— От богов так не воняет! — продолжал стоять на своем Феникс.

— Куда ты завел нас, вампирский герой? — рассерженно рывкнул Рифорд, с лязганьем вытаскивая из ножен рапиру и заслоняя меня собой. Так, на всякий случай. А то вдруг из вони кто опасный выскочит...

— Идите вы на фиг, я сам тут впервые! — обиженно ощерил клыки Влад.

Феникс громко, издевательски засмеялся.

— Тихо всем! — приказала я командирским тоном.— Нашли из-за чего спорить. Влад ни в чем не виноват. Нужно просто проверить, что находится внутри! — И, не дожидаясь ответа друзей, я первой перешагнула порог лесного святилища.

Храм оказался пуст, правда, не совсем. В нем не обнаружилось ничего такого, что приличествует иметь любому всенародно уважаемому религиозному сооружению. Никаких тебе изображений святых, алтарей, аналоев и прочей мистической чепухи. За порогом Храма скрывалось обширное, идеально пустое помещение, к тому же чрезвычайно грязное и затянутое многолетними тенетами. А прямо посередине беломраморного зала возвышалась огромная куча темного, омерзительно пахнущего гуано. Я удивленно подняла голову. Под потолком Храма притаилась толстая перекладина, на которой, туго завернувшись в свои кожистые черные крылья, висел десяток крепко спящих гигантских... летучих мышей.

— И это — боги? — потрясенно выдохнул виконт.

Ламия ответил ему совершенно ошалелым, безмолвным, ничего не понимающим взглядом.

— М-да,— почесал в затылке Фен,— что-то не похоже, что в этом зоопарке нам удастся выяснить местонахождение ключа от Небесных врат.

— Но клянусь — раньше они считались великими и могучими! — бурно запротестовал Влад, наконец-то пришедший в себя и обретший дар речи.

— Вот то-то и оно, что раньше... — разочарованно пробормотал Айм, ни к кому конкретно не обращаясь.

Я задумалась.

Каждый народ имеет именно тех богов, которых заслуживает... Мне ранее приходилось слышать о богах кровожадных и коварных, слабых и безразличных, но о богах деградировавших — никогда! Однако, с другой стороны, если начать разбираться во всем беспристрастно, то становится понятно: народ ламий вымирает, а их культура и традиции приходят в упадок. Поэтому стоило ли удивляться тому, что нечто подобное произошло и с их богами? Мне оставался единственный выход — попробовать пробудить ото сна хотя бы мельчайшую частицу былого могущества этих загадочных существ...

— А ну-ка брысь все отсюда немедленно! — властно потребовала я.— И закройте за собой дверь с той стороны...

— Ты хочешь задохнуться от вонючих мышиных испражнений? — брезгливо удивился аналитик.— Скажу тебе откровенно, ты выбрала на редкость мучительный способ покончить с собой.

Я старательно нахмурилась, имитируя крайнюю степень раздражения:

— Приказы капитана не обсуждаются!

— Даже если капитан стремится навредить себе? — иронично вздернул бровь виконт.

Под испытующим взглядом любимого мужчины я не устояла и смягчила тон:

— От вас без объяснений не отвяжешься. Уйдите, пожалуйста, я хочу сосредоточиться и попробовать прочесть мысли этих созданий.

— А это не опасно? — забеспокоился бдительный Риф.

— Ничуть,— покривила я душой.— Уходите!

Друзья нехотя покинули Храм, прикрыв за собой массивную двустворчатую дверь.

Я отошла к стене, выбрала мало-мальски чистый участок пола, расстелила там свой плащ и уселась в позе лотоса. Закрыла глаза, положила на колени расслабленные руки, повернув их раскрытыми ладонями вверх, и попыталась отрешиться от всего земного, проникая в сознание висящих под потолком тварей...

Мыши спали... Они спали уже давно, забывшись тяжелым сном без сновидений, медленно переходящим в безболезненную смерть. Ничто более не привязывало их к этому примитивному миру. Крылатые братья и сестры, число которых когда-то превышало сотню особей, ушли из жизни уже много лет назад, оставив последних представителей своего племени одиноко доживать оставшиеся унылые годы никчемного существования. Твари знали, что Земля погибает, и печально смирились со своей бессильной неспособностью что-либо исправить. Любовь и вера умерли давным-давно, а теперь от них уходила надежда. Их жизнь утратила какой-либо смысл...

«Надежда!» – Я уцепилась за этот крохотный, отчаянный проблеск некогда мощного интеллекта крылатых существ и начала раздувать его все ярче и ярче, одержимая идеей спасти страдальцев, добровольно обрекших себя на постепенное увядание. И Крылатые боги откликнулись! Сначала я почувствовала лишь легкое возмущение и недоумение, а затем – жгучий интерес и готовность пробудиться. Твари вздохнули и зашевелились. Крайний ко мне кокон неожиданно развернулся, величественно раскрывая свои огромные крылья, являя темное, суровое мужское лицо и мускулистую грудь с мощными руками. Ниже пояса его тело переходило в звериные лапы, покрытые густой черной шерстью и оканчивающиеся цепкими, изогнутыми когтями. Бог широко распахнул серебристые глаза, подобно звездам ярко сиявшие на смуглом лице, и угрожающе зашипел. Я усилила мысленный напор, делясь с ним своими замыслами и намерениями, умоляя о понимании и поддержке. Это стоило мне остатка сил. Я ощутила теплые струйки крови, потекшей из носа. В голове у меня загудело, а уши заложило, образуя замкнутый холодный вакуум, в котором напряженно плавился мой воспаленный мозг. В полубреду мне почудилось, будто крылатый мужчина легко спланировал с потолка и направился ко мне, звонко цокая когтями по грязным мраморным плитам. Его рост и могучая стать изумляли. Вот он подошел ко мне совсем близко и что-то произнес. Но я не расслышала его слов. Глаза мои закрылись, и я неуклюже повалилась на холодный пол Храма...

– Ее мозг не пострадал – она просто переутомилась и отдала слишком много энергии! – с облегченными интонациями констатировала Кристина.

– Напоите ее вот этим эликсиром, – сострадательно предложил незнакомый мужской голос, непривычно чудной, чуть пришепетывающий. – Он очень хорошо помогает от упадка сил, содержит мумие и травы – никакой химии, настоящий природный транквилизатор.

«Ух ты! – мысленно изумилась я, не открывая глаз и продолжая заинтересованно прислушиваться к речи незнакомца. – А разговаривает он грамотно и чрезвычайно компетентно!»

– Можно не опасаться кровоизлияния в мозг или иной тяжелой патологии, – между тем обнадеживающе продолжал врачеватель, – это просто обморок.

– Вы уверены? – спросила Крися тем особенным, уважительным тоном, которым она разговаривала только с коллегами.

– Абсолютно! – успокаивающе пророкотал незнакомец. – У вашего капитана на редкость крепкий организм и великолепный иммунитет!

Заинтригованная донельзя, я подняла ресницы...

Я лежала на расстеленном одеяле в траве перед Храмом, а надо мной склонился тот самый необычный мужчина, чье появление я раньше посчитала всего лишь плодом своего не в меру разыгравшегося воображения. Серебристые глаза заботливо вглядывались в мое лицо, черные губы растянулись в приветливой улыбке.

– Вы – бог? – в лоб спросила я.

Крылатый даже вздрогнул от неожиданности.

– А вам очень идет прямолинейность! – галантно поклонился он, компактно складывая за спиной свои черные крылья. – Безмерно рад нашему знакомству, сестра!

– Сестра? – то ли спросила, то ли уточнила я.

– Да! – с нажимом подтвердил незнакомец, как бы пытаюсь убедить меня в своей правоте. – Мы с вами в некоем смысле родня, ибо у вас тоже есть крылья!

– Бред! – Я попыталась приподняться.

Алехандро тут же бережно подхватил меня под мышки и помог сесть. Я поблагодарила любимого признательным взглядом.

– Кто вы вообще такой?

– Точно не бог! – самокритично признался крылатый. – Нам никогда не нравилось это слово: слишком уж ко многому оно обязывает. Мы предпочитаем называть себя Рыцарями света. Я – старший из детей выживших беженцев, вкусивших кровь вампира Дракулы. Меня зовут Маарбах.

– А по мне, так вы больше похожи на рыцаря тьмы! – зачем-то поддел его мой верный Рифорд.

– Друг мой, вы понимаете слово «свет» слишком уж однобоко, – мягко упрекнул его Маарбах. – Имеется в виду – рыцари со всего света. Наши предки происходили из разных мест и народов...

– Как, и из негров тоже? – смешливо гыкнул неумный скандалист Фен.

Я украдкой показала невежливому штурману кулак. Крылатый прятал улыбку и усиленно делал вид, будто он ничего не понял.

– И вы помните Захарию Финдла? – Я решила не отступать от уже заявленной прямолинейности.

Рыцарь ответил мне задумчивым взглядом:

– Увы, я – нет. Но могу вас заверить – до меня дошло достоверное предание об этом великом человеке. Зато, – он хитро прищурился, – я могу познакомить вас с человеком, лично знавшим легендарного строителя нашего прекрасного Храма.

– Который вы благополучно загадили! – вполголоса буркнул Алехандро, но летучие мыши, как известно, обладают великолепным слухом.

Маарбах заметно смутился:

– Прошу, не судите нас строго: ведь мы – всего лишь жалкие обломки прошлого. Того прошлого, которого уже не возродить...

– Земля умирает! – не подумав об эффекте, производимом этими словами, жестоко информировала я.

Рыцарь печально вздохнул:

– Мы это чувствуем. Мы хотим уйти в небытие вместе с нашим миром, и если бы не ты, то никто уже не посмел бы прервать нашего предсмертного сна. Но ты пришла, обещание сбылось... – Он бережно взвесил в руке тяжелый локон моих рыжих волос. – Именно такая, какой и описывал тебя пророк Захария: горячая, словно пламя, и сдержанная, будто лед. Мы знаем, что ты ищешь. Но обретешь ли ты искомый дар судьбы – зависит только от тебя! Идем же, моя крылатая сестра, – он призывно махнул крылом, указывая куда-то за угол Храма, – я отведу тебя к Хизли!

– А кто он такой, этот ваш Хизли? – Феникс попытался пристать с расспросами, но Маарбах упрямо молчал, не обращая ни малейшего внимания на любопытного штурмана.

Мы обогнули здание с северной стороны, следуя за своим необычным проводником. Рыцарь подошел вплотную к фундаменту Храма, раздвинул сочные стебли полыни, буйно разросшиеся в прохладной тени, и продемонстрировал мне узкое отверстие лаза, откуда нестерпимо несло запахом давно не убиравшегося курятника.

– Наш отшельник стар и пуглив, а поэтому, – он оттолкнул Феникса, пытавшегося впереди меня протиснуться в тесный ход, – со мной пойдет только рыжая дева...

– Ну вот, – недовольно заворчал штурман, – опять все самое интересное достается Нике.
– Не пыли, Финик, – предостерегающе одернул друга Айм. – И на твою долю приключений хватит, тем более что ты со своими габаритами все равно не сможешь пролезть в эту дыру.

Я заговорщицки подмигнула рассудительному аналитику и гибко юркнула следом за Маарбахом, который, нещадно обдирая крылья, уже спускался в подземный ход...

Пресловутый туннель и правда оказался ужасно узким. Мой спутник недовольно ругался вполголоса, неразборчиво произнося непонятные мне слова. Комки сухой земли сыпались за шиворот, пыль забивалась в нос и рот, застилала взор, вынуждая меня ползти на ощупь, ориентируясь лишь на шум, производимый крупногабаритным рыцарем. Неожиданно лаз расширился, и я, не успев остановить поступательного движения, кубарем скатилась в большую яму, выстланную чем-то мягким. Несколько минут я отчаянно пыталась проморгаться, протирая глаза и одновременно с этим выплевывая набившийся в рот мусор. А потом мои зрачки начали привыкать к темноте, и я потрясенно вскрикнула, увидев нечто необычное.

В подземном жилище царил туманный полумрак, немного разбавленный синим, фосфоресцирующим светом каких-то неизвестных мне грибов, во множестве росших на стенах песчаной пещеры. Пол логова, а вернее, дно довольно сухой и уютной ямы выстилал толстый слой сброшенных перьев, в центре которых свернулось что-то мохнатое, снежно-белое...

– Хизли! – осторожно позвал Маарбах, и меня до глубины души тронула та робкая нежность, которая отчетливо прозвучала в его голосе.

– Пришел-таки, – насмешливо буркнул комок перьев, странно молодо и клекочуще. – А ее – привел ли?

– Привел! – торжественно откликнулся рыцарь.

– Это хорошо! – вновь донеслось из комка. – Теперь и умирать не жалко.

Сугроб белых перьев потянулся, распрямился, развел конечности и превратился в фигурку древнего старца, кажущуюся особенно щедеушной на фоне мощных, щедро оперенных крыльев. Его перья, ранее принятые мною за белоснежные, отливали благородной серебристой, самой настоящей сединой. Крохотная, голая и непропорционально шишковатая голова сидела на длинной, тощей шее, а из-под резко выступающих надбровных дуг на меня дружелюбно взирали лукавые молодые глаза – голубые, как весеннее небо.

– Подойди ближе, дочка! – просительно велел старик, по-детски любознательно и доверчиво. – А то я уже давно утратил способность двигаться: совсем старого ковбоя проклятое люмбаго¹⁰ замучило...

– Ковбоя? – изумилась я, придвигаясь к забавному существу и трепетно прикасаясь к его хрупкой, костлявой лапке. – То-то мне ваше имя что-то знакомое напомнило... Техас, не так ли?

– Ох и удружила же ты старику, милочка! – Хизли от удовольствия даже закрыл глаза, вслушиваясь в мой голос. – Я ведь только об одном и мечтал – как бы напоследок поговорить с человеком, тоже помнящим наше славное ушедшее времечко!

– Я никогда не забуду родео, барбекю из курицы и вкусняющие кукурузные лепешки, – шепнула я на ухо Хизли, чувствуя, как у меня от волнения дыхание пресекается в горле. Этот человек жил в мое время!

– Да, да, точно, – по-птичьи курлыкал старик, – вот это была жизнь!

Потом он необычайно широко распахнул свои голубые глаза, почти наполовину затянутые бельмами катаракты:

– Обещай мне, милочка, что ты обязательно устроишь все это на новом месте: и родео,

---

¹⁰ Л ю м б а г о – боли в поясничной области.

и барбекю, и лепешки. Обещай!

Я торжественно кивнула. Бледные губы Хизли расплылись в довольной ухмылке.

– Он так много рассказывал о тебе – мой хитрый друг Захария. Ну, после того как мы вкололи себе то дьяволово зелье, которое он сварганил из крови древнего вампира в хрустальном гробу, коего мы нашли на берегу пересохшей реки...

Я взволнованно прикусила язык, сдерживая рвущиеся с него вопросы и боясь вспугнуть бесценные воспоминания полубезумного старого ковбоя.

– А сразу же после инъекции вакцины от лейкемии у нас начались мутации, – возбужденно продолжил Хизли, самозабвенно раскачиваясь и хихикая. – О, это было великолепно! Крылья, полеты и все такое... Но вот у Захарии крылья почему-то не выросли. У него что-то здесь произошло. – Хизли выразительно покрутил у виска своим кривым сизым пальцем. – Наверное, он стал гением, хотя и до того дураком не выглядел. Мы помогали ему строить Храм и генераторы, защищавшие вход в долину Иммир. Он много болтал о тебе, он так и говорил напрямую: «Она придет через тысячу лет – рыжая и очень смелая», – и постоянно писал какую-то странную книгу. Вскоре после этого он ушел от нас навсегда, а без него все начало хиреть и разваливаться. Прости меня, милочка, – старик виновато затряс лысой головой, – я почти все забыл, ведь я всегда оставался всего лишь скромным и не шибко мозговитым пареньком с фермы. Но он велел мне помогать тебе всем, чем только смогу!

– А вы и так уже помогли мне, – нежно коснулась я губами его морщинистого лба. – Ты и теперь остаешься чертовски крутым парнем, Хизли из Техаса!

– Милочка! – Старик благодарно поднял на меня свои сияющие от счастья, разом помолодевшие глаза. – Это так здорово – услышать перед смертью подобные слова от такой красотики! – Сухие пальцы игриво ущипнули меня за щеку, и я, желая повеселить старика, кокетливо взвизгнула.

Хизли довольно захихикал. Маарбах смотрел на нас непонимающе, потрясенно расширив глаза.

– Ты действительно его лучшая ученица! – признал старик. – Он велел передать тебе: «Ключ от Небесных врат хранится в руках Крылатой девы, а нужный тебе документ – у Рыжих жриц, которые подскажут путь к «Ковчегу». Бойся Навигатора – он не тот, за кого себя выдает, он – враг!» И демон меня заberi, если я хоть что-то понимаю во всей этой галиматье! – уже от себя добавил Хизли.

Но я прекрасно поняла смысл последнего послания директора Навигаторской школы.

– А где находится статуя девы? – спросила я.

– Маарбах тебя проводит, – шепнул старик.

Стало заметно, что вспышка энергии, питающая его волю, начала угасать, погружая Хизли в привычный полусон. Я заботливо обхватила его запястье, желая поделиться своей силой, но старик сердито заворчал и протестующе отпихнул меня от себя.

– Не утруждайся попусту, милочка! У меня рак, мне предстоит умирать еще очень долго и мучительно. Но, – старик игриво причмокнул иссохшими губами, – в первую очередь ковбой всегда остается джентльменом! Заberi остаток моей жизни, милочка... Тогда я умру безболезненно, а ты получишь мой посмертный дар, который когда-нибудь тебе очень пригодится...

Я беспомощно оглянулась на Маарбаха, не зная, как следует поступить.

– Соглашайся, – убежденно кивнул рыцарь. – Отшельник ничего не делает просто так!

– Хорошо. – Я ласково заглянула в голубые глаза старика: – Вы готовы?

– К твоим услугам, моя радость, – молодецки флиртовал Хизли. – Поцелуй меня еще разочек, милочка, твои манящие губки напоминают мне о молодости!

Я интимно погладила его по щеке и поцеловала прямо в губы – долгим поцелуем влюбленной девушки. Мои мысли сплелись с воспоминаниями старика...

Я увидела золотистое пшеничное поле и уютное гнездышко из колосьев, в котором коренастый, мускулистый юноша из Техаса и девушка с рыжими косами предавались первой, самой сладкой любви. Я постаралась максимально достоверно оживить давно

угасшие ощущения старика и почувствовала, как Крылатый бог восхищенно затрепетал, вновь наслаждаясь жаркой страстью любовной истомы... Хизли умер счастливым... Последняя светлая капля его жизненной энергии тепло скользнула по нашим губам, до поры до времени затаившись где-то в глубине моей души. Я тихонько опустила на перья ставшее совсем легким тело, любуясь блаженной улыбкой, запечатлевшейся на лице усопшего.

Рядом беззвучно плакал Маарбах...

Маленькое лесное озеро густо затянуло мятой и тимьяном, и поэтому даже вода в нем, едва достигавшая наших колен, имела искристый нежно-зеленый цвет. Оттенок выдержанного абсента. Мы перешли водоем вброд, легкомысленно засматриваясь на крохотных золотых рыбок, шмыгающих возле наших ног. Маарбах случайно макнул в воду кончик крыла, и озеро ненадолго подернулось мелкой рябью, но потом снова выровнялось, напоминая бесценное зеркало в оправе из крупных изумрудов. Я с любопытством всмотрелась в свое отражение. Мои щеки сильно загорели, а глаза светились пронзительным ведьминым светом. Я похудела, скулы заострились, возле внешних уголков век залегли едва заметные ниточки мимических морщинок, а лоб пересекали две глубокие суровые полосы. То был след тяжелого бремени забот и ответственности за друзей.

– Милая! – с волнением позвал Алехандро, стоявший у самого берега по щиколотку в воде. – Может, мне следует пойти с тобой?

Но я, не оборачиваясь, успокаивающе махнула рукой – мол, не нужно за меня переживать, оставайся, где стоишь.

Островок оказался крохотным. Чудесный клочок земли в самом центре озера, сплошь поросший полураспустившимися, нежными дикими тюльпанами и левкоями: светло-сиреневыми, ароматными. На нем едва хватило места нам с Маарбахом, потому что большую часть острова занимала гигантская мраморная фигура Крылатой девы. В ней совсем не просматривалось той суровой сосредоточенности, которой отличалась статуя «имени меня», охранявшая ворота Никополиса. Да и меча у этой скульптуры не было. Напротив, дева имела подобные ангельским, широко распахнутые крылья, гордо реявшие у нее за спиной. Крылатая воодушевленно поднялась на цыпочки, словно готовая воспарить в небо, обратив к солнцу свое восторженно улыбающееся лицо с мечтательно полузакрытыми глазами. Сквозь пальцы ее прижатых к груди ладоней пробивался удивительно прозрачный, какой-то совершенно неземной свет...

Это сиял ключ от Небесных врат.

– Как его доставать-то оттуда прикажете? – озадачился Фен. – У нее же руки каменные, не разогнешь! Обломать бы их, как Венере Милосской!

«Разогнуть мраморные руки!» – Я задумчиво обошла статую по кругу, стараясь не растоптать хрупких цветов. Маарбах спокойно наблюдал за моими растерянными движениями.

– Рыцарь! – не выдержала я. – Ну хотя бы одну зацепку дай, слабый намек, единственную подсказку...

Маарбах неопределенно усмехнулся:

– Она все слышит! Расскажи ей о себе, а еще о том, что тебя беспокоит, чего ты добилась и к чему стремишься. И если Дева сочтет тебя достойной столь высокого дара, то она сама отдаст ключ его законной владелице...

«Отдаст сама? – мысленно удивилась я. – Ну хорошо, предположим теоретически, что внутри машины якобы скрыт некий умный механизм, призванный отреагировать на то, чем обладаю именно я. Но какому конкретно сигналу он подчиняется – моему голосу? Нет, маловероятно, уж слишком это ненадежно. Человеческий голос способен измениться: ведь за все прожитые годы я могла охрипнуть, опискляветь, получить травму гортани... Следовательно, индивидуальные особенности моей голосовой модуляции мы отвергаем. Что же тогда еще? Какие-то особенные слова-пароли, на которые запрограммирован механизм?...»

Я сосредоточенно кусала губы:

«Ах ты, директор, старый хитрец! Помнится, Захария являлся одним из самых страстных почитателей моих стихотворных изысканий. Скорее всего, он ожидал, что я и здесь начну декламировать стихи. Но о чем? О той, кем я стала? Достояна ли я звания бога? Какие деяния я совершила, нашла ли свой тайный Храм, сокрытый в душе каждого человека? Долог и тернист путь к Храму сущности человеческой...» Я не заметила, как мои мысли сами собой облеклись в проникновенные слова и зазвучали над тихим лесным озером:

Я хочу так мало, а могу так много.
Почему же к Храму не пришла дорога?
Почему-то в сердце благодати нету,
С проклятой душою я брожу по свету.

Окна помутнели, стены обветшали,
Веет в душу ветер грусти и печали,
Спрашиваю Небо: «Не найду ответа —
Почему не быть мне на вершине света?»

Хмурит тучи Небо — тучи ходят низко,
Протянуть бы руку: вроде счастье близко.
И сказало Небо — ласково, но строго:
«Видно, можешь мало, ну а хочешь — много...»

Маарбах восторженно вздохнул, Алехандро сиял светлой улыбкой, полной любви и гордости, вдохновенно молился Антонио...

Раздался громкий, мучительный скрип. Крылатая дева медленно отвела ладони от груди и призывно повернула голову в мою сторону. Я потрясенно отступила назад, отказываясь поверить собственным глазам. Взмолнованно вскрикнула эмоциональная Крися. Свет, струящийся из ладоней статуи, стал нестерпимо сильным, разом осветив все вокруг...

— Высоко! — недовольно прокомментировал Феникс.— Она слишком высокая, а Ника по сравнению с ней — маленькая, ниже стремени.

— Но у нее есть крылья! — уверенно подсказал рыцарь.

— Крылья? — недоверчиво переспросила я дрогнувшим от волнения голосом.

— Крылья, сестра, крылья! — Маарбах для наглядности широко распахнул свои, черные и кожистые.

Я завела руку назад, желая нащупать крылья, о которых твердил рыцарь, но за моей спиной оказалось пусто. Айм недоуменно пожал плечами, Антонио смотрел на меня с ожиданием и надеждой, Фен дурашливо покрутил пальцем у виска.

— Поверь в себя, любимая! — с нажимом потребовал Алехандро.— Ты — сильная, ты сможешь!

Я закрыла глаза и представила себе два белых, щедро оперенных паруса, вырастающие из моих плеч. Вот они крепнут, наливаются силой, наполняются ветром... Я почувствовала что-то незнакомое, поэтому внезапно подняла веки и пронзительно взвизгнула от испуга, обнаружив себя неловко болтающейся в воздухе, в полуметре над землей.

— Ну же, ну! — ликующе закричал виконт.— Лети, милая!

«Я хочу летать, я научусь летать!» — подбадривала я себя, поднимаясь все выше и выше в небо.

Лицо Крылатой девы приблизилось. Я с интересом заглянула в ее раскрытые ладони. В руках статуи лежали два круглых браслета, пульсирующих холодным серебристым пламенем. Я потянулась к долгожданному артефакту, а браслеты тут же тонко, мелодично зазвенели, вылетели из ладоней Крылатой девы и сами нанизались на мои запястья, так идеально подойдя по размеру, словно именно для меня и делались. По моему телу

немедленно разлилась жаркая волна неслыханной силы.

«Энергетические накопители воистину гигантской мощности,— поняла я, буквально купаясь в потоках переполнявшей меня энергии.— Невероятная технология, необъятный потенциал! Захария и впрямь стал гением!»

— Капитан! — с завистью заорал снизу Фен.— Ну, может, хорош уже, как Карлсон, круги в небе нарезать? Тебе бы очень пошли штаны с пропеллером... Спускайся вниз — обратно на грешную Землю!

— Чудо! — привычно лепетал набожный послушник Антонио.

Глава 5

Военный совет мы решили совместить с обедом. Несколько минут все молчали, сосредоточенно утоляя первый голод, но, когда дело дошло до сахарного печенья — любимого десерта ламий,— мы понемногу разговорились. Феникс вольготно развалился на расстеленном на траве одеяле, лениво пересчитывая плывущие по небу облака. Я бесцеремонно пихнула штурмана в бок:

— Эй, а ты почему это вдруг притих? Знаешь, как-то непривычно видеть тебя таким задумчивым, серьезным, не слышать твоих обычных шуточек...

Феникс сосредоточенно запустил пятерню в короткий ежик своих едва отросших темных волос и посмотрел на меня оценивающе:

— Капитан, а ты осознаешь, что до настоящего момента мы весьма хорошо проводили время. Но ведь время не проведешь!

— Чего это Финик там такое заузное несет? — невнятно поинтересовался Айм, не отрываясь от печенья.

— Никак он на солнышке перегрелся! — ахнула заботливая Крися, прикладывая ладонь к загорелому лбу штурмана.

Феникс сердито мотнул головой, сбрасывая руку девушки. Его темные, как маслины, глаза продолжали неотступно следить за выражением моего лица.

— Подождите с осуждением! — Я пресекла недовольные комментарии друзей.— А ведь Феникс прав! Ну-ка развей свою мысль дальше...

— О-о-о, и до тебя дошло наконец-то,— одобрительно усмехнулся Фен, приподнимаясь на локте.— То, что время работает против нас,— это и так всем понятно. Но сейчас я говорю немного о другом, а именно о том, что легкое времяпрепровождение закончилось — впереди нас ожидает самое трудное испытание...

— Угум-с,— подавился сладостями аналитик, пытавшийся разговаривать с набитым ртом.— Черт меня раздери, а ведь наш балагур прав, и найти Небесные врата будет куда потруднее ключа! Финик, ты, кажется, поумнел!

— Почему труднее? — не поняла Кристина.

— Следующий пункт нашего путешествия — Тибет и пустыня Гоби,— взял на себя Рей труд прояснить ситуацию.— До них мало того что безумно далеко, так еще в месте обитания Рыжих жриц и радиация зашкаливает намного выше нормы.

— Вот-вот, и я об этом же,— подхватил Феникс, вновь разваливаясь в непринужденной позе.— А то привыкли все считать, будто я — слабоумный!

— Ну да,— начал неловко оправдываться Айм,— во многих вопросах ты явно мелко плаваешь!

— Зато как гребет! — хмыкнул Алехандро, дружески подмигивая штурману.

— Так что же нам теперь делать? — плаксиво надул губы Антонио.

— Э, парень, ты чего? — с порицанием нахмурился Феникс.— Запомни: настоящие мужчины никогда не плачут, вместо этого они заставляют плакать своих врагов!

— Ну и какой совет даст нам настоящий мужчина? — ехидно спросила Крися, явно оскорбленная неблагоприятными намеками в адрес ее сердечного друга.— Какие действия мы предпримем?

Но все присутствующие в нашей компании мужчины молчали, словно воды в рот набрав.

– Кажется, у меня возникла идея,– вполголоса пробормотала я, но девушка услышала:

– Опять ты вперед лезешь, рискуешь, а мужчины у тебя за спиной отсиживаются?

– Какая же Ника женщина,– ненатурально бурно запротестовал Фен,– если у нее вторичные половые признаки: штаны, шпага и шляпа!

– Ой ли?..– протестуя поднял брови Алехандро.– Не каждый, кто в штанах,– мужик, не каждый, кто в юбке,– баба!

Все прыснули, я покраснела, а виконт с делано безразличным видом многозначительно подкручивал свои ухоженные усики, явно намекая на что-то фривольное.

– Похихикали – и хватит,– заметила я,– вернемся к делам. Маарбах!

– Я здесь!

Рыцарь вежливо распахнул крылья, под прикрытием которых он тихо продремал весь обед. Похоже, крылатый не испытывал нужды в человеческой пище.

– Ты знаешь дорогу к обиталищу Рыжих жриц?

– Знаю,– с готовностью закивал рыцарь.– Эти женщины входили в число тех выживших после войны людей, кто отведал лекарства, созданного Захарией. Поначалу они жили с нами, но затем почему-то навсегда покинули долину Имлир. Первое время вести от них приходили регулярно, но потом связь со жрицами оборвалась.

– А радиация? – искренне изумился Айм.

Маарбах высокомерно напыжился:

– Избранным, испившим крови вампира, не страшна никакая радиация. Я готов проводить Нику в горы Тибета. Но только одну ее, ибо вас излучение убьет.

– А тебя оно не убьет, милая? – испуганно вскинулся Алехандро, собственнически хватая меня за руку.– Никуда я тебя не отпущу, да еще в сопровождении этого... птеродактиля!

– Похоже, у меня хватит энергии для создания силового поля, через которое не проникнет жесткое излучение.– Я бережно погладила энергетические браслеты.– А потом мы все встретимся в пустыне Гоби.

– Но как мы туда попадем? – вразнобой закричали остальные.

– Мне подумалось,– я просительно посмотрела на Маарбаха,– может быть, твои собратья пробудятся ото сна и помогут нам – перенесут моих спутников в пустыню?

Рыцарь мгновение подумал и величественно кивнул:

– Мы поможем, но с одним условием: вы восстановите работу генераторов, перекрывающих доступ в долину, и предоставите нас нашей участи!

– Не забывай – Земля скоро погибнет,– мягко напомнила я.

Крылатый кивнул повторно:

– Мы знаем, но, поверь, мы пожилы достаточно. Слишком много горя и страданий выпало на нашу долю. Бесконечное бессмертное существование со временем неизбежно превращается в бесконечное наказание, теряя статус драгоценного дара. Наш мир умирает, и мы хотим разделить его судьбу. Возможно, вам этого не понять!

Феникс с видом фаталиста пожал своими широкими плечами:

– Жизнь, как и всякое разумное действие, имеет логический конец. Лишь тот, кто не сумел почерпнуть из долгого существования ничего полезного, может и дальше бесцельно маяться такой бессмысленной ерундой, как бессмертие.

Айм обалдело внимал обычно легкомысленному пилоту, открыв от удивления рот.

Маарбах приложил руку к груди и благодарно поклонился:

– Ваш штурман мудр. Он видит скрытую суть явлений и умеет уважать выбор другого человека.

«Выбор,– размышляла я,– а не слишком ли часто это слово возникает на нашем пути? Интересно, а у меня он есть, этот выбор?»

– Как можно возобновить работу генераторов? – поинтересовался практичный Влад.

– Нужно восстановить целостность разъединенных контактов на каменных стенах с внутренней стороны долины,— пояснил рыцарь.— У нас нет металла, но у вас, возможно, найдется два медных кольца, с помощью которых мы снова замкнем цепь питания...

– Это подойдет? – Алехандро снял со своих запястий два золотых браслета.— Может, никчемные побрякушки пригодятся для благой цели?

– Великолепно! – Полностью удовлетворенный Маарбах с улыбкой вертел в руках драгоценные украшения.— Они подойдут идеально!

«За все в этой жизни приходится платить,— снова подумала я.— Разве это случайность: браслеты взамен браслетов и выбор крылатых – за помощь нам? Значит, для построения целостной цепи событий нам не хватает еще одного, самого важного штриха...»

– Маарбах, ты ведь помогаешь нам не просто так?

Рыцарь вздрогнул:

– Ты все поняла сама! Взамен мы просим вас спасти наших детей – ламий!

– Но мы и так заберем их на Землю-2, как только найдем «Ковчег»,— заверила я.— Так нужно ли умирать тебе и твоим братьям всего лишь для того, чтобы подтвердить свою божественность?

Маарбах хрипло рассмеялся, голос его дрожал от волнения:

– О да! Мы хотим умереть как боги – отжившие боги старого мира. Как капитан не покидает свой тонущий корабль, так и боги не покидают того мира, в котором они правили, но который не смогли спасти. И в этом,— он выразительно посмотрел на меня,— есть истинный смысл завершения нашего жизненного пути. Теперь наши дети последуют за тобой – ты станешь их лидером. Прошу тебя, подари им новый мир, более счастливый и благополучный. Мир, у которого есть будущее!

– Подарю! – торжественно пообещала я.— Клянусь тебе в этом, Маарбах!

С высоты птичьего полета моим глазам предстало воистину удручающее зрелище: жалкие остатки гор, иззубренные огромными кратерами воронок, образовавшихся в результате многочисленных массированных взрывов. А ведь раньше Тибет и Памир называли великой Крышей мира! Теперь же от них остались только руины да след рухнувшего чердака – глубокая яма, до краев наполненная смертоносной черной жижей. Над мертвой землей клубился мутный туман, изредка прорезаемый короткими спонтанными вспышками молний, вызванных статическим электричеством.

Рядом послышалось хлопанье могучих крыльев. Маарбах, совершавший облет местности, вернулся, недовольно щуря глаза и выразительно ругаясь сквозь зубы:

– Я уже слишком давно не покидал долину, но лучше бы я и сейчас этого не делал. Все мы родились в Имлире спустя много лет после окончания войны и никогда не являлись людьми в полном смысле этого слова. Мы никогда не видели прежней Земли, но даже теоретически то, что с ней произошло... – рыцарь тщетно подбирал слова,— просто ужасает!

– Зато у меня имеется наглядная возможность сравнивать настоящее и прошлое, и хочу тебя заверить – это еще не предел! – печально дополнила я.— Грядет настоящий апокалипсис! Разлитое топливо проникает все глубже, буквально растворяя почву, отравляя воду и воздух. Катастрофа неизбежна!

– М-да,— горестно вздохнул крылатый.— Поскорее забирай всех, кого сможешь, и улетай на Землю-2. Вы молоды и полны сил, вы сумеете начать все заново. А дом,— он широко распростер руки, обводя линию горизонта,— дом не там, где мы выросли, а там, где нам хорошо!

– Для этого нужно найти «Ковчег»,— терпеливо напомнила я,— и побыстрее...

– Да.— Маарбах указал вниз.— Видишь вон тот обломок скалы? Спускаемся к нему.

Рыцарь заложил крутой вираж и мягко спланировал на камни, приземлившись точно в указанное им место. Я немного замешкалась в небе, пока еще неспособная так мастерски управлять своим телом. К тому же много моих сил и внимания уходило на поддержание силового щита, защищавшего меня от радиации. Энергетические браслеты на руках ярко

светились, щедро делясь со мной своими запасами. В итоге на моем приземлении заметно сказался недостаток практического опыта – я больно ударилась ногами о неровную поверхность скалы и покачнулась, чуть не столкнув Маарбаха. Крылатый снисходительно улыбнулся:

– Наверно, трудно летать вот так – не имея физических крыльев, а пользуясь лишь силой мысли? Ну да ничего, ты быстро учишься.

– Недостаточно быстро, – обиженно проворчала я, потирая ушибленную косточку на щиколотке. – Здорово я грохнулась – даже сапоги не спасли...

Маарбах красиво сложил крылья за спиной и уселся прямо на камень. Снял с пояса маленький мешочек и протянул мне:

– Орехи из нашего леса, с медом и травами. Поешь, сестра, и твои силы тут же восстановятся.

– Вкусно! – восхитилась я, уминая лакомство за обе щеки. – А чего мы ждем?

– Заката, – коротко ответил крылатый.

Я не понимала, чем так важен заход солнца, но решила не торопить Маарбаха, полагаясь на его чутье и недоступные мне знания.

Мутный, рваный туман враждебно клубился вокруг скалы, протягивая к нам белесые плети, напоминающие живые щупальца, принадлежавшие какому-то неведомому, но, очевидно, весьма голодному чудовищу. Наш спасительный каменный островок ненадежно плавал в центре безбрежного ядовитого океана. Туман снова и снова накатывал на мое защитное поле и с разочарованным шипением поспешно отползал обратно, будто обжегшись. А рыцаря он не замечал совершенно, как если бы того и вовсе на свете не было. Ниже уровня тумана землю покрывал ровный слой мертвой черной жижи, подернутой жирной маслянистой пленкой и издающей неприятный резкий запах. Я дразняще поболтала ногой, разгоняя клочья тумана, и опустила в жижу щуп портативного анализатора, встроенного в мой наручный интерком. Ух ты, да это же настоящая гремучая смесь: разлитое топливо плюс сажа и пепел, разбавленные плавленным песком и элементами распада ядерных зарядов. Счетчик Гейгера стрекотал сверчком, показывая что-то уж совсем нереальное. Такие цифры читаются однозначно: мгновенная смертельная доза!

«М-да, – я пригорюнилась, – и как здесь способны жить эти загадочные Рыжие жрицы? А без них мы «Ковчег» вряд ли найдем...»

Стемнело. Непроглядная чернота под нашими ногами почти слилась с мраком, разлитым над головой. Нахохлившийся Маарбах стал до абсурда похож на какого-то североамериканского индейского вождя. Сидит себе неподвижно, словно статуя, да еще и в крылья, как в плащ, завернулся. Не хватает только прически ирокезом и томагавка за поясом, а его красивый орлиный нос в профиль изрядно смахивает на клюв. Не сдержавшись, я фыркнула. Рыцарь величественно повернул ко мне голову и улыбнулся краешками губ. Вот-вот, вылитый Большой Змей, а точнее – мышшь, только что-то уже не помню, как его точно звали, того вождя, – не то Чупагук, не то Чингачупс.

– Смотри! – вдруг бдительно встрепенулся крылатый, своим острым черным когтем указывая вдаль.

Я прищурилась и увидела: на расстоянии где-то около километра впереди внезапно замигал крохотный синий огонек.

– Это оно, – радостно опознал рыцарь и поднялся на крыло.

Я свечкой взмыла вверх, стремглав догоняя шустрого летуна. Маарбах уважительно кивнул, оценив мою возросшую скорость и улучшившуюся технику полета.

В глубине зараженной территории ядовитая пелена сгустилась еще сильнее, окутывая нас плотным покровом. Гнилостный запах навязчиво лез в ноздри, а потому даже обычно невозмутимый Маарбах и тот досадливо морщился и откашливался. Зеленоватые, светящиеся столбы испарений складывались в причудливые фигуры, напоминающие то дом с колоннами, то раскидистую пальму. Я изумленно рассматривала очередное

фантазмагорическое явление. Запах, до этого мгновения казавшийся гадко неприятным, неожиданно начинал приобретать сладковатый оттенок, обморочно кружить голову, навевать сонливость. Меня качнуло...

– Не вздумай поддаться, – рыцарь резко схватил меня за руку, царапая жесткими складками грубой кожи, – это морок. Заманит в черную жижу и засосет. Говорят, что он – разумный.

Я потеряла глаза, прогоняя наваждение. Синий огонек приближался. Небольшая скальная гряда, выступавшая из черного тумана, привлекла внимание Маарбаха. Он сложил крылья и мягко опустился на крупный валун, высекая искры когтями. Я ловко приземлилась рядом с ним, на сей раз обойдясь без членовредительства. Одним пальцем осторожно прикоснулась к лежащему на камне химическому светильнику, и служившему источником синего света.

– Маяк, – довольно констатировал крылатый, – сигнал бедствия.

– Стандартный десантный аварийный фонарь на ядерном топливе, – хмыкнула я. – Причем находящийся на последнем издыхании. Еще два-три дня – и потухнет, мы вовремя успели.

– Маяк, – не реагируя на мое замечание, убежденно повторил Маарбах. – Он отмечает место, где проживали Рыжие жрицы.

– Ну а дальше-то куда? – спросила я, поднимая фонарь с камня.

Крылатый флегматично пожал плечами.

Я раздосадованно ругнулась и сердито топнула ногой, обутой в высокий тяжелый сапог. Камень под моими ногами мгновенно откликнулся звонким гулом...

«Да там же пустота!» – мелькнуло в голове. Не задумываясь о возможных последствиях, я топнула еще раз, усилив удар направленным действием энергии из ключа от Небесных врат. Каменная плита подо мной неожиданно раскололась надвое, открывая темную щель глубокого провала.

Я рухнула вниз...

Почему-то принято считать, что от сильной боли человек кричит. Могу заверить кого угодно – это неправда. При болезненных ощущениях, превышающих предел терпимости, пострадавший либо теряет сознание, либо испытывает шок, вызывающий временный паралич голосовых связок. Поэтому крика нет, а есть перекошенное лицо и выпученные от нестерпимой муки глаза. Так вот именно это самое и происходило со мной сейчас, сразу же после того как, упав с приличной высоты, я со всего маху грохнулась на дно подземелья, попав копчиком на что-то острое и угловатое. Несколько последующих за падением минут я лежала абсолютно неподвижно, беспомощно хватая воздух беззвучно раскрытым ртом... Какое там орать – я даже ойкнуть не смогла... Потом страдальчески сложила брови домиком, закорчилась от огненных импульсов, насквозь простреливающих позвоночник, и молилась лишь об одном – только бы не повредить какой-нибудь нервный узел. А то не дай бог парализует – и буду валяться здесь вечно, пока не сгнию заживо. Но через пару минут боль немного поутихла. Я сняла с живота упавший следом за мной фонарь, к счастью так и не потухший, и с кряхтеньем поднялась. На отбитые фонарем кишки внимание обращать не стоит – это уже мелочи. Осторожно ощупала свой многострадальный рудиментальный отросток, кстати и до этого-то изрядно болевший по причине неоднократных преднамеренных падений со знаменитой монастырской стены. По-моему, копчик производил впечатление ненормального и подозрительно сместился в сторону. Как бы у меня хвост расти не начал, а то я, похоже, предрасположена к проявлению различных непредсказуемых трансформаций...

– Ника, ты цела? – Маарбах опасно свесил голову в отверстие лаза, прерывая мою самодиагностику.

– Частично, – вымученно простонала я в ответ. – Лучше ты сюда не лазь, здесь сам черт ногу сломит.

– Хорошо,– покладисто согласился рыцарь,– не полезу. Я подожду тебя на поверхности.

Я повела тусклым фонарем из стороны в сторону, освещая окружающее пространство. Катакомбы какие-то! Шершавые каменные стены испещрены множеством отверстий, в которых смутно виднеются останки чьих-то иссохших, завернутых в лохмотья тел. Я неловко поежилась, ощутив себя в роли незваного гостя, самовольно проникшего в царство мертвых. Всего вроде бы уже на Земле насмотрелась: и кракен мне встречался, и Изгнанные, и вампир с крылатыми рыцарями, но мумии... это уже чересчур! Осознание того, что ты находишься в огромном могильнике, способно напугать любого, причем напугать до дрожи. Я задрала голову. Не так уж и высоко – всего-то метров десять, наверное, не больше. Сейчас взлечу вверх – и только меня и видели... И я уже воспарила над уровнем пола, как вдруг недовольно шлепнулась обратно, придавленная тяжелой мыслью: «Сбежать-то всегда проще простого, но вот как прикажете потом искать «Ковчег»?»

Я тяжело вздохнула и обреченно повела светильником, поскольку поняла: придется мне в этом склепе найти хоть какую-нибудь подсказку, способную навести на Рыжих жриц. А альтернативного варианта тут, увы, не предусмотрено.

Под ногами скрипело. Батюшки-светы, похоже, меня угораздило приземлиться прямехонько на чей-то полурассыпавшийся костяк, чуть не прибавив к нему свой собственный. Странной формы череп глумливо скалил желтые обломки зубов, и я так и не смогла определить, кому он принадлежал при жизни,– человеку или зверю. А может, и вообще какому-то промежуточному звену эволюции, эксперименту искалеченной нами матушки-природы. Я старательно подсчитала лучевые и берцовые кости. Ого! Вероятно, почившая в оном месте тварь имела две ноги, но четыре руки, подобно древней богине Кали. Кто же здесь все-таки обитал и что на самом деле представляли собой эти зловещие жрицы? Но лезть в глубь погребальных отверстий и производить тотальные антропологические изыскания мне почему-то не хотелось. Освещая свой путь катастрофически затухающим фонарем, морщась и припадая на правую ногу, я направилась в коридор, ответвлявшийся от пещеры с могилами...

Меня окружали непроглядная тьма, вековая пыль и атмосфера давнего запустения. Пахло затхлым. Пахло мертвой плотью и кладбищенской землей, а вот живым не пахло ничуть. Коридор разделился надвое, а затем еще на несколько извилистых, полузасыпанных камнями проходов. Я шла по наитию, доверившись своему знаменитому везению и внутреннему голосу, в настоящий момент усиленно убеждавшему меня вернуться обратно и бежать из этого гиблого места куда глаза глядят. Слабый фонарь давал слишком мало света, поэтому я махнула рукой на встречающиеся мне диковинки, которыми в любой другой ситуации заинтересовалась бы непременно. Простые неприязнательные ямы, служившие последним прибежищем для усопших жриц, сменились степенными гранитными надгробиями. Я посветила на одну из них, смахнула пыль и прочитала:

– Сибилла из рода Всадниц.

«Всадницы? – я недоуменно хмыкнула. – Но на ком они могли разъезжать по этим узким подземным коридорам?»

На другом памятнике красовалось непонятное четверостишие:

Соединивши Крест и волю,
В нем снова мысли свет зажжешь,
Подаришь всем иную долю,
В снегах судьбу свою найдешь.

«Бред,– сердито подумала я. – Еще хуже священного Писания, ибо там хоть какое-то подобие смысла отыскать можно. А эти строчки вообще никаких ассоциаций не вызывают». Но тем не менее я на всякий случай дословно занесла всю найденную белиберду в свой интерком.

Следующая плита удивила меня еще больше. Она была не серая и грубая, как все прочие, а более изящная, высеченная из пожелтевшего от старости мрамора.

«Уна, жрица-настоятельница»,— значилось на этом надгробии. На уголок плиты оказалась наброшена витая серебряная цепочка, на которой висел тоненький стерженек свистка. Я сняла вещь с камня, поднесла к губам и дунула. Мелодичная звонкая трель нарушила тишину подземелья. И в следующий же миг где-то вдалеке прозвучал ответный, похожий звук. Я вздрогнула от неожиданности, а потом надела цепочку себе на шею и торопливо побежала на зов, перепрыгивая через разбросанные по полу кости. Я чуть не заблудилась в переплетении мертвых коридоров, но призывный свист, время от времени повторявшийся, упорно вел меня вперед.

Не останавливаясь и даже не замедляя шага, я на полном ходу проскочила под высокую каменную арку, влетела в огромный круглый зал — и замерла в немом изумлении, вытаращив глаза и открыв рот... Помещение показалось мне бесконечным и явно имело ярко выраженное ритуальное предназначение. Его стены щедро украшали какие-то светящиеся кристаллы, образующие немыслимо сложный и вместе с тем прекрасный узор. В промежутках между импровизированными светильниками я смогла рассмотреть выпуклые барельефы, изображавшие огромных существ, сильно смахивающих на крупно сегментированных змей или червей, на спинах у которых восседали четырехрукие длинноволосые женщины... Локоны ловких наездниц гордо рдели остатками некогда яркой рыжей краски...

«Всадницы! — Я даже языком прищелкнула от восхищения.— Так вот на ком они ездили!» Меня смутили лишь мысли о том, каким невероятным образом смелые женщины не только приручили подобных гигантских животных, но еще и смогли управлять ими. Правда, внимательно вглядываясь в нечеткие контуры изображений, я заметила некие странные элементы, напоминающие отростки или рычаги, выступающие из голов чудовищ. Всадницы же небрежно, чуть ли не двумя пальчиками держались за эти непонятные детали, назначение которых так и осталось для меня очередной загадкой.

В центре зала возвышался ажурный трон, искусно выточенный из цельного сталактита. Удобное сиденье занимала высохшая мумия, величественно откинувшаяся на высокую резную спинку. По некоторым особенностям фигуры можно было безошибочно определить, что мертвое тело, не утратившее красоты и властности, несомненно принадлежало женщине, при жизни статной и ширококостной. На маленьком столике перед троном покоился серебристый ящичек, через равные промежутки времени издающий печальную музыкальную трель. Скорее всего, умное путеводное устройство автоматически сработало сразу же после того, как я опробовала найденный свисток, служивший чем-то наподобие дистанционного датчика включения. Рядом с прибором лежал круглый серебряный поднос. Я подняла сей мерцающий в полумраке диск, приблизила к нему фонарь и увидела надпись, выцарапанную на нем неровными, прыгающими буквами: «В пустыне Гоби найди два камня, символизирующие инь и ян...» В одной из четырех рук мумия до сих пор крепко сжимала нож, которым, очевидно, и выполнила эту последнюю инструкцию, предназначавшуюся для меня.

Инь и ян — две половинки целого, олицетворяющие слияние и противоборство мужского и женского начал... Я недогадливо сморщила нос. Хотя убей, не понимаю — при чем тут классические символы древнедаосской философии? Поколебавшись, я положила поднос обратно на стол и вновь внимательно посмотрела на мумию. Вне всякого сомнения, будучи живой, эта женщина отличалась незаурядными качествами: мудростью, предвидением и честолюбием. Резкие черты ее окаменевшего лица и сейчас несли на себе остатки былой привлекательности. Повелительница Рыжих жриц! Сильнейшая и умнейшая из всех, до последнего момента стойко сопротивлявшаяся тлетворному дуновению смерти, оставшаяся верной чувству долга и своему предназначению, которое требовалось исполнить любой ценой. Я опустила на одно колено и низко, уважительно склонилась перед повелительницей. Почтительно нагнувшись к самому основанию трона, я неожиданно

заметила свернутый в трубочку листок, валявшийся у ног жрицы и, по-видимому, выпавший из разжавшейся руки покойной...

Мое сердце громко ухнуло и забилося чаще, ладони вспотели от волнения. Я сразу же поняла, что это за свиток! Этот, вне сомнения, был тот самый документ, о котором упоминал Хизли. Я бережно подняла листок и развернула его, сразу узнав и затейливо выписанные буквы, и орнамент на уголках, и сам древний пергамент. Именно из такого материала изготовлена вся книга – все священное Писание. Я нашла вырванную страницу...

Я несколько раз перечитала текст и довольно улыбнулась. Кажется, теперь я знала, что мне предстояло искать в безбрежных песках пустыни Гоби...

Маарбах попрощался со мной на границе мертвых земель. Я протянула рыцарю руку, но тот, вместо того чтобы просто пожать предложенную ему ладонь, привлек меня в свои объятия и одарил теплым отеческим поцелуем. Я растроганно ответила тем же, крепко прижавшись к его широкой груди.

– Может, передумаешь?

Маарбах прикрыл глаза темными веками и отрицательно покачал головой. По его губам бродила слабая тень улыбки:

– Нет, милая девочка! Наше присутствие смутит народ ламий и не позволит им следовать за тобой, не оглядываясь в нашу сторону. Боги ревнивы и не привыкли делиться властью. А кроме того, мы не сумеем вписаться в новый мир. Сама понимаешь – уходить из жизни в разгар силы и славы куда приятнее, чем становясь бессильным, дряхлым старцем. Пусть лучше нас вспоминают с восхищением и уважением, чем с пренебрежением и жалостью.

Он поднялся в небо, и уже с высоты до меня донеслись его последние слова:

– Когда-нибудь тебе тоже придется выбирать. Приготовься к этому!

Я содрогнулась и тяжело вздохнула. Острое предчувствие скорой беды укололо мое сердце...

А теперь мною владели уныние и разочарование. Крылатые безупречно выполнили свою часть уговора, доставив моих друзей в самое сердце пустыни Гоби, но долгожданная встреча с дорогими для меня людьми не доставила мне радости, ибо слишком уж много проблем поджидало нас впереди. Увидев мое нахмуренное, кислое лицо, друзья благоразумно отошли в сторону, разбили лагерь и занялись приготовлением скромного ужина. Даже Алехандро не рискнул нарушить моего уединения, когда я взобралась на пологий бархан, уселась в позе лотоса и принялась методично, метр за метром сканировать окружающее пространство. Неужели ты ошиблась, повелительница жриц? Или, может быть, за прошедшие века пустыня разрослась настолько, что бесследно поглотила нужные мне камни? Меня окружали сплошные пески. Куда ни кинь взгляд – одни пески, всегда пески, основная часть которых спеклась в единую серую массу, образовав то самое туманное студенисто-белесое пятно, увиденное мной из космоса. Высокая температура цепной ядерной реакции превратила песок в стекло, убив и без того скудную жизнь. Стеклоянная пустыня! Из курса географии я помнила, что Гоби не так уж и велика – куда меньше легендарных африканских пустынь Сахары и Калахари. Мне хватило всего лишь одного дня, чтобы облететь ее от края до края, но я нигде не обнаружила никаких камней. Я пристально, до рези в глазах вглядывалась в проклятые пески, опускалась вниз и разгребала их руками, но искомые камни так и не находились. Будь ты проклята, мертвая пустыня! В полном одиночестве, стоя среди песка, стекла и безмолвия, я бессильно изрыгала проклятия и грозила небу гневно стиснутыми кулаками. Сегодня все ополчилось против меня – природа, пророчества и даже самый страшный и неумолимый из врагов – время. Два месяца, у нас оставалось всего шестьдесят дней...

Внезапно я почувствовала – в мрачном ландшафте пустыни что-то изменилось. Тоненькая, слабая нотка приближающейся свежести неожиданно вплелась в горячий,

обжигающий дыхание воздух. Чистое голубое небо, слегка окрашенное розовыми отблесками заходящего солнца, начало быстро, угрожающе темнеть. Пустыня уже не казалось молчаливой. Пронзительный, сверлящий мозг свист, с каждой минутой приобретающий все более тяжелый, басовитый окрас, рождал панический страх. Я заметила, как недоуменно оглядываются мои друзья, силясь отыскивать источник пугающего их шума. Горизонт чернел. Над песчаными дюнами возник пока еще полупрозрачный, но молниеносно уплотняющийся контур грозовой, широко разрастающейся воронки убийственного смерча. Я вскочила на ноги и кубарем скатилась с бархана:

– Все бегом ко мне! Собираемся в тесную кучку, расстилаем одеяла и ложимся. Я накрою нас силовым куполом. Надвигается песчаная буря!

– Мы погибнем,– с удивительным спокойствием сказал Риф.– Я слышал от моряков байки про подобные ураганы – в них не выживают!

– А вот фигушки, не дождетесь,– склочно ворчал Фен, расстилая на песке покрывала,– раз рассказывают, значит, кому-то удалось такое пережить...

Антонио испуганно свернулся в клубок, судорожно обнимая Кристину и самоотверженно прикрывая любимую драгоценным томом священного Писания. Остальные крепко прижались ко мне, нервно вздрагивая и закрывая глаза. Созданная мною тонкая радужная пленка силового поля натянулась над нашими головами. Я обладала достаточной силой для того, чтобы охватить всех и поддерживать ре-цикл переработки углекислого газа в кислород, не позволяя нам задохнуться. Браслеты на моих руках засветились ярче, щедро подпитывая своей энергией защитное поле, призванное спасти нас от гнева разбушевавшейся стихии.

Похолодало. Ветер уже не шуршал вкрадчиво и испытующе – нет, теперь он выл громче стаи голодных волков, и в его жадном реве мне слышалось: «Сожру, засыплю, уничтожу!» Град песчинок безостановочно барабанил по поверхности силового купола, своей неумолкающей настойчивостью напоминая звук проливного дождя. Песчаный барьер, наметенный вдоль линии силового поля, все увеличивался и увеличивался, и я ощущала нарастающую тяжесть, давящую на мои плечи. В нашем укрытии стало совсем темно. Алехандро нежно привлек меня к себе, успокаивая, поддерживая и бережно целуя в теплую, уютную ямочку между ключицами. Рядом сдавленно застонал Рей:

– Я чувствую твою энергию, Рыжая! Она причиняет мне боль!

– Ладно, ты ее чувствуешь,– снисходительно отозвался невидимый в темноте Феникс,– а вот мне все это живо напомнило ту крохотную африканскую пещерку под водопадом, где мы однажды застряли на пару суток, спасаясь от мелких и злобных, словно блохи, пигмеев...

– Ну у тебя и память, Финик! – бодро хохотнул Айм.– Это же случилось очень давно, еще на третьем курсе, когда нашу группу забросили в леса Амазонки для прохождения школы выживания в экстремальных условиях...

– А на том водопаде Ника приманивала водяных змей, которые оказались невероятно вкусными! – неуверенно добавил Рей дрожащим от волнения голосом.– Даже с учетом того, что мы ели их сырыми...

Алехандро потрясенно вскрикнул.

– Ну, припомнил-таки! – довольно хихикал Фен.– Здорово, лейтенант Рей, параллельный поток, специализация космическая разведка, личный номер двести шестнадцать «Би».

– Вспомнил! – эхом отозвался орденец.– Я все вспомнил: и вас, и Нику, и нашу Школу...

– Мы-то тебя, дружище, между прочим, сразу узнали,– хвастливо похвалился Айм.– Как только увидели в тот первый раз, в кабинете Кардинала... Но Ника напрочь запретила нам форсировать твои воспоминания!

– Ну, прямо голливудский блокбастер «Вспомнить все»! – добродушно гоготнул Фен.– Добро пожаловать обратно в команду, лейтенант Рей!

– Так, значит, ты вовсе не сын Верховного Навигатора? – с недоверием

поинтересовался Алехандро.

– Если только приемный, – резонно предположила я. – В голове у Рея имеется целый блок искусственно вживленных нереальных образов, а поток моей энергии случайно нарушил защитные кодировки, и лейтенант опять стал самим собой.

– Откуда же он взялся, этот блок? – пискнула любопытная Криса.

– Хороший вопрос, – одобрительно усмехнулась я. – Я так понимаю, что глава Ордена нашел Рея на одной из маленьких вспомогательных баз погруженным в криокамеру, разбудил и вмонтировал ему псевдопамять.

– А я-то всегда удивлялся – чего это он так подозрительно хорошо разбирается в забытых технологиях! – напомнил Алехандро.

Рей хмыкнул и шутливо стукнул друга по плечу.

Я крепко пожала горячую ладонь Рея:

– Я рада, что ты снова с нами. Отлично помню, как мы с тобой на боевых симуляторах в паре летали...

– И я тоже вспомнил те тренировки! – радостно ответил Рей. – Поступаю в полное ваше распоряжение, капитан Ника!

А буря над нашими головами выла не умолкая...

– Отдохните, – посоветовала я друзьям. – Ураган продлится еще долго.

В тишине я обдумывала одну идею, внезапно пришедшую ко мне вместе со словами Рея. Кажется, теперь я поняла, какие именно ангелы спят в потайном убежище под Небесными вратами...

Трудно следить за ходом времени из глубины безопасного укрытия, погребенного под тоннами песка. Я не знала, как долго продолжалась буря, – шесть или двенадцать часов. Все мои силы уходили на поддержание энергетического щита, становившегося все тяжелее. Невольно напрашивалось сравнение с древним Атлантом, державшим на своих плечах всю небесную чашу. Меня окружали спящие, мирно посапывающие во сне друзья, вверившие мне свои жизни. Тихая милая Кристина, собственнически обнимавшая наивного послушника Антонио. Верный телохранитель Риффорд, сжимающий в руке обнаженную рапиру. Записной балагур Феникс, плотно подпиравший меня своей надежной спиной. Вновь обретенный Рей, скептик Айм и мой дорогой, любимый Алехандро, щекочущий мне шею своим теплым дыханием. Если я не смогу удержать защитное поле, то вся груда песка, наметенная разбушевавшейся стихией, рухнет нам на головы, погребая навечно. Нет, я не допущу подобного несчастья! Возможно, как раз в этом деянии и состоит предназначение бога – оберегать других людей ценой самых мучительных, самых невероятных усилий?

Но, так или иначе, в какой-то момент я вдруг ощутила – буря утихла. Природа исчерпала до дна свои казалось бы безграничные возможности, сдалась, смирившись с проигрышем, и отступила на время, вынашивая коварный план однажды вернуться и взять у меня реванш. От свободы и чистого воздуха нас отделял слой песка толщиной в несколько метров. И тогда, собрав остатки сил, я выбросила их из себя одним последним, мощным взрывом. Энергетический купол разорвало в клочья, снеся вместе с песком, разметавшимся по сторонам. Я увидела над собой черное ночное небо, усеянное золотистыми мерцающими точками хорошо знакомых созвездий, – а потом, исполненная чувства умиротворения от осознания полностью выполненного долга, я свернулась в клубок и мгновенно уснула...

Меня разбудили возбужденные голоса, что-то бурно обсуждающие между собой, спорящие и соглашающиеся. Лучи солнца, стоявшего высоко в зените, исподволь пробивались сквозь ресницы, но от их прямого воздействия меня защищало покрывало, наброшенное чьей-то заботливой рукой.

– Нет, ты только присмотришься! – громко убеждал Феникс. – Это же настоящий фаллос, как есть фаллос...

– Нашему озабоченному штурману везде эротика чудится! – беззлобно поддразнивал Айм. – А на мой взгляд, ничего экстраординарного в нем нет – обычный продолговатый

камень, торчащий из песка.

– Но раньше его здесь не стояло,– резонно и чуть шутливо возразила Крися.

– Точно, точно, я тоже помню,– согласно поддержал девушку Риф де Монро.– До бури здесь простиралась ровная песчаная поверхность.

До меня донеслось задумчивое кряхтенье тучного аналитика, и я еле сдержалась, чтобы не улыбнуться.

– А по-моему, все и так предельно ясно,– включился в беседу Рей.– Когда Ника устроила импровизированный взрыв, освобождая нас от песка, то все ближайшие барханы разрушились, обнажая камни, и...

«Камни! – я чуть не подпрыгнула.– Так их там несколько?»

Я села на одеяле, шурясь от слепящих солнечных лучей.

– О,– обрадовался Фен,– а вот и наша спящая красавица пробудилась, причем сделала это сама! А то виконт ее целовал, целовал, но Рыжей хоть бы хны – дрыхнет, пушкой не разбудишь! Я уж ему, грешным делом,– тут он залихватски подмигнул мне, подчеркивая скабрёзность своего намека,– совсем собрался посоветовать кое-какое другое, более экзотическое средство побудки на тебе опробовать...

– Феникс, ну ты и пошляк! – простодушно возмутилась Кристина.

Алехандро игриво рассмеялся.

Я вяло улыбнулась, почти не вникая в смысл сказанного, а будучи совершенно не в силах оторвать напряженного взора от двух камней, возвышавшихся прямо передо мной.

– Ника,– продолжал занудно приставать настырный штурман,– рассуди же нас по справедливости. Я утверждаю, что один из этих камней формой сильно смахивает на огромный фаллический символ!

– Ну-у-у,– с сомнением протянул Риф, бродивший между камней.– Не хотел бы я иметь такой же, э-э-э,– он стыдливо замаялся,– кривой детородный орган, даже символически.

– А я о чем говорю! – обрадовался Фен, получивший поддержку своей теории.– Лучше иметь фаллический символ, чем символический фаллос!

Кристина смущенно покраснела.

– А на что тогда, по твоему мнению, похож второй камень? – ехидно поинтересовался Айм.

«Хм, даже если не брать в расчет все приапеи¹¹, на которые так горазд наш Феникс, то ведь и правда – камни довольно интересные, отличающиеся весьма необычной формой,– вдумчиво рассуждала я, сидя на одеяле, расстеленном как раз вблизи обоих камней.– А ведь мне и нужно найти именно два камня!»

– А второй напоминает женскую фигуру! – тем временем авторитетно закончил штурман.

– Да ничуть! – парировал Алехандро, выступая в роли оппозиции.

– Очертаниями, может, и не очень,– покладисто согласился Феникс.– Но ты посмотри на характерные тени, которые отбрасывают оные камни... Это же просто ян и инь какие-то!

«Ян и инь? – Я почувствовала, как мои губы сами собой расплываются в счастливой улыбке.– Это же именно то, что и нужно!»

– Ура! – громко заорала я.– Ура фаллосу!

– Ну вот, еще одна на эротике свихнулась! – неодобрительно покачал головой Айм.

Теперь мы все, в полном составе, дружным рядом сидели на бархане и зачарованно таращились на тени от камней, одна из которых и в самом деле имела фаллическое очертание, а вторая напоминала пышную женскую фигурку в форме песочных часов. Время шло, наше терпение истощалось. Тени от камней медленно подползали одна к другой, обещая вскоре соприкоснуться вершинами. Феникс периодически доставал из кармана

---

¹¹ Приапея – короткое грубо-эротическое произведение или высказывание (от имени греческого бога Приапа, символизирующего плодородие и мужскую половую силу).

страницу из священного Писания, найденную мною в могильнике Рыжих жриц, которую я сдала ему на ответственное хранение, и торжественным голосом, снова и снова перечитывал строки:

Не пропусти слиянья миг,
Когда две тени совпадут,
От ян и инь чтобы возник
Провал, куда пути ведут.

Две тени ты уравновесь,
Под холм песчаный попади,
Конец пути – совсем не здесь:
Все испытанья впереди.

– Первое четверостишие мне вроде бы понятно,– вслух философствовал штурман,– но вот второе... Совсем его не понимаю! И что-то оно меня подозрительно настораживает...

– Ника, приготовься: тени сейчас соединятся! – загодя предупредил меня бдительный Риф. – Что нужно делать дальше?

– Уравновесить тени. – Я неуверенно хмыкнула. – Алехандро, пойдй встань на тень-мужчину, а я встану на женщину...

Мы с виконтом заняли свои места именно в тот самый момент, когда вершины теней соприкоснулись. Ничего не происходило. Алехандро поднял на меня растерянный взгляд.

– Дура! – самокритично хлопнула я себя по лбу. – Сказано же – уравновесить! Нужно ян поставить на инь – и наоборот. А ну-ка, быстро меняемся местами...

Я перебежала на фаллическую тень, а Алехандро ловким скачком прыгнул туда, где только что стояла я. Раздался громкий скрип. В песке между камнями прорезалась темная щель, обозначив края огромного шлюза, створки которого начали подниматься так стремительно, что мы с Алехандро едва успели отскочить в сторону. Песок шумно сыпался с плит, а невидимый механизм, ничуть не пострадавший за долгие годы бездействия, работал безупречно. Наконец створки шлюза замерли, приняв идеально вертикальное положение.

– Идем,– я первой заглянула в провал прохода,– здесь есть лестница, уходящая вниз.

Я шагнула на ближайшую ступеньку, и в тот же миг на стенах коридора зажглись галогенные светильники в форме стрелок, указывая дорогу. Мы гуськом спускались на дно прочного бетонного ангара, под засекреченными сводами которого всегда царила спасительная прохлада, недоступная жару пустыни. Вскоре мы достигли дна подземелья.

Найденный нами ангар представлял собой огромное помещение, заставленное приборами и компьютерами. Мне уже доводилось бывать в подобных местах, поэтому я с первого взгляда опознала судовой верфь для строительства звездолетов, великолепно оснащенную всем необходимым. Так вот чем являлся этот тайник! И чего там только не хранилось... Но, к нашему величайшему сожалению, одного, самого важного предмета – того, который мы искали так долго,– там не обнаружилось. Увы, в ангаре не имелось огромного транспортного корабля «Ковчег» – нашей последней надежды на спасение.

Нужно было видеть смешанную гамму чувств, красноречиво отразившихся на лицах моих друзей: всевозможные мимические гримасы, начиная от недоумения и заканчивая ужасом. Эмоциональнее всех на сложившуюся ситуацию отреагировал Феникс.

– Ничего себе! – возмущенно присвистнул он. – Я не понял, в натуре! А где же наш «Ковчег»?

– Это что, шутка? – обиженно надула губы Крися.

– Отнюдь! – Я преспокойно уселась в удобное кресло перед одной из консолей, закинув ногу на ногу. – Наоборот, взглянув на найденный ангар, можно с уверенностью констатировать: искомый нами звездолет существует на самом деле и строили его именно

здесь!

– Строили, строили и, наконец, построили? – Штурман возмущенно тряс раритетной страницей из Писания. – Где же он – испарился, что ли?

– Феникс, разуй глаза. – Я вырвала листок из яростно стиснутого кулака друга и ткнула ему под нос. – Теперь-то тебе понятно, какая смысловая путаница присутствует во втором четверостишии? Ясно же написано, черным по белому: «Конец пути – совсем не здесь»!

– Японский городской! – наконец-то дошло до Феникса. – И где нам его искать?

– А я вот почему-то уверен, что все ниточки столь запутанного полотна судьбы ведут нас в одно определенное место – на Урал. – Рей комфортно расселся на каком-то ящике и начал потрошить мешок со съестными припасами. – Разгадка всего спрятана именно там!

Я медленно кивнула, соглашаясь:

– Да, судя по всему, жизненный путь Захарии Финдла закончился именно на Урале!

– Ну так чего проще? – Фен выхватил из рук орденаца аппетитный кусок вяленого мяса и впился в него зубами. – Ника, вызывай наш корабль – и летим куда требуется...

– Не получится. – Я бессильно развела руками. – Я уже пробовала установить связь со звездолетом, но стеклянная пустыня экранирует сигналы моего интеркома. Связи нет.

– Ну вот, час от часу не легче! – огорченно зачавкал штурман. – Сплошные неудачи!

– Однако жор от этого у тебя не прошел, – с укором хмыкнул Айм.

– Война войной, а обед по расписанию! – небрежно отмахнулся Феникс. – На голодный желудок думать трудно.

– Типа ты думать будешь?

– Не я, – осклабился балагур. – Кто тут у нас самые головастые? Ты и Ника. Вот и придумайте, на чем у нас отсюда быстрее всего убраться получится!

– Черт, а ведь Феникс прав и на сей раз. – Я встала и размеренно прошлась вдоль многочисленных столов с оборудованием, разминая ноги. – Мы как-то раньше и не подумали насчет того, что пешком из пустыни нам не выбраться...

– Милая, мы собирались улететь на «Ковчеге», – напомнил Алехандро.

– Значит, придется найти нечто другое.

– Ну, тогда: «Раз-два-пять, все идем искать», – скомандовал Фен, первым углубляясь в недра обширного ангара. – И предупреждаю – кто не спрятался, мы не виноваты!

Искали мы долго. Работу усложняла огромная площадь помещения да множество всевозможных, порой непонятных и громоздких, затянутых в чехлы предметов. Но в итоге в дальнем углу Риффорд обнаружил нечто внушительное, обтянутое брезентом. Феникс одним мощным рывком содрал плотную ткань:

– Бот, легкий, прогулочный. – Он недовольно постучал по тонкому корпусу корабля. – Фигня, велосипед с крыльями!

– А чем он плох? – искренне обиделся Риф, защищая свою находку.

– Да что ты в звездолетах понимаешь, мушкетер! – презрительно процедил штурман. – Сам корабль совсем неплох, но спешу тебя разочаровать – эта модель не предназначена для полетов на дальние расстояния: топлива не хватит.

Предоставив придирчивому штурману возможность поворчать в одиночку, я, не дослушав его разглагольствований, открыла дверку кабины, уселась на место пилота и огляделась. Зря Феникс ругается – все не так уж и плохо. Имеем пару прочных крыльев, почти не заржавевший фюзеляж и салон на шесть человек плюс двое в кабине. А нас – как раз восемь человек. Я пощелкала тумблерами приборов. Двигатель немного подумал, чихнул, кашлянул, но потом еле слышный гул возвестил о его исправной работе.

– Капитан, ты сошла с ума! – Феникс распахнул дверь с другой стороны и одним привычным, до автоматизма отработанным прыжком занял кресло штурмана. – Топливные баки заполнены лишь наполовину, а я – отнюдь не птица... Как хряпнусь вниз – будешь потом меня с сосен в тайге соскребать!

– Но ведь есть еще и моя энергия! – Я вытянула по направлению к другу свои руки, на

запястьях которых ярко светились силовые браслеты.— Посмотри, ресурсы полностью восстановились, можно попробовать восполнить недостаток топлива за счет моих возможностей.

— Безумие! — Но штурман уже рефлекторно потянулся к шлему и надел его на голову.— Очередная твоя дикая затея! Полеты во сне и наяву какие-то! Вот увидишь — как ухнем с высоты в пару километров да угодим прямиком на склон Уральского хребта... Костей ведь не соберем потом. Ника, ну ты точно — ведьма, тебе впору на метле летать!

— Спасибо за комплимент! — польщенно расхохоталась я.— Значит, рискнем?

— Ну рискуй не рискуй,— увлеченно бубнил Фен, быстро проверяя состояние навигационных приборов,— а шампанского мне все равно не дожидаться. Припомню тебе при случае!

Бот плавно поднялся к потолку ангара, а затем, повинуясь умелому управлению, вылетел в открытый шлюз, взяв курс на Уральские горы...

Я прошла в пассажирский салон. Мельком улыбнулась Рифу, увидев его бледное лицо и дрожащие пальцы, судорожно вцепившиеся в поручни кресла. Для человека, первый раз в жизни попавшего на борт самолета, он держался весьма неплохо.

— Значит, так,— напрямик начала я,— топлива у нас мало. Поэтому каждый килограмм веса на счету. Я полечу сама и постараюсь поддержать корабль в воздухе...

— А может, не стоит? — сразу забеспокоился Алехандро, переживая за меня, любимую.— Вдруг ты не справишься?

— Справлюсь! — усмехнулась я, специально бравируя излишней удачей, дабы успокоить друзей.— Вы мне помогать станете, используя свои чипы. И ты,— я погладила милого по щеке,— ты тоже!

— Я? — опешил виконт.

— Именно ты,— передразнила я,— ибо у тебя в руке чип стоит — такой же, как и у меня. Разве ты не замечал за собой проявления необычных способностей?

Алехандро задумался:

— Замечал! Скажи, ты намекаешь на шрам, обнаруженный на моей руке после посещения лодки Верховного Навигатора?

— Наменяю? Да я тебе об этом прямо в лоб говорю!

— Но откуда,— шокированно вздернул брови Рей,— откуда у Навигатора чип и зачем он отдал его Алехандро?

— Скажи лучше — зачем он лишил себя дара бессмертия? Ведь именно наличие чипа и объясняет его солидный возраст,— поправила я.

— А я готов поспорить, что главы Ордена не было среди тех, кто нашел саркофаг Влада Цепеша,— дополнил нашу логическую цепочку рассуждений Айм.— Так кто же он на самом деле, этот наш загадочный Навигатор?

Я вспомнила, как Хизли передал мне устное послание Захарии, в котором Навигатор назывался врагом. А данный факт означал, что, кем бы ни являлся Навигатор ранее,— директор Школы знал его очень хорошо и имел все основания не доверять ему своей тайны. Похоже, и вырванную из Писания страницу спрятали именно от Ордена... Скорее всего, в довоенной жизни наш недавний противник тоже имел отношение к Школе... Итак, круг подозреваемых заметно сузился, и мне показалось, будто я уже почти раскрыла подлинную личность Верховного Навигатора...

Бот тряхнуло. Мои прозорливые мысли тут же улетучились вспугнутой птицей.

— Ника! — закричал Феникс.— Ты обещала помочь. Топлива хватит еще на час пути, максимум на полтора, а лететь осталось, согласно автопилоту, почти три часа.

— А что потом? — испуганно вякнул совсем уже небравый Риф, еще больше бледнея и вжимаясь в кресло.

— Что-то,— зловеще хохотнул штурман,— а потом ласты склеим — и будет нам песенка «Хлопай ресницами и взлетай». А я вам, кстати, не Мери Поппинс, я на зонтике летать не

обучен! Едрить нас всех налево, «таких не берут в космонавты»...

– Ой, мама! – судорожно выдохнул мой почти до смерти перепуганный телохранитель, хватая бумажный пакет и утыкаясь в него по самые уши.

Но, судя по всему, поплохело не только Рифу. Меня буквально по сердцу резануло вытянувшееся личико Кристины, панически перекошенная челюсть Айма и безумно выпученные глаза Антонио. И даже Алехандро, мой смелый Алехандро – и тот заметно занервничал, а я в очередной раз поняла: ради них я готова на все... Готова сделать все что угодно – лишь бы они не пострадали. И причем не только они одни. Никто на этой многострадальной планете не заслужил столь страшной участи – пострадать еще раз... Я должна спасти их всех, я просто обязана это сделать. Если смогу, если у меня достанет сил для подобного деяния. А если не достанет, то даже через «не могу». И уж которая из нас – капитан Ника или всемогущая святая Рыжая – сможет спасти дорогих ее сердцу людей, стало сейчас совсем неважно...

Я рывком распахнула дверцу люка и ухнула в пустоту за бортом бота...

За пределами корабля раскинулось бескрайнее ночное небо. Густо-черное, осязаемое почти физически, плотно обволакивающее меня вязкой субстанцией внебытия. И в тот же миг все для меня изменилось. Я растворилась, прекратила осмысленное существование, стала одной из тысячи холодных равнодушных звезд, сиявших на темном бархате первородной материи космоса. Теперь я отлично понимала все потаенные замыслы богов, а вернее – их полнейшее отсутствие. Богам никогда и ни до кого нет дела. Что значат для них наши приземленные человеческие переживания на фоне безграничной вечности и пустоты? В целом мире лишь Тьма, Свет и Хаос имеют для них некоторое значение, но и они существуют по своим, непонятным нам законам. Иногда боги проявляют снисхождение, мимолетно одаривая нас своими милостями или гневом, но делают это сугубо от скуки или из любопытства. Помни, не стоит надоедать богам постоянными жалобами и просьбами – боги могут разгневаться. И поэтому только самые отважные и свободные от предрассудков люди иногда осмеливаются сразиться с богами на равных, заставив их хотя бы немного считаться с маловразумительным словом «человек». Словом, которое звучит так гордо, а на деле зачастую выглядит чрезвычайно жалко и беспомощно. Боги самостоятельно вершат собственную судьбу, не ожидая ничьей помощи и не прощая чужого вмешательства, и лишь осознав, приняв этот факт целиком и полностью, мы тоже можем претендовать на путь бога. А возможно, не только на путь, но и на высшее наказание, страшную долю – стать бессмертным Творцом.

Я рассмеялась – великодушно, но слегка отстраненно. Я видела самолет, такой хрупкий и незащитный, – ничемное, инородное тело в равномерной, совершенной канве моего сознания. Что мне жизнь нескольких смертных созданий? Да почти ничего – мелочь, пустяк! Я облетела вокруг корабля, наслаждаясь перепуганным выражением прижатых к иллюминаторам лиц. Меня ждала первозданная глубина неба, властно маня к себе своей чистотой и бессуетностью, обещая сделать такой же идеальной, как она, научить без стеснения переносить любые капризы и насмешки бытия. Да и само бытие уже не имело надо мной ни малейшей власти. Я равнодушно повернулась к кораблю спиной, намереваясь оставить его на произвол судьбы, – ведь я уже прошла через все выпавшие мне испытания: я рисковала и терпела боль, я растворялась в вечности и отсчитывала мгновения. Я полностью заплатила цену, дающую мне право стать кем-то больше, чем просто человек, – стать богом. Но внезапно острый укол осознания своего долга безжалостно разбил мои ментальные иллюзии.

«Ты не сможешь забыть людей», – болезненно нашептывала язва-Совесь.

«Ты не имеешь морального права бросить их на произвол судьбы», – властно зывал суровый воин-Долг.

«Ты не захочешь жить без них», – тихонько напевала чародейка-Любовь. – Спаси их, спаси!»

«Да, ты намного сильнее Смерти, но сможешь ли ты принять ее добровольно? – спрашивал судья-Рассудок. – Или купить чью-то жизнь ценой своей смерти? А ты способна обречь кого-либо на смерть ради своего спокойствия? И неужели это вечное, ледяное одиночество – и есть конечная цель твоего пути, пути бога?»

Я до крови впиалась ногтями в ладони и застонала от невыносимой муки. Я поняла: итог всего – одиночество. Боги – одиноки. Они сознательно, до капли, до последнего вздоха вымораживают из себя все живое: любовь, нежность, дружбу, милосердие. И это есть цена их совершенства. Они непоколебимо уверены в том, что бог – это нечто глобальное и великое, а на самом деле они превращаются в ничто: ведь совершенство так уязвимо! И только осознав все это, я вновь ощутила себя тем, кто, по сути, и является настоящим венцом бытия, – я ощутила себя человеком, со всеми присущими ему слабостями и достоинствами.

Выстрадав, взлелеяв в душе эту наконец-то открывшуюся мне истину, я протянула руки и бережно подхватила падающий корабль в свои надежные объятия, окутав энергетическим коконом. Тут же стих надсадный рев барахлящих моторов, наклон самолета выровнялся, и бот уверенно лег на прежний курс, удвоив обычную скорость полета. Силовые браслеты-накопители на моих запястьях светились, словно два спасительных маяка, а я чувствовала, как вместе с энергией ключа от Небесных врат из меня по капле вытекает и собственная сила, собственная жизнь, но упорно продолжала нести корабль дальше, к извилистой ленте гор, смутно темнеющей впереди. Теперь я знала, что путь бездушного (это во сто крат хуже, чем просто злобного) бога – не для меня! Ведь я – человек!

– Да, я – человек! – громко кричала я в лицо невозмутимому небу. – И я обладаю возможностью выбирать. Не просто смиренно умереть, как Крылатые боги ламий, бессильно сгинув вместе с созданным и не спасенным ими миром, но сохранить частицу своего мира – сделать его лучше, подарить ему будущее! Я умею жалеть, я способна жертвовать, я хочу любить – и отныне это мой добровольный выбор, это – мой путь!

Мое время истекло, а мой выбор был сделан. Собственные силы закончились, браслеты помертвели и потухли, истерпанные до дна. Я опустилась к самой земле и обнаружила ровную площадку посреди елового леса, засыпанную сугробами из пушистого снега. Заботливо подтолкнув корабль последней искрой своей жизненной энергии, я послала его на мягкую, безопасную посадку...

Свет в глазах померк, а веки закрылись сами собой. Небо отторгло меня, словно чужой, опасный, инородный элемент. Предавшей идеи богов нет места в ряду небожителей. В ушах свистело, когда, кувыркаясь в воздухе, будто сломанная кукла, я устремилась вниз...

Мы ангельскую сущность обретаем
Ценой таких немислимых потерь,
Что, сами не заметив, пролетаем
В небесную распахнутую дверь.

И крылья прорезаются с мучением...
А белоснежный ангельский покров —
Как признак не помогшего лечения,
Диагноза: «Скончался? Будь здоров!»

И может быть, мы душу обретаем,
Верша свои небесные дела,
Теряя в то же время – мы-то знаем —
Никчемные заблудшие тела.

Всю землю с неба озаряя взором
Божественных, лазоревых очей,

Опять ведем обход святым дозором,
Храня покой ненужных нам ночей.

Но если спросят нас: «А вы хотите,
Замедлить в бесконечности свой бег?»
Ответим мы: «Нам ран не бередите!
Ведь каждый ангел – бывший человек».

Часть четвертая Небесные врата

Глава 1

С натугой растворив тяжелую, разбухшую от старости дверь избы, Гала выскользнула на крыльцо. Зябко переступила ногами в тонких вязаных чулках и подула на мгновенно озябшие пальцы. Торопливо набрала в чугунок несколько пригоршней свежего снега с перил и засмотрелась за ограду.

«Отчего же дедушка Онисим так долго не едет? – боязливо гадала знахарка, вглядываясь в темные контуры вековых сосен, близко обступавших ее почти по самые окна вросшую в землю хибарку, самую крайнюю в ряду крепких деревенских домов. – А если на обоз волки напали? Или чего хуже, – тут девушка поежилась еще пуще, но уже не от мороза, – Олгой-Хорхой?»

В отличие от большинства своих соседей в Великого червя Гала верила твердо. Дед Онисим, до полусмерти пугавший деревенских ребятишек своим жутко изуродованным, обожженным лицом, именовал червя чуть иначе – Уральским полозом, что, впрочем, совершенно не меняло сути дела. Как не меняло и отношения селян ко всему роду Галы, многозначительным полусшепотом называемого в деревне проклятым Захариевым семенем. Раньше-то люди хотя бы Порфирия побаивались, чтя его авторитет старейшего шамана, но с тех пор как ушел он на поиски Хозяйки врат да так и сгинул бесследно, Гале с Онисимом приходилось совсем туго. Трудно сосчитать, сколько раз соседи знахарке уже и ворота дегтем мазали, и собаками ее саму травили, что, однако, вовсе не мешало им вспоминать об ее лекарском искусстве в момент крайней нужды.

«Вон как душевно толстая Семкина сноха под нашей дверью голосила, когда ейный сынок от падучей лихоманки занемог, умоляя меня ради милости Хозяйки врат спасти жизнь невинного дитяти. А это дитя ведь, – тут девушка добродушно усмехнулась, – ворота-то дегтем и мазало». Или взять, к примеру, Якова – здорового деревенского кузнеца, на руках притащившего в домик знахарки свою нареченную невесту, укушенную болотной гадюкой... Три ночи не спала Гала, накладывая на ногу золотоволосой Лады припарки да мази, отбивая ее у костлявой смерти... И ведь спасла-таки первую деревенскую красавицу. После этого случая кузнец знахарку зауважал, в обиду никому не давал и сам вызвался поехать с Онисимом за лекарствами для загадочной гостьи...

Гала бурно вздохнула. Нет, нельзя допускать тревогу в душу. В обозе пять саней, да кроме богатыря Якова еще трое михеевских парней, один другого кражистее, по гроб жизни благодарных знахарке за отца, с преогромным трудом выхоженного после страстных объятий голодной медведицы. Значит, вернется обоз вскорости, а лекарства нынче Гале ой как нужны! Ну да молодой знахарь Ратибор, коий пользуется непререкаемым авторитетом в Выселках, соседних к Галиной деревушке Борти, на нужные лекарства не поскупится, ибо разумом его Хозяйка не обидела, да и – тут девушка зарделась как маков цвет – ладной внешностью тоже. Ой, до чего же пригож собой добрый молодец Ратибор! Ростом высок, плечами широк, талией тонок, глазами синь, а волосами рыжеват. Галин сокол ясный!.. Тут

девушка, наверное, в сотый раз вспомнила, как сладко забилося ее сердечко на празднике летнего солнцеворота, когда синие глаза выселкового красавца-знахаря повстречались в первый раз с ее – карими. Побелели тогда щеки Ратибора, а потом вдруг вспыхнули ярче костра жертвенного. А Гала в тот вечер знай себе лишь все ниже клонила украшенную венком голову да кокетливо плела пушистую русую косу. С тех самых пор начал сам Ратибор в Борти заезжать, подарки привозить, а если не было на то такой возможности, при каждой оказии слал Гале поклоны. Видно, любя она ему! А еще, в этом девушка не сомневалась, попросит он по весне у деда Онисима ее руки и пришлет удалых, разбитных сватов! Девушка корила себя за нескромность, но не могла забыть, как однажды красавец-знахарь поймал ее в темных сенях, сжал в жарких объятиях и начал страстно целовать сахарными устами, называя своей незабудкой ненаглядной... От таких мыслей Гала совсем обмерла и чуть не выронила чугунок со снегом. Благословит их брак этим летом сама Хозяйка врат! Ведь Хозяйка...

Безудержные мечты девушки неожиданно прервал тихий, болезненный стон, раздавшийся из-за двери, и знахарка, вмиг позабыв о Ратиборе, опрометью бросилась в избу.

На твердой лежанке, высланной дорогими медвежьими шкурами, лежала ОНА. Знахарка робко приблизилась, сняла мокрую полотняную тряпицу и прикоснулась к пылающему лбу необычной пациентки. Плохо дело, потому что сжигает гостью антонов огонь, и нет от него ни спасения, ни лекарства! Одна надежда слабая теплится в душе Галы: пришлет Ратибор столетний мед диких пчел – так, может, хоть он поможет... Любой другой, попавший на место загадочной гостьи, уже давно бы умер, – но ведь это была ОНА!

Гала вздрогнула, бережно сняла с полки портрет, испокон веков хранимый в их семье и выполненный неведомым способом на древнем стекле, трепетно приблизила к больной и внимательно сравнила два лика – живой и рисованный... Без сомнения, на скромном деревенском ложе металась в лихорадке сама Хозяйка врат! И не найдешь более в целом мире второй такой красоты несказанной – ни шеи лебединой, ни кудрей золотисто-медных, ни очей изумрудных. Но Гала не завидовала ослепительной внешности своей пациентки. Подобная неземная красота вызывала у нее лишь благоговение, да еще желание спасти, излечить. Этому ее и прадед Порфирий учил: служить Хозяйке, оберегать, ибо она – залог выживания всего рода человеческого!

Знахарка смочила тряпицу холодным талым снегом и вновь положила на горячий лоб рыжеволосой девушки. Заботливо укрыла больную пушистой, теплой шкурой, села рядом и пригорюнилась. Галу с самого рождения воспитывали в осознании служения своему высокому предназначению. Пращур Порфирий на науку оказался щедр, на похвалу скуп, а на наказание – суров. Чуть что, нещадно бил хрупкие девчоночьи ладошки гибкой ракушечной хворостиной. Но Гала лишь еще крепче, еще упрямее сжимала трясущиеся от боли губы, кланялась в пояс и благодарила. Суровый прадед лукаво улыбался в сторону и доблел хмурым лицом. Гала радовала его всем: и тем, что умом пошла в знаменитую Захариеву породу, и твердым характером, и внешностью пригожей, но более всего – знаком, что сразу поняла и приняла весь смысл науки тайной: ждать Хозяюку, оберегать ее, служить ей, а когда настанет заветный час – проводить в то урочное место, где начиналась Тропа испытания, ведущая к Небесным вратам. А только узрел старый шаман знамение небесное – возликовал душой и сразу же отправился в град дальний, иноземный, Никополисом названный, ибо там ему Хозяюку и встречать предназначалось. А Гала дома осталась – ждать... Ждать, сама не ведая чего. Ведь мало ли что случиться может – то ли Порфирий вернется, то ли еще что важное приключится. Вот так ждала, ждала она и... дождалась!

Три дня уж как с той страшной ночи минуло. Девушка тогда отчего-то уснуть не могла – тоска неясная, словно предчувствие черное, душу томила. Вышла Гала на крыльцо, точно так же, как и сегодня, да подняла лицо к небу звездному, вопрошая безмолвно: отчего это деревенским охотникам и бортарям стало так трудно жить в лесах родимых? Прошедшая осень тяжелой выдалась – вода в реке ни с того ни с сего вдруг каким-то жирным налетом

покрылась, отчего люди, испившие дурной водицы, начинали хиреть и животами маяться. Травы и ягоды на корню сохли, на скотину домашнюю мор напал, а зверье лесное так и норовило куда подальше схорониться. «Не иначе как настал конец света», – качали седыми головами мудрые старики. В отличие от своих наивных земляков Гала много чего знала, но предпочитала помалкивать. А то, не ровен час, услышат селяне из ее уст недоброе пророчество, да еще чего похуже, чем просто в дегте вывалить, сотворить над ней удумают, чтобы неповадно было каркать, беду призывать. А чего ее призывать-то, если она и так уже сама пришла – незваной, непрошеной? Тут, как говорится, отворяй ворота да проси о заступничестве добрую Хозяйку врат, даже если ты в нее и не веришь особенно.

Но в милость святой девы Гала верила твердо, да и ведала о ней куда поболее всех прочих, неграмотных и запуганных обитателей лесной деревни. Вот поэтому и молилась она в ту ночь Хозяйке, глядя на яркие звезды. А небо вечное возьми, как на беду, да и прислушайся к молитве молодой знахарки. Одна из звезд неожиданно приблизилась и начала неуклонно расти в размерах, принимая форму неведомого, серебристого вытянутого предмета. Гала не сдержалась и вскрикнула в голос, когда непонятное чудо беззвучно рухнуло за ближайшей заметенной снегом чащобой. А мгновение спустя во двор знахарки, на манер хвостатой кометы, стремительно упала рыжеволосая девушка, со всего маху приложившись виском об обледенелый колодезный сруб. Гала затравленной оленухой метнулась к девушке-звезде, подхватила в свои дрожащие ладони ее бледное, прекрасное, словно из хрусталя выточенное лицо и заглянула в изумрудные очи, дивясь нечеловеческой мудрости, на самом их дне плещущейся. Гостья уцепилась за Галины пальцы и прерывисто простонала несколько слов, кои и стали всему объяснением:

– Я Рыжая Ника, и мне нужно немедленно попасть к Небесным вратам! – из последних сил потребовала удивительная незнакомка, а потом погрузилась в горячее забытие, побороть которое не хватало даже всего стократно проверенного таланта лесной знахарки.

А уж когда Гала нашла в кармане Ники карту, много раз виденную в руках прадеда Порфирия, да сравнила лик красавицы с бережно хранимым портретом Хозяйки – вот тогда девушка окончательно утвердилась в осознании того, какую долгожданную гостью послало ей справедливое, вечное небо...

Размышления девушки прервала звонкая песенка бубенцов, привешенных на дугу саней. «Едут!» – встрепенулась Гала, схватила шубейку, кинула бдительный взгляд на безмолвную пациентку и ринулась встречать обоз.

Сани выстроились в цепочку перед крыльцом. Покрытые инеем кони заморенно похрапывали, копытами били по насту, нетерпеливо выпрашивая заслуженный овес. Гала удивленно расширила глаза, пытаясь пересчитать непривычно возросшее число обозников. Первым из-под меховой полости вылез сам Онисим, вопреки своему довольно преклонному возрасту, еще крепкий и ловкий.

– Деда! – Гала ребячливо ткнулась носом в его окладистую бороду, по-домашнему благоухающую табаком и сладкой жевательной смолкой.

– Ну, ну, слезы-то зачем? – Онисим любовно провел заскорузлой ладонью по русой девичьей головке. – Ты погляди, внученька, какого я тебе гостя привез!

Но, мысленно обмирая, Гала и сама уже заметила, как вслед за дедом из саней спешно выбирался Ратибор, радостно сияя ей навстречу влюбленными синими очами.

– Незабудка моя!

Молодой знахарь крепко обнял невесту и, невзирая на присутствие посторонних, одарил долгим поцелуем. Гала конфузливо покраснела. Дед Онисим благодушно отвернулся, прикрывая кожаной рукавицей счастливо улыбающийся беззубый рот.

– А это кто такие? – оторопело спросила девушка после того, как поздоровалась с Яковом и михеевскими братьями, робко указывая пальчиком на незнакомых ей людей.

Из вторых саней гибко выпрыгнул высокий статный молодец, чудно смуглый, с черными шелковистыми локонами, волной спускающимися на могучие плечи. Его

прекрасные, бархатистые карие глаза, подсвеченные золотистыми искорками, в упор рассматривали лесную знахарку. Юноша учтиво поклонился, приложив руку к сердцу.

«Вот колдовство-то неведомое! – изумилась Гала.– Вроде парень молодой, а обликом – краше любой девки!»

Кареглазый красавец со смешком зашарил в глубине саней, извлекая наружу озябшую, закутанную в меха девушку – маленькую и пухленькую, остриженную по-мальчишески коротко, и высокого сутулого мальчишку. Мальчишка, несмотря на толстый тулуп, поминутно кашлял и сморкался, гнусаво умоляя добить его из милосердия, дабы избавить от непереносимых мучений.

– А как же божественные испытания, насылаемые нам свыше? – пророкотало из других саней, и перед округлившимися глазами Галы предстал настолько дюжий человек, что рядом с ним даже богатырь Яков казался всего лишь слабой хворотьбой.– Что-то ты совсем раскис, мой благонравный друг великомученик Антонио!

– Апчхи! – покаянно отозвался простуженный послушник.

Здоровяк утробно захохотал.

– А это что за прелестная лесная дриада? – Он одним сосискообразным пальцем подцепил тонкое запястье совсем растерявшейся Галы.

– Невеста моя, лекарка местная! – молодецки подкрутил усы Ратибор.– Что скажешь, Феникс?

– Зело хороша! – восторженно одобрил великан, и девушка испуганно ощутила, как чуть сжалась в приветствии его рука, заволаживая мощью перекачивающихся под кожей мускулов.

Трое последних гостей не произвели на Галу столь шокирующего впечатления. Ими оказались трое мужчин: первый – невысокий и полный, второй – настороженный и жилистый, и еще один – молодой и смазливый. Все они носили необычные, не запоминающиеся сразу имена.

– Вот это принц заморский, Алехандро его звать.– Ратибор подвел к девушке кареглазого красавца.

– Да кто же они все? – аж подпрыгнула истомившаяся от любопытства знахарка.

– Как это кто? – притворно вознегодовал гигант Феникс.– Мы друзья Ники – той, которую вы Хозяйкой врат называете!

– Их корабль упал возле самых наших Выселок,– добавил Ратибор.– Охотники их всех в лесу нашли, замерзших и напуганных, и в деревню ко мне привели.

Гале и не поверилось сразу, будто здоровяк Феникс может чего-то бояться.

– Не за себя! – гулко бухнул кулаком в грудь гигант.– Токмо за нее, за Нику нашу! Она ведь корабль на себе несла!

– Ишь ты, успел уже – нахвтался словечек уральских,– похвально улыбнулся Алехандро.

Но в то, что рыжая девушка несла на себе корабль со всеми этими людьми, Гале тоже поначалу не поверилось.

– Где Ника? Что с ней? – так и сыпал вопросами Алехандро.

В его взволнованном, дрожащем голосе, а главное – во взоре золотистых очей Гала прочла нечто живо напомнившее ей о собственных мечтах про Ратибора. Девушка тут же прониклась сочувствием и пониманием.

– Болезная она, лежит у меня в избе! – всплеснула руками знахарка.– Антонов огонь ее сжигает. Одна надежда – на лекарства Ратибора!

Принц помертвел лицом.

– Веди и показывай,– строго приказал Ратибор.

Алехандро вперед всех кинулся в дом, увидел бессильно распростертую на лежанке любимую и, скрипнув зубами, припал губами к ее разметавшимся рыжим локонам. Вокруг больной суетился выселковый знахарь и вполголоса советовался с пухленькой стриженной девушкой. В углу избы, поминутно чихая и кашляя, бил молитвенные поклоны набожный

послушник Антонио.

– Поднесла бы чарку напитка веселящего, хозяйюшка! – отвлек Галу здоровяк Феникс, боязливо присев на скрипнувшую под его весом лавку.

– Ой, я сейчас! – гостеприимно встрепенулась девушка. – Бражки, водочки?

– Водка, бражка, огуречик – вот и спился человек, – задумчиво бормотнул Фен. – Я думал, у вас, знахарей, всяких наливок да настоек вкусных пруд пруди...

– И впрямь была одна, на мухоморах настоящая, для чресел мужских дюже полезительная, – так и ту Яков выпил, – виновато потупилась Гала.

Гигант иронично хмыкнул:

– Благодарствую, девица, но с чреслами у меня проблем не наблюдается!

– Всем водки налей для сугрева, – устало попросил Ратибор, кулем плюхаясь рядом с Фениксом. – Плохи наши дела!

Алехандро не отходил от Ники, продолжая гладить ее спутанные волосы.

Кристина печально покачала головой:

– Лекарств нет, аппаратуры нет, интерком не работает...

– А мед? – несмело заикнулась Гала.

– Да какой тут мед! – разочарованно рубанул ладонью по воздуху Ратибор. – Умирает она! Мало того что у нее почти все кости переломаны, так и жизненные силы из нее целиком ушли – словно высосаны до капельки!

– Это все ключ от Небесных врат... – Алехандро мягко приподнял безвольную руку любимой, обличающе показывая на два серых, мертвенных кольца, украшавших ее запястья. – Через него она свою жизнь и отдала добровольно, нас спасая...

– Что делать-то будем? – задумчиво сгреб в кулак бороду дед Онисим.

– Есть одно средство, – медленно протянул выселковый знахарь. – Только уж шибко оно опасное...

– Да ты никак, парень, про Око мира говоришь! – негодуя охнул старик.

Ратибор печально кивнул.

Гала обмерла.

– Не молчи, дедушка! – умоляюще затормошил старика Алехандро. – Если есть хоть один шанс спасти мою драгоценную, я для этого самого себя не пожалею!

Остальные ничего не поняли, поэтому просто молча хлопали вытаращенными глазами. Дед Онисим нерешительно пожевал сморщенными губами, а потом, испросив взглядом дозволения у Ратибора, все-таки начал рассказывать:

– Знание сие есть древнее, тайное, простым селянам неведомое, а потому от непосвященных в большом секрете сберегаемое. Передается оно в роду нашем, Захарьевом, по наследству от отца к деду. Мне оно от шамана Порфирия досталось – жаль, что вот только силы его я не унаследовал. А Гала наша – она в него пошла...

– Но Ратибор-то откуда тогда про вашу тайну узнал? – недоверчиво хмыкнул Фен.

– Ох, лишечко! – Дед хитро улыбнулся. – У Захария много жен перебивало, оттого-то и род наш крепко на земле Уральской укоренился. А я-то уж как рад-радешенек, что дожил до вашего прихода – не исчах, не помер. Ну да я с вами, однако, в горы не пойду, ноги у меня уже не те – нет в них молодой прыти.

– Дедушка, а зачем нам в горы-то лезть понадобится? – нетерпеливо перебил Алехандро по-стариковски многословную и запутанную речь Онисима.

Но Старик не обиделся, он успокаивающе положил на плечо горячего юноши свою тяжелую, словно из доски вытесанную, ладонь и размеренно продолжил:

– Захария много по земле нашей поскитался. Бают, будто он и Врата Небес сам устроил и много тайн за ними схоронил. Да и пожил он немало, и еще вроде бы как испил он в чужой стороне зелья неведомого молодильного, силы огромные ему даровавшего. А в нашем краю нашел он в горах пещеру одну волшебную, всю изнутри хрусталем выложенную. И якобы свойства необычные хрусталь тот имеет – кости сломанные сращивает, разум уснувший пробуждает, мудрость дает нечеловеческую...

– Возможно ли это? – не поверил Алехандро, не сводя с деда загоревшегося надеждой взгляда.

– Возможно! – коротко ответил Ратибор. – Довелось мне подобное видеть, как вождей еле живых волшебная пещера излечивала и на поле брани героями великими возвращала.

– Ну, – скептически протянула Крися, – сложные ультразвуковые приборы часто монтируются на основе резонансных частот колебания нескольких пластин кварца. Хрусталь вообще обладает множеством малоизученных свойств – вспомните хотя бы мистические шары кельтских магов, медиумов и спиритов...

– Решено, – громогласно провозгласил Фен, – несем Нику в эту вашу пещеру друидскую!

Все, кроме Ратибора и Онисима, радостно закивали.

– Охма, и скор же ты, богатырь, на решения! – усмехнулся старик. – А мне вот ведомо, что не попусту лечебную пещеру Оком мира прозвали! Сама она выбирает – чем кого одарить, а чем наказать. Живал в наших местах хан один, шибко до золота жадный, а на доброту душевную – прижимистый. Прослышал он про Око мира, схватил шамана тогдашнего да и приказал отвести себя в пещеру...

– И что? – испуганно выдохнул Алехандро.

– Не отказал ему шаман, – удрученно покачал седой головой Онисим, – знал, что воздастся хану по заслугам. Нашли через пару дней ханские слуги труп своего господина, обугленный, как головешка...

– А твое лицо? – спросила Кристина. – Тоже таким от пещеры стало?

– Нет, – небрежно отмахнулся старик, – полез я однажды туда, куда соваться не следует. Молод был да глуп. Не своим путем пошел. – Онисим надолго замолчал, а затем встал, подошел к Нике и приблизил свечу к ее шее, на которой висели рядышком рукоятка от кинжала Зуб дракона и серебряный свисток из усыпальницы Рыжих жриц. – А вот ей ее путь давно ведом. – Старик ласково прикоснулся пальцем к нежной щеке больной девушки. – Выздоровливай поскорее, Хозяйка врат!

Алехандро сидел на припорошенном снегом крыльце избышки, усиленно делая вид, будто приводит в порядок лезвие своей рапиры, а по правде – с любопытством присматривался к возившимся среди сугробов Фениксу и Антонию. За время, прошедшее с начала путешествия, мальчишка-послушник заметно вырос, раздался в плечах и возмужал, но в некоторых вопросах по-прежнему оставался наивным до неприличия. Вот и сейчас, творчески самореализуясь под чутким руководством проказливого штурмана, Антонию старательно лепил из снега нечто кривобокое, весьма смахивающее на карикатурно пышную женскую фигуру.

– Эй, Микеланджело местного разлива, – виконт метко запустил снежком в трудолюбиво сгорбленную спину кардинальского воспитанника, – что это ты там такое изваял? На Кристину вроде не походит!

– Упаси меня святая Ника, чтобы эта кривая образина хоть чем-то напоминала прелестную Крисю, – немного виновато откликнулся мальчишка. – Просто господин Феникс сказал, что для тех, кто не умеет клеить девушек, последний шанс чего-то добиться – слепить снежную бабу!

Алехандро восторженно хохотнул. Простодушный Антонию, конечно, не уловил тонкой игры слов «клеить – лепить», которой блеснул шутник-штурман. Право же, слишком часто наследнику казалось, что за грубоватыми опусами могучего штурмовика скрывается недюжинный ум, впрочем напрочь отрицаемый самолюбивым Аймом. Залог успешной работы любой команды – подобрать в нее людей, обладающих совершенно несхожими склонностями и темпераментами. Результат операции напрямую зависит от большого числа мнений и вариантов развития событий, выдвигаемых членами команды, плюс такому звену позарез требуется авторитетный лидер, умеющий объективно анализировать полученные версии. Теперь Алехандро понимал, по какому именно принципу формировали экипаж

«Ники». А вот по части клеить девушек... Виконт насмешливо подмигнул нескольким деревенским красоткам, через ветхий забор неотрывно и жадно наблюдающим за здоровенным штурманом, специально красующимся в одной легкой рубашке. А мороз-то на дворе нешуточный... Алехандро потер перчаткой покрасневший кончик носа.

– Шо, змерз, Маугли? – сардонически улынулся Феникс, кулаком проламывая свежий ледок, затянувший поверхность бадьи с водой.

– Да не май месяц на дворе, однако, – отшутился виконт, безоговорочно признавая превосходство закаленного штурмана.

– Неужто? – делано изумился штурман, с фырканием выливая ледяную воду на свою разгоряченную голову. Даром он, что ли, полчаса демонстрировал приемы карате, мастерски делая вид, будто совсем не замечает восторженно поохивающих селянок, плененных его удалью. От волос богатыря немедленно повалил теплый пар. Девки восторженно завизжали. Феникс скинул мокрую рубаху, сладко потянулся могучим торсом и, накинув на голые плечи тонкий кафтанчик, присел рядом с виконтом.

– Ты зачем над послушником изгалялся? – заинтересованно спросил Алехандро.

Штурман покосился на друга темным глазом, в котором так и прыгали смешинки:

– Робок больно твой послушник! Не знает, дурень, как к девке подступиться, – а Кристина уже истосковалась вся. Замуж ей пора... – Он вытянул из стоявшего на крыльце плетеного туеска тонкий ломтик копченого сала и принялся задумчиво жевать, шурясь на поблескивающие в солнечном свете льдинки.

Алехандро отложил рапиру и неодобрительно уставился на штурмана:

– А ты, как я погляжу, по женской части спец!

Феникс многозначительно хмыкнул:

– А ты, типа, нет?

– А может, ты и к Нике лыжи вострил? – не унимался ревнивый виконт.

Штурман хотел привычно отшутиться, но, увидев раскрасневшееся лицо наследника, понял, что разговор принимает далеко не шуточный оборот:

– Охолони, друже! – Он сильно хлопнул виконта по плечу. – Горячий ты зело, кровь у тебя южная – так и бурлит! Я ведь Нику чуть ли не с пеленок знаю, она мне вместо сестры родной. Да и не ее я поля ягода. Ей принц нужен! (При этих словах, Алехандро громко выдохнул и расслабился.) Мне вот сестричка твоя шибко в душу запала. – Уголки губ Феникса лукаво поползли вверх. – Коли все образуется, то к ней свататься стану. Она хоть и не семи пядей во лбу, но душой чистая и светлая. Хорошая из нее подруга получится!

Алехандро взволнованно отвернулся, донельзя обрадованный мнением мудрого штурмана относительно его младшей, любимой сестренки.

– Не грусти, прынец заморский! – поддразнил Фен. – Выкарабкается твоя ненаглядная. Она еще в Школе такой упрямой стала. Не гляди, что тонкая да чувствительная, зато внутри у нее – чистейшая сталь. Лоза вон тоже хрупкая, все гнется-гнется – а не ломается...

Виконт хотел о чем-то спросить, но встретил пристальный взгляд расширившихся зрачков друга, пытливо смотревших в упор, и тут же забыл заготовленный вопрос. Ни капли обычной дурашливости не сквозило в тот момент в проницательном взоре штурмана.

– Зачем же ты так? – с упреком спросил наследник. – Зачем зачастую дураком себя напоказ выставляешь? Вот поэтому Айм и не считается с тобой вовсе!

По губам Феникса бродила непонятная усмешка.

– Не считается, говоришь?.. – чуть насмешливо протянул он. – Да и нехай с ним, ибо наш толстяк умен, но себе же на беду – самоуверен излишне. Может зарваться, и тогда самое милое дело его не тычком, а шуткой невинной на место поставить.

Алехандро потрясенно вылупил глаза, никак не ожидая от грубоватого штурмана настолько глубокого понимания человеческой психологии.

– Оно ведь как в жизни случается, – спокойно продолжал Фен, – это только детство кулаками машет – с несправедливостью вокруг себя борется. А зрелость – та поумнее будет, она в драку попусту не лезет, но учится к миру приспосабливаться, преуспевать в нем. Вот

только взрослеем мы все в разное время... Посему Аймушка наш – еще дитя малое, вроде умен-благоразумен, а чуть что – сразу на манер страуса голову в песок прячет, не замечая, как незащищенная задница снаружи остается...

Виконт заинтригованно поднял тонкую бровь:

– А Ника?

– Ника-то, – со вкусом обсосал кожицу от сала штурман, – добрая она лишку, в ущерб и себе, и задаче глобальной. Умная, сильная, надежная – но добрая, аж до одури! Она и нас бросить не может, и всех остальных спасти хочет. Вот и рвет себе душу, а ведь не божье это дело вовсе – души-то слушаться!

– Это как? – не понял Алехандро.

Феникс разочарованно вздохнул и вразумляюще постучал свиной шкуркой по смуглому лбу виконта:

– Спокойнее свой божий путь ей вершить надобно, на всякие мелочи не размениваться, за каждого человека не хвататься. Ради тысячи спасенных небось можно десятком-то убиенных и пожертвовать!

– Нами, что ли? – оторопел Алехандро. – Не сможет она...

– Вот этого я и боюсь! – помрачнел Феникс. – Знаешь, что случается с богами, которые парой людишек пожертвовать не умеют?

– Что? – всем телом содрогнулся виконт, интуитивно предугадав ответ.

– Собой они за это расплачиваются! – хмуро закончил штурман. – Вот что.

Алехандро сник и погрузнел.

– Брось, друже, авось еще и обойдется! – уже в привычной своей задиристой манере выражаться ободряюще гаркнул Феникс. – Где там этот наш деревенский знахарь-богатырь затерялся? Вроде бы он обоз снаряжать пошел, чтобы Нику в горы везти... Признаюсь по секрету, уж шибко он мне по всем статьям молодецким дерево одно экзотическое напоминает, на бабо... начинающееся... – Феникс игриво подмигнул.

– Баобаб! – подсказал начитанный виконт.

– Во-во, баболюб он и есть настоящий, – скабрёзно ослабил штурман. – Тоже по части девок наш Ратибор не дурак оказался, от меня не отстаёт. Помнишь, как он вчера перед спелой мельничихой соловьем заливался – я, мол, все умею, снимаю порчу с любой бабы...

– Баб снимаю. Порчу, – в голос расхохотался Алехандро. – Он, как и ты, по женской части ценитель, а невеста у него – словно яблочко наливное.

– Ну он-то, может, и ценитель, а я – гурман! – самоуверенно подвел итог Феникс, поднимаясь на ноги. – Вон нам дед Онисим от ворот машет зазывно. Ну, значит, поехали уже!

Горный снег, белый и крупнозернистый, слепил глаза. Меньше чем за час пути у путешественников возник острый зуд под веками, вызывавший нестерпимое желание потереть, почесать взбунтовавшиеся органы зрения. Самые недисциплинированные – Антонио и Айм – так и поступили, неосмотрительно проигнорировав строгие запреты заботливого Ратибора, отчего им, естественно, стало только хуже. На ближайшем привале знахарь наложил на глаза приболевших гостей мешочки с какими-то травами, а потом выдал всем деревянные очки с узкими прорезями вместо темных стекол. Надевая это кустарное убожество, Феникс долго ворчал, вспоминая оставленные на звездолете любимые солнцезащитные «Полароиды», но ничего не поделаешь – пришлось смириться. Узкая обзорная щель при наличии некоторой тренировки почти не сужала кругозора, надежно оберегая глаза от солнечных лучей, отраженных девственным снегом.

А Алехандро на снег и вовсе не смотрел... Через узкие прорези очков он неотступно наблюдал за застывшим лицом любимой, кажущейся такой хрупкой на фоне укутывающих ее соболевых мехов. Но, невзирая на его мысленные призывы очнуться, девушка оставалась неподвижной. Ратибор время от времени подходил к саням, везшим Нику, и заботливо брал ее за истончившееся запястье, отслеживая еле слышимую ниточку пульса. Недовольно качал

головой, враждебно косился на тусклые браслеты, мертвой хваткой обхватившие руки больной, но снять их даже не пытался. Алехандро часто наклонялся к розовому ушку, скрытому среди густой чащи пышных рыжих кудрей, нашептывал тысячи милых глупостей и слов любви, пылко целовал холодные губы, но – увы, ненаглядная не отвечала. Ника не желала поднимать своих длинных загнутых ресниц, лежавших на бледных щеках, так разительно напоминая теперь мумию Влада Цепеша, что у виконта сердце обмирало от тревоги. Знать бы, каким богам молиться за любимую, да и остались ли еще в этом мире боги сильнее нее? Он отмечал, как устрашающе ввалились ее нежные щеки, заострился точеный носик, черные тени легли на влажные виски, и понимал – смерть рядом. Стоит, недобрая, возле его любимой, затаила дыхание и поджидает – как бы отплатить Рыжей за все: и за силу ее огненную, и за дружбу кракена, и за разбуженных Крылатых богов, и за усмирленный песчаный смерч.

«М-да, много чего хорошего за Никой накопилось – того, чего не прощает ревнивая судьба-злодейка...» – И Алехандро с неумолкающей тревогой вновь и вновь вспоминал недавнее пророчество Феникса.

На третьи сутки пути они достигли высокой одиночной скалы, в противовес всем другим горам не носившей щедрого снегового покрова. На высоте полуметра над землей зиял узкий вход в пещеру. Алехандро сунул голову внутрь и поспешно зажмурился. Пол, стены и потолок естественного округлого грота покрывали крупные кристаллы горного хрусталя, блиставшие сполохами холодного многоцветного пламени, словно застывшая радуга плавно перетекала из камня в камень, рождая тени неясных картин, отображающих прошлое и будущее. И при желании чего только нельзя было увидеть в этих отблесках: и небо с облаками, и бурную реку, и густой лес...

– Понял теперь, почему сию пещеру называют Оком мира! – подчеркнул интонацией Ратибор.

Наследник безмолвно кивнул.

Крися с Аймом тоже заглянули в грот и торопливо отошли, почтительно бормоча что-то про энергетические потоки и усиливающие их природные линзы.

Нику бережно внесли в пещеру и положили прямо на голые кристаллы, укрыв лишь тонким покрывалом. Алехандро опечалился: «Каково же это ей – лежать на холодном да остром?» – но Крися зашипела разгневанно: «Так и надо, контакт, массаж...» Виконт покорился. А что ему еще оставалось?

Два богатыря – Феникс и Ратибор – завалили вход в пещеру огромным валуном.

«Словно заживо ее погребли...» – неприятно царапнуло по сердцу наследника.

– Что же мы теперь делать станем? – спросил он Галу, хлопотавшую у костра.

– Ждать! – вместо невесты коротко бросил Ратибор, раскатывая меховой спальник поверх уложенных на снег еловых лап. – Три ночи ждать чуда. Ждать и надеяться!

Первой пришла боль. Жестоко вырвала меня из убаюкивающих объятий милосердного, предсмертного сна. Выгнула дугой тело, заставляя кровь жарче струиться в онемевших, атрофировавшихся конечностях. Вгоняла раскаленную иглку под каждый ноготь, а затем – в каждый пальчик, в руки и ноги. Сращивала порванные сухожилия, наживляла новые мышцы, восстанавливала кости. Исцелила отбитую селезенку и сломанный позвоночник, залатала пробитый череп и вынула осколки костей, пронзившие легкие. Филигранно возродила сгнившие нервные окончания, до этого сухие и почерневшие. Я сделала первый робкий вздох и открыла прозревшие глаза...

На вторую ночь возникло восприятие. Кристаллы показывали мне тысячи чужих миров, находящихся далеко за пределами известных нам галактик. Я еще не понимала – кто я, но послушно, как губка, впитывала открывающиеся мне знания. Я постигла технологии давно ушедших цивилизаций и языки инопланетных народов, тайны тибетской медицины и подлинное происхождение строителей гигантских пирамид страны Та-Кем, чаще называемой

Египтом. Химия, богословие, теология, астрономия и ядерная физика непрерывно сменяли друг друга ярким калейдоскопом. К моему обновленному, безукоризненному телу прибавились изощренный ум, мощный интеллект, невероятная интуиция и холодный прагматизм. Душа отсутствовала. Я стала безликой машиной, самой совершенной на свете.

А на третью ночь появились они... Трое старцев, даже внешне схожих между собой, словно близнецы-братья. Убеленные сединами, одетые в развевающиеся, свободные, ангельские одежды. Мудрые, голубоглазые и добрые, как родные дедушки. Они окружили меня, обняли слабыми руками и поцеловали иссохшими губами, а я с восхищением и благодарностью приняла их бесценный дар – дар осознания самой себя. Я вспомнила все произошедшее со мной и узнала их, дорогих моему сердцу друзей – шамана Порфирия, крылатого Хизли и директора Захария.

– Bravo, капитан! – беззвучно хлопнул в ладоши директор. – Вы не только оправдали все мои надежды, но совершили подвиги, достойные если не богов, то, по крайней мере, титанов!

– Ах, господин Финдл, – это всецело ваша заслуга, ведь вы и в Школе любили загадывать нам различные загадки и ребусы, – скромно потупилась я.

– Ну и начудил же ты, дружище! – покачал лысой головой Хизли. – Совсем замучил нашу милочку со своими пророчествами.

– Неужели это еще не все? – с нехорошим предчувствием испугалась я.

Старики проказливо захихикали.

– Твой путь к Вратам только начинается, – предупредил шаман.

– О, боги милосердные, спасите меня! – Я измученно подняла глаза к хрустальному своду пещеры.

– Каким богам ты молишься? – удивились все трое.

– Ну, есть же в этом мире какая-то высшая сила! – окончательно растерялась я.

Хизли хихикнул – на этот раз неприкрыто злорадно, директор нахмурился, а Порфирий разочарованно всплеснул руками.

– Вот тебе раз, учили-учили ее – и все насмарку! – ненатурально расстроился Захария.

– Нелегко постигать себя! – укорил его шаман, видимо, более снисходительный к моим промахам.

– Еще не поздно правильно оценить свою душу, – успокоил меня техасец. – Было бы желание...

– Иди! – Директор повелительно простер руководящую длань. – Кому много дано, с того много и спросится. Ты не поняла косвенных намеков, значит, нам придется учить тебя прямо и грубо, как котенка тыкая мордочкой в совершенные ошибки и промахи!

– Куда тыкая? – еще пуще испугалась я. – В лужу?

Но видения не ответили, истончаясь, тая на глазах и превращаясь в легкую дымку...

А в следующее мгновение по ушам резанул громкий, пронзительный вой, грубо выбрасывая меня в реальный мир...

– Помогите, верните мою прелесть! – отчаянно голосил Антонио, хрипя и срываясь на визг.

Я вздрогнула и протестующе вытянула перед собой руки, намереваясь оградиться от этого дикого крика, сворачивающего мои внутренности в один встревоженно пульсирующий комок, выедающего душу и выгрызающего мозг. Случайно заметила браслеты на своих запястьях, полыхающие переливающимся пламенем, ярким как никогда. Первым же небрежным щелчком не то чтобы отвалила тяжелый камень, плотно закупоривающий вход в пещеру, а просто разнесла его в облако мелких осколков, мысленно переживая – лишь бы никого снаружи не задело. И вывалилась на склон горы такой, какой лежала в хрустальной пещере, – в одной развевающейся на ветру просторной полотняной рубаше. Неприбранная и непричесанная, пошатывающаяся на подгибающихся от онемения ногах, вмиг ставших чужими и непривычными, с вытянутыми вперед дрожащими пальцами. Не поймешь кто: то

ли упырь, из домовины выбравшийся, то ли ведьма, из гроба восставшая. Под моими босыми ногами дымился, таял снег, а на свежих прогалинах тут же буйно пробивалась молодая зеленая трава. Оттолкнув окаменевшего Феникса, замершего с топором в руках, я мельком хмыкнула в перекошенное лицо Айма и улыбнулась, постаравшись сделать это как можно нежнее, обомлевшему Алехандро. Судя по тому, что любимый мужчина вдруг глухо застонал и обморочно повалился на спину, улыбка мне не удалась. И наконец, я налетела на источник нечеловеческого вопля...

Богобоязненный послушник Антонио, распластавшись в сугробе и судорожно обнимая неразлучный том священного Писания, голосил с силой, неожиданной для столь хилого горла. Он орал так, как не кричат даже пытаемые на дыбе смертники, и всем сразу становилось понятно – мальчишка лишился чего-то важного, более ценного для него, чем сама жизнь или спасение собственной души.

Я взметнула руку, желая извлечь Антонио из снега, но не рассчитала мощности своего энергетического импульса. Мальчишку выдернуло из ледовой норы, подняло на метр в воздух, перевернуло и швырнуло в соседний сугроб.

– Демоны! – взвыл ушибленный и до заикания перетрухнувший послушник.
– Где? – взвился рыжеватый незнакомый усач.
– Кто? – молодецки гаркнул Феникс, поднимая увесистый топор.
– Хозяйка врат! – бухнулась на колени миловидная девушка, обнимая мои ноги.
– А, черт! – Я поскользнулась на сотворенном мной же ледке и метко приземлилась на девицу, к счастью довольно мягкую на ощупь.
– Картина маслом – явление Христа народу! – многозначительно обобщил ехидный Айм.

Риф и Рей поднимали едва пришедшего в сознание Алехандро.

– Помогите, украли! – еще громче заверещал послушник, выползая из сугроба и на сей раз обращаясь явно ко мне.

– Да что у вас тут вообще происходит? Не дали мне, понимаешь, помереть спокойно...
– визгливо гавкнула я.
– Умереть?

Виконт вновь попытался закатить глаза, но Фен с воплем: «Хватит уже миндальничать», – отрезвляюще стукнул его кулаком по макушке. Глаза моего милого плавно съехали к переносице, и он вяло обмяк на руках Рея и Рифа. Мушкетер посмотрел на штурмана укоризненно.

Я наконец-то оторвала от себя цепкие пальчики симпатичной девушки:

– Что у вас тут за выезд дурдома на природу? И где Кристина?
– Так вот я об этом и говорю! – Антонио полз на четвереньках, горестно мотая головой и волоча за собой порядком измочаленную антикварную книгу. – Украли нашу Крисию!
– Кто посмел? – вызверился Феникс. – Урою козла!
– Так, – я устало опустила на чью-то лежанку, – давайте-ка с самого начала и поподробнее!
– Уйдут же, гады! – заколотился в истерике послушник.
– От меня не уйдут! – насупленно пообещала я.

Ситуация оказалась такова – Антонио с Крисей отошли чуть в сторону от лагеря, преследуя цель незаметно справить некие естественные физиологические надобности организма. К прискорбию, отнюдь не те, на которые скабрёзно намекнул бесстыжий штурман, выразительно поигрывая густыми бровями. Мальчишка скромно отвернулся и спустя секунду услышал испуганный возглас девушки. Оказалось, что пятеро здоровенных парней, имевших донельзя неопрятный вид и одетых в шкуры, нагло умыкнули нашу биологиню прямо из-под невысокой сосенки, призванной укрыть Крисию от любопытных взоров. Подхватив на руки визжавшую девушку, похитители бросились к ближайшему лесочку, пропахивая нетронутую целину не хуже мощных снегоходов... Вот это событие и

стало причиной заполошных воплей послушника. Попутно меня просветили по поводу всего случившегося с момента падения прогулочного бота и моего эффектного приземления прямым во двор знахарки Галы, оказавшейся правнучкой достопамятного шамана Порфирия. Я только головой вертеть успевала, поворачиваться то к одному, то к другому рассказчику, наперебой излагавшим подробности, достойные пера Фенимора Купера или Майн Рида.

– Вот так-то, Хозяйка! – важно подытожил знахарь Ратибор.

– В целом мне все ясно, – откликнулась я, мысленно быстренько слепив воедино все описанные события. – Мне непонятно лишь одно: кто и зачем украл Кристину?

– Ну понятно же, зачем! – пошловато намекнул Феникс.

Антонио горестно взвыл, обеими руками вцепившись в свои и так-то не слишком пышные волосы. Ратибор смущенно откашлялся, Гала краснела и помалкивала.

– Да есть тут у нас орава лихих людишек, – смущенно повинился знахарь, – Свободными охотниками прозываются. Несколько мальчишек от родительских рук отбились. Сбежали в лес, землянок накопили и зажили по своему разумению. Охотятся, орехи да грибы собирают, меха по осени на торжке сбывают. Ну озорничают, знамо дело. Запросто могут зазевавшейся бабе юбку на голову завернуть. Одно слово – беспутные!

– А тут-то они что по холоду делали? – удивилась я.

– Так зимой самая знатная охота, мех у зверья зело густ и пушист, – компетентно пояснил Ратибор. – На песца, видать, охотились!

– На писца, говоришь! – с угрозой протянула я, вспомнив, в какой щекотливой ситуации подловили стеснительную Кристину. – Вот поймаю я ваших охотничков – такого писца им покажу!

Антонио смотрел на меня с надеждой.

– Ты знаешь, где точно лагерь похитителей расположен? – спросила я у знахаря.

Ратибор кивнул и указал в сторону леса.

– Веди! – приказала я.

Провинившиеся охотники, оказавшиеся всего лишь сборищем неухоженных мальчишек возрастом не старше семнадцати лет, улепетывали долго и отчаянно. Старательно путали следы, петляли, уводя нас то к чуть замерзшему болотцу, то к унылой каменистой гряде. Но их ухищрения попали втуне – я не отставала, прекрасно обходясь без четко видимого следа, чутко – лучше любой охотничьей собаки – улавливая тончайшие энергетические колебания, присущие каждому живому существу. Мальчишки упорно тащили завернутую в шкуры Кристину, бросив девушку только через десяток километров. Видимо, лишь тогда, когда уже совсем вымотались и приуныли. Я торопливо развязала попискивающий меховой кулек:

– Крись, ты жива?

– Ника! – повисла у меня на шее подруга. – Солнце мое рыжее!

Мы счастливо расцеловались, после чего девушка перешла в подрагивающие от переживания руки Антонио.

– Отступилась бы ты, Хозяйка! – попросил Ратибор, подразумевая, что пора бы мне позабыть про незадачливых похитителей, благо Кристину они не успели и пальцем тронуть, а уж тем паче – чем-то другим.

Но я заупрямилась, сама не понимая почему.

– Все равно догоню! – сердито рыкнула я, видимо, из извечной женской солидарности за все несправедно задранные подолы. – И отметелю показательно, дабы впредь неповадно насильничать стало. А коли вы устали, так я она дальше пойду.

Друзья возмущенно зароптали, отказываясь отпускать меня на очередные авантюры в одиночку.

– Место здесь худое! – поджал губы Ратибор. – Загнала ты песцовых охотников на Охранную гряду, за которой тропа к Небесным вратам начинается. Никто сюда соваться не

отваживается. Дед Онисим один раз забрел – так вернулся еле живой, обожженный весь, едва-едва его Гала выходила.

– Почему обожженный-то? – подивилась Кристина, пожалуй, к моему великому изумлению, даже весьма довольная своими приключениями. Зато теперь моя подруга получила обоснованный повод горделиво задирать нос, красуясь перед по уши влюбленным в нее Антонио. Вон, мол, какая я роковая девушка – меня мужчины крадут, в меха бесценные заворачивают. Так что цени меня теперь, дурень, и люби до гробовой доски!

– Олгой-Хорхой охраняет подступы к Вратам, – тоненько подсказала Гала из-за широкой спины жениха, – и никого в оное место заповедное не пускает, клубами огня отгоняет!

– Кто? Червь из фантастического романа... – икнув от недоверия, начала я.

Но низкий, утробный рев неожиданно гулко раскатился над горной грядой, эхом отражаясь от огромных валунов.

– Нарвались... – стиснул зубы враз заробевший Ратибор.

Глава 2

Вам приходилось когда-нибудь жалеть своих друзей, переживать за их благополучие, бояться за них? Думаю, что каждый из нас, имеющий близких людей, знаком с подобным чувством. Если в беду попадает друг, то слишком многое, до сих пор надежно скрываемое в тайниках твоей души, выплывает наружу. Тогда отбрасывается прочь трезвый расчет и отменяются любые колебания, теперь уже не имеют значения деньги и прочие материальные ценности, срываются защитные маски, забываются роли и приоритеты. Подобная страшная беда преодолевает все, особенно в том случае, если становится общим несчастьем, общим горем. Мы – люди, и именно умение сопереживать, сострадать близкому или более слабому отличает нас от примитивных животных. Именно поэтому так уместно смотрелись в момент волнения и топор Феникса, и обморок Алехандро, и слезы Антонио. То были переживание и радость, причем не за себя, а за меня, за их близкую подругу. Помнится, еще в нашей школьной бытности Учитель внушал мне одну немудреную истину: пожалеть поверженного противника способен и враг, чтобы подчеркнуть свое великодушие и превосходство, а вот друг является подлинным только в том случае, если он не поддается зависти, а умеет бескорыстно радоваться твоим удачам – не меньше, чем своим собственным. Друг и жалеет, и радуется за тебя, и переживает горе вместе с тобой. На то он и друг!

А можно ли пожалеть врага? Не припомню, чтобы нечто похожее водилось у всемогущих богов, все равно каких – египетских, греческих, римских. Да, нужно воздать им должное – боги умели проявлять снисхождение. Но прощать... Нет, на подобные эмоции они не разменивались, а при каждом удобном случае мстили, причем мстили жестоко и безжалостно, мстили за каждый проступок и каждую мелочь, даже не предоставив провинившемуся малой толики времени, чтобы раскаяться и измениться. Они мстили людям за зависть, за гордость, за трусость, за самолюбие, за глупость и за похоть. А ведь если разобраться – все это привычные, распространенные, сплошь и рядом встречающиеся человеческие слабости. Хотя можно подумать, боги сами не грешили точно таким же образом... Грешили, еще как грешили. Просто зачастую то, что скрываешь в самом себе, ты начинаешь рьяно клеймить в том, кто слабее других или зависим от тебя. А называется это неприглядное качество весьма некрасивым словом – лицемерие. Искорени порок первым, пока тебя не заподозрили в том же, не выявили ту гнусность, коей привержен ты. Вот так, боясь утратить свой высокий статус, боги стали лицемерными и безжалостными. Опасаясь критики, боги стали необъективными. Для них существует всего лишь два мнения – их личное и неправильное. Считается, что бог всегда справедливо взвесит деяния человека и воздаст ему по заслугам. Но где гарантия того, что бог рассуждает беспристрастно? А вдруг богу не глянутся твои веснушки, рыжие волосы или плебейский нос картошкой? Поэтому нередко случается так – мы буквально из кожи лезем, совершаем кучу благих дел, а в ответ

слышим очередную высокомерную сентенцию: «Ну не нравишься ты мне, мужик, не нравишься, и все тут!» – изреченную придиричивым небожителем. Ох, как часто торопились предусмотрительные герои древности заручиться поддержкой какого-нибудь ленивого обитателя Олимпа, чтобы с его помощью завоевать Трою, украсть красавицу Елену или отчебучить нечто покруче. А самим-то, без страховки, без божьего промысла и шулерской подтасовки судьбы – слабо, что ли, оное содеять? Выходит – слабо! М-да, в одиночку, пожалуй, только авгиевы конюшни и удастся вычистить, да и то лишь в том случае, если ты ведешь свой род от какого-нибудь хоть завалящего, но бога! А простому смертному, значит, в жизни вообще ловить нечего? Вот поэтому-то и стремятся все смертные стать похожими на богов – научиться быть такими же холодными, капризными, ждущими поклонения. Но может ли подобный эгоистичный бог простить врага? Не наказать, не добить – просто помочь, понять и простить? Сомневаюсь... Ибо слишком уж сие бескорыстно: сделать врага другом! А зачем богам друзья? Боги – самодостаточны, одиноки и несчастны. Боги – не люди...

Чем дальше заводил нас жизненный путь, тем сильнее я понимала – меня форсированно готовили на роль божества, насильно навешивая на спину крылья и сантиметровыми гвоздями приколачивая на голову золоченый нимб. Но, признаюсь как на духу, мне все меньше и меньше хотелось становиться богом...

Наверно, поэтому я и не позлорадствовала, увидев морально сломленных песцовых охотников, со всех ног бегущих обратно, прямо на меня. Лица мальчишек – худые и грязные – красноречиво отображали крайнюю степень охватившего их ужаса. Первый из них отчаянно размахивал обожженной, покрытой волдырями рукой, а другой – с трудом приволакивал травмированную ногу, и мне стало искренне жаль тех, кого всего лишь минуту назад я мечтала наказать и проучить. Я поняла: негодные мальчишки столкнулись с кем-то опасным, с кем не смогли справиться сами, и посему – стремглав бросились за помощью к своему недавнему врагу, рассчитывая на помощь и милосердие. И я уже не смогла отказать им, несмотря на всю неблагоприятность их прошлых поступков. Возможно, это было совсем не по-божески – помогать злодеям, но, кажется, очень по-человечески!

– Спаси нас, великая! – повалился мне в ноги один из охотников, запыхавшийся и измученный быстрым бегом. – Он сожрет, испепелит всех!

– Кто? – Я участливо протянула руку, помогая мальчишке подняться с холодной земли.

– Олгой-Хорхой! – лепетал несчастный беглец.

– Я вас предупреждал! – напомнил рассудительный Ратибор. – Нужно уходить, пока не стало слишком поздно, если наша жизнь нам еще дорога...

– Но мы же искали именно Небесные врата, – храбро усмехнулась я. – А по вашим легендам, чудовище охраняет это самое место. Я полагаю – глупо отказаться от того, что само плывет к нам в руки!

– Можно поискать другую дорогу, – предложил Феникс. – Более безопасную, хотя, надо ожидать, и более длинную...

– Поздно! – Ахендрон встал рядом, прижимаясь ко мне своим крепким, надежным плечом. – Смотрите!

Мы взглянули...

Массивные базальтовые валуны, венчавшие горную гряду, вдруг легко взмыли в воздух и с грохотом рухнули возле нас, осыпав дождем мелких осколков. Ратибор покачнулся и шагнул назад, мальчишка-охотник с визгом присел на корточки, закрывая голову трясущимися руками. Но Ахендрон и Феникс стояли непоколебимо, с двух сторон подпирая меня, подобно мраморным атлантам, удерживающим небесный свод. Я улыбнулась, довольная пройденной нами проверкой: ведь наша дружба оказалась сильнее страха за собственную жизнь. Ахендрон повернул ко мне совершенно спокойное лицо, и мы обменялись понимающими взглядами.

– Что бы такое к нам ни приближалось – я не струшу, не побегу и не брошу тебя! – торжественно пообещал любимый.

«Ну и зачем нам боги?» – мысленно спросила я себя.

И откуда-то из глубины моего подсознания до меня долетел ехидный, удовлетворенный смешок Захарии Финдла.

Над камнями взметнулась чья-то огромная, обтекаемой формы голова, сильно напоминающая змеиную: плоская и широкая, покрытая крупной золотистой чешуей. Два кроваво-красных глаза злобно уставились на отступников, осмелившихся нарушить границу запретной территории. Раскрылась пасть, усеянная десятками мелких, загнутых внутрь зубов, но вместо языка из глотки чудовища вырвался столб пламени, докрасна раскаляющий обломки скал. Я вытянула вперед напряженные ладони, выставляя энергетический щит, по которому пламя стекало бессильными вспышками, превращаясь в клубы тумана и хлопья пепла. Чудовище разгневанно взревело, и из-за скал взвился его толстый хвост, играючи подбрасывающий следующие валуны. Я прикрыла друзей созданным мною силовым куполом, предоставив каменному граду бессильно барабанить по его радужным стенам. Но тварь не сдавалась... Медленно, метр за метром, она вытягивала из камней свое гигантское тело, укладываясь бесконечными кольцами на вершине горы. Он выглядел как змей или чудовищный червь-переросток, и теперь я опознала – мой противник один в один походил на неведомых существ, изображенных на фресках в усыпальнице Рыжих жриц. На тех, кого приручили и оседлали отважные Всадницы... Змей поднял голову и всем ее немалым весом ударил по моему силовому щиту...

Я даже глазом не моргнула.

– Кто ты, безрассудная женщина? – проскрипел в моей голове механический голос, безусловно принадлежавший червю.

– Всадница! – дерзко ответила я вслух. – Разве ты меня не узнаешь?

– Невозможно, – не поверил голос, – последние Всадницы ушли в небытие много лет назад. С тех пор разум наш угас, а жизнь – утратила высшую цель...

– Какую цель? – поинтересовалась я.

– Ты принадлежишь к породе смертных людей, – рокотал змей, – пусть и обладаешь непонятной мне силой. Мне нет до тебя никакого дела...

– Ошибаешься! – Я вынула серебристый свисток, ранее принадлежавший жрицам, и поднесла к своему рту. Я помнила наизусть то странное четверостишие, написанное на одной из надгробных плит, и сейчас я собиралась вдохнуть искру утраченного разума в тело червя. Я приложила свисток к губам и дунула...

Звонкая трель мелодично поплыла в чистом, морозном воздухе. С треском лопнул мой силовой щит, а услышав звук наследия жриц, еще два червя, немного уступающие размером вожаку, торопливо выползли из-за гребня скал...

– Всадница! – радостно приветствовал меня большой змей. – Ты вернулась! Приказывай, ОХ номер тридцать два, рад служить человеку из расы создателей.

– ОХ? – непонимающе удивилась я. – Олгой-Хорхой?

– Нет, – недовольно повело головой существо. – Так меня называли местные дикари. Я – Охранный робот!

– Машины – они всего лишь машины! – в голос выкрикнула я.

– Возможно ли это? – усомнился Алехандро.

– Думаю, что да. – Феникс бестрепетно подошел к роботу и провел рукой по его блестящей чешуе. – Технология работы этого механизма аналогична той, которая поддерживала функционирование генераторов перевала Льда и Пламени.

ОХ скрипуче заурчал что-то признательное, а два меньших червя сползли вниз и свернулись вблизи меня, как изнеженные кошки.

– Контактный рычаг! – тихонько подсказал робот № 32, наклоня ко мне свою массивную голову.

– Рычаг? – недоуменно переспросила я.

Память услужливо воспроизвела картину со стены усыпальницы: Всадницы сидят на спинах железных червей и держатся за какие-то странные отростки, выступающие из голов роботов... Я встала на звено его механического тела, приглядываясь к голове робота... На самом темени змея я обнаружила ровное прямоугольное отверстие, куда, по-видимому, и полагалось вставить рычаг управления. Но у меня же не было никакого рычага... А в четверостишии упоминался только Крест, коий требовалось соединить с волей...

Я озаренно ахнула и сдернула со своей шеи рукоятку кинжала Зуб дракона, болтавшуюся на шелковом шнурке от жабо Феникса. Рукоятка с лязганьем вошла в контактную скважину на черепе червя... Засветились рубины, имитирующие глаза дракона. Я повернула рычаг на девяносто градусов. Спина червя раскрылась, ушли вбок две полукруглые пластины, скрывающие под собой ряд удобных низких кресел.

– Хозяйка врат! – продолжал услужливо журчать робот, по-собачьи преданно заглядывая мне в глаза. – Небесные врата и Тропа испытания ждут тебя!

Я отпустила непутевых мальчишек-охотников, смотревших на меня с безмолвным обожанием, и поручила им важную задачу – помочь Гале и Ратибору собрать жителей всех деревень в условленном месте, откуда «Ковчег» легко сможет забрать будущих переселенцев. Мальчишки гордо приняли возложенную на них миссию, явно предвкушая, как они – недавние отщепенцы и изгои – торжественно вернутся под отчий кров в качестве спасителей и посланцев самой Хозяйки врат. Я добродушно улыбалась: богов из них точно не получится, да этого и не требуется. Зато теперь они имеют все шансы стать обыкновенными хорошими людьми. После прибытия на нашу новую родину нам очень пригодятся такие вот смелые мужчины, сумевшие понять силу человеческого сострадания, оценившие великодушие другого и научившиеся отвечать добром на добро. Ведь для того, чтобы человек поверил в себя, нужно так мало – всего лишь возможность проявить свои лучшие качества. А если не оценишь по достоинству порыва души человека, не поддержишь его вовремя, – то наружу выползет все самое худшее и низменное, что живет в каждом из нас. И позднее непонятой личности потребуется огромный душевный перелом, огромная работа над собой, чтобы понять уже известную мне мудрость: зло рождает добро... Тот, кто не постиг самых глубин зла, никогда не сможет творить добро в полной его мере. Или как там у христиан говорится: «Не согрешишь – не покаешься»...

Я украсила волосы Ратибора и Галы веночками из торопливо выращенных мною голубеньких васильков и торжественно соединила руки жениха и невесты. Внутренним взором мимолетно заглянула в чистые души молодых, не желая глубоко вторгаться в их приватные мечты и помыслы. Поняла, как самозабвенно любят они друг друга, как взаимосвязанно подходят, дополняют один другого. Я прикоснулась благословляющим поцелуем к белоснежному лбу невесты, благодаря за заботу и помощь. Гала счастливо всхлипнула. Я дружески пожала крепкие пальцы Ратибора.

– А может, и мы отправимся с тобой, Хозяйка? – взволнованно попросил знахарь.

– Нет, – коротко отказалась я. – Вы мне в деревне нужны. У тебя авторитет, к тебе прислушаются, а мне уже некогда по лесам шастать, всяких песцовых охотников отлавливать. – Я по-доброму подмигнула мальчишкам. Те виновато засопели грязными носами.

Отныне каждому из нас предстояло выполнить свою нелегкую задачу, не грезившуюся даже могучим богам...

Эх, и хороша же земля Уральская! Особенно если смотришь на нее с высоты удобной и безопасной спины могучего робота. Жаль только, что никого, кроме меня, окружающие нас красоты не интересуют ничуть. Алехандро и Феникс выдвинули железный довод: «А вдруг завтра война, а мы – невыспавшиеся», – и поэтому сейчас сладко спят, похрапывают. Крися с Антонио забились вдвоем в одно кресло и о чем-то тихонько шушукуются. Рифорд, получивший во временное пользование походный арсенал виконта, самозабвенно

рассматривает его кинжалы и сюрикены, восхищенно цыкает зубом да правит лезвия клинков на карманном точильном камне. Временами он поднимает голову, проверяет – нахожусь ли я на своем прежнем месте, и вновь целиком погружается в свое излюбленное занятие. Кажется, мой телохранитель пришел к здравому, но весьма неоригинальному выводу, гласящему: беспокойную меня лучше держать на прочной веревке, привязанной к его запястью. Айм и Рей вцепились в том священного Писания, пребывающий в состоянии, близком к аварийному, и рьяно обсуждают очередное пророчество, пытаясь согласовать его с каракулями, нанесенными на прозрачную пластинку карты. Следует признать – они навязали себе в высшей степени интеллектуальное занятие, но, судя по доносящимся до меня приглушенным ругательствам, пока не приведшее к какому-либо продуктивному результату. А я тем временем просто отдыхаю, бесстыдно пользуясь выдавшимся затишьем. Так сказать, коплю силы морально и физически, подозревая, что впереди нас ждет нечто самое непредсказуемое и невероятное, при этом не сбрасывая со счетов и обещания Захарии потыкать меня носом в какие-то жуткие загадки...

А вокруг – красота! Стройные сосны, чуть посеребренные тонкой вуалью инея. Потрясающее по контрастности сочетание безбрежного белого снега и бескрайнего синего неба. Скованная морозом лента реки, спящая под панцирем толстого льда. И наш красавец ОХ, гибко пронзающий толщу сугробов. Под защитой силового поля, надежным щитом укрывающего пассажирские кресла, нам тепло и спокойно. А на душе у меня – горечь, ибо не сумела я все-таки спасти всю эту дивную красоту... Меня терзало чувство необъятной вины и жгучего раскаяния:

«Прости меня, земля! Простите меня, звери и птицы! Клянусь, если смогу – то я конечно же последую примеру библейского Ноя: соберу каждой подвернувшейся твари по паре – авось приживутся их потомки на новой родине. И запрыгают в девственных лесах Земли-2 юркие уральские белочки и зайчики, пойдут по траве пятнистые олени из долины Иммир, и...»

Резкий удар внезапно вырвал меня из страны грез, больно приложив лицом о спинку впереди стоящего кресла. Робот неожиданно затормозил, пропахав в снегу широкую полосу. Мои друзья попадали с мест, костеря неловкого ОХ на чем свет стоит. Кто себе язык прикусил, кто шишку набил, кто нос расквасил...

– Тварь неловкая! – возмущенно взревел Феникс. – Ты разве не знал, что таких штурманов, как я, следует оберегать будто зеницу ока? Их ни будить, ни кантовать нельзя, а при пожаре и вообще – полагается выносить в первую очередь?

– Простите, виноват! – вежливо извинился робот-червь. – Но из-за снега я чуть не проскочил мимо урочища Свистящих демонов. К счастью, я узнаю знакомые места – дальше вы пойдете одни. До Небесных врат уже недалеко...

– Почему одни? – поинтересовался Алехандро, нехотя покидая удобное кресло.

– Звук, – туманно пояснил робот. – Мои микросхемы его не выдерживают...

– Глупости, – привычно ворчал Айм, скатываясь по стальному боку ОХ и сразу же до колен увязая в снегу. – Уж очень привередливы эти искусственные интеллекты...

Но ОХ прощально вильнул хвостом и поспешно умчался прочь, вздымая клубы снега. Мы недоуменно пожали плечами, подхватили свои немудреные пожитки и медленно побрели пешком, проламывая тонкий наст и глубоко погружаясь в пышные сугробы.

– Безобразие, – жаловался Феникс, торя путь. – Робот бросил нас внаглую, а сам... – Тут штурман резко остановился, удивленно прислушался и хлопнул себя по уху. – Что это, комары?

– Окстись, Финик, какие могут быть зимой комары! – передразнил его вредный аналитик. – Это у тебя пустота в голове звенит. Завел бы ты в ней хоть одну умную мысль, глядишь... – Айм не договорил, взвыл и подпрыгнул на месте. – Ой, меня что-то больно укусило за ухо!

– И меня! – всхлипнула Кристина, пытаясь заткнуть пальчиками свои аккуратные розовые ушки.

– Очень больно, – пожаловался Антонио, накрывая голову раскрытым томом Писания.

Я тоже ощутила что-то неприятное, ошибочно принятое моими друзьями за болезненные укусы насекомых. Но на нас напали вовсе не комары, а еле слышимый звенящий свист, который упорно лез в уши, раздражая и вызывая мучительный зуд под черепной коробкой.

– Назад, все бегом назад! – потребовала я. – Нас же не зря предупредили о Свистящих демонах!

Не разбирая дороги, мы бросились обратно и бежали до тех пор, пока не исчез тонкий посвист, доставивший нам столько неприятностей.

– Дай книгу. – Я отобрала у послушника растрепанное Писание. – Ждите здесь, я пойду проверю, что там такое.

По расстроенным лицам друзей я поняла, как не хотят они отпускать меня одну в пасть к зловредным демонам, как страшатся за меня, но идти вместе со мной не решаются, ибо мучительные ощущения, вызванные свистом, оказались поистине нестерпимыми.

Я вернулась к переломной точке пути и упрямо побрела вперед, прикрывшись силовым щитом. А неприятный звук все нарастал, словно огромная эолова арфа вибрировала в моей раскалывающейся голове, иссушая мозг, вытягивая оголенные нервы и вырывая выпученные от боли глаза. Какой там крик ламии – теперь он мнился мне всего лишь детской игрушкой на фоне нынешнего какофонического кошмара, заполонившего, захватившего весь мир. Капли крови текли из носа и уголков глаз, а мои барабанные перепонки лопались раз за разом, заставляя тратить массу сил и энергии на их восстановление. Мутная пелена почти застлала взор. Но когда я наконец поняла, что уже не в состоянии сделать еще хотя бы один шаг, что сейчас упаду замертво, – передо мной предстали огромные нагромождения грубо обтесанных полусгнивших бревен, преграждающих дальнейшую дорогу. Я вступила в урочище Свистящих демонов...

Мне казалось, стволы деревьев возвышаются до самого неба, образуя ужасную лестницу, ведущую на эшафот. Уровень свиста достиг апогея. Я шагнула на крохотную, свободную от веток и снега площадку прямо перед завалом и внезапно очутилась в абсолютной тишине. На этом участке даже сам воздух ощущался чем-то непривычно плотным, почти зримо ограничивающим особую «мертвую зону», в которую не проникали медленно убивающие меня звуки. Эксперимент показал – сия зона простирается ровно на два шага влево и два вправо, очерчивая территорию покоя и отдыха. Созданную, я в этом не сомневалась, специально для того, чтобы предоставить мне возможность перевести дух и собраться с мыслями. Но стоило только покинуть защищенный участок, как невыносимый свист с удвоенной силой вновь принимался ввинчиваться в мозг и уши.

«Ну, знаете ли, уважаемый директор, – я опустилась на колени, раскрыв перед собой разбухший от снега том священного Писания, – такой изощренной подянки я не ожидала даже от вас. Признаюсь честно, ваша изобретательность намного превысила границы моей фантазии!»

Почти убаюканная сладкой тишиной «мертвой зоны», я полусонно рассматривала нагромождения побуревших от старости бревен, лениво ворочая вялые мысли. Вытащила из кармана полупрозрачную пластинку карты, повертела ее так и сяк, пытаюсь расшифровать запутанные пересечения всевозможных линий и букв, щедро испещряющие поверхность кусочка КМ. Вроде бы совсем недавно именно этим и занимались Айм с Реем, но, может, не зря шаман настаивал на том, что только я способна понять всю глубину тайного замысла Захарии Финдла? Чего же такого невообразимого в очередной раз навывдумывал наш сумасшедший директор?

За все сумбурное время, истекшее с тех пор, как карта впервые попала в мои загребушие ручки, я, наверное, впервые получила возможность рассмотреть раритет обстоятельно, спокойно и неторопливо. Карта представляла собой полупрозрачную пластинку величиной с мою ладонь. Качественный металлокевлар – не гнется, не ломается.

Темные линии на нем как будто проложены в толще самого материала, и не поймешь – выжжены они или нарисованы. Ну да бог с ними, с гениальными технологиями Захарии, и так я с оным его «ноу-хау» уже достаточно горя хлебнула. Меня интересовал не процесс изготовления раритета, а смысл нанесенных на нее изображений. Они состояли из трех волнистых линий в самом низу пластины, окружающих крест и маленький тонкий прямоугольник, которые я решила, за неимением лучшей версии, считать троичей роботов ОХ, свистком и рукоятью от кинжала. Далее следовала буйная россыпь хаотически перекрещивающихся палочек, смахивающих на красующийся впереди бурелом. А вот в центре этого бурелома директор зачем-то поместил небольшой круг... Я нахмурилась. Я твердо убеждена – неразрешимые загадки встречаются только в детских сказках, значит, уместно предположить: именно внутри завала некогда, очень давно, был спрятан какой-то прибор, и являющийся источником свиста. А следовательно, для того, чтобы пройти дальше, прибор требуется выключить, сломать или деактивировать... Я вцепилась в сборник сомнительных премудростей, то есть в том священного Писания, и принялась лихорадочно листать обтрепанные страницы, пытаюсь отыскать разгадку.

Одно из четверостиший гласило:

По снегу следуй налегке,
Изранена, слепа, нага,
Согрей ее в своей руке,
Превозмогая холод льда.

Хотелось бы мне знать – кого или что я должна согреть? Карту? Я обхватила руками пластинку, действительно замораживающую пальцы сильнее ледяной глыбы. Костяшки пальцев побелели... Брр, так и хочется выбросить неприятную вещь, но я настойчиво согревала ее своим теплом, подпитывая энергией из браслетов. Может статься, так получилось случайно, а может – мне просто повезло в очередной раз, но подушечка большого пальца моей правой руки попала именно на круг в буреломе, и через пару минут карта ответила тактичным уколом. Я удивленно отвела руку... Круг радужно переливался, по нему плыли сочетания каких-то букв... Я подняла пластинку к свету и прочитала фразу: «Дать жизнь иным началам».

Что за абракадабра? Хотя... Я усмехнулась. Действительно, подобный ребус могла разгадать только одна я! Однако память у нашего директора просто изумительная. Вспомнил-таки Захария одну старую историю, а дело обстояло так...

Произошло это на нашем выпускном вечере, а вернее – на его официальной, торжественной части, предшествовавшей вручению дипломов, штурманских значков и дальнейшему обильному фуршету с танцами. Моему экипажу, к тому моменту полностью сформированному и утвержденному, доверили листок с гимном Школы, лишь накануне написанным каким-то очень известным поэтом-композитором, с грозным напутствием – упаси нас бог потерять сей бесценный текст, имеющийся в единственном экземпляре. И конечно же гимн полагалось немедленно разучить, а затем – блестяще исполнить перед штатом руководства и личного состава младших курсов. Мы торжественно пообещали не ударить в грязь песней, после чего посетили столовую, где запаслись внушительным ассортиментом аппетитных сэндвичей, щедро сдобренных майонезом, кетчупом и горчицей, и отбыли на любимую ромашковую полянку упражняться в групповом вокале. Как выяснилось чуть позднее, песней мы действительно ударили, но отнюдь не в грязь...

Развалившись на пледе, Феникс картинно отставил мизинец и, карикатурно копируя манеры опытного метрдотеля, откупоривал огромную бутылку свежего яблочного сидра. Айм педантично раскладывал по картонным тарелочкам фрукты, печенье и бутерброды.

– А это что? – Он недоуменно повертел донельзя замаслившийся листочек бумаги, из которого только что извлек горку сэндвичей с майонезом. – Ничего не разберу, вроде стишки

какие-то были! Тут играть, тут не играть, тут рыбу заворачивали... Ника, твое высокоинтеллектуальное творчество? – Он бросил листок мне на колени. Я брезгливо, кончиками пальцев подняла бумажный огрызок, взгляделась и... взвыла пожарной сиреной...

– Фен, гад, ты что с гимном сделал?

– Как это что? – отвлекся от сидра штурман. – Я его в карман куртки, согласно твоему приказу, прибрал, конечно, дабы не потерять ценный документ!

– А потом? – мрачно продолжила я допытываться.

– Потом... – Фен изобразил на лице напряженную работу мысли, – потом мы пошли в столовую, взяли бутки и... ик...

Он обалдело икнул, строя покающую морду.

– Вот именно! – возмущенно рявкнула я. – Ты завернул в наш гимн эти проклятые куски хлеба с майонезом!

Змей с хохотом повалился навзничь, нещадно приминая нежные ромашки.

– Чего ржешь, жеребец стоялый! – Дракон долбанул друга по лбу металлическим ведром со льдом. – Что мы теперь петь станем?

– Пить? – переспросил плохо расслышавший последнюю фразу Змей. – Сидр!

– Идиоты! – Я горестно возвела глаза к безоблачному небу. – И вот с вами-то я и полечу на Нимфею?

– Успокойся, никуда мы уже не полетим! – страдальчески нахмурился Айм. – Выгонят нас всех из Школы к чертовой матери за порчу ценного документа!

– Ой, нет, только не это! – приготовились зарыдать Дина и Нея.

Крися жестом фокусника извлекла из кармана флакончик с нашатырем.

Текс гимна не читался – абсолютно и никаким образом. Ни с майонезом, ни с помидорами, ни даже будучи прополосканным в золотистом сидре. От стройного ряда четверостиший остались невразумительно-мутные чернильные разводы красивенького синенького цвета.

В общем, не знаю, чему там полагалось звучать в оригинале, но угробленный гимн я написала заново – под дружное одобрение и подсказки своего экипажа. Мы бравадно исполнили патетичную песню в парадном зале Школы и сорвали бурные аплодисменты всех присутствующих. Один лишь директор улыбался хитро и лукаво...

Александр подбросил в костер сухую еловую веточку и тяжело вздохнул, коря себя за то, что в очередной раз позволил Нике ввязаться в непонятную и, безусловно, чрезвычайно опасную авантюру. Причем снова в одиночку. Она ушла, увязая в рыхлом снегу, решительно выпрямив сильную спину. Сама – сильная и гордая, но на краткий миг вдруг обернулась и улыбнулась зелеными глазами, обещая взором – все будет хорошо!

Будет ли?

«Вот дьявол! – Виконт сжал ветку, жалобно хрупнувшую в его сильных пальцах. – Когда-нибудь оно все равно закончится, это ее невероятное везение. Причем, согласно теории Феникса, закончится в самый трудный и неподходящий момент. В безвыходный момент...» Его светлость пристально вглядывался в рыжие язычки пламени, разительно напоминающие непослушные кудри его божественной возлюбленной.

Слово «божественная» обожгло большее огня. Вроде бы в какой-то древней религии уже существовала ее тезка, тоже Ника – крылатая дева, богиня победы, покровительствующая храбрецам и героям. Впрочем, она ведь не всегда казалась ему божеством – великой святой Никой... С тех самых пор, как матушка церемонно подвела пятилетнего, разряженного в кружева карапуза к прекрасной мраморной статуе и сказала: «Молись, сынок, и святая тебя услышит!» И наследник молился... Правда, не так чтобы очень уж истово и фанатично, но, скорее, по-своему, по-особенному. Он не произносил гладких длинных виршей, напичканных ускользящим смыслом и приведенных в нудных церковных книгах, а молился буднично и просто – рассказывал святой о своих тщательно скрываемых шалостях и маленьких детских победах. А много позднее – о реальных

государственных делах. Но вместо ответа она по-прежнему безразлично взирала на виконта с высоты мраморного постамента, чуть прищутив холодные глаза и изогнув губы в многозначительной усмешке. Такая далекая и отстраненная, равнодушная, высокомерная, чужая, и Алехандро понимал: Нику волнуют совсем иные проблемы – не земные, а божественные. На людей же ей попросту наплевать, несмотря на щедро подносимые цветы, возжигаемые свечи и возносимые молитвы. И потому в качестве протеста виконт очень рано научился искренне ненавидеть безучастных идолов, почему-то ошибочно называемых добрыми, всесильными богами!

А потом она внезапно явилась на Землю во плоти – так давно ожидаемая, но все-таки слишком неожиданная. Упала с небес буквально как снег на голову – и оказалась совсем непохожей на свое каменное изваяние. Она – живая и увлекающаяся, горячая и насмешливая, ребячливая, как Франческа, безалаберная, как Феникс, мудрая, как Кардинал, заботливая, как мать, но расчетливая, как Гай де Ретай. Квинтэссенция всего многообразия противоречивых человеческих качеств! И тогда Алехандро запутался... Он с головой окунулся в стремительный поток, носящий короткое, но такое всеобъемлющее имя – Ника! Предался ей телом, душой и сердцем, с восторгом наблюдая, как с каждым днем растет и взрослеет ее дух. В голове наследника безудержно бродили крамольные мысли о том, что ее человеческая ипостась постепенно становилась намного сильнее бесполезного божественного облика. Вера в Нику помогла людям выжить. Вера самой Ники помогала ей спасти людей. Но во что же верила сама святая Ника? Алехандро не находил пока ответа на этот важнейший вопрос...

«Во что же она верит?» – спрашивал себя Верховный Навигатор, судорожно цепляясь за рычаги маленького вездехода, извлеченного им из складского отсека «Мурены». Машину беспощадно бросало из стороны в сторону, так и норовя затянуть в очередной бездонный сугроб. Машине досталось с лихвой – и в горах страны ламий, в и песках пустыни, и теперь, в этом белом мире, целиком состоящем из холода и снега. Вездеход надсадно ревел и скрежетал мотором, грозясь заглухнуть окончательно, ибо эта бездушная машина оказалась намного слабее воли и разума, ведущих за собой одну удивительную девушку...

– Из железа они выкованы, что ли? – восхищенно ворчал Учитель, следуя по пятам за собственными учениками. – Неужели она никогда не устает? – Подобная идея казалась ему абсурдной.

Деяния богов? Навигатор недоуменно хмыкнул. А чего такого героического сотворили древние боги? Они вечно сраивали между собой различные задиристые народы, нектар пили, амброзию жрали, балду пинали, дурака валяли и баб уламывали. И только-то! Никаких особых душевных или физических качеств для этого и не требуется. Вся черная работа обычно доставалась тем, кто в боги не очень-то и стремился. Признаю, вот те-то скромные смертные явно умели жить на полную катушку! Умели делать то, в чем глупые боги сознательно себе отказывали: разрушали и строили города, любили до смерти, ненавидели до безумия и даже самим богам, извините за прямолинейность, задницу неоднократно надирали! Вот это были люди!

Учитель неотступно следил за своей неумной дочерью, вслед за нею проделав весь длинный путь в поисках ключа и «Ковчега», но так не осмелившись приблизиться – боясь спугнуть ее, помешать ей. Силы его таяли. Добровольно лишившись дарующего бессмертие имплантата, он стремительно старел и дряхлел, мечтая лишь об одном – не свалиться на полпути от несвоевременного инфаркта или инсульта. Он мечтал выстоять, выдюжить, дойти до конца – до того победного финиша, где конечно же его и ожидал самый желанный приз – осознание того, во что верила его удивительная дочь...

Мне пришлось совершить значительное усилие над собой для того, чтобы превозмочь страх перед болью и заставить себя шагнуть за периметр «мертвой зоны». Этого только и дожидались свистящие демоны, со свежими силами вновь набросившиеся на мой слух и разум. Они выли и свистели, тщательно выговаривая убийственное заклинание,

подсказанное им их хозяйкой Смертью. Заклинание, преследовавшее единственную цель: уничтожить меня! О, Смерти очень хотелось взять реванш, поквитаться за все свои прошлые поражения: припомнить неугомонной святой и огненный вихрь, защитивший меня в Убежище Ордена, и дружбу большого кракена, и победу в Мертвых пустошах, и дар Влада Цепеша, и прощальный поцелуй старого Хизли, и еще много, слишком много чего знаменательного. А я твердо знала – Смерть терпелива. Если у нее не получится на сей раз, тогда она станет ждать все нового и нового удобного случая, стремясь доказать – святые тоже уязвимы!

Словно бодливый бычок, я низко склонила голову, упрямым лбом прорывая защитный контур тишины, и громко запела начальные строки гимна Школы навигаторов, написанного мной когда-то давным-давно. Запела про свою судьбу, мною же самой и созданную:

Мы все когда-нибудь уйдем
В космическую вечность,
Мы там бессмертье обретем
И смерти бесконечность.
Открыты сотни нам путей,
Особый срок отмерян.
На этот путь вступать не смей,
Коль в силах не уверен.

Но если долг, любовь и честь
Превозмогли беспечность,
То, значит, в нашем сердце есть
И бог, и человечность.

Приносим верности обет,
Клянемся мы – без страха
Начать судьбу других планет
С частиц земного праха.

Мы возвращаемся всегда
К родным своим причалам,
Не помешают нам года
Дать жизнь иным началам.

Сначала демоны из всех сил пытались перекрыть мой голос, вбивая слова песни обратно в мое пересохшее от боли горло. Но я упрямо продолжала петь. Я пела назло всему и всем, все больше воодушевляясь, потому что мы и вправду выполнили данное нами обещание – нашли новую родину, на которой человечество сможет не только выжить и окрепнуть, но и создать более совершенное, гуманное общество, построенное по принципу доброты и взаимопомощи. Общество, в котором не будет равнодушных богов, а будут только умные и справедливые люди! И тогда, очарованные песней, демоны начали понемногу прислушиваться к моим идеям... Тональность их свиста изменилась, постепенно подстраиваясь под заданный мной ритм. Кажется, им понравились эти не очень-то музыкальные, грубоватые звуки, слетавшие с моих потрескавшихся губ. И демонам захотелось подпеть... Их беспорядочный свист неуклонно приобретал форму мелодии. Создаваемая ими боль исчезла, стертая электронными синкопами, гармонично вплетающимися в ритмический размер произносимых мной стихов. Последние два куплета мы допели вместе.

На моих глазах блестели капли влаги – слезы благодарности мудрому директору, позволившему мне на мгновение вернуться в парадный зал Школы, мысленно увидеть

стройные ряды друзей, облаченных в белоснежные кители навигаторов, сиявшие новенькими шевронами и штурманскими значками. Еще раз ощутить всю грандиозность возложенной на нас миссии, которую требовалось завершить любой ценой. И самое главное – прочувствовать свою убежденность идти до конца, невзирая на преграды, не задумываясь над тем, что еще предстоит совершить, чем придется заплатить мне за спасение последних, еще оставшихся в живых людей...

Я растерянно вздрогнула и прикрылась рукой. В самом центре искусственного бурелома что-то негромко взорвалось, разворошив темные древесные стволы и открывая безопасный проход. Я повернулась и пошатываясь побрела назад, выше колена проваливаясь в рыхлый снег, но стараясь не обращать внимания на накопившуюся усталость. Вот сейчас дойду до друзей (а то они ведь там волнуются, не едят, не спят – меня ждут) и скажу им, что дорога к Небесным вратам свободна, а затем чуток отдохну.

Отдохну, если удастся, если успею...

Глава 3

Первые беглецы появились с наступлением темноты. Алехандро по-прежнему продолжал все так же задумчиво сидеть возле костра и, поддерживая яркое пламя, скармливал его прожорливым языкам ветку за веткой из загодя заготовленной вязанки. Тьма неумолимо обступала лагерь, наползая со всех сторон. Остывший от недосыпания разум юноши, подобный затухающему костру, питался единственной навязчивой мыслью – где-то там бредет по снегу измученная девушка, любимая и единственная, самая желанная в мире. Бредет спотыкаясь, падает и опять встает, потому что видит издалека слабый отблеск его костра – костра неугасимой любви...

Что-то ощутимо стукнуло виконта по плечу... Юноша чуть не повалился на бок, но успел оттолкнуться рукой от влажного, холодного одеяла, постеленного прямо на слежавшийся наст. «Чуть не уснул!» – упрекнул он себя, и тут что-то болезненно ударило его по второму плечу, заверещало и сигануло в темноту. Виконт даже рот раскрыл от удивления, успев рассмотреть длинноухий серо-белый комок. Заяц! Крупный, с мощными задними лапами, одетый в пушистую зимнюю шубку.

«Сдурел косой, что ли?» – подивился Алехандро. Но не успел он объективно проанализировать причину непонятного поведения ушастого прыгуна, как мимо импровизированного бивуака промчалась целая стая волков, идущих крупной, целеустремленной рысью, испуганно поджав хвосты.

– Что это? – поднял голову Феникс, пытавшийся немного подремать рядом со скудным источником тепла. – Миграция?

– Какая на фиг миграция в самый разгар зимы? – ворчал Айм, в обматывавшем его клетчатом одеяле сильно смахивавший на тучного шотландского воина. – Да и волки – это тебе не лемминги!

– Молчал бы ты лучше, Дунька МакКлауд, – поддразнил его штурман, при этом стараясь поглубже натянуть край теплой шерстяной такни на голову вредного аналитика. – Можно подумать, ты леммингов видел?

– Видел! – уперто буркнул Айм, строптиво отталкивая заботливую руку друга. – В детской энциклопедии про животных...

– Чего это они? – Антонио удивленно проследил глазами за парой белок, дружно улепетывающих по волчьим следам. – Куда они все собрались?

– А ты у них спроси, – предложил Риф, зевая и потягиваясь. – Ну, собрались и собрались, нам-то что? Хотя, – он зашарил рукой на поясе, нащупывая нож, – вот так олень! Глянь, братва, какое жаркое убегает...

Красавец-олень, запрокинув на спину гордую голову, увенчанную тяжелой короной ветвистых рогов, важно рассекал снежную гладь, ничуть не интересуясь своими потенциальными врагами – людьми.

– Какие рога шикарные! – восхитился Феникс, даже в самый лютый мороз щеголявший в одной лишь тонкой курточке.

– Вот женишься – у тебя такие же вырастут, – ехидно пообещал Айм.

Рей и Риф рассмеялись. Штурман, как всегда, надулся, а Айм в очередной раз наслаждался блеском собственного остроумия.

– Нам-то что?.. – задумчиво повторял Алехандро, оценивающе рассматривая все возрастающий поток животных и птиц, в ускоренном темпе текущий мимо лагеря. Во всеобщей суматохе только люди продолжали растерянно сидеть на одеялах, хлопая глазами и обмениваясь недоуменными фразами.

– Звери спасаются – они явно от чего-то убегают, – робко подала голос Крися. – Может, и мы последуем их примеру, пока не поздно?

– Не поздно для чего? – не понял Антонио.

– Так панически бежать можно лишь от... – запоздало осенило Алехандро. Но виконт не успел договорить...

Землю ощутимо трянуло. С треском из костра вылетела пышущая жаром головешка, угодившая прямоком в самодовольно надутого Айма. Кристина завизжала. Антонио, всхлипывая и молясь вполголоса, искал священное Писание, совсем позабыв о том, что книгу унесла Ника.

– Да это же... – хрипло начал де Монро.

– Землетрясение! – уверенно подтвердил Алехандро.

Вездеход забуксовал. Правая гусеница машины бесполезно крутилась на холостых оборотах, зависнув над глубокой трещиной, расколовшей снежное поле. Учитель озадаченно ругнулся:

– Что же это творится-то, мать вашу?

Риторический вопрос завис в стылом воздухе.

Натянув меховые рукавицы и плотнее завернувшись в абсолютно неподходящую к столь сильному морозу шерстяную хламиду, Навигатор вылез из кабины, намереваясь осмотреть поврежденную гусеничную ленту. Холодный ветер, будто острым лезвием, немедленно полоснул его по лицу, прикрытому тонкой тканью черной маски. Учитель испугался. Испугался за дочь. С помощью радара он отследил легко одетую девушку, словно зомби шедшую на зов врезающегося в мозг ультразвука. Мужчина скрипнул зубами от бесполезной злости и выругался еще забористее, ибо ни плотный кожаный шлем водителя, ни беруши в ушах не смогли устранить мучительного свиста – лишь немного понизили его устрашающую мощь. А ведь совсем недавно она в одиночку ушла туда – в самый эпицентр боли, туда, где убийственный звук достигал немыслимой силы...

«Она уже большая, – вел ведущую партию его здравый рассудок, – она понимает что делает». – «Она – моя маленькая девочка, – жалобно стеноло любящее отцовское сердце, – которую нужно немедленно спасти...»

Но в следующий же миг умопомрачительный свист неожиданно стих, и сразу за этим чуть впереди расцвел синий клубок огня, донесся звук взрыва...

– Что за... – еще недоуменнее спросил Навигатор, обращаясь неизвестно к кому...

Алехандро испуганно наблюдал за приближавшейся к их лагерю непонятной темной полосой, окрашивавшей снег в отвратительный коричневый цвет. В воздухе ощутимо пахло керосином. За его спиной нервно шебуршились Кристина и Рей, под громкие причитания слезно убивавшегося по пропаже книги Антонио быстро собиравшие нехитрые пожитки всей команды.

– Не ной, вот твоя ненаглядная книга! – внезапно донеслось из темноты, и толстый том Писания, вылетевший из приближающейся тени, угодил прямехонько в руки плаксивого послушника, чуть не сбив того с ног.

– Слава святой Нике! – привычно выдохнул мальчишка, крепко вцепившись в

вернувшуюся реликвию.

– Аминь! – насмешливо ответил хриплый, но такой узнаваемый голос, и сама Рыжая, густо припорошенная снегом, вступила в круг света. Алехандро немедленно схватил в объятия свою вновь обретенную возлюбленную и ужаснулся ее виду. Лицо девушки покрывали засохшие потеки крови, ее опаленные с правой стороны пышные локоны свалились и повисли мокрыми сосульками, закопченная и порванная одежда внушала жалость. Но побледневшие губы Ники кривились все в той же ехидной улыбке, а зеленые глаза смотрели по-прежнему озорно и уверенно.

– Да я это, я, не гляди так пытливо.– Ника нашла его дрожащие пальцы и сильно их сжала.– Ну ты подумай сам – что мне сделается, я же – памятник!

Рядом хмыкнул Айм:

– А у нас тут землетрясение. А у вас?

– А у нас,– Ника принялась,– похоже, керосин и даже газ. Газ, очевидно, выделяется при разложении топлива, и подозреваю, что он чрезвычайно ядовит.

– Какого такого топлива? – нахмурился Айм.

– А того самого,– невесело пояснила девушка,– что разлилось по планете после войны. Кажется, взрыв ультразвукового устройства, создававшего эффект «свистящих демонов», вызвал сотрясения почвы, приведшие к прорыву какого-то резервуара с топливом. Поэтому гадость потекла наружу, вступая в реакцию со снегом. Черт, я об этом топливе почти ничего не знаю, могу только строить догадки...

– Там,– указала пальцем Кристина,– находятся деревни...

– Да,– печально подтвердила Ника,– а это значит, что там живут беззащитные люди – женщины и дети. Нужно каким-то образом немедленно остановить эту гадость!

– Нет! – Алехандро взволнованно уцепился за девушку, обоснованно опасаясь: сейчас она устроит очередной фокус, подвергающий опасности ее бесценную жизнь.– Сколько можно рисковать собой?

– Столько, сколько нужно.– Ника мягко отвела руки юноши.– Отпусти меня, пожалуйста, а не то невинные люди пострадают или даже погибнут...

Виконт раздосадованно прикусил губу, сдерживая рвущиеся с языка упреки, но отступил.

Землю продолжало ощутимо потряхивать. Рыжая святая отошла чуть в сторону и ненадолго задумалась, обшаривая глазами разбухшую ледяную пустыню, наблюдая за придвигающейся темной линией, отмечавшей границу разлития токсичного топлива...

Инструменты примерзали к его сведенным судорогами пальцам. Навигатор отложил гаечный ключ и потерял изрядно изыбшую поясицу. Сорванная гусеничная лента никак не хотела надеваться обратно на обледенелые колеса...

Ледяные торосы под его ногами внезапно покачнулись и начали стремительно разъезжаться в стороны, обнажая огромную пропасть. Совершив немыслимый акробатический прыжок, Учитель успел уцепиться за какой-то элемент кабины вездехода, медленно сползавшего в провал, на дне которого бурлила дурно пахнущая, коричневая река. Он повис над пропастью, пытаясь подтянуться и выбраться на безопасное место, но обмороженные пальцы не слушались, скользя и разжимаясь. Ему стало страшно – страшно, как не было еще ни разу в жизни, и тогда, вложив остатки сил в свой жалобный призыв о помощи, Навигатор закричал...

Мне подумалось: если топливо течет подобно реке, разъедая снег и уничтожая на своем пути все живое, то почему бы мне не исхитриться и не отвести этот ядовитый поток в более удобное для всех русло, дабы обезопасить деревни, а потом еще и не поджечь? Гореть должно хорошо, да и воздух очистится от удушливых испарений. Прикинув – что и как, я решительно подняла руки, сконцентрировалась и ударила в землю направленным энергетическим импульсом, пытаясь высечь узкий каньон. Лед плавился и трескался, зигзагообразные расколы побежали по поверхности простиравшегося передо мной поля.

Обрадованная результатом, я ударила повторно. С мучительным недовольным скрипом земля раскололась, образовав глубокую щель, в которую, подобно водопаду, начали низвергаться вонючие струи топливной реки. Я обрадованно прищелкнула пальцами и метнула на дно ущелья яркую искру, мгновенно поджегшую вязкое коричневое озерцо. Факел яркого пламени взметнулся к небу, осветив испуганные лица друзей, столпившихся вокруг меня.

– Помогите! – донесся отчаянный крик, идущий прямо из разлома.– Помогите ради всего святого, заклинаю вас именем Ники!

Я услышала призыв и остолбенела: «Именем меня?!»

Пламя слепило глаза. Огонь на дне ущелья разгорался все сильнее, непрерывно подпитываясь свежими струями стекавшего вниз горячего. Прикрываясь ладонью, задыхаясь от смрадных газов, я осторожно свесилась вниз и увидела человека, судорожно вцепившегося в обломки вездехода, застрявшего в стене разлома. Искореженная машина медленно сползала вниз – к пылающему озеру, увлекая за собой обреченного на гибель человека.

– Помогите! – из последних сил хрипел несчастный, повернув ко мне голову, окутанную капюшоном плаща.

Не успев разобраться в собственных ощущениях, я поднялась в воздух и спикировала на дно ущелья, попутно выставив силовой щит, призванный укрыть нас обоих от всепожирающего пламени.

– Держись! – Я протянула руку, и навстречу мне тут же выдвинулась кисть, покрытая обрывками тлеющей рукавицы. меховые лоскуты буквально вплавились в обгорелую кожу... Несчастный повернул ко мне прикрытое черной маской лицо...

– Верховный Навигатор! – ошеломленно отшатнулась я.

– Помоги мне, девочка! – умоляюще прохрипел враг, теряя сознание.

Я едва успела подхватить обмякшее тело своего недавнего врага, удерживая его от падения в волны огненного озера.

Я бережно придерживала голову спасенного, когда Крися осторожно, кусочек за кусочком, снимала с его лица остатки полуобгоревшей маски. По идее сейчас мне полагалось бы искренне переживать за здоровье Верховного Навигатора, потерявшего сознание от боли и шока, но, к своему стыду, я могла думать лишь о том, что наконец-то увижу подлинный облик сего загадочного долгожителя... И возможно, через секунду подтвердится моя здравая теория относительно его принадлежности к Школе... Но – увы, меня постигло жестокое разочарование. Подруга отложила пинцет и ахнула, потому что лицо мужчины совершенно не годилось для идентификации, а представляло собой сплошной пузырь ожога, слабо сочащийся каплями желтой лимфы. В этот же момент Навигатор открыл глаза...

– Больно? – сочувственно спросила я, испытывая по отношению к спасенному врагу отнюдь не злость или враждебность, а только непонятную мне самой нежность.– Потерпите немного, почтенный, сейчас Кристина распылит противоожоговый аэрозоль и наложит стерильную повязку. Через пару недель раны заживут, а медицинский комплекс нашего звездолета, безусловно, сможет сделать вам хорошую пластическую операцию. Гарантирую, после нее вы станете намного моложе и привлекательнее...

– Спасибо! – хрипло перебил меня раненый, при этом не делая попыток убрать свою голову с моих колен.– Но внешний вид – не главное.

– А что тогда главное? – подступил к нему разъяренный Феникс.– Зачем ты за нами следил?

– Фен,– упрекнула я напористого штурмана,– чего ты хочешь добиться от больного и напуганного человека?

Алехандро безмолвно сидел рядом, его карие глаза задумчиво перебегали с меня на Навигатора...

– У меня тоже накопилось к вам множество вопросов.

Мои пальцы ласково, едва весомо касались обожженного лица мужчины, помогая Крисе закреплять бинты. Навигатор боязливо вздрагивал и еще крепче прижимался к моим коленям. Что с ним? Неужели он думает, будто я позволю кому-нибудь из своей команды обидеть и так уже достаточно пострадавшего путника, пусть и являвшегося нашим недавним противником? Сейчас он вызывал у меня лишь щемящую жалость и стремление защитить. Я наклонилась и, совершенно не отдавая себе отчета в совершаемых действиях, ласково поцеловала его забинтованный лоб. Навигатор ответил мне пристальным благодарным взглядом. Алехандро хмыкнул и улыбнулся, его напряженные черты разгладились – так, словно он понял нечто важное... Фен недовольно стукнул себя кулаком по колену.

– Ника, – почти рычал штурман, – опомнись! Ты привечаешь нашего злейшего врага!

– Пусть! – подняла я глаза. – Врагам приходится страдать, и они также способны оценить поддержку и милосердие...

Раненый ответил мне согласным пожатием пальцев.

– Зачем ты выдавал себя за моего отца? – Рею тоже не терпелось задать мучившие его вопросы.

– Я нашел тебя в криокамере во вспомогательном убежище, – сквозь бинты донеслась до нашего слуха нечеткая речь спасенного. – Баллон с криогеном в твоей капсуле дал утечку, и ты был обречен на гибель... Я расконсервировал тебя и наделил ложной памятью...

– Спас! – потрясенно шепнул Рей.

– Спас. – Навигатор, забывшись, кивнул и зашипел от боли.

– И ты отдал мне свой чип... – как бы случайно добавил Алехандро.

Навигатор молчал.

– Да черт побери, откуда он вообще взялся, этот твой неучтенный чип? – совсем вышел из себя вспыльчивый Фен.

Но вместо ответа Навигатор закрыл глаза и вовремя лишился сознания. Я знала, что он притворяется, но сделала умиротворяющий жест рукой, умоляя друзей ненадолго отложить этот незаконченный допрос. Интуиция мне подсказывала – подходящий для откровений срок еще не настал...

Феникс разбудил меня глубокой ночью, когда спасенный враг сладко посапывал под моим же шерстяным клетчатым пледом. Штурман бесцеремонно пихнул меня в бок, показывая глазами: давай отойдем, поговорим. Я недоуменно пожала плечами, но подчинилась. Алехандро не проснулся, а лишь что-то недовольно пробормотал во сне, когда я змейкой выскользнула из его объятий, подсунув вместо себя свернутое в трубочку одеяло. Фен чуть не рассмеялся вслух, изобразив забавную пантомиму на тему «вот точно так же ты и в монастыре нас одурачить пыталась». Галантно поддерживая меня под локоток – подозреваю, скорее побаиваясь, что я могу попытаться увильнуть от неприятного разговора, чем с целью уберечь своего капитана от падения в глубокий снег, – штурман чуть отошел от лагеря, отыскав в поле вывороченный из земли камень, свободный от снега. А чего, спрашивается, было отходить? Все равно мы торчали посреди открытого пространства как два тополя на Плющихе, имея при этом самый что ни на есть заговорщицкий вид.

– Ну? – требовательно спросила я, усаживаясь на камень, который штурман поджентльменски мне уступил.

– Ну, это самое, – смущенно пробубнил Фен.

– Весьма содержательная беседа! – зевнула я во весь рот. – Может, пойдем досыпать? Вон уже светает почти, а утром в путь...

– Вот-вот, – обрел ясность мысли штурман, – к чему все это?

– Ты о чем? – не поняла я.

– Так о твоей треклятой «бондиане», о чем же еще! – Фен попытался неуклюже примоститься рядом, на еще не успевшей остыть после устроенного мною пожара поверхности камня. – Вот скажи, к чему ведут все эти красочные приключения в стиле

Индианы Джонса или агента Бонда? А если учесть, как отчаянно ты все время рискуешь своей жизнью, то мне так и хочется пригласить для тебя парочку каскадеров из Голливуда!

Я молчала и улыбалась, подняв лицо к сиявшим на черном небе звездам. Пусть друг выговорится. А Феникс продолжал кипеть праведным гневом:

– Хотя, может, святым и положено так геройствовать, не щадя живота своего? А чего бы, кажется, проще – вызвать «Нику» с орбиты, загрузить всех внутрь и в комфортных условиях закончить наш крестовый поход к Небесным вратам?

– Все сказал? – холодно прервала я зарвавшегося штурмана. – Кстати, связи с «Никой» здесь нет! Так что фиг тебе, а не полет: ножками походишь.

Услышав подобный резкий тон, ранее никогда мною не используемый, Фен удивленно приподнял густые брови, глядя на меня так, словно видел своего капитана в первый раз.

– Рыж, ну ты чего?

– Нарушение субординации, – сухо начала я перечислять, – критика решений старшего по званию, публичный подрыв моего авторитета и общее снижение боевого духа команды. Да уже один из этих пунктов, – я напустила на себя суровый вид, изо всех сил стараясь удержаться от улыбки, – тянет на смертную казнь согласно уставу Школы. А повешу-ка я тебя вон на той сосенке, – ткнула я наугад пальцем в сторону ближайшего лесочка.

Фен громко икнул и свалился с камня.

Я расхохоталась в голос и протянула руку, помогая напуганному другу подняться на ноги.

– Пошутила, значит! – сердито, но с видимым облегчением констатировал штурман.

– Угум-с!

– А если... – начал Фен. Но я зажала ему рот, указывая на небо. Юноша послушно поднял голову.

Над нами ярко светились с детства знакомые созвездия.

– Помнишь, – чуть слышно шепнула я, – как мы ночью удирали из дортуаров и собирались на башне у главного телескопа? Таращились на звезды, нетерпеливо отталкивая друг друга от окуляра, и безудержно мечтали: вот вырастем мы, станем великими капитанами – и полетим к неизведанным планетам?

– Помню! – дрогнул железный Феникс.

– Наши мечты исполнились, прошли сотни лет, а звезды остались почти теми же!

– Почти? – скосился на меня Фен, потому что я выделила интонацией именно это слово.

– Да, почти. Видишь вон там, в созвездии Ориона, темное облачко вокруг третьей справа звезды? Она потухает, остывает, гибнет. Тысяча лет – немалый срок даже для Вселенной. А вон там, в созвездии Лебедя, появилась лишняя звездочка, яркая и золотистая. Мы наблюдаем рождение сверхновой. Тысяча лет – это же целая прорва лет, понимаешь, дикая уйма времени...

Штурман нахмурился, явно не догадываясь, к чему я веду.

Я вздохнула...

Ночь завораживала тишиной. Чуть потрескивали ветки в лесу, словно предупреждая: завтра будет морозно, – а нам ведь придется опять идти пешком, хотя, подозреваю, уже недалеко...

– Ника! – Штурман отвлек меня от нерадостных мыслей. – Я никак не могу уследить за нитью твоих размышлений!

Я вздохнула еще раз, полной грудью, спеша насладиться последней спокойной ночью в моей жизни. Откуда-то я твердо знала, что ей суждено стать именно такой – последней. И в очередной раз спросила себя: нужно ли мне проклинать или, наоборот, благословлять свою необъяснимую интуицию мутанта?

– В детстве мы все горим страстным желанием изменить мир, сделать его лучше, чище. Но со временем начинаем понимать, что это – невозможно. Тех, кто продолжает упрямо цепляться за наивные романтические мечты, постигает жгучее разочарование, калечащее

слабые личности и закаляющее сильные. Не желая слепо прогибаться под окружающий нас мир, мы начинаем перестраивать свой менталитет, гибко подстраиваясь под неумолимую реальность. Подстраиваться – но не прогибаться. Чувешь разницу?

Фен задумчиво кивнул. Мои рассуждения в принципе почти не расходились с его собственной теорией выживания.

– Но в мире, к сожалению, существуют некоторые объективные факторы, ничуть от нас не зависящие. Помнишь, как ты недавно сказал про время? – продолжила я, с упоением вдыхая сладкий, обжигающе холодный воздух, каплями горячего коньяка скатывающийся, кажется, в самое естество моей души. Воздух, из которого я старалась извлечь последнее, максимально доступное мне удовольствие. – «Но ведь время не проведешь». – Я почти дословно процитировала мудрую фразу штурмана. – Вот поэтому нам так нравится смотреть на ход событий, изменить которые мы не в силах. При этом мы испытываем восхищение, смешанное с недовольством. В некоторых ситуациях человек четко осознает свое бессилие перед временем, перед вечностью. Например, когда смотрит на горящий огонь, текущую воду...

– Работавшую женщину! – со здоровым мужским эгоизмом ехидно подсказал Феникс.

Я одобрительно хмыкнула:

– А что получится, если попробовать изменить ход независимого от нас события? «Провести» время?

– А я почему знаю! – недогадливо буркнул Феникс.

– Подозреваю, не стоит и пытаться. – В этом я тоже была убеждена на все сто процентов. – Лучше послушно следовать тому, что и должно произойти. Захария задумал некий хитроумный план, который пока почему-то дословно сбывается по всем пунктам, даже в мелочах. Не уверена полностью, что здесь первично – логика или его гениальное предвидение, но проложенная им тропинка судьбы плавно ведет нас к намеченной цели, и я затруднюсь предположить, что произойдет в том случае, если мы нарушим цепь навязанных нам событий, так сильно взаимосвязанных между собой. Да и отнюдь не дураком наш директор оказался, подстраховался от попыток смухлевать: места искусственных аномалий, созданные им, не предоставляют возможности связаться со звездолетом или задействовать его летные ресурсы...

– Как если бы мы попробовали подменить лицензионную версию игры ее пиратской копией! – рассмеялся штурман.

Меня немного покорило подобное хакерское сравнение, хотя я честно признала его меткость и точность.

– Да. И понимаешь, мне вовсе не нужна кривая пиратская копия зарождения нового витка цивилизации, создания нового человечества. Опыт подсказывает, что таким торопливым образом можно остаться без неких важных комментариев или нахватать трудноизлечимых вирусов. А у нас, заруби это себе на носу, совсем уже не осталось времени на какие-либо ошибки...

Юноша поднял горсть снега и начал лепить твердый снежок, пытаясь скрыть бурную волну эмоций, вызванную в его душе такими понятными и простыми словами капитана. Снежок вышел кругленьким, ровненьким, аккуратненьким, словно только что родившийся шарик, своими очертаниями напоминавший едва сотворенную и открытую планету. Фен немного подержал его в ладони, а затем доверчиво-трогательно переложил в руку рыжеволосой девушки с глазами мудрой старухи, как будто вверяя ей свою судьбу.

– Извини меня, капитан! – покаянно попросил он. – Веду себя как глупый ребенок! Я все понял. Ты точно следуешь намеченному графику нашего пути, опасаясь что-то испортить, боясь не дойти до запланированной цели. Клянусь, теперь я стану помогать тебе во всем. Но обещаю тебе, пожалуйста, – он не поднимал головы, не решившись заглянуть в ее усталые зеленые глаза, – обещаю тебе, что все непременно получится и с нами все будет хорошо...

– С вами не случится ничего плохого! – твердо пообещала я, и Фен облегченно чертыхнулся, даже не заметив, как я намеренно подменила его формулировку: «с нами» на свою: «с вами».

Да, я сделала это совершенно осознанно, да – я специально не включила себя в число всех прочих, ибо я не могла обещать ему, что со мной тоже все будет хорошо. Я поняла – в жизни каждого человека когда-то наступает срок собирать ранее разбросанные им камни...

Время откровений приближалось...

Глава 4

Девять измученных людей гуськом продвигались по зыбкой тропинке, старясь шагать точно след в след. Почва под нашими ногами ненадежно колыхалась, проседала и пружинила. Выемки, оставленные ногами, тут же заполнялись вонючей, ощутимо отдающей тиной жижей. Дорога завела нас в болото. Я шла первой, лучше любой палки прощупывая тропу своей ментальной энергией, и чувствовала – под нами простирается бездна. Бездонная и зловонная трясина, пропитанная горючим газом и выстеленная трупами неосторожных животных. Один шаг мимо тропы грозил неминуемой мучительной гибелью. Холод снежного поля сменился удушливой жарой никогда не замерзающего болота. Противный запах поначалу доводил нас чуть ли не до слез, навязчиво вплетаясь в волосы, забираясь под одежду, забиваясь в ноздри, но вскоре мы либо притерпелись, либо соответствующие рецепторы наших организмов не выдержали неравной битвы с болотным парфюмом и дали сбой. Едкие испарения щипали глаза, а капающие с ресниц слезы сильно осложняли наш и так весьма плохой обзор. Поэтому чем дальше, тем все больше и больше я полагалась лишь на свою способность чувствовать энергию, а друзья, вконец вымотанные и полусонные, двигались за мной как сомнамбулы, доверившись моему внутреннему чутью. Они полностью утратили бдительность, и посему мне пришлось по-новому распределить роли, в целях безопасности разбив людей на ведущих и ведомых. По пятам за мной брела Криса, слепо повинаясь строгим окрикам Феникса, вызвавшегося следить за тем, чтобы девушка ступала в лунки, оставляемые моими ногами. За нею шел Верховный Навигатор, вверенный контролю и попечению моего верного телохранителя Рифорда. Вопреки мрачным прогнозам бывшего бретера, я ни в коей мере не опасалась того, что по уши замотанный в бинты пленник задумает организовать побег. Да и куда здесь можно сбежать? Ну, если только на тот свет... Сразу же за бретером, добровольно взявшим на себя обязанности конвоира, тащился Антонио – сопливый и поминутно кашлявший, но упорно не желавший препоручить в чьи-то грешные руки свое бесценное Писание. За послушником следил Рей, после сенсационного признания Верховного Навигатора ставший еще более молчаливым и замкнутым. Скромный арьергард импровизированного отряда составили Айм и Алехандро, причем последний из этих двоих принял на себя львиную часть нашего общего вещевого груза. От прежней вызывающей самоуверенности пухлого аналитика ныне не осталось ни капли: ведь поддельная, показная храбрость имеет свойство истощаться в самый критический момент. Поэтому, подметив такое разительное изменение в поведении Айма, я тайком шепнула виконту пару слов, попросив его обратить внимание на это внушавшее опасения напряженное состояние нашего хронобиолога, весьма близкое сейчас к истерике. За любимого я не переживала, ибо на его похудевшем лице с заострившимися чертами спокойно сияли ясные карие глаза, подчеркивая завидное самообладание их владельца.

Последний участок пути давался нам нелегко, в полной мере выявив личные качества каждого. А я с возрастающей очевидностью понимала, что все, до сего момента произошедшее в моей жизни, стало не чем иным, как затяжной прелюдией, подготовительным этапом к решающим испытаниям, ожидающим меня впереди...

Болотная тропинка закончилась идеально гладкой, вымощенной булыжниками площадкой.

– Привал! – громко скомандовала я. – Здесь вполне безопасно, приказываю всем

отдыхать!

Друзья повалились прямо там, где стояли.

Я нерешительно замерла на краю ровного каменного круга, имевшего уж слишком четкие очертания для того, чтобы оказаться природным. Бесспорно, сия площадка являлась творением человеческих рук.

– Ты тоже это заметила? – Аলেখандро топнул ногой, подковкой своего сапога высекая искры из твердого базальта. – Похоже на площадку для ловцов жемчуга, размещаемую на носу корабля. Место, где можно передохнуть, прикинуть ожидаемую глубину и принять верное решение перед прыжком в воду.

– Беспокоит меня это место. – Фен положил тяжелые лапищи нам на плечи, как будто богатырь стремился поделиться своей неиссякаемой физической силой. – Не знаю, что там у вас на кораблях устраивают, а у нас подобные кругляши на учебном полигоне ставились для прыжков с тарзанки... Да вот только страховки здесь, кажется, не полагается.

Слова Феникса определенно несли в себе некое рациональное зерно. Я присмотрелась внимательней. Перед нами простиралась трясина, местами скудно разбавленная редкими, аккуратными камнями величиной не шире двух ладоней, разбросанными хаотично и непредсказуемо. Но потом я вдруг заметила – все камни имеют одинаковый размер и форму...

– Ступеньки! – Я торопливо рылась в памяти, старясь припомнить, где я уже видела подобный замысловатый рисунок, состоящий из округлых пятен...

– А ты уверена? – спросил Аলেখандро. – Ступени – это часть лестницы, а лестницы рисуют на картах или планах...

– Точно, карта! – Я благодарно чмокнула любимого в кончик носа. – Какой ты все-таки у меня умница!

Я вытащила из кармана заветную пластинку металлокевлара и как улику предъявила ее мальчишкам. Виконт и штурман странно переглянулись, явно сомневаясь в моем умственном здравии.

– Ну как же, неужели вы не видите? – Я возбужденно тыкала пальцем в полупрозрачную поверхность карты. – Вот здесь, за черточками, обозначавшими урочище Свистящих демонов, нанесен ряд кружков...

– Но их же гораздо меньше, чем этих камней... – точно подметил Аলেখандро.

– Значит, часть камней не является тропой, и прикосновение к ним может привести к... – Я вскрикнула.

Нетерпеливый Феникс, решивший не дожидаться окончания моих пространных умозаключений, перешел к активным действиям. Он взмахнул руками и одним могучим прыжком перенес свое тяжелое тело на ближайший к нам камень. Но, лишь только крупное тело штурмана приземлилось на крохотную площадку, как ступенька вдруг прощально чавкнула и начала проваливаться в глубь трясины, увлекая за собой неразумного смельчака. Я отчаянно закричала, не представляя, что тут можно предпринять... Мои способности к левитации почему-то совсем заглохли в этой проклятой аномальной зоне. Все остальные члены нашей команды тоже вопили в голос, бестолково расшвыривая вещи, бегая по площадке и постоянно натыкаясь друг на друга. А между тем Феникс, по-телячьи хлопая ресницами, провалился по пояс и продолжал неумолимо погружаться все глубже и глубже...

– Вот дьявол! – Аলেখандро сорвал с пояса тонкую веревку, с помощью которой он когда-то перенес нас с ним на крышу собственного дворца. – Держи! – Аккуратная петля захлестнула торс штурмана. – Поднатужились! – командовал сметливый наследник.

Общими усилиями мы вытянули Феникса обратно на уступ, от которого и отходила опасная тропа. Обманный камень, освободившийся от его немалого веса, как ни в чем не бывало вновь встал на свое прежнее место.

– Ну знаете ли... – Фен захлеб пил из знаменитой фляжки Айма, отпыхиваясь и откашливаясь. – Во второй раз я туда не полезу. Увольте! Этот аттракцион – один из самых верных способов помереть без особых усилий, какой я только видел в жизни. 3-3-3-застенки

инквизиции нервно курят в с-с-с-стороне.— Видимо от пережитого стресса наш отважный штурман начал заметно заикаться.

Крися испуганно всплеснула пухлыми ладошками и засуетилась, извлекая из своей походной сумки какие-то ампулы и шприцы. Хрупнуло стекло, терпко запахло спиртом... Но Фен ловко выхватил флакон из ее рук и, не обращая внимания на возмущенный вопль биологини, отхлебнул прямо из горлышка.

— С ума сошла, столь ценный напиток — да на задницу намазывать! — Он мягко отстранил девушку и одним глотком прикончил остаток спирта. По его лицу расплылась счастливая улыбка.

— Блажен тот, кто верует в животворящую силу неразбавленного спирта! — с видом закоренелого атеиста хмыкнул Айм.

— Во славу святой Ники — и на веки веков! — автоматически выпалил набожный Антонио.

— Аминь! — иронично и уже привычно отозвалась я.— А ну-ка дай мне наш знаменитый бестселлер всех времен и народов... — Только сейчас я вспомнила, как шаман Порфирий говорил, что если совместить воедино карту и священное Писание, то именно в этом случае можно успешно пройти Тропу испытаний, ведущую к Небесным вратам...

Писание поведало:

Лишь тот, кто ловок и хитер,
Сумеет так сложить листы,
Чтоб разум все ловушки стер
И через мрак навел мосты.

— Бред! — с чувством провозгласил Фен.— Первостатейный! Ядреный! И где это наш глубокоуважаемый директор нарыл столь качественную дурь, которую неумеренно употреблял в процессе написания сего религиозного опуса?

Антонио, до глубины души оскорбленный столь богохульным высказыванием, решительно потянул дорогую ему книгу из мускулистых лапищ наглого штурмана, но Фен небрежно отмахнулся от мальчишки, словно от надоедливой мухи, и вновь склонился над пожухлыми, усеянными пятнами страницами.

— Милая, это тебе о чем-нибудь говорит? — растерянно спросил Алехандро.

Я вдохновенно кивнула:

— Все предельно ясно. Да и Порфирий упорно талдычил, возможно сам не понимая толком, о чем идет речь, но вбивая в мою голову одну ценную мысль — книгу и карту требуется совместить... Смотрите,— я положила прозрачную пластину металлокевлара на текст странного четверостишия,— что сейчас произойдет...

Кружочки, отмечавшие Тропу испытаний, точно совпали с некоторыми буквами, миновав другие.

— Безопасный путь! — потрясенно выдавил Алехандро.— Просто и гениально!

— Да!

— Прости, капитан,— осоловело хмыкнул Фен,— это, может, и круто, но я туда больше не полезу.

— И не надо, ты слишком тяжелый...

Я тщательно запомнила расположение нужных камней и, примерившись, прыгнула на первую ступеньку. Камень подо мной остался непоколебим. Так, изгибаясь, покачиваясь и подскакивая, будто горная лань, я прошла двенадцать камней. И едва успела попасть на последнюю ступень Тропы испытаний, как с легким гулом из болотной жижи поднялся прочный мост, обеспечивший остальным безопасный проход через вонючую бездну. Друзья боязливо промаршировали до противоположного края болота, даже не замочив ног.

Я сверилась с картой, уже не предвещавшей каких-то новых испытаний. На пластинке

оставалось всего три непройденных знака – полукруглая арка, а над ней – чуть выпуклый шар, перечеркнутый овалом. Я не сомневалась – это были Небесные врата!

Последняя ночь в пути. Утром мы увидим таинственное святилище. Браслеты на моих руках излучали приятное тепло, когда мы опять расселись вокруг костра. Стараясь ничем не выдать охватившего меня волнения, я исподтишка рассматривала лица друзей, с которыми мне вскоре предстояло расстаться. Пока я даже и не предполагала, как и когда это случится. Но я знала определенно – это произойдет скоро и непременно. Жаль... Мой рассеянный взор задержался на лице удивительного мужчины, дарованного мне этим погибающим миром, прекрасного суровой, воистину царственной красотой. Безумно жаль... А ведь именно с ним я хотела бы прожить всю оставшуюся жизнь, познать плотскую любовь, иметь от него детей. Я пришла к выводу: желание родить ребенка от какого-то конкретного мужчины всегда можно считать высшим комплиментом его физическим и духовным качествам, его личностным достоинствам. За недолгое время нашего знакомства я хорошо изучила моего храброго виконта, научилась уважать его проницательный ум и прощать ему маленькие слабости, присущие любому порядочному человеку, не умеющему равнодушно наблюдать за страданиями других людей. А еще – я намного крепче сдружилась с безалаберным Фениксом и моей милой, простодушной Кристиной, встретила с преданным Рифордом де Монро, привязалась к забавному Антонию, вновь обрела Рея и немного разочаровалась в Аyme. Господи, как много они мне дали! Жаль покидать их всех... Но, к сожалению, ранее неведомое чувство прозорливости подсказывало: судьба не отступится без искупительной жертвы – не пропустит нас всех, если не заполучит одну, самую настырную и назойливую. Меня! Да будет так! Однако я еще поборюсь за себя... Хотя по большому счету чего стоит моя жизнь по сравнению с будущим всего человечества? Да практически ничего!

Внезапно я ощутила на себе чей-то пристальный взгляд и, спешно отведя упавшие на лицо волосы, встретила с задумчивыми глазами Верховного Навигатора, светившимися сожалением и раскаянием. Я ободряюще улыбнулась, искренне радуясь ответной улыбке, чуть тронувшей его обожженные губы. И тогда наши слившиеся в понимании и дружелюбии взоры за один краткий миг неожиданно поведали друг другу намного больше, чем сказали бы сотни доверительных слов. Он сожалел о том плохом, что уже сотворил, и скорбел о том хорошем, что мог бы еще сделать, но не совершил во благо людей. Чаша его злодеяний оказалась слишком велика, но тем не менее он все-таки спас Рея и подарил бессмертие Алехандро. Зло его души в итоге трансформировалось, породив добро... А вот представится ли ему подходящий случай искупить все свои прочие грехи? Этого я не ведала.

– Спой нам новую песню, – стеснительно попросил Навигатор. – Песню о себе и обо всех нас!

Я решила не спрашивать, откуда ему стало известно о моем увлечении стихами. Я почти поняла, кем ранее являлся этот загадочный, роковой для всех нас человек. Но я не захотела вызывать его на откровенность. Я просто запела:

Кто есть мы в бушующем мире?
Привыкшие день ото дня
Не то чтоб считаться с другими, —
Отсчитывать мир от себя.

Себе говорим – мы при деле!
Не видя, как, сгинуть спеша,
Душа содрогается в теле,
Как падает с телом душа.

Душа содрогнется напрасно
Средь нервов натянутых струн

И вспомнит: а было прекрасно,
И Битлз пел «Роки Ракун»...

Все было не так, а иначе...
А ныне, как будто у скал,
Душа моя бродит и плачет
Средь холода мертвых зеркал.

И в зеркале этом кривятся
Так сильно, что граней не счесть,
Все те, кого люди боятся:
Стыд, Совесть, Бесчестье и Честь.

А где-то, свернувшись комочком,
Все вены изрезавши в кровь,
Взгляд вперив недвижимо в точку,
Ждет смерти бедняжка Любовь.

Прорваться сквозь вязкую пленку,
Но верю с упорством ребенка —
Сейчас я за раму схвачусь...
Ломая стекло и сознание,

Шагну за запретный чертог —
И рухнет мое мирозданье...
И мир снова будет у ног...

Нагая, с зачатками чувства,
Борюсь я ни с кем и ни с чем —
За жизнь, за любовь, за искусство...
Но Эхо шепнет мне: «Зачем?»

Зачем воевать с каждым бесом?
Себя не беречь, не щадить,
Послать бы все принципы лесом...
И просто — пытаться прожить.

И видеть, как с каждым мгновеньем
В душе тихо рушится сталь,
Из сердца уходят сомнения,
Как глаз моих меркнет хрусталь.

Лишь ждать, что настанет то время,—
Смогу в зазеркалье признать:
— Смирилась. Приму свое бремя.
Жить — трудно. Легко — выживать...

Душа обрастет гадкой тиной,
И я еще тысячу дней,
Ужившись с тоской и рутиной,
Страдать буду в мире теней...

Но вмиг озверев от сознания,
Что стать бы могла я такой,
Ударю в стекло мироздания
В кулак твердо сжатой рукой...

И после моей песни уже ни единого слова не прозвучало более в тишине нашей последней ночи. Слова оказались не нужны, а меня переполняли благодарность и гордость за моральную твердость моих друзей, давшуюся им всем ой как нелегко. Мы просто сидели тесным кружком возле костра и передавали друг другу фляжку Айма, наполненную коньяком тысячелетней выдержки. От меня к Алехандро, от виконта к Фениксу, от штурмана к Крисе, далее к Антонио, Рею, Айму, Рифорду и бывшему Верховному Навигатору. А от него – опять ко мне. И этот минуту назад изобретенный нами ритуал выглядел чертовски символично!

«Наша тайная вечеря», – мысленно усмехнулась я столь крамольному, но явно напрашивающемуся сравнению. Догадывались ли мои друзья о том, что этой ночи предназначено стать для нас последней? И судьбоносной – для меня? Наверное, догадывались, но никто из них не произнес ни слова.

И за это я тоже была им благодарна...

Вскоре мои друзья тихонько улеглись на разостланные одеяла и погрузились в глубокий сон без сновидений, измученные мыслями о грядущих сюрпризах близящегося дня. Бодрствовала лишь я, да еще – Навигатор, загадочно поблескивающий глазами из-за окутывающих его лицо бинтов. Пару раз мы безмолвно переглянулись, взаимно угадав безрадостные мысли друг друга. Мы ждали рассвета...

Продолжившаяся за мостом тропа оборвалась неожиданно... Пробудившись утром, мы обнаружили: нас окружила густая пелена тумана, белого как молоко, мертвенного и непроницаемого. За этим по-настоящему кладбищенским покровом расстояние до гор показалось мне обманчиво далеким. Поэтому когда мы, бодрой рысцей трусившие вдоль едва заметной дорожки, неожиданно уперлись в высокую базальтовую стену, на лицах всех отразилось сильнейшее недоумение, смешанное с паническим ужасом. Тропа закончилась ничем – ну или практически ничем, а именно: тщательно очищенной и выровненной площадкой, посыпанной мелким речным песком, сразу за которой начиналась обширная горная гряда. Туман конденсировался в холодные капли влаги, медленно оседавшие на единственный заслуживающий внимания предмет, находившийся точно в центре площадки, коим являлась ровно обтесанная и отшлифованная гранитная глыба в форме пятиугольника. Я подошла и рукавом куртки стерла налет влажной плесени, покрывавший лицевую сторону плиты...

«Захария» – коротко значилось на памятнике. И более – ничего. Ни тебе дат рождения и смерти, ни хвалебной эпитафии. Скромненько и со вкусом, как любит говорить Айм.

– Душно! – пожаловался сам аналитик, утирая вспотевший лоб. – В тутошних местах вообще не разбери что с климатом творится! Вроде Урал, а мороз сменился почти субтропической жарой. К чему бы это?

Рей категорично шмякнул свой рюкзак на песок, а сам уселся сверху, по-турецки скрестив ноги:

– Кирдык климату наступает, если выразаться в стиле нашего уважаемого друга Феникса. Чувствуете, как парит прямо из земли? – Он приблизил раскрытую ладонь к трещине в песчаном грунте, из которой вырывались белесые облачка горячего пара. – Как бы здесь вскоре гейзер не забил или еще чего похлеще не образовалось. Подозреваю, процесс разлития токсичного топлива в земной коре подходит к финальной фазе. Судя по жаре, можно уверенно говорить о подземном возгорании, что, скорее всего, приведет к мощному взрыву и расколу материков.

Пока орденец увлеченно рассуждал подобным апокалиптическим образом, я

оперативно провела пару экспресс-тестов с помощью своего портативного анализатора и в целом согласилась с выводами Рея. Надвигающаяся гибель Земли следовало принять как неизбежный и грядущий независимо от наших желаний факт. У нас оставалось в лучшем случае дней тридцать, чтобы успеть отыскать транспортный корабль «Ковчег» и погрузить на него всех, кого мы сможем собрать: людей, не совсем людей, роботов, образцы флоры и фауны. Верховный Навигатор через мое плечо склонился на дисплей анализатора и выразительно прищелкнул языком.

– Перемудрил Захария, – с упреком просипел он сквозь бинты. – Не понимаю, чего он хотел добиться своими завуалированными пророчествами? Где же теперь искать эти злополучные Врата?

Я почесала в затылке:

«И правда – где?»

Всем казалось, что мы попали в безвыходную ситуацию. Священное Писание больше не предлагало никаких подсказок, путь к Вратам закончился глухим тупиком, а местоположение «Ковчега» до сих пор оставалось загадкой. Наверное, хитроумный директор немало похихикал в раю или аду (уж кто знает, куда его определили после смерти), злорадно наблюдая за нашими растерянными лицами и картиной бестолкового блуждания вокруг его скромного надгробия, больше смахивающего на спровоцированные мухоморовой настойкой шаманские пляски.

– Чтоб тебя за ногу! – мрачно пожелал Феникс, небрежно плюхаясь на одеяло прямо перед каменной плитой с именем директора и обращаясь явно к нему же. – Хорошая каменюка, тяжелая. Так и хочется добавить ниже еще одну строчку: «Теперь уже точно – не встанет». Но лучше бы встал! А иначе кто же еще, кроме него самого, способен подсказать, что нам нужно делать дальше?

«Кто, кроме самого усопшего?» – Бредовая на первый взгляд мысль показалась мне здоровой согласно потаенному, глубоко спрятанному в ней смыслу. Упрятанному надежно, как... как в могилу!

– Фен, сворачивай надгробие и разрывай могилу! – взволнованно приказала я.

– Чего? – оторопел штурман. – Рыж, ты, случаем, с ума не сошла? Еще только осквернением погостов мы не занимались!

– Кошунство! – испуганно пискнул не в меру набожный Антонио. – Или смертный, э-э-э – бессмертный грех! – видимо, он никак не мог решить, разрешено ли святым нарушать покой давно усопших составителей местных религиозных бестселлеров.

Я возмущенно скрипнула зубами:

– Директор унес тайну Врат с собой в могилу, но я намерена докопаться до нее любым способом! Пускай даже через эксгумацию его трупа!

– Думаешь, разгадка кроется там? – Алехандро вежливо указал пальцем вниз, намекая на скрытую под землей могилу.

– У кого-то имеется теория получше? – Я обвела пронзительным взглядом шокированно притихших друзей.

Народ подавленно молчал.

Отчаявшись получить хоть какую-нибудь помощь от присутствующих, я разгневанно, со всей дури, долбанула энергетическим импульсом прямо в захоронение директора... В воздух взлетело каменное крошево и клубы песка. Аккуратная надгробная плита тяжело рухнула набок. На мгновение все заволкли поднявшиеся тучи пыли. Алехандро только головой укоризненно покачал, наблюдая за выплеском моей необузданной энергии, зато мне сразу же полегчало, и я успокоилась.

Пыль осела...

Нашим потрясенным взорам предстало мрачное сооружение прямоугольной формы, глухо закрытое черным мрамором и ранее помещенное под землей. То оказался сам гроб, надежно упрятанный в монолитную мраморную глыбу. Высеченное на камне саркофага лицо являлось точной посмертной маской самого Захарии Финдла. Я узнала его сразу, несмотря на

некоторые странные изменения, постигшие грубоватые, некогда довольно заурядные черты директора. Его губы истончились и стали напоминать клюв, надбровные дуги выступали четче, а размер невероятно разросшегося черепа внушал уважение, переходящее в благоговение. Это, безусловно, было лицо гения, но гения недоброго и сумасбродного. На губах покойного запечатлелась ехидная, какая-то демоническая усмешка. По обе стороны от маски проступали симметричные полукруглые углубления.

Затаив дыхание, я опустилась на колени перед разверстой могилой недоброго бога этого погибающего мира. Словно молясь, склонилась к мраморному лику Захарии Финдла и благодарно, будто испрашивая благословения, прикоснулась губами к его выпуклому каменному челу. А потом приложила свои энергетические браслеты, недаром названные ключом от Небесных врат, к полукруглым контактам в изголовье могилы. С глухим лязгом выпуклые края браслетов совместились с контурами предназначенных для них углублений...

Земля под нашими ногами качнулась, надсадно взвыли потайные двигатели – и передняя часть каменной плиты, до этого служившая поверхностью возвышающейся перед нами скалы, прорезалась горизонтальной чертой. Трещина медленно расширялась. Верх каменной пластины сдвигался, нехотя и натужно, открывая огромный, зиявший темнотой шлюз, уводивший в толщу горы. Я продолжала стоять на коленях и, будучи не в силах подняться, замороженно наблюдала за разворачивающейся передо мной величественной картиной.

– Ура! – громко кричали друзья, радостно прыгая по песчаной площадке. – Небесные врата открылись!

Итак, ключ от Небесных врат успешно выполнил возложенную на него функцию. Мы нерешительно столпились у края шлюза, робко заглядывая внутрь, потому что скудный дневной свет освещал лишь малый участок стены, обшитой каким-то металлопластиком, с толстым жгутом проложенных вдоль нее силовых кабелей... Я первой подняла ногу и перешагнула через порог. Немедленно сработали скрытые в полу датчики движения, а под потолком коридора загорелись светильники, автоматически включаясь и выключаясь по мере того, как мы продвигались в недра управляющего комплекса.

– Вот это да, – восхищенно вертел головой Феникс, – типа и не улетали мы никуда, типа мгновенно перенеслись в довоенное время! Наша техника! И пыли тут, как ни странно, почти нет... – провел он пальцем по оплетке кабеля.

Верховный Навигатор усмехнулся:

– Все герметично, система кондиционирования включилась после подъема шлюза, а до этого момента объект оставался законсервированным на практически стерильном уровне. Скорее всего, оборудование тоже должно находиться в режиме безотказного функционирования...

Я улыбнулась. Навигатор прекрасно разбирался в наших довоенных секретных военных технологиях так, словно сам принимал непосредственное участие в их разработке. Впрочем, это меня не удивило.

Коридор закончился серебристыми дверями с многозначительной надписью: «Командный центр». На стене тускло мерцал крохотный монитор индивидуального допуска. Навигатор комично пожал плечами, подмигнул и приложил подушечку большого пальца своей правой руки к дисплею идентификации. Прибор ожил. Зеленая светящаяся линия пробежала по экрану, считывая и анализируя данные.

– Личный код ноль-один, в допуске отказано, – известил нас холодный механический голос.

– Попробуй ты, – предложил мне Навигатор.

Я повторила процедуру опознания.

– Личный код ноль-ноль, приветствую вас, капитан Ника. – В интонациях робота-диспетчера прорезалась нотка обезличенной любезности. – Добро пожаловать в управляющий комплекс «Небесные врата». Вас ждет центральный компьютер и программа

запуска проекта «Ковчег».

– «Ковчег»? – удивилась я. – Так он находится здесь?

– Не совсем, – спокойно констатировал голос. – Сначала вам необходимо провести процедуру активации телепорта «Врата».

– Телепорт? – нахмурился Фен. – А вот о таком опасном фокусе мы и подавно не договаривались. Помнится, на момент нашего отлета подобные устройства находились в процессе разработки, и не думаю, что после отбытия «Ники» у персонала исследовательского центра имелась возможность детально протестировать экспериментальный экземпляр...

Айм вытаращенными от недоверия глазами смотрел на штурмана, рассуждавшего необычайно серьезно. Но сейчас Феникс напрочь отбросил свою привычную показную дурашливость:

– Телепорт не прошел испытания, не так ли?

– Не прошел, – согласился робот-диспетчер. – Началась война, мы не успели этого сделать, поэтому в систему «Врата» пришлось вмонтировать опытный образец, не подвергавшийся даже первичной апробации.

– ...! – мило высказался Фен.

И я была с ним полностью согласна. Ни разу не проверенный телепорт, прибор, встречавшийся нам только на страницах фантастических романов, – это здорово выходило за рамки обоснованного риска.

– Пойдем посмотрим? – Фен нерешительно указал в сторону раскрытых дверей.

– А разве у нас есть другой путь? – ответила я.

Все получилось очень – нет, даже слишком – просто, а я никогда не верила в подобные халявные подарки судьбы.

Теперь мне следовало ждать какого-то подлого подвоха, заготовленного моей вечной противницей – Смертью...

Итак, мы торжественно вступили в командный центр. Я, по издавна узаконенной капитанской привычке, – только с правой ноги, Фен – немного развязно, с «полпинка», Рифорд – с любопытством таращась на неведомые штуки, но краем глаза продолжая следить за вверенным его надзору Верховным Навигатором. Цепочку экскурсантов замыкал Алехандро, заметно побледневший и нервничающий.

«Неужели его тоже гнетет недоброе предчувствие?» – немного отстраненно подумала я, полностью захваченная тем, чему предстояло свершиться в самом ближайшем времени.

Оборудование отсека отвечало самым строгим требованиям астронавтики. Оно состояло из десятка мощнейших компьютеров, источников питания, управляющей консоли с удобными креслами для операторов и еще из много чего. Здесь нашлась даже никелированная кофеварка и пакет с кофейными зернами, к огромной радости Криси.

Фен уверенно направился к центральному блоку, тут же развив бурную деятельность и громко командуя на ходу:

– Рей, надень наушники и сядь вон в то кресло – будешь ассистировать. Айм, за тобой проверка питания. Мне не мешать – я сам разберусь с программой запуска «Врат»...

А я не думала вмешиваться. Мое внимание сразу привлек весьма необычный сервер, дополнявший ряд компьютеров. Ничего подобного я ранее не видела. Я безмолвно указала на него глазами, дернув за рукав Навигатора, но тот лишь недоуменно развел руки, удивленный не меньше меня. Придется разбираться самой.

Пальцы Фена с энтузиазмом летали над клавиатурой, а над залом поплыл ароматный запах свежесваренного кофе. Я умилилась: совсем как в старые, добрые школьные времена. Компьютеры ожили, по их экранам побежали длинные колонки цифр. Не отрывая взгляда от консоли управления, Фен поднял растопыренную ладонь и начал загибать пальцы, ведя обратный отсчет: пять, четыре, три, два, один, ноль...

– Вы вошли в программу запуска главного терминала управления телепортом «Врата».

Проверьте питание сервера-накопителя...

– А что с ним не так? – Брови штурмана недоуменно поползли вверх. Он ввел запрос.

– Отсутствует кристалл-накопитель, – равнодушно изрек компьютер. – Вставьте его в соответствующий отсек.

Изрыгая проклятия, Фен вскочил с кресла и наклонился к тому самому прибору, который я так и не смогла опознать. Внешний вид штурмана красноречиво говорил о полнейшей растерянности.

– Сбой всей системы, нарушение питания накопителя! – надрывался механический голос. Все мониторы угрожающе мигали аварийным красным светом.

– Ничего не понимаю! – угрюмо признался Фен. – На такой аппаратуре мне еще не приходилось работать!

– И никому не приходилось, – печально подсказал Верховный Навигатор. – Я тут пораскинул мозгами и почти уверен, что в ячейке сервера некогда находился особый кристалл – специально выращенный в лаборатории и служивший конденсатором для энергии, необходимой при активации «Врат»... Ходили когда-то по Школе смутные слухи о подобном проекте...

– Но сейчас ячейка пуста! – не дослушав его объяснения, отчаянно выкрикнул Фен.

Я облизнула указательный палец и осторожно провела им по дну ячейки.

– Видишь, – я показала Фениксу мельчайшую серебристую пыль, прилипшую к моей влажной коже, – кристалл состарился и рассыпался в прах.

– Катастрофа! – Вцепившийся в свои отросшие волосы штурман походил на буйнопомешанного. – Это ужасно! Существовал ли запасной кристалл?

Верховный Навигатор виновато склонил голову:

– Нет, его просто не успели вырастить...

Последовала немая сцена всеобщего отчаяния.

– Но, – после некоторого раздумья добавил бывший глава Ордена, – я вроде бы слышал, что его можно попытаться заменить любым непрозрачным органическим минералом.

– Час от часу не легче! – саркастично рассмеялся штурман. – Никто, случаем, не знает, нет ли поблизости хоть одной, самой захудалой ювелирной лавочки?

– А это не подойдет? – Я состроила невинную рожицу и вытащила из кармана прекрасную продолговатую жемчужину по имени Звезда морей, когда-то подаренную мне великим кракеном.

– О! – восхищенно выдохнул Навигатор, трепетно вынимая из моих пальцев огромную драгоценность. – Девочка моя, где ты сумела раздобыть такую прелесть?

Услышав его слова, я содрогнулась до глубины души. «Девочка моя» – так меня называл лишь один человек, занимавший слишком много места в моей прошлой жизни...

– Подойдет? – волновался Фен.

Навигатор сначала примерился, а потом уверенно вставил жемчужину в пустую ячейку сервера. Звезда морей поместилась в ней идеально.

– Замечательно! – обрадованно потер руки штурман.

«Спасибо тебе, великий кракен!» – мысленно поблагодарила я и где-то, на самом краю подсознания, отчетливо услышала победную песнь благородного спрута, воссоединившегося с погибшими женами и детьми в ином, светлом, недоступном для нас мире.

– Программа запуска «Врат» восстановлена, – вежливо уведомил нас компьютер. – Приготовьтесь к переходу!

Глава 5

Войдя в центр управления, мы не сразу обратили внимание на арку из темного металла, скромно притаившуюся в густой тени за столами с компьютерами и прочим оборудованием. Но сейчас, после запуска программы, арка перешла в активную фазу функционирования. Включилась подсветка, и металл засиял неземным голубоватым светом.

– Небесные врата! – громко восхитилась Крися, указывая пальчиком.

Фен метнулся к консоли, над которой располагалась ячейка с моей жемчужиной, и быстро забарабанил по клавишам, набирая короткую директиву. Звезда морей засветилась, испуская тонкий лучик, похожий на лазер, плавно перебегающий по участкам схематичного контура Врат, воспроизводимых монитором. Железные сегменты арки пришли в движение, вращаясь в какой-то сложной последовательности и составляя узор-схему.

– Пространственный туннель установлен! – бодро отрапортовал механический голос.

Внутри металлического каркаса Врат появилась слабо колышущаяся и фосфоресцирующая пленка незнакомой нам субстанции. Поверхность пленки волновалась, как беспокойная морская вода, выстреливая жгучими уколами энергетических разрядов. Я трепетно провела ладонью вдоль арки этого неведомого чуда, не осмеливаясь к ней притронуться. Я ощутила – сразу за тонкой нематериальной завесой простирался бездонный колодец, состоящий из хаоса и космической пустоты, способный как убить, так и подарить вечную жизнь.

Феникс уважительно присвистнул:

– Колоссально! И как работает эта штуковина?

– Испытуемый объект, вступивший в телепорт, подвергается деструктуризации на атомном уровне, мгновенно переносится в пункт назначения и восстанавливается там полностью, с сохранением и возобновлением всех физических, духовных и ментальных функций своего организма, – прошепелестели динамики.

– Колоссально! – окончательно впечатлился штурман. – А где расположен пункт назначения?

– В главной галерее транспортного корабля «Ковчег», находящегося на орбите планеты Сатурн.

«Вот и реализовались последние знаки на карте, – грустно подумала я. – Символ арки, а над ним – круг, перечеркнутый овалом: Сатурн с его кольцами».

– Можно начинать сеанс телепортации? – Пальцы Фена вновь пробежались по клавиатуре.

Но компьютер неожиданно замолчал.

– Поломка? – нахмурился Айм.

– Скорее, техническая сложность, – отозвалась машина. – «Врата» настроены на личный код капитана Ники, и первой процедуру телепортации может пройти только она...

– Так в чем проблема? – недогадливо удивился аналитик. – Вполне стандартный подход к решению любой задачи. Мы уже вполне привыкли к тому, что капитан у нас всегда впереди Вселенной всей! Прощу, леди! – Он галантно взмахнул рукой, предлагая мне вступить в зону действия устройства.

Я иронично усмехнулась – они еще ничего не поняли, не почувствовали... Невероятно, как буднично, незримо и небрежно Смерть наконец-то вплотную подкралась к своей долгожданной жертве и по-хозяйски уверенно встала за моим правым плечом. Меня уже обжигало ее ледяное дыхание...

– Телепорт не прошел «обкатки»... – равнодушным тоном предупредил компьютер.

– Станный термин! – прерывающимся от недобрых предчувствий голосом сказал Верховный Навигатор. – Как его следует понимать?

Интересно, умеют ли машины сопереживать подобно нам – людям? Помнится, когда-то я сильно растерялась, обнаружив у «Ники» наличие юмора, обычно совсем не присущего кибернетическим существам. Юмор, подобно всем прочим человеческим эмоциям, не заложен в характеристики искусственного интеллекта. Но клянусь, сейчас в голосе компьютера прозвучало неприкрытое злорадство:

– Опытный образец, переместившийся через телепорт, послужит средством его отладки и не сможет восстановиться на приемном конце. Он умрет!

В наступившей тишине раздался резкий звук, похожий на пистолетный выстрел. Это сломалась ножка кресла, не выдержав богатырского веса нашего штурмана. И сразу же все

отмерли, забегали, заохали, заговорили, намеренно стараясь перекрыть друг друга так ненатурально, словно проводили некий отвлекающий маневр. А я неподвижно стояла в центре растревоженного человеческого муравейника, улыбаясь спокойно и чуть отстраненно. Час моего главного испытания пробил...

– Нет! – протестующе выкрикнул Алехандро, хватая меня за руку. – Только не ты, любимая!

– А кто тогда? – Я задумчиво склонила голову набок. Мои глаза смеялись.

Ответа не последовало.

– Это чудовищно неправильно! – сдавленно пискнула Кристина, заливаясь слезами. – Это какая-то глупая ошибка!

Я подмигнула Антонио, и юноша, повинувшись вполне понятному приказу, крепко обнял девушку, увлекая в сторону.

– Девочка моя! Я... – хрипло начал Навигатор, но я решительно оборвала его некстати намечавшуюся исповедь, беззвучно пошевелив губами: «Не время».

Фен смотрел на меня с каким-то новым, хищным прищуром.

– Нет! – вдруг по-звериному взвыл Айм. – Это же форменное убийство нашего капитана, я отказываюсь в нем участвовать! – Он сполз с кресла оператора и забился в угол комнаты, свернувшись в позу эмбриона и жалобно всхлипывая.

– Все, «финита ля комедия», сдулся наш циник! – печально констатировал Фен. – Кришь, вколи ты ему что-нибудь успокаивающее.

Биологиня поспешно забрякала шприцами, абстрагируясь от собственных переживаний.

Рей и Риф с двух сторон крепко держали виконта, тело которого сотрясала крупная дрожь. Я отвернулась, избегая умоляющего взгляда дико вытаращенных глаз любимого мужчины. Со временем он поймет, что я предпочла умереть ради него, ради будущего всех людей...

– Ты обещал мне помочь, – напомнила я Фениксу.

Друг клацнул зубами и прикусил нервно подергивающуюся нижнюю губу. На его подбородок стекло несколько капель крови.

– Ты обещал, вспомни! – усилила я нажим.

Штурман медленно кивнул.

– Нажмешь пуск, когда я прикажу, – не оборачиваясь, велела я, вступая на пандус, ведущий к Вратам.

Три ступеньки пологого пандуса, всего-то три ступеньки... Такие короткие и одновременно такие длинные... отделяющие бытие от небытия. Перед моим лицом заплескалась тонкая пленка энергетического поля. Смерть пощекотала мой затылок своим зловонным дыханием и требовательно подтолкнула в спину. Я взмахнула рукой, подавая знак Фениксу, зажмурилась и шагнула в арку Врат...

Я отчетливо помню, как еще на первом курсе Школы мы усиленно пытались понять – что же представляет собой смерть? Особое состояние тела или души? Конец всему или, наоборот, начало чего-то нового? Но теперь я не гадала – я просто сделала свой выбор, и мое решение умереть являлось абсолютно добровольным и непринудительным. Таким же, каким стал выбор Захарии и Порфирия, каким являлся выбор великого кракена, старого Хизли и крылатых рыцарей Импира. Смерть одного – во имя спасения многих. Решение, достойное не бога, но – человека. Выбор своей судьбы, ибо в то краткое мгновение я наконец-то четко осознала, что же это все-таки значит на самом деле – быть человеком!

Я стала светом...

Светом, пронизывающим каждую частичку моего хрупкого тела, разложившим меня на атомы, превратившим меня в мельчайшую звездную пыль: невесомую, летучую, холодную и

неживую. Оказалось, что это совсем не больно – всего лишь одно мимолетное дуновение испепеляющего солнечного ветра – и вот твоей физической оболочки уже нет. От меня остался только крохотный сгусток незримой материи, называемой бессмертной душой. Те пресловутые четыре грамма, на которые каждое мертвое тело всегда легче своего живого аналога. Я свободно парила в эфире... Я видела своих безутешных друзей, столпившихся вокруг Врат и взирающих на них в немом отчаянии. Нашла звездолет «Ника», обрабатывающий запутанную информацию сугубо медицинского характера, и Дину с Неей, нещадно эксплуатирующих кибернетический разум корабля. Я мысленно наблюдала за Змеем и Драконом, добросовестно муштрующими целый полк мускулистых монахов, и даже за самим Кардиналом, благосклонно взирающим на тренировку с высоты мраморного монастырского балкона. Обнаружила гигантский транспорт «Ковчег», прикрытый силовыми щитами, зеркальная поверхность которых отражала сияние космических светил, создавая эффект защитной невидимости...

Но все эти действия давались мне с огромным трудом, потому что звезды притягивали и манили меня к себе. Теперь я точно знала, что где-то там, дальше – вне привычного для нас измерения – находится та светлая обитель, куда устремляются все отлетевшие души. Именно там они обретают настоящую, долгожданную свободу. В том мире не существует богов – одна лишь энергия разума в своей самой совершенной и чистой форме...

– Иди к нам, Ника! – мелодично напевали голоса многочисленных звезд, звеневшие хрустальными колокольчиками. – Мы ждем тебя, наша крылатая сестра!

И я, не раздумывая более ни минуты, воодушевленно полетела на их зов...

Тело скрутила невыносимая боль...

«Тело? – изумилась я. – Какое тело? У меня уже нет тела!»

Но самовнушение не сработало, а непереносимые ощущения все нарастали. Я уподобилась куску податливой глины, положенному на вращающийся гончарный круг бытия. Кто-то незримый и всемогущий прикоснулся ко мне своими узловатыми, натруженными пальцами и начал мучительный процесс воссоздания моей разрушенной плоти.

– Ты совершенно позабыла обо мне, милочка, – упрекнул ехидный голосок с запоминающимся тexasским акцентом. – А ведь я совсем не зря подарил тебе последнюю искорку своей жизненной силы. Искорку, несущую способность видоизменяться, мимикрировать в окружающем пространстве, восстанавливать поврежденные органы. Живи же, милочка!

– Не знаю, стоит ли благодарить тебя за подобные пытки! – мученически выла я, плавающая, будто кусок свежего воска. – Сомнительная услуга от старого пройдохи!

Хизли проказливо хихикнул, как частенько любил проделывать это при жизни:

– Умирать – легко! Выжить – намного труднее...

Звезды отдалялись. Я страдальчески вытянула руку, не желая отказываться от их красоты, отрывать от сего небесного хоровода, но водоворот телесного существования беспощадно вырвал меня из мира духов, закружил и швырнул обратно.

В мир живых...

Я ругалась. Витиевато и грязно, стараясь поточнее вспомнить цветистые уроки прирожденного мастера скабрзностей – Рифорда де Монро, но тем не менее сквернословила и с одновременным радостным облегчением. Я лежала на шикарном ковре, в центре лужицы из прозрачной околоплодной жидкости, и ругалась на чем свет стоит. Недобрым словом помянула выдумщика Захарию, хитреца Хизли, доброхота Порфирия и попыталась встать на ноги. Колени заметно подкашивались, но я оперлась на какую-то античную колонну и, непристойно выставя голые ягодицы, кое-как перевела себя в позу «поиска тапочек под диваном». А затем поднатужилась еще и выпрямилась в полный рост.

Окружающий интерьер поражал расточительной роскошью. Персидский ковер,

напрочь мной испорченный, беломраморная беседка в греческом стиле, с колоннадами и фонтаном, огромный плазменный телевизор и потухшая арка Врат. В общем, сценка из разряда: «Поздравляю, капитан Ника, ваша безумная авантюра удалась! Позвольте представить вам конечный пункт прибытия – Главную галерею транспорта «Ковчег». И среди всего этого вызывающе-вульгарного великолепия находится главный элемент – я, мокрая, замерзшая, с неизменными энергетическими браслетами на запястьях. Нагая, жалкая и слабая, каковой и положено быть любому человеку в момент своего рождения.

– А младенцам разрешается выпить что-нибудь покрепче молока? – нахально спросила я у тишины, в случае отказа уже почти решившись утолить жажду некипяченой водой из фонтана.

– Виски, джин, абсент? Чего прикажете подать, капитан Ника? – Из люка в стене выехал ушлый робот-официант, облаченный в безупречно отглаженный смокинг с накрахмаленной белой манишкой. Я стыдливо прикрылась руками.

– Содовой со льдом и новую одежду! – Я сдернула полотенце с манипулятора робота и устроила из него импровизированное сари.

Все из того же люка немедленно появился запотевший стакан с холодным напитком.

– Ваши личные апартаменты находятся на восемнадцатом уровне, капитан, – вежливо уведомил меня официант.

– Сколько же всего этажей на этом корабле? – вздрогнула я.

– Сто тридцать, мадам. Я вас провожу.

– Офигеть можно! Вот уж точно «Ковчег» создали тупые дилетанты, – потерянно бормотала я, вслед за роботом бредя к лифту. – Умные профессионалы построили «Титаник»!

– А это что? А вот это? – Я с любопытством тыкала пальцем в электронную карту «Ковчег» и без устали приставала с расспросами к главному компьютеру. Мониторы в командирской рубке демонстрировали мне все новые уровни и отсеки корабля, а сам кибернетический организм звездолета имел приятный мужской баритон. За что тут же, хотя немного панибратски, был окрещен мною просто и понятно – «Ноем». Компьютер не возражал. Наоборот, истосковавшись за долгие годы молчания и бездействия, он покровительственно разглагольствовал с интонациями молодого самовлюбленного радиодиктора.

– А тут у нас что находится? – деловито поинтересовалась я, указывая на единственный сектор, оставшийся темным. Все прочие этажи весело светились разными цветами, делая схему корабля похожей на инструкцию по сборке рождественской оптоволоконной елки.

«Ной» корректно кашлянул.

– Нечего мне тут курильщика изображать, – возмутилась я. – Почему молчим? Какой-то секретный уровень?

– Капитан, вы должны знать о нем больше меня, – туманно заоправдывался компьютер. – Данный сектор запечатан вашим индивидуальным кодом доступа!

– Хитро! – Я недоуменно поскребла свежевывытую голову. – Прогуляемся, посмотрим.

Через пятнадцать минут я уже почти жалела о своем скоропалительном решении. Засекреченный сектор находился значительно дальше жилых и рабочих уровней, а точнее говоря – он оказался последним. Ниже располагались лишь складские помещения. Лифт туда не ходил, и добираться пришлось на каре-автопогрузчике, изрядно растрясшем мой еще не оправившийся от телепортации организм. Когда длительное путешествие по запутанным, скудно освещенным коридорам пришло к концу, я пьяно устала на толстую дверь, усиленную не только асбестовыми плитами, но и металлокевларовыми накладками. В довершение ко всему на этих покрытых инеем створках красовался знак радиационной опасности. Строгий голос «Но» не терпящим возражений тоном приказал мне надеть защитный костюм, предназначенный для выхода в открытый космос, снабженный баллоном кислорода.

– Это либо прямой выход в один из каньонов Луны, – недовольно бубнила я,

упихиваясь в серебристую, плохо гнущуюся ткань скафандра, – либо утерянный запасной бункер Адольфа Гитлера. Что все-таки там находится? – допытывалась я у компьютера. – Сокровища Янтарной комнаты? Александрийская библиотека? Мумия Светлейшего князя Потемкина-Таврического, по слухам, обладавшего самым большим детородным органом за всю историю человечества, или нечто еще столь же раритетное?

Но кибернетический гид лишь вежливо хмыкал, игнорируя мои примитивные шуточки, и ограничивался менторскими репликами на тему: молнию застегни, кнопку вентиляции нажми, внутри шлема не чихай.

Система личного доступа к секретному отсеку оказалась еще более дотошной. Она попросила не только предъявить отпечаток моего большого пальца, но и сунуть сам палец в одно из отверстий, где его тут же больно укололи иглой, взяв каплю крови. Потом мне нагло засветили сканером в глаз, считывая информацию с сетчатки. Я бодро предложила анализатору не скромничать и затребовать, до кучи, еще и анализ мочи. Но, видимо, все изменения, постигшие мой многострадальный организм за время длительного пути к Вратам, систему защиты не смутили, потому что металлическая дверь бесшумно раздвинулась...

Я ушла по узкому проходу между десятками консервационных капсул и восхищенно вспоминала текст священного Писания. Ай да директор, ведь сходится все – тютелька в тютельку сходится! Под Небесными вратами действительно спали мои ангелы – не живые, но и не мертвые! Я подходила, протирала перчаткой очередное заиндевшее стекло и жадно всматривалась в знакомые лица ангелов, уложенных в куда более мощные криокамеры, чем те, которыми в свое время оснастили «Нику». Ведь в отличие от моего бессмертного экипажа все они оставались обычными людьми. Теми ребятами, с которыми я прошла и огонь учебных полигонов, и воду выпускной регаты, и медные трубы нашего самодеятельного школьного оркестра. С которыми в столовой не один пуд соли съела. Вот в этом ряду лежит весь второй курс, названный «Звездными орлами», – лучшие пилоты в Школе. А в другом ряду – «Белые барсы» – белая кость, элита космической разведки. В специальной, сделанной по индивидуальному заказу камере спит Стен – наш «Морской ярл»: чистокровный швед, два метра двадцать сантиметров в росте. Соломенные локоны до плеч, лоб грозно нахмурен. Что-то тебе там сейчас снится, дорогой «крейсер Аврора» ты мой? А рядом его неразлучный друг – смуглый Бастор. Невысок, но коренаст и дюже мускулист – штурман-виртуоз от бога. Чуть левее, кажущаяся еще прекраснее сквозь пелену морозного тумана, виднеется тоненькая фигурка золотистокожей индуски Индры, первой красавицы Школы, талантливого микробиолога. Да все они здесь – медики и строители, пилоты и разведчики, биологи и химики. Эх, ребята, да мы с вами горы свернем!

Невзирая на предостерегающий окрик «Ноя», я сдернула с головы шлем:

«Ну и подумаешь, что температура тут минус сто градусов по Цельсию! Что мне, святой, то есть памятнику, делается, если все мои друзья – со мной...»

Я уткнулась лицом в замороженные полосы свисающего с потолка целлофана и счастливо разрыдалась, как самая обычная, сопливая земная девчонка...

– Феникс, прием! – Я требовательно постучала по клавише связи. – Видишь меня?

По монитору сначала поплыли серые полосы помех, а затем на экране нарисовалось сияющее улыбкой лицо штурмана, из-за широких плеч которого высывались все остальные ребята, показывавшие мне языки и корчившие рожи. Я усмехнулась. Ну, ей-богу, как дети!

– И слышу, и вижу! – старательно выговаривал Фен, наклонившись к микрофону. – Это ты? Живая?

– А что, я похожа на призрак отца Гамлета? – привычно отшутилась я.

– Не люблю Шекспира! – скривился друг. – У него все книжки маньячные какие-то.

– Почему? – Я недоуменно приподняла брови, питая давнее, проверенное на практике, а потому – почти благоговейное уважение к гениальному английскому писателю.

– Героини у него обязательно не только глупы, как курицы, так еще и мрут на каждой странице, будто мухи! Вот смотри, – начал увлеченно перечислять Фен. – Офелия сбрендила и померла, Дездемону придушили за грошовый носовой платок, Джульетта вроде как паленой водкой сначала траванулась, а потом и вовсе закололась для надежности...

– Все, все! Хватит! – Я с хохотом замахала руками. – Поверь, дружище, мне птичий грипп не грозит!

– Верю! – уважительно хмыкнул штурман. – Таковую, как ты, и поленом не зашибешь! – В его голосе явственно проскользнули плохо скрытые нотки восхищения. – Сейчас я твоего разлюбезного Алехандро к экрану пушу, а то он мне уже всерьез кинжалом спину ковырять начал...

Мощный торс Феникса, полностью перегораживающий все зримое пространство, немного сместился в сторону, и я увидела золотисто-карие глаза любимого мужчины. Виконт выжидательно положил подрагивающие от нетерпения руки на консоль управления и приблизил свое лицо к экрану ровно настолько, насколько это оказалось возможно. В его правой ладони и правда виднелся крепко зажатый кинжал.

– Привет! – шепнул он чуть слышно.

– Ты сейчас монитор выдавишь, – поддразнила я. – Если хочешь встретиться, иди лучше через Врата. Теперь они настроены – и никаких сюрпризов отныне нам уже не подкинут...

– Я тебя люблю! – словно нехотя признался Алехандро, требовательно заглядывая мне прямо в душу. – Обещай, что больше ничего не натворишь!

Я мысленно прикинула – вроде бы наши приключения подошли к своему логическому концу.

– Обещаю! – как можно честнее сказала я, поймав себя на подленькой мысли, что подобное я ему уже, кажется, обещала, причем неоднократно. И что стабильно после каждого невыполнимого моего обещания перед нами в очередной раз – тут же, словно по закону подлости, возникала какая-нибудь новая, спонтанная неприятность...

– И мы всегда будем вместе? – продолжал настаивать любимый. – Обещай!

– Всегда! – согласно кивнула я.

«Кошмар, – панически мелькнуло у меня в голове. – Неужели он теперь собирается поместить меня в бархатное мягкое кресло, привязать крепкими сыромятными ремнями и заставить вязать ему носки? Нет уж, нет уж, на фиг, на фиг! Так и быть, потерплю еще чуток, как раз до прилета на Землю-2, а там – баста! Первым же делом издам соответствующий указ и объявлю строжайший стопроцентнейший матриархат!»

Спустя два дня я сидела на краешке заботливо восстановленной могилы Захарии Финдла и задумчиво вертела в руках березовую веточку с набухшими почками. Повинуясь теплу, струившемуся из энергетических браслетов, почки лопнули, и наружу выглянули благоухающие свежестью, скомканные, как конфетные фантики, нежные зеленые листочки. Я положила случайный подарок в изголовье могилы.

– За неимением цветов! – Я пытливо вглядывалась в каменные черты надменно застывшей посмертной маски директора. Мне нестерпимо хотелось спросить – обрела ли душа Захарии желанный покой, возможно, не без нашей посильной помощи? Но я все не решалась.

– Не знаю, с чего начать... – Я прокашлялась настолько растерянно, будто снова очутилась на храмовой площади Никополиса, вернувшись в день высадки. – Вот опять в самый ответственный момент я не потрудилась заготовить речь. Придется импровизировать. Докладываю по пунктам. – Я провела черточку на дерне у своих ног. – С «Ковчегом» все в порядке. Он под завязку загружен техникой, топливом, оборудованием и продуктами. На борту имеются больницы, лаборатории и заводы. В общем, настоящий летающий мегаполис, а не корабль. Ребят я будить не стала – пусть спят до Земли-2. – Я провела вторую черту. – Свободных камер у нас более чем достаточно, поэтому мы укладываем в них всех, кого смогли собрать. Людей, ламий, а еще – млекопитающих, птиц и насекомых. Не дословно

следуя примеру библейского Ноя, беру каждой живой твари не по паре – а по три пары, обязательно репродуктивного возраста, из всех сохранившихся в природе видов. С расчетом, чтобы можно было попытаться наладить воспроизведение привычной для нас фауны в новом месте. Исключила только комаров, ибо жутко ненавижу этих мелких сволочей! Третье... – Я провела еще одну черту, но потом сердито чертыхнулась и стерла ее кончиком сапога. – Нет, это уже не для протокола. Скажи, ты доволен тем, как я постаралась воплотить в жизнь твои пророчества? Ну, хоть какой-нибудь мало-мальский знак подай...

Затаив дыхание, я с немой надеждой скосилась на каменную маску директора, но, похоже, усопший так и не собирался вступать в беседу со своей нерадивой ученицей. Я раздосадованно хмыкнула и быстро осмотрелась по сторонам. Еще не хватало, чтобы кто-нибудь застал меня в столь двусмысленной ситуации. Впрочем, я и сама четко не понимала, кому именно задаю столь важный вопрос – себе или Захарии Финдлу?

Вроде бы в воздухе запахло весной, но весной безрадостной и нехорошей. Черной она выдалась в этом году, последней... Чувство вины из-за загубленной и спасенной Земли не уходило из моего сердца, хоть я и понимала, что сделала все возможное и даже невозможное в сложившейся непростой ситуации. Наверное, даже древние боги не смогли бы совершить большего, если бы они вдруг оказались на моем месте. При мысли о богах я поморщилась: зачем директор хотел сделать из меня богиню? Еще не хватало, чтоб люди на меня молиться продолжали. Слово «раб» звучит противно. «Раб божий» – противнее вдвойне. Ведь мы оба когда-то читали фантастику и прекрасно знаем – богом стать трудно. А быть им на протяжении достаточно долгого времени – еще труднее! Вон у тех же Стругацких, пока герой оставался богом, ему возбранялось проявлять какие-либо эмоции, совершать поступки, влекущие за собой воздействие на естественный ход событий, да и просто вмешиваться в жизнь людей. Он утратил смысл и вкус к жизни, став сторонним наблюдателем: равнодушным, циничным. А когда его человеческая сущность внезапно вышла из-под контроля холодного разума, он тут же перестал ощущать себя богом. Он стал – Человеком!

– Вот так-то, уважаемый директор! – Я чуть иронично похлопала ладонью по холодному надгробному камню. – Не боги вершат историю! Ее создают люди, ибо каждый из нас сам является творцом своей судьбы. Богами не рождаются. Все мы рождаемся людьми. И пусть нам достанет силы воли для того, чтобы в полной мере осознать, что же это такое – родиться, жить и умереть Человеком!

Я поднялась с неудобной надгробной плиты и направилась к шлюзу. Уже заноса ногу на порог пещерного ангара, я словно ощутила на себе чей-то одобрителный пристальный взгляд и поспешно обернулась... Я в последний раз, на прощанье, оглядела могилу директора, и мне показалось – скорее всего, только показалось, – что каменные губы изваяния осветила слабая улыбка.

Улыбка победы и глубокого душевного спокойствия...

На «Ковчеге» царила предстартовая суматоха. Я отчетливо понимала, что процесс погружения в криокамеры такого огромного количества людей, абсолютно не знакомых с техникой, окажется сопряженным с определенными трудностями, но не ожидала, что сумятица достигнет масштабов стихийного бедствия. Вдоволь налюбовавшись на гиганта Феникса, с ласковым ворчанием укладывающего в анабиоз свою пухленькую малышку Франческу, я обратила внимание на то, что среди присутствующих не хватает командного руководства Кристины. Спокойный голос биологини вмиг помог бы разрешить массу проблем, но подруга нигде не появлялась. Нея и Дина шустро разводили по отсекам его преосвященство Кардинала вкуче с многочисленной свитой, торжественно распевавшей стихи моего сочинения. Я невольно заслушалась густым басом дюжих монахов, которым сладко вторил нежный дискант смазливых длинноволосых мальчишек-служек тинейджерского возраста. Благообразный Кардинал, уже облаченный в серую трикотажную майку и просторные трусы до колен – обязательный наряд для погружений в криосон, – направо и налево милостиво благословлял коленопреклоненную паству, ничуть не смущаясь своего непрезентабельного внешнего вида. Мальчишки в шортиках в обтяжку смотрелись

очень пикантно. Слезно облобызавшись со мной, его преосвященство церемонно удалился в личную камеру, потребовав с меня клятву – непременно начать обживание новой родины со строительства многоэтажного монастыря и собора имени меня. Я плюнула в сердцах, но конечно же вслух пообещала – лишь бы только отвязаться от настырного старика.

На цыпочках я прокралась по скромному коридорчику, ведущему в комнатку Криси, заподозрив, что, утомившись праведными трудами, девушка потихоньку прилегла отдохнуть. Моя версия подтвердилась: подруга действительно спала. Но не одна...

Одним глазком я заглянула в щелку неплотно прикрытой двери. На двуспальной кровати громоздился ворох смятых простыней, а в воздухе витал специфический мускусный запах. Темноволосая головка сладко посапывающей Кристины покоилась на пусть излишне худощавом, но, несомненно, крепком и надежном плече послушника Антонио. Широко распахнутые глаза юноши бездумно смотрели в потолок и слегка друг на друга. На припухших от поцелуев губах закоренелого грешника запечатлелась бессмысленно-блаженная улыбка. Я сдавленно хихикнула в кулак и поспешно убралась восвояси, опасаясь побеспокоить влюбленных. Моя очаровательная подружка и набожный кардинальский воспитанник по-своему постигли и небесный промысел божий, и самую суть земной человеческой любви. А мне оставалось искренне порадоваться обретенному ими счастью...

– Начинать программу запуска двигателей? – Фен посмотрел на меня вопросительно. Я утвердительно кивнула.

Потребовалось некоторое время для того, чтобы выполнить достаточно сложную процедуру совмещения функционирования всех систем корабля и проложить нужный курс.

– Готово! – Штурман уступил мне почетное право ввести последнюю директорию.

«Начать предстартовый отчет», – набрала я на клавиатуре главного компьютера.

– Отсутствует согласование с управляющим центром базы, – коротко доложил «Ной».

Мы с Феном удивленно переглянулись:

– Это что еще за новость?

– Вас удерживает неразорванная энергетическая связь между двумя арками Врат. Необходимо продублировать команду запуска на оборудовании наземной базы! – холодно отчеканил компьютер.

– Но для этого там должен остаться оператор, который, скорее всего, не сможет улететь с нами! – потрясенно воскликнула я.

– Да! – беспощадно согласился мозг корабля.

Я бессильно опустила в кресло и закрыла лицо ладонями.

– Рыж, – тронул меня за плечо Фен, – давай я останусь на Земле...

– Нет! – Я смахнула злые слезы и взбешенно заорала на друга: – А что я потом скажу Франческе, когда она проснется и не найдет тебя рядом?

Феникс растерянно моргнул и тяжело сглотнул. Комок прокатился по его загорелому горлу. Я видела, как нелегко даются храброму штурману слова, обрекающие его на смерть:

– У каждого из нас есть на корабле кто-то дорогой и близкий! А мы не можем послать на Базу необученного человека! Поэтому...

– Вот именно поэтому туда вернусь я! – заявила я с непререкаемыми капитанскими интонациями. – Может, я потом что-нибудь придумаю и смогу догнать вас на «Нике».

– Капитан, не дури! – подал голос отлично разбирающийся в технике Дракон. – Кого ты хочешь обмануть? Мы ведь не хуже тебя знаем, что «Ника» полностью выработала свой ходовой ресурс и ни за что не сможет догнать «Ковчег». Да она попросту рассыплется на части, как только выйдет в открытый космос... А имеющиеся у нас в ангаре боты совершенно не годны для подобных полетов.

– Сама прилечу, своим ходом! – упрямо заявила я.

– Ага, на метле! – скептически покачал головой Змей. – Капитан, ты блефуешь, но тебе нас не провести. Ты нужна на корабле. Ты нужна всем нам на Земле-2, без тебя нам не выжить...

– Это мое законное право – рискнуть собой! – упорно настаивала я.

Александр зарычал, как дикий зверь, выхватил из-за пояса кинжал и приставил к моему горлу:

– А обо мне ты подумала? Почему ты, всегда ты? Да лучше я убью тебя собственными руками!

– Милый, пожалуйста... – тихо попросила я, не делая попыток вырваться.

Виконт громко и мучительно застонал, а потом отпустил меня, но приставил кинжал к горлу посеревшей от испуга Дины:

– Уйдешь – и я убью ее! Клянусь чем угодно!

– Совсем у мужика от горя крыша поехала! – непритворно опечалился Фен. – Придется его в лазарет отправить, как и Айма.

Я почувствовала, как внутри меня зарождается пламя гнева, грозя немедленно вырваться наружу и испепелить весь корабль. Чтобы хоть как-то попытаться удержать его внутри, я до крови впила ногтями в ладони своих судорожно сжатых рук.

– Слушайте меня все! – Я намеренно чеканила слова, падающие тяжело, будто пудовые гири. – Я – ваш капитан, а поэтому...

Дверь рубки с грохотом распахнулась, и в помещение ввалился Риф де Монро. Под глазом бретера наливался огромный лиловый синяк, рубашка оказалась разорванной до пупа, из разбитого носа капала кровь.

– А-а-а-а, – нечленораздельно взвыл мой телохранитель, хватаясь за пустые ножны от рапиры, – я же предупреждал, что ему нельзя доверять!

– Кому ему? – совсем запуталась я.

– Верховному Навигатору! – с ненавистью выпалил Риф, обводя комнату безумным взглядом. – Я даже не предполагал, что он так отлично дерется. Вроде на вид больной и хилый, а скрутил меня, вырубил и сбежал!

– Да куда он мог сбежать с корабля? – отказывалась я поверить.

– Ника, в ангаре не хватает одного бота. – Фен не отходил от главной консоли управления. – Судя по данным автопилота, Верховный Навигатор вернулся на Землю!

– Идиотизм! – истерично расхохоталась я, чувствуя: еще немного – и я не сдержусь, а натворю та-а-аких дел... – Еще только этого мне не хватало – в решающий момент гоняться за пожилым дураком...

Но меня неожиданно прервал знакомый голос, прозвучавший из динамика:

– Ника, девочка моя! – тихо и нежно позвал Верховный Навигатор. Точно так же, как он всегда звал меня еще тогда, в Школе...

Потрясенная до глубины души, я бросилась к монитору.

На экране внешней связи появилось худое, скрытое под бинтами лицо бывшего главы Ордена.

– Девочка моя! – опять позвал он, но успокоился и заулыбался, глазами встретившись с моим растерянным взглядом. – Если бы ты знала, как я тебя люблю!

– Я знаю, – с надрывом ответила я. – Я все знаю и помню, Учитель!

Ребята ошеломленно вскрикнули.

Учитель размотал повязку, до этого мгновения маскировавшую его лицо, и сбросил на пол длинные полосы марлевой ткани. Под ней обнаружили до боли знакомые черты: высокий лоб и точеный нос с властно вырезанными ноздрями, покрытые розовыми пятнами почти заживших ожогов.

– Милые мои! – Учитель обвел нас обожающим взглядом. – Умные мои, отважные, повзрослевшие дети! Вы должны завершить возложенную на вас миссию и спасти человечество!

– А вы? – печально спросила я.

– О! – Учитель лукаво улыбнулся. – Когда я понял, что вы с виконтом полюбили друг друга, я отдал ему свой чип, который когда-то смог украсть в лаборатории, где создали вашу партию. Я подделал бумаги и заказал их на один больше, чем требовалось. А потом началась

эта ужасная война, и все сплелось в один гигантский узел боли и горя! – Он покаянно вздохнул. – Бесы честолюбия обуяли меня. Я захотел не только выжить любой ценой, но и заполучить все – власть, почитание, ресурсы. Я даже хотел использовать для своих целей тебя, моя милая девочка. Но теперь я понимаю, Захария оказался мудрее меня, – тут Учитель шаловливо подмигнул, словно намекал на мое прощание с могилой директора, – и постиг самую великую истину. Вместе с ним мы сделали из тебя, Ника, святую – почти бога. Но при этом он изначально стремился развить в тебе не только физическую силу, свойственную высшему созданию, но и чисто человеческие качества: широту души, умение сопереживать чужой боли, уважать устремления других людей, любить, мучиться и радоваться. Лишь человек, а отнюдь не бог, – Учитель внушительно поднял указательный палец, словно вел лекцию в одной из аудиторий Школы, – есть финальная ступень эволюции, одновременно сильнейшее и слабейшее звено в развитии разума. И спасибо слабостям Ники, заставившим ее остаться человеком, что означало не противопоставить свои личные интересы потребностям всего человечества, а, наоборот, поставить общие цели намного выше своего эгоизма! И поэтому я заявляю: да здравствует человек, переборовший бога! Богами не рождаются, потому что в первую очередь все мы рождаемся людьми!

И тогда все мы, стоявшие в этот решающий миг перед лицом нашего первого и последнего наставника, не удержались – и соединили свои руки в крепком пожатии дружбы и взаимопонимания.

По впалой щеке Учителя скатилась крупная, прозрачная, как хрусталь, слеза:

– Спасибо вам, дети мои! – проникновенно сказал он.

– Но что вы хотите сделать теперь? – напомнила я, с трудом приходя в себя после возвышенной, героической сцены, только что разыгравшейся в командной рубке.

– Не переживай за меня, моя девочка, – попросил наставник. – Я прожил долгую жизнь и безмерно устал от пролетевших надо мной столетий. Годы тяготят меня. Мой организм, не поддерживаемый более энергией биочипа, быстро изнашивается и стареет – я умираю. И этот неизбежный процесс прекрасен в своей естественности. Прими же его как должное. Но я весьма рад, что мне представилась уникальная возможность искупить причиненное мною зло и уйти героически, как подобает великому Учителю. Отважно – со славой и достоинством, спасая от гибели тех, за кем стоит будущее! – Он обвел просветлевающим взором нашу притихшую аудиторию. – Я уйду вместе со своим отжившим миром, как его последний пророк, как его символ и бог. Трудно быть богом! – иронично хмыкнул он. – Но, – довольная улыбка на миг промелькнула на его тонких губах, – так чертовски приятно!

И мы церемонно склонили головы, отдавая дань высшей почести, предназначенной последнему творцу уходящего от нас мира.

– А теперь позвольте мне поговорить с Никой и Алехандро наедине, – попросил Учитель.

Все лишние покинули рубку. Наставник прикоснулся кончиками пальцев к губам и послал мне воздушный поцелуй:

– Лети, моя крылатая девочка! Ты – моя любовь и надежда, мое лучшее творение!

Я опустилась на одно колено и приложила руку к сердцу:

– Учитель, я никогда не знала своих настоящих родителей, но обещаю – отныне, мысленно и вслух, я всегда стану называть вас отцом! Клянусь, благодарное человечество никогда не забудет вашего дара жизни и впишет ваше имя в скрижали новой цивилизации!

Бывший Верховный Навигатор ласково провел в воздухе сложенной чашечкой ладонью, и я физически ощутила, как его теплые пальцы бережно гладят мою вихрастую рыжую голову.

– Плевать мне на скрижали, – неразборчиво буркнул мужчина. – Лишь бы ты, дочка, жила и была счастлива...

Но эти слова услышал лишь Алехандро и взволнованно вцепился в спинку кресла, стараясь удержаться на ногах и не упасть от огромного эмоционального потрясения. Теперь его смутные подозрения подтвердились, и он отчетливо осознал – КОГО же конкретно

напоминало ему лицо Учителя... Жаль только, что другие так и не заметили сего очевидного факта...

– Иди, родная! – напутствовал меня Учитель. – Все уже сказано, так не рви же попусту душу ни мне, ни себе! Иди, иди – успокой тех, кто толчется там, за дверями!

Повинуясь его безмолвному приказу и догадываясь, что Учитель хочет поговорить о чем-то важном с одним Алехандро, я в последний раз поклонилась названному отцу и вышла, плотно закрыв за собой дверь.

Учитель пальцем поманил к себе наследника.

– Ты уже понял? – доходчиво намекнул он.

Юноша понятливо кивнул:

– Да! Вы – ее настоящий биологический отец. Впрочем, не вздумайте отнекиваться, ибо сходство – налицо!

Навигатор сердито усмехнулся:

– Не вздумай рассказать ей об этом, мальчик, а то еще наша непредсказуемая святая учудит очередное геройство и кинется меня спасать. Проболтаешься – я тебя и с того света достану!

Виконт изобразил безмолвную пантомиму: будьте покойны во всех смыслах – я нем как могила.

Учитель удовлетворенно вздохнул:

– Уж поверь мне, так будет лучше для всех! Помнится, однажды я процитировал Нике одну хорошую фразу: нет в мире зла, которое бы в итоге не породило...

– Добро! – закончил за него Алехандро. – Мне это Ника сказала в ту самую ночь, когда я вернулся с вашей лодки с чипом, вшитым в плечо.

– Умная девочка! – горделиво выпятил грудь Учитель. – Вся в меня!

Алехандро согласно улыбнулся.

– Береги ее, – проникновенно попросил мужчина. – Люби ее, подари ей детей! Благословляю вас!

– Спасибо, отец! – растроганно шепнул виконт.

– Ладно, – скомканно закончил разговор Учитель, – что-то я с вами совсем раскис. Начинаем процедуру запуска всех двигателей «Ковчега»!

Уже удалившись на значительное расстояние от Земли – туда, где шар нашей планеты, ныне из зелено-голубого превратившийся в мертвенно-белесый, стал казаться всего лишь крохотной точкой на экране, – мы с Алехандро вдруг увидели огромное пятно взрыва, внезапно расплывшееся на месте покинутой нами родины...

– Вот и конец всему! – Опечаленный любимый привлек меня к себе и крепко обнял.

– А может, только начало? – с надеждой шепнула я, уткнувшись в его белую рубашку и, как и тогда, на причале, вытирая об нее слезы, обильно струившиеся из глаз.

Милый успокоил меня нежным, долгим поцелуем, ставшим непривычно жарким и требовательным. Мы могли не опасаться чьих-либо любопытных глаз – ведь весь прочий экипаж крепко спал в своих криокамерах, а «Ковчег» перешел в режим автопилотирования.

– Мне нужно загерметизироваться в своем отсеке, – нехотя выдавила я, все еще хлюпая носом. – Спать мне не положено – значит, буду дремать и следить за приборами. А для тебя я приготовила удобную камеру по соседству.

– Брр, – притворно содрогнулся милый, – ты словно в тюрьму меня упрятать собираешься. Твой отсек большой – скорее, целая комната... Там вполне хватит места для двоих!

– Но это так мучительно – бодрствовать, когда все вокруг спят, – продолжала я убеждать. – Если ты погрузишься в сон, то для тебя весь перелет станет ничуть не длиннее обычной земной ночи! Подумай.

– Да не хочу я спать! – строптиво упирался Алехандро. – Вернее – хочу, но... только в одной камере с тобой!

– И что мы там станем делать вместе несколько сотен лет? – наивно поинтересовалась я.

– О! – многозначительно усмехнулся виконт. – Я покажу! Гарантирую, тебе это понравится...

Эпилог

– Ника! – кто-то настойчиво тряс меня за плечо. – Ника, проснись!

Я торопливо выпрямилась, обнаружив, что задремала, сидя на скамейке в саду Школы и удобно привалившись плечом к стволу старой липы.

«Надо же было так умотаться на виртуальном симуляторе! – мысленно поразила я. – Вот и неудивительно, что не сдержалась – закемарила после ужина. Но сон-то, а, сон какой потрясающий приснился – увлекательнее любой компьютерной игры!»

– Ника, девочка моя! – передо мной стоял Учитель, облаченный в строгий парадный китель. – Немедленно пойдй умойся и приведи себя в подобающий вид. Тебя хочет видеть сам Президент земной федерации!

– Зачем? – немного испугалась я.

– Вопрос о полете на Альфу Центавра решен положительно. Вам предстоит обследовать планету, теоретически признанную пригодной для колонизации. Ты утверждена в должности капитана экспедиции!

– Которая продлится почти тысячу лет! – шокированно выпалила я.

– Какие глупости ты несешь, девочка! – нахмурился Учитель. – Она займет всего-то года четыре, тем более что вас погрузят в криокамеры, и еще – на вас собираются испытать новые экспериментальные биочипы, значительно продлевающие жизнь человека.

– Но война... – неосторожно начала я.

Возмущенный наставник накрыл ладонью мой излишне болтливый рот:

– Замолчи сейчас же! Это секретная информация! Абсолютно не представляю, как ты вообще смогла узнать нечто подобное. И потом, никому пока точно не известно – начнется ли она вообще, эта война...

– Война? – поинтересовался молодой, богатый интонациями голос, и из тени деревьев вышел какой-то человек, не замеченный мною ранее.

Я потрясенно смотрела на стройного, смуглого, очень высокого юношу, в пику всем военным уставам носившего черные локоны до плеч, красиво разметавшиеся по воротнику обшитого галуном щегольского мундира.

– Разрешите, я представлю вас друг другу, – официально провозгласил Учитель. – Капитан Ника!

Я слегка поклонилась.

– Капитан Алехандро де ла Вега из космической разведки, сын Верховного командующего объединенным флотом Земли. Он получил приказ сопровождать вас в экспедиции и обеспечивать твою личную безопасность.

«Алехандро? – От простого, но уже ставшего привычным для меня имени молодого разведчика я чуть в обморок не упала. – Да ведь это же был всего лишь сон! Или я еще не проснулась?»

Де ла Вега галантно поцеловал мне пальцы. Его пушистые локоны скользнули по моему запястью, а мужские губы приникли к моей руке на время чуть большее того, которое предписывали правила куртуазного поведения. Меня трясло. Он оказался похож, как две капли воды, на принца из моего удивительного сна...

– Что с вами, капитан? – спросил Алехандро, заботливо усаживая меня обратно на скамейку. – Вас лихорадит?

Шоколадно-карие глаза, такие родные и желанные, испещренные золотистыми, прыгающими, будто бесенята, искорками, придвинулись совсем близко.

– Ника... – задумчиво протянул он, словно пробуя мое имя на вкус. – Странно, но мне кажется, что мы с вами знакомы уже тысячу лет. Мы не могли встретиться где-то в другом месте, немного раньше?

– Вполне могли! – лукаво ответила я. – Или намного позже...

Он понимающе усмехнулся, принимая предложенную ему игру, и поцеловал меня еще, на сей раз – в уголок рта. Мне и в голову не пришло воспротивиться подобной вольности.

Учитель куда-то исчез.

Алехандро сел рядом со мной и восторженно поднял лицо к небу.

– Представь себе, – доверительно шептал он, прижавшись ко мне вплотную и обдавая мою шею обволакивающим теплом своего свежего дыхания. – Мы откроем новый мир! Полетим на другую планету вместе – я и ты, моя зеленоглазая фея... – Сильная рука властно обняла меня за талию. – Какие возможности перед нами открываются. Мы узнаем тайны Вселенной, мы можем стать почти богами!

– Ох уж мне эти мальчишки! – Я ласково погладила по щеке своего сказочного, но быстро становившегося реальным принца. – Все, без исключения – сумасбродные фантазеры. Вам чуть что – так сразу же богов подавай! Но ведь богами не рождаются. До бога, поди, еще дорасти надобно! А нам ли замахиваться на подобное величие? Да и зачем? Нам бы для начала понять главное: что значит – быть людьми, как ими остаться, да и просто – научиться жить...

Жизнь – словно книга с ветхими листами:
Гравюры вырваны, потрепан переплет,
Захватаана, зачитана местами,
В отдельных главах – пошлости налет.

В ней каждый миг рождает время строчки,
Что отражают вздох, и шаг, и взгляд,
Порок и зависть жирно ставят точки,
Как знаки СТОП – здесь нет пути назад.

И хочется, макнув перо в чернила,
Мне вымарать главу, а может, две...
Взглянуть и хмыкнуть:

– Это стало мило!

Но будет ли та книга обо мне?

Слились в ней богословские доктрины,
Бессмертие души и муки бранных тел.
Писал Творец? Да нет, ему едины —
И жизнь святых, и грешников удел.

В ней Библия, Коран и Камасутра,
Законов свод и заповедей сбор,
Тут ночи, дни, тут вечера и утра...
Хвала, насмешка, отповедь, укор...

Я в ней нага, как будто в миг рожденья,
Сильна собой и так слаба собой...
В ней мысли ощущаются движенья,
И совести немолкнущий прибой.

Я фолиант снимаю часто с полки,

Листаю пальцем чистые листы.
Впиваются в них Хроноса иголки...
День новый, что напишешь ты?